

Ольга Вольска Татьяна Устименко
Сокровище двух миров

На страже двух миров – 3



Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6058402
«Сокровище двух миров: Фантастический роман»: Альфа-книга; Москва; 2013
ISBN 978-5-9922-1553-3

Аннотация

Засвидетельствовать похороны? Всегда пожалуйста! Сунуть нос в тайны ордена

иезуитов? С превеликим удовольствием! Охмурить великого инквизитора? Нет проблем! Найти сокровище двух миров? Обязательно!

Невыполнимых миссий нет. Есть специальный отдел кардинала Златы Пишертневской. И если сами приказали выполнять задание – тогда не жалуйтесь!

Татьяна Устименко, Ольга Вольска

Сокровище двух миров

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Невозможно выбрать меньшее из двух зол, ибо зло, каким бы крохотным оно ни было, никогда не станет добром.

NN

Когда разум не находит слов, пусть говорит сердце.

Надпись на старинной квиддере

Пролог

Достопочтенный Ирраеэль Крайэн-э'Тимеро неотрывно смотрел в узкое окно, из которого открывался вид на штурмуемые крепостные стены. Печальное зрелище. То тут, то там вспыхивали языки кровавого пламени. Но и они были бессильны оплавить заговоренный камень. Защитники цитадели Крайэн стояли насмерть. Ирраеэль в отчаянии стиснул кулаки. Еще немного – и защита не выдержит, люди ворвутся в крепость. Глава клана Крайэн-э'Тимеро перевел взгляд на стол. На темном дереве, распластав светлые углы, лежало величайшее сокровище клана – Карта великих сражений. Да только, увы, сейчас оный артефакт, уже неоднократно предсказавший исходы величайших битв, ничем не мог помочь своим создателям... Сколько бы ни пытался Ирраеэль переключить ход нынешнего сражения, карта упорно твердила – цитадель Крайэн должна пасть.

А перед глазами архонта уже плыли жуткие картины: вот рушится стена и люди лавиной вливаются во двор – жгут, крушат, сеют смерть... На секунду Ирраеэлю представилось, что величайшее сокровище клана очутилось в человеческих руках, и старейшина семьи Крайэн, немало повидавший на своем веку, вздрогнул от ужаса. Сегодня превратится в пепелище его дом, а завтра, если у людей окажется Карта, – сотни других домов, точно так же кому-то дорогих и памятных. Архонт схватил подсвечник с горящей свечой, решительно шагнул к столу, но вдруг заколебался. Уничтожить величайшее творение семьи Крайэн, сжечь память об искуснейших мастерах, посвятивших созданию карты не год и не два?... Старый архонт поставил подсвечник обратно. Мелькнул в руке нож, и полотно, отражавшее битву на стенах цитадели, являющейся родовым гнездом клана, мгновенно оказалось разделено на четыре части. Теперь дело за малым...

Ирраеэль испытующе смотрел на обступивших его архонтов, будто стремился проникнуть в их души. Далларэль – старший сын, кому, как не ему, поручить часть сокровища? Бастиэль и Надираэль, потомки создателей артефакта, сохраняют свои части не хуже наследника. Глава семьи Крайэн перевел взгляд на двоих оставшихся – Къяра и Нагриэль... Архонт предпочел бы не впутывать в это опасное дело дочь, но отправить

Нагризля одного невозможно. Всем давно известно, что эти двое – единое целое.

– Дорогие мои, каждому из вас я доверяю частицу величайшего сокровища, – враз осипшим голосом проговорил Ирраеэль. – Схороните их так, чтобы они никогда не попали в жадные человеческие руки. Спешите, портал цитадели уже и так нестабилен, еще немного – и в него не пройти! – Глава Крайэнов повелительно махнул рукой.

Теперь о карте можно не беспокоиться. Словно сбросив с плеч тяжкий груз, Ирраеэль как-то сразу ссутулился и осунулся. Да, стены вот-вот должны пасть под натиском человеческих войск, но долг старейшины клана – спасти тех, кто еще жив. Глупо защищать то, чего уже нет. Ирраеэль приказал трубить отход. С горечью смотрел он на своих усталых, израненных кланников. Дорого далась им эта защита – от клана осталось меньше половины.

– По праву старейшины клана, – голос архонта был хрипл, – приказываю покинуть стены цитадели и отступить под защиту старшей семьи – клана Мираэн-э’Тимеро.

– Да, лэрд!

Досточтимый Ирраеэль Крайэн-э’Тимеро наблюдал, как его семья постепенно скрывается под сводами тайного хода, ведущего далеко за пределы цитадели. Последним спускался совсем молодой архонт – один из его младших внуков, Риддаэль, уже сейчас заявивший о себе как о перспективном и талантливом мастере знаний. Цитадель содрогнулась. Риддаэль обернулся на ступеньках и кинулся назад:

– Мой лэрд, скорее!

Но Ирраеэль жестом остановил его.

– Негоже, чтобы хозяин дома не встречал гостей, – с горечью произнес он. – Я, Ирраеэль Крайэн-э’Тимеро, – хозяин этого дома и встречу их, как подобает старейшине клана. А ты ступай с миром, чадо мое.

– Но лэрд...

– Иди! – Старый архонт повелительно взмахнул крылом, толкая несговорчивого юношу в темный коридор.

Тот снова рванулся назад, но проход, повинаясь желанию Ирраеэля, стремительно зарастал камнем. Глава семьи Крайэн еще слышал, как Риддаэль бессильно колотит по стене с той стороны кулаком и отчаянно ругается. Но он уже все решил для себя...

Кирриэль Мираэн-э’Тимеро спешил изо всех сил. Его отряд вот-вот достигнет цитадели Крайэн. Вопреки строгому приказу старейшины клана Мираэн «не вмешиваться!» Кирриэль поднял свой отряд в атаку и кинулся на помощь к погибавшим в осаде бойцам рода Крайэн-э’Тимеро. Честолюбивый советник главы клана Мираэн не мог допустить, чтобы величайшее сокровище семьи Крайэн угодило в руки к людям. Карта великих сражений должна принадлежать его семье! Он не сомневался, что если спасет членов младшего клана Тимеро, те в благодарность сами отдадут ему карту. Но все чаяния достойного Кирриэля рассыпались прахом, стоило лишь ему увидеть выбиравшихся из тайного хода потрепанных кланников семьи Крайэн. Те, завидев отряд, кинулись к нему.

– Лэрд Кирриэль!..

– Да что же это...

– Может, не поздно еще...

Последним из хода, со значительным опозданием, выбрался молодой архонт. Земля содрогнулась, и в небо взметнулся столб огня, кровавым языком прорезавший сумеречное небо. Кирриэль в ярости скрежетнул зубами и сжал кулаки.

– Поздно... – Риддаэль Крайэн-э’Тимеро кулем осел на землю, обхватив голову руками. – Цитадель Крайэн пала...

Часть первая

Кусочки головоломки

Глава 1

Будильник, неудачно пристроенный на книжной стопке и давно считавшийся нерабочим, неожиданно разразился тревожным хриплым звоном. Соскользнул, звучно грохнулся об пол и продолжил истерически надрываться уже под диваном. Секунду спустя к нему присоединился мобильный телефон. Трагично взыв, он вывалился из-под подушки и тоже очутился на полу, затерявшись между креслом и разбросанными вокруг него книгами. Крылатый лорд, капитан Священной Стражи, аналитик специального отдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблаготворительной матери-церкви, а со вчерашнего дня еще и директор главного городского архива, Риддаэль Крайэн-э'Тимеро механически сел на постели, все никак не в силах избавиться от липких тенет кошмарного сна.

«Цитадель Крайэн пала...» – эти слова звучали у него в висках, будто стук молотка по крышке гроба. Сколько лет минуло с того страшного дня, а воспоминания о событиях, свидетелем и участником коих ему пришлось стать, оставались все такими же яркими. В жизни каждого из нас есть секунды, которые хочется сложить в шкатулку с драгоценными камнями и надевать вместо украшений. А бывает и наоборот – от некоторых секунд ты готов избавиться любой ценой. Но, увы, не получается... И вот во сне ужасное прошлое вновь настигло его. Рид с нажимом помассировал виски. Кажется, спокойная жизнь грозит закончиться, так толком и не начавшись. При всей своей приверженности к церкви и непоколебимой вере святой отец обладал изрядной долей суеверности. Он остерегался черных котов и верил в негативное воздействие пустых ведер. А еще он верил в сны... Особенно в такие, ибо за множество прожитых лет Рид четко усвоил: если тебя настигли отголоски прошлого, значит, жди беды.

На полу, нервно подпрыгивая, дребезжал будильник. Подкатившись к ножке дивана, он заставил старенькую мебель заходить ходуном. Телефон церковным набатом надрывался где-то между книгами. Архонт с тяжким вздохом сполз на пол и на четвереньках кинулся разыскивать истерично орущий мобильник. Обнаружив его между Роджером Желязны и собранием сочинений Фейхтвангера, он наконец-то принял вызов и вполтину сократил шумовые эффекты в своей квартире. Затем взялся доставать окончательно закатившийся под диван будильник.

– Рид! – Из трубки доносился слегка недовольный голос госпожи кардинала, которая не слышала ничего внятного, лишь какую-то дурную возню и странное металлическое дребезжание.

Но вот архонт все-таки нашарил нервные часы и победно выудил их наружу. За будильником тянулись длинные махры скопившейся под диваном пыли.

– Рид! Что ты там вытворяешь?! – Злате приходилось фактически кричать, чтобы перекрыть противный, надрывный звук.

Тут святому отцу удалось-таки прижать молоточек, и будильник обиженно заткнулся.

– Ф-фу... – Архонт обессиленно привалился к дивану.

– Рид! – Недовольный вопль, значительно искаженный паршивым динамиком, беспощадно резанул по уху.

– Незачем так кричать, я и без этого тебя прекрасно слышу! – поспешил успокоить Злату священник, болезненно морщась.

– Что за мракобесие творится у тебя в квартире?!

– А... Будильник воскрес из мертвых, – отмахнулся архонт. – Уже лет семь не звонил, а сегодня вдруг отчего-то сработал.

– Ну, значит, будешь должен мне слуховой аппарат, – саркастически подытожила госпожа кардинал. – Я едва не оглохла! И вообще, у тебя пятнадцать... Нет, осталось уже десять минут, чтобы умыться, побриться и добежать до отдела, – закончила она приказным тоном.

– Э? Какого отдела?

- Специального, – любезно подсказали из трубки. – При Дипломатическом корпусе...
- Но у меня сегодня первый рабочий день в архиве... – жалобно возмутился Рид.
- Отменишь!
- Но...

– Бегом! – Трубка рывкнула так, что Рид автоматически подхватился на ноги и зашарил взглядом по комнате, разыскивая одежду. Возражать было уже некому – из динамика доносились длинные заунывные гудки.

Архонт растерянно воззрился на зажатый в руке будильник. Стрелки, как и много лет подряд, неизменно показывали четыре часа. Рид сверился с таймером на телефоне – четыре часа и десять минут раннего, суматошного утра. Священник вновь перевел взгляд на будильник. Секундная стрелка оставалась недвижима – часы стояли. Рид обеспокоенно пожал плечами, аккуратно поставил будильник на место и принялся поспешно одеваться.

Много ли найдется в жизни вещей, способных заставить нас удивляться, недоумевать и одновременно с этим испытывать раздражение? Одна-две точно есть, а если основательно покопаться в себе, то их может набраться и до десятка. Госпожа кардинал усиленно размышляла, когда же она сталкивалась с такими вещами в последний раз, с удивлением наблюдая, как какие-то незнакомые люди с хозяйским видом расставляют в ее кабинете коробки и ящики с эмблемой ордена иезуитов, или Общества Иисуса, как он официально назывался. Сами же служители сего почтенного ордена сновали по коридорам церкви Святого Матиаша весьма шустро, словно испугнутые тараканы, не обращая ровным счетом никакого внимания на кучку людей, столпившихся возле окна. Сотрудникам специального отдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблаготворительной матери-церкви оставалось только растерянно вертеть головами, созерцая творящееся вокруг безобразие.

В конце концов Злата не выдержала. Полученное ночью уведомление, исходящее от кардинала Дэпле, недвусмысленно предписывало всем ее подчиненным как можно скорее собраться на рабочем месте и приступить к активным действиям. Однако каково же было удивление сотрудников спецотдела, когда выяснилось, что рабочего места у них уже нет... Зато в их прежних кабинетах беззастенчиво орудует представительство ордена иезуитов, въезжающее на новую жилплощадь. Их бывшую жилплощадь! Очень быстро удивление дипломатов переросло в недоумение, которое в свою очередь так же скоропостижно перетекло в недюжинное раздражение. Посему госпожа кардинал решила, что хорошего помаленьку, и перешла к активным действиям...

Первый же перехваченный в коридоре иезуит оказался заместителем главы представительства. Сам же глава, его благочестие брат Юлиан, сейчас находился в отъезде.

– Святой отец, потрудитесь объяснить, что за бардак творится на моей территории? – сердито осведомилась госпожа Пшертневская, она же княгиня ди Таэ.

Хьюго, Анна и Эрик пытливо воззрились на иезуита из-за спины начальницы.

– По воле Бога и святого синода наш благочестивый орден получил сии непорочные апартаменты во владение, – чопорно откликнулся сутуловатый, благообразный старец, молитвенно сложив руки на груди.

Злата переглянулась с остальными.

– Но позвольте, а нам теперь куда прикажете деваться? – Госпожа кардинал воинственно уперла руки в бока и подалась вперед.

Князь Эрик ди Таэ исподволь глядел на жену, приходя к справедливому выводу, что в гневе она еще красивее. Интересно, выдержит ли этот чахлый иезуит ее гневную вспышку? По мнению князя, у святоши нет ни единого шанса.

Старец торжественно возвел очи горе и развел руками.

– На все воля божья, дочь моя, – отвечивал он, улыбаясь фальшивой благообразной улыбкой.

– Воля божья? – Злата недобро прищурилась. – Хорошо, будет вам сейчас воля божья! – Она чуть отошла в сторону и яростно защелкала кнопками мобильного.

– Куда она звонит? – забеспокоился пожилой иезуит.

Трое сотрудников специального отдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблаготворительной церкви многозначительно переглянулись.

– Туда, – хитро ухмыляясь, дал исчерпывающий ответ князь ди Таэ, тыкая пальцем в потолок.

– Туда-а? – Монах побледнел.

– Ага! – Трое дипломатов усердно закивали, всем видом показывая, что у них и в небесной канцелярии связи найдутся.

Злата уверенным шагом приблизилась к ним и с победным видом поднесла телефон к уху старика. Тот слушал, и лицо его становилось все бледнее, выражение глаз – все жалобнее, а робкие поддакивания – все тише. Сеанс связи закончился, и госпожа кардинал спрянула телефон в складках платья.

– Орден иезуитов в моем лице приносит вам свои глубочайшие извинения, госпожа Пшерштневская, – виновато поклонился оппонент. – Ваш кабинет будет немедленно освобожден и вновь перейдет в ваше личное пользование.

Злата благосклонно кивнула, показывая, что и извинения, и кабинет приняты. Затем вновь извлекла телефон и набрала номер отца Рида. Сейчас ей требовалось сконцентрировать все имеющиеся в наличии силы...

Развеивая полы сутаны и придерживая норовящие слететь очки, отец Рид опрометью промчался по коридору и ввалился в кабинет госпожи кардинала. Налетел на выходящего оттуда служку с объемистой картонной коробкой и вместе с ним чуть не растянулся на полу. Содержимое коробки, изрядно деформированной от полученного удара, частично рассыпалось по полу. В другой раз щепетильный архонт наверняка бы с извинениями кинулся исправлять содеянное, но сейчас он был слишком взвинчен.

– Он сказал «поехали!», он взмахнул рукой, словно вдоль по Питерской, Питерской, пронесся над землей... – раздалось у него над головой. Голос был спокоен и чуть насмешлив.

– Простите? – Рид беспомощно шарил руками вокруг и подслеповато щурился на размытую кляксу перед собой.

Клякса вздохнула и, потянувшись к архонту, небрежно водрузила тому на переносицу утерянные очки. Священник растерянно заморгал. Перед ним на корточках сидел Профессор.

– Хотелось бы знать, к чему такая спешка? – В руке Вилдара Криэ дымилась неизменная трубка, а рядом стоял потрепанный дорожный саквояж.

Пострадавший служка тем временем поспешно сгребал бумаги обратно в коробку. Вилдар рывком поставил неуклюжего коллегу на ноги и прошествовал из приемной непосредственно в кабинет Пшерштневской. Рид повздыхал и направился за ним.

Сотрудники отдела, сгрудившиеся у стола, дружно вскинулись на звук открываемой двери. Профессор окинул кабинет пристальным взглядом, задержался на непривычно пустовавшем подоконнике и озадаченно кашлянул. Все остальные, в свою очередь, удивленно воззрились на него.

– Профессор, вы ведь сейчас, кажется, должны подъезжать к Вене? – Злата была сильно озадачена появлением Криэ, но вместе с тем изрядно обрадовалась данному событию.

– Должен, – утвердительно кивнул он, – но не подъезжаю. Кардинал Дэпле отказался подписать мое прошение об отставке, ссылаясь на некие непредвиденные обстоятельства. Не объясните ли, господа, что тут происходит и почему меня в срочном порядке сняли с поезда? А еще хотелось бы узнать, что здесь делают иезуиты? – Профессор, как и все остальные, пребывав глубоко не в духе, отчего его природное любопытство еще более обострилось.

– Присаживайтесь, – устало махнула рукой Злата.

Рид и Криэ заняли свободные кресла. Госпожа кардинал передала им уже изученные бумаги.

– По-моему, над нами издеваются, – ехидно заметил Криэ, наскоро пробежав взглядом документацию. Заметив укоризненные ухмылочки остальных, Вилдар понял, что эта мысль

уже утратила новизну и он просто подтвердил очевидное.

Госпожа кардинал озабоченно потеряла переносицу, собираясь с мыслями.

– Итак, уважаемые господа дипломаты, что мы имеем, – решила попытожить она. – Его светлости господину кардиналу Дэпле срочно понадобились возможные козлы отпущения, и он не придумал ничего лучше, как вновь собрать нашу выдающуюся компанию под сводами собора Святого Матиаша. Правда, пока лишь временно и с множественными ограничениями. В том числе и пространственными... – Злата многозначительно кивнула в сторону еще не убранных коробок с эмблемой иезуитов. – Мне удалось в качестве аванса получить назад свой кабинет, кабинет Рида и малый архив, который по причине жуткой забардаченности даром никому не нужен.

– Да... – пробормотал Хьюго де Крайто, вспоминая свой последний визит в архив. – После ухода Миласы там действительно немного... э-э... хаотично...

– Так вот, – вновь заговорила госпожа кардинал, – если мы не разберемся с навязанным заданием, то сегодняшний аванс переключает к иезуитам, а мы с вами окажемся на улице. А задание... Сами видели, какое у нас задание... – Она озабоченно провела рукой по лбу.

– А все потому, что никому, кроме нас, такое не по плечу, – ехидно заметила Анна. – Впрочем, как всегда.

– Кхм, пани Злата, – Профессор сверился с бумагами, – позвольте уточнить пару моментов... Позавчера в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре, от острой сердечной недостаточности скончался инок этой самой лавры – брат Андрей. Но при омовении тела покойного, в чьей естественной смерти ни у кого не возникло сомнений, вдруг обнаружилось, что усопший инок, кхм, не совсем человек... Вернее, как бы это покорректнее сформулировать, совсем не человек...

– Да, – согласно кивнула она. – Брат Андрей оказался альвом...

– А до этого он благополучно прожил в монастыре пять лет, был пострижен в монахи и намеревался принять великую схиму. Неужели за эдакую уймищу времени никто не сообразил, что перед ними представитель древней расы? – недоверчиво нахмурился Криз.

– Не вижу в этом ничего удивительного, – отмахнулся Эрик. – Внешне альвы мало чем отличаются от людей. А то, что у них руки до колен и ноги короткие, так у иного человека и не такие уродства случаются. Клановую же татуировку не так уж и сложно спрятать. Например, под наметкой монашеского клобука, волосами или повязкой. Хотя, если мне не изменяет память, нашего покойника именно по ней и вычислили...

– Кстати, а почему именно спрятать? – удивился Профессор. – Ведь куда выгоднее ее свести.

– Видите ли, в чем дело, Вилдар... – Князь ди Таэ задумчиво подпер подбородок кулаком. – Клановая татуировка у альвов занимает шею и щеку. Так вот, ту часть, что находится на шее, свести невозможно: она магически привязана к вросшему в плоть самоцвету, сквозь который проходит сонная артерия. А любое повреждение татуировки на шее ведет к уничтожению камня и, следовательно, к смерти носителя.

– И от нас требуется всего лишь присутствовать на похоронах этого конспиратора? – Рид пытливо взглянул на коллег из-под очков, сползших на самый кончик носа. На самом деле архонта сейчас куда больше волновало, что подумает о нем Лисса, когда он не явится в архив. А поэтому все его мысли о привалившем задании сводились к одной-единственной: «Только бы не меня туда послали!»

– Ну настоятеля можно понять, – посочувствовал Криз, тоскливо глядя на давно погасшую трубку. Злата, проследив за его взглядом, милостиво кивнула, и Профессор достал кисет с табаком, вознамерившись вновь предаться любимому пороку. – Если сородичи усопшего пронюхают, что он почил и спешно похоронен в стенах человеческого монастыря, то раздуть грандиозный скандал не составит труда. Ибо альвы – наиболее вздорная, подозрительная и некоммуникабельная раса из всех древних.

– Да. И посему от нас требуется засвидетельствовать, что тело не подвергалось никаким надругательствам и похоронено согласно каноническому обряду, – исчерпывающе

закончила госпожа кардинал.

– А что за камень был у покойника? – дотошно осведомился почтенный господин Вилдар.

– Изумруд, – коротко бросила Анна.

Над столом повисло молчание, нарушаемое лишь монотонным тиканьем часов на стене. Криз задумчиво посасывал трубку. По кабинету расплзался дым и терпкий запах крепкого табака, словно подводя закономерный итог всему вышесказанному. Да-а, изумруд – это серьезно: мудрость и хладнокровие. И мертвец скорее всего при жизни принадлежал к семье хранителей знаний. Ну и дела! Охохонюшки, будто им мало было Сарагосской рукописи!

Злата задумчиво глядела на своих подчиненных. Прикидывала, какую бы комбинацию запустить для решения возникшей проблемы. И глаза ее непроизвольно косились на окно.

Окинув взором собравшихся, Профессор вдруг пришел к выводу, что все, так или иначе, периодически посматривают на непривычно пустой подоконник. Там сейчас очень не хватает одного весьма неординарного человека...

– Вы думаете о том же, о чем и я? – риторически спросил он.

Коллеги многозначительно переглянулись. Злата иронично усмехнулась и потянулась к АВС – аппарату внешней и внутренней связи.

Пронырливые лучи раннего августовского солнца слепо шарили по скромному убранству гостиничного номера, время от времени запутываясь то в черных, то в жемчужнорусых волосах обитателей комнаты, мирно вкушавших заслуженный сон. Один из лучей скользнул по исцарапанному дисплею лежащего на тумбочке мобильного, и экран, будто повинаясь волшебному прикосновению, вспыхнул зеленоватым светом. Телефон, издавая противное жужжание, пополз к краю. Радислава резко вскинулась и, вывернувшись из-под руки Виктора, поспешила схватить трубку. Та продолжила трястись мелкой дрожью уже в ладони. С дисплея на оборотничку недовольно таранилась какая-то монструозная тетка, а «плавающая» по лицу надпись сообщала, что тревожить своего сотрудника в такую рань соизволила его непосредственная начальница. Радислава иронично хмыкнула и решила ответить.

– Преисподняя слушает, – хриловатым со сна голосом сообщила она.

– Ага-а, – многозначительно проговорили в трубке. Оборотничка мгновенно уверилась, что звонит именно госпожа кардинал. – Радислава, где там Виктор? Подайте-ка его сюда!

– А как подать? С петрушкой или с сельдереем?

Из трубки донесся сдавленный смешок. Насколько смогла различить менестрель, Пшертневская находилась у телефона не одна. Там явно прослушивались еще как минимум человека три.

– Да хоть в ананасах! – Злата попыталась придать голосу как можно больше серьезности. Эрик с Анной уже откровенно хохотали у нее за спиной. Как и у всех, кто работает с магией, образное мышление у них было хорошее. – Где он там?

– Вообще-то он спит... – рассеянно откликнулась Радислава.

– Так разбудите! – Начальство начинало терять терпение.

– Ну уж нет! – безапелляционно заявила оборотничка. – Я еще жить хочу!

– Ладно, – как-то подозрительно быстро согласились в трубке. – Положите телефон ему под ухо и включите громкую связь. Улаживание последствий я беру на себя.

Менестрель пожала плечами и, проворно приладив телефон на подушке, поспешила ретироваться с кровати.

– Кх-кхм, – подготовительно прокашлялся мобильный.

Девушка пылливо косилась на телефон. Сделать мелкую шкуру ближнему, да еще чужими руками, да еще потом за это не отвечать, – что может быть лучше? Телефон снова кашлянул и...

– Виктор, душа моя... – с томным придыханием донеслось из динамика. Байкер

беспокойно шевельнулся. Радислава едва успела зажать себе рот, чтобы не начать безудержно хихикать. – ПРОСЫПАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО! – во всю мощь рывкнула трубка, подскочив на подушке.

Оружейник резко сел на постели, ошалело озираясь по сторонам. Его подруга с истерическим хохотом сползала по стене.

– И приснится же такой бред... – пробормотал Виктор, не понимая, что происходит.

– Виктор, да соизвольте же наконец взять в руки телефон! – грозно вещал динамик печально знакомым голосом Златы.

И байкер понял, что кошмар его продолжается въяве.

– Я вас слушаю, госпожа кардинал, – уныло отвечивал он, понимая – плакал его отпуск.

– Отлично, – довольно донеслось из динамика. – Дождитесь «Эолову арфу». Эорлин-ши передаст вам все необходимые бумаги и без промедления доставит в Петербург.

Виктор с Радиславой переглянулись – похоже, не все так плохо.

– Виктор, запомните, я вас не развлекаться туда отправляю! – построжела госпожа кардинал. И двойной тяжелый вздох стал ей ответом. Несколько секунд из трубки доносилось только невнятное шушуканье: видно, стоящие над душой у начальницы коллеги уговаривали ее сменить гнев на милость. – Ладно, – смягчилась Злата. – Это задание не займет больше двух дней. Потом, так и быть, я оформлю вам неделю отпуска за свой счет.

– За ваш? – недоверчиво переспросил байкер.

– Нет, за ваш! – быстренько уточнила госпожа кардинал. – Но только если все пройдет нормально, а не как обычно! Усвоили? Тогда отбой. Дождитесь Эорлин-ши и отправляйтесь...

Виктор уныло разглядывал замолчавшую трубку.

– Ну что ж, – пробормотал он, – по крайней мере, конечный пункт назначения остался неизменным. И на этом спасибо. А то ведь могли и в какую-нибудь Тмутаракань отправить...

Радислава подсела к нему, утешительно обняв за плечи. Да уж, шкода удалась, ничего не скажешь. В душе оборотнички шевельнулась тревога. Перед глазами на секунду мелькнули купола с крестами, сменившиеся сполохами огня. Менестрель тряхнула головой, избавляясь от неуместного видения и тихонько проклиная дар всевидящего скальда, доставшийся ей от судьбы.

Свинцовое небо тевтонским щитом нависало над землей, готовое в любой момент разразиться промозглым дождем. Густые леса, раскинувшиеся в этой части немецких земель, с каждым днем роняли все больше листьев, расцвечивая яркими пятнами высыхающую траву и кусты, уже прихваченные первыми ночными морозцами. Осень, наплевав на все календарные сроки, вступала в свои права, уверенно вытесняя робкий август.

Крутой обрыв айсбергом возносился над мрачным лесным морем, будто на гребне волны поднимая к пепельному небу главную резиденцию Серого ордена в Германии – замок Вартбург. Южная башня цепляла низко проплывающие серые облака. Основанный Людвигом Первым Тюрингским, давший приют талантливейшим миннезингерам, ставший свидетелем знаменательных споров Мартина Лютера с дьяволом, слышавший последние прорицания сильнейших ясновидцев во время войны Двух Миров, замок Вартбург будто в насмешку был отдан на откуп инквизиции, разместившей там свое представительство. Окутанный легендами и магией, замок на долгие годы стал пристанищем гонителей ереси.

Святой отец Габриэль Фарт, вот уже шесть лет возглавлявший отделение инквизиции в Германии, не любил Вартбург. С самого первого дня своего пребывания в этой крепости он так и не смог отделаться от дурного ощущения нереальности происходящего. Семь лет назад Фарт и представить не мог, что он, экзорцист первой ступени, преподаватель духовного факультета Венского университета, застрянет здесь сначала в качестве старшего дознавателя, а позже – и главы представительства святой инквизиции. Но все же это значительно лучше,

чем предстать в роли обвиняемого перед комиссией церковного трибунала... Все же здесь, среди глухих тюрингских лесов, его дар экзорциста привлекал куда меньше внимания и приносил значительно больше пользы.

Отец Габриэль отвлекся от унылого пейзажа за окном и обернулся в комнату. Обложенная зелеными изразцами печь изо всех сил стремилась вытеснить плотно обосновавшуюся в помещении промозглость. По какому-то странному стечению обстоятельств кабинетом главы представительства служила именно та самая комната, где некогда Лютер переводил Библию и спорил с дьяволом. В единственном резном кресле у старого затертого стола, где и поныне покоилась раскрытая посередине раритетная Библия, восседал пожилой мужчина в серой рясе. Тяжелые костистые ладони священника покоились на резном набалдашнике дубовой трости. Цепкие умные глаза пытливо глядели на Габриэля из-под кустистых седых бровей. Якоб фон Кройц, его бывший начальник, а ныне просто друг и наставник, задумчиво посмотрел на Фарта, но затем перевел взгляд на лежащее на столе письмо, а точнее – приказ о назначении Габриэля великим инквизитором Нейтральной зоны. Приказ был подписан патриархом Алексием и заверен печатями святого синода – следовательно, являлся самым что ни на есть настоящим и обжалованию не подлежал. Отец Фарт сердито покосился на злополучное письмо, настигшее его сегодня утром, едва он вернулся из разведывательной поездки вместе с несколькими рыцарями святой инквизиции, и тяжело вздохнул.

– И как прикажешь все это понимать, брат Якоб? – недовольно спросил отец Фарт. Его голубые глаза потемнели от негодования.

– Как новый виток твоей стремительной карьеры, брат Габриэль, – прозорливо усмехнулся фон Кройц. – Не все же тебе в Вартбурге прозябать, зарабатывая себе ревматизм и прочую немощь, гнездящуюся в этих сырых стенах. – Якоб грустно посмотрел на свои больные ноги. – Ты молодой, деятельный...

«Да уж, – мрачно подумал Фарт, – молодой, тридцать восьмой год уже пошел», а вслух ответил:

– Вот это-то меня и настораживает, брат Якоб. Ведь иные главы представительств постарше меня будут и в инквизиции провели отнюдь не семь лет, а как минимум вдвое больше. Да и в самом Будапеште наверняка нашлись бы более подходящие кандидаты...

– Ну про Будапешт ты глупость сказал, – нахмурился старик. – После всего что там всплыло, они просто обязаны поставить на этот пост человека со стороны, ибо местные себя дискредитировали. Что же до всего остального, так у тебя за шесть лет ни одного провала. Все расследования по справедливости проведены, скольких оклеветанных от костра спас...

– Судьба подарила мне хорошего учителя. – Тонкие губы отца Фарта тронула признательная улыбка. – Местные ведьмы на тебя чуть ли не молятся...

– Грош цена была бы моей учебе, если бы в тебе нужной жилки не обнаружилось, – скромно отмахнулся Якоб фон Кройц, приподнимаясь и передвигая кресло поближе к огню. – Посему вот тебе мое благословение, брат Габриэль, принимай предложенную должность. Глядишь, может, благодаря таким, как ты, и отношение к нашей братии изменится.

Отец Фарт отрешенно разглядывал грубые доски, которыми некогда обшили стены кабинета. Что ж, возможно, Якоб и прав. Однако грызущее его изнутри сомнение не утихало, все больше подбедая шаткое спокойствие. Невольно вспомнилась Вена, события семилетней давности... В тот год резко участились случаи одержимости, зашевелились мертвецы на считавшихся спокойными кладбищах... Но стоило Габриэлю копнуть те дела поглубже, как в городе едва не закопали его самого. Он чудом избежал церковного трибунала, а тут как раз и должность старшего дознавателя в Вартбурге подвернулась...

И вот теперь, кажется, все повторяется снова, пусть и с некоторыми отличиями. Габриэль задумчиво воззрелся на карту местности, висящую на стене. Его взгляд приковала кучная россыпь красных флажков к западу от Айзенаха, близ которого и стоял Вартбург. Подобными значками в ордене принято отмечать места, где фиксировались всяческие

дурные явления, вызванные довольно сильными всплесками магии. Danza macabre – пляска смерти, когда поднимаются целые кладбища, – явление редкое, происходящее от силы раз в пять – семь лет. Но уже четыре раза за последние полгода Габриэлю приходилось в срочном порядке лично выезжать на место происшествий. Он умирал одну группу неупокоенных и тут же натыкался на другую. Не стоит забывать о нехарактерных для лета разгулах духов и призраков, а еще об их повышенной агрессивности, проявляемой к людям. Два случая одержимости... И все это щедрой россыпью прямо у него под боком!

Местные колдуны и ведьмы клялись и божились, что не имеют никакого отношения к происходящему; дескать, это не их рук дело. И Габриэль им верил: ведь чтобы такую бучу поднять, у местной колдовской братии силенок не хватит, даже если все их способности сложить. К сожалению, несколько попыток пробраться к центру странной энергетической активности окончились ничем. А после того, как он поднял все доступные ордену исторические архивы и выяснил, что в свое время где-то в этих краях располагался иезуитский монастырь, имевший отношение к Волчьему мору, очень быстро пришел приказ об этом сомнительном повышении. Ох неспроста все это, не к добру!

– ...но честно тебе скажу, брат Габриэль, – выдернул его из раздумий надтреснутый голос фон Кройца. Видно, старик все это время о чем-то говорил, а Фарт, погрузившись в собственные мысли, пропустил ценные реплики мимо ушей. – Гложет меня беспокойство. Особенно если вспомнить, как закончил твой предшественник в Будапеште.

– Насколько мне известно, мэтр Саграда погиб как герой, пытаясь уничтожить некий особо опасный еретический манускрипт, – задумчиво почесывая кадык, ответил Габриэль.

– По официальной версии – да. – Старый инквизитор с нажимом выделил слово «официальной».

Тут отец Фарт понял, что фон Кройц уже успел проверить полученную информацию по своим личным каналам и, кажется, действительность несколько отличалась от официальной.

– А на самом деле?

– А на самом деле к гибели мэтра Саграда приложили руку сотрудники некоего специального отдела при Дипломатическом корпусе. Конкретно – глава Высокого дома ди Таэ князь Эрик. За это я не преминул поставить князю свечку за здоровье, ибо сволочью господин Саграда был преизрядной.

– Встречались?

– Доводилось. – Якоб фон Кройц гадливо передернул широкими костистыми плечами.

– И что за отдел? – Габриэль скрестил руки на груди. Бледные лучи солнца, сумевшие пробиться сквозь свинцовые тучи, вызолотили светло-русую макушку инквизитора.

– А вот это тебе уже предстоит выяснять самому, брат Габриэль. Я сведущ, но, к сожалению, не всеведущ.

Отец Фарт тяжело вздохнул. Похоже, новое рабочее место начнет преподносить сюрпризы раньше, чем он успеет на нем утвердиться. Но ведь кое-что можно попытаться выяснить заранее... Слава Господу, существует Вилдар Криз, человек, при помощи которого он семь лет назад избегнул загребущих лап церковного трибунала и очутился в Вартбурге. Насколько Габриэлю известно, почтенный теолог, помимо всего прочего, работает при Дипломатическом корпусе Единой всеблаготворительной матери-церкви. При воспоминании о Кризе Фарт болезненно поморщился и машинально потер челюсть. Однако ничего не поделаешь, информация требует жертв.

По старинному поверью, если у вас вдруг начинают гореть уши, значит, о вас кто-то сплетничает. Если же ни с того ни с сего краснеют щеки, то предполагается, будто о вас думает любимый человек. А уж если вас на пустом месте одолевает занудная икота, то будьте уверены – никто не забыт, ничто не забыто. Скорее всего вас сейчас активно вспоминают, заставляя перебирать в уме всех мыслимых и немыслимых знакомых, мучиться спазмами, задерживать дыхание, пить литрами воду и тешить себя надеждой, что кто-то

догадается вас напугать.

Злата задержала дыхание и постучала себя по груди. Воздух в легких кончился, госпожа кардинал облегченно вздохнула, но тут коварная икота атаковала снова, вынудив Пшертневскую поспешно налить себе третий по счету стакан воды. Икота переждала льющуюся на нее жидкость и вновь принялась измываться над несчастной женщиной. Отчаявшись избавиться от порядком раздражавших спазмов, Злата решила прибегнуть к самому идиотскому способу: начала перечислять про себя друзей и знакомых. При упоминании о Викторе икота чуть поутихла, будто говоря: «Да-да, это он тебя вспоминает, просит привет передать за свой невинно убиенный отпуск», и, доставив сие нехитрое послание, возобновилась с удвоенной силой, дабы и виновнице сего жизнь малиной не казалась.

«Господи, – уныло подумала Злата, наполняя четвертый стакан и с прискорбием отмечая, что изящный стеклянный кувшин опустел, – сделай так, чтобы этого клоуна кто-нибудь треснул по башке и он наконец-то перестал меня вспоминать!»

На этой мысли ей икнулось особенно сильно, и Пшертневская ненароком прикусила кончик языка. Госпожа кардинал поспешила приложиться к спасительному стакану. Воды там осталось меньше половины, а икота и не думала утихать. Решив хоть как-то отвлечься, Злата принялась изучать утреннюю корреспонденцию, которую в силу свалившихся на отдел обстоятельств еще не успела прочесть. Давясь икотой, она безо всякого интереса с горем пополам пересмотрела стандартный набор бюрократического бумагомарания и взялась за последний конверт из плотной кремовой бумаги, изукрашенный затейливыми узорами штампов Дипломатического корпуса, святого синода и лично патриарха.

– Боже, неужели нам повысили зарплату? – саркастически пробормотала госпожа кардинал, вскрывая письмо ножом.

Ей в руки выпал витиевато обрезанный лист, усыпанный теми же печатями и исписанный каллиграфическим почерком. Ознакомившись с содержанием, Злата резко перестала икать, но радости по этому поводу так и не ощутила, остро пожалев, что в стакане сейчас не плескается вермут или, на худой конец, обыкновенные капли для сердца. Госпожа кардинал защелкала кнопками АВС.

– Весь обратившись в слух, тебе внимаю, готов любой твой выполнить приказ, – донесся из динамика приятный баритон.

– Эрик, у тебя есть сердечная настойка? – жалобно осведомилась Злата. – Желательно градусов сорока, но можно и крепче...

Глава 2

Когда все вновь собрались в кабинете начальства, а сама госпожа кардинал немного успокоилась, она наконец-то соизволила поделиться, что же за известие едва не довело ее до сердечного приступа во цвете лет.

– К нам едет инквизитор, – мрачно произнесла Злата, прижимая ко лбу стакан с успокоительным. По кабинету расползлся противный аромат валерианы пополам с мятой и еще чем-то таким же терпко-ментоловым.

– И что? Мы должны устелить его путь красной дорожкой и посыпать розовыми лепестками, пока он будет идти? – язвительно осведомился князь ди Таэ.

Злата наградила его сердитым взглядом.

– Это новый великий инквизитор Нейтральной зоны, – пояснила она. – И в силу недавних, всем памятных событий патриарх просит как можно скорее найти с ним общий язык, оказывая содействие и всяческую помощь. – Посредством интонации госпожа кардинал особо выделила слово «просит», намекая на его истинный смысл.

– Но в чем именно? В пытках или лжесвидетельствах? А может, в сожжениях? – не выдержал вспыльчивый Хьюго де Крайто. Слишком уж свежи его воспоминания о собственных мытарствах в застенках Серого ордена. Порезы на запястьях и шее, несмотря на

вмешательство Эрика, все еще напоминали о себе.

Профессор успокаивающе положил ему руку на плечо. Конечно, лучше бы здесь сейчас находилась Анна ди Таэ, но, отправленная с Эорлин-ши в качестве посыльного, она вернется не раньше чем через полчаса. Посему придется Криэ пока самому контролировать психическое состояние своего протеже.

– Что же это за инквизитор такой, которому нужна помощь бедных дипломатов? – рассеянно потирая переносицу, пробормотал отец Рид.

– Да, пани Злата, вы ведь до сих пор не озвучили нам его имя, – с легким укором добавил отец Криэ.

Пшертневская взяла в руки письмо и, чеканя слова, зачитала:

– «Бывший глава представительства святой инквизиции в Германии, замок Вартбург близ Айзенаха, его милость отец Габриэль Фарт».

И если остальным эти сведения не говорили ровным счетом ничего, то Профессор удивленно присвистнул.

– Надо же, мой старый соперник, – пробормотал он. – Вот уж никогда бы не подумал, где доведется столкнуться!

– Вы его знаете? – Брови Пшертневской удивленно поползли на лоб.

– Мой бывший коллега по Венскому университету. Принципиален до смерти, благороден до дурости, дотошен до занудства, – дал исчерпывающую характеристику Вилдар.

– Рид, он вам случайно не родственник? – насмешливо скривил губы Хьюго.

Архонт, витавший где-то глубоко в своих мыслях, озадаченно воззрился на де Крайто, соображая, настолько ли сильно его оскорбили, чтобы немедленно извозить обидчика мордой по ковру. А Пшертневская невольно подумала, что надо бы дать Анне официальное задание воспитать заклятых коллег. Пусть дрессирует, у нее это неплохо получается.

– Вилдар, скажите, а вы не интересовались, с чего это его, такого честного и благородного человека, в инквизицию понесло? – с легким сарказмом осведомился Эрик, которого грядущее появление нового великого инквизитора почему-то начинало нервировать. Кстати, последнее князь ди Таэ тоже абсолютно не нравилось: нервничал он редко, но зато если вдруг перед каким-то событием его начинало колотить, этот сигнал мог считаться явным признаком того, что ничем хорошим пресловутое событие для него не обернется.

– Если бы не роковое стечение обстоятельств, туда бы понесло честного и благородного меня, – чуть усмехаясь, в тон целителю откликнулся Профессор.

Князь ди Таэ недоверчиво хмыкнул.

– Дело в том, – поспешил разъяснить Криэ, – что тогдашний глава немецкой инквизиции Якоб фон Кройц именно мне предлагал место старшего дознавателя, но вашему покорному слуге совершенно не хотелось забираться в тамошнюю глухомань. И вообще, и по семейным обстоятельствам в частности. К тому же именно в то время Вацлав Пшертневский начал носиться с идеей создания нашего замечательного отдела и ему требовалась моя помощь.

– И вы порекомендовали Фарта? – высказал предположение Эрик.

– Не совсем так. Габриэль неплохой экзорцист, причем для него это достижение – не просто церковная степень. Он влез в какое-то темное дело, связанное с внезапной активностью потустороннего мира, и начал докапываться до истоков со свойственными ему дотошностью и патологической честностью. Вроде бы во всем этом оказался замешан орден иезуитов, точно не знаю. Как бы там ни было, кто-то настроил на него кляузу в церковный трибунал. И если бы мы с Ингердой вовремя об этом не узнали, отец Фарт сгинул бы в подвалах инквизиционной тюрьмы... А так он вполне легко отделался: благополучно получил должность старшего дознавателя в Вартбурге, куда и отбыл прежде, чем в трибунале успели достаточно расшевелиться, – закончил свой рассказ Профессор.

В кабинете Пшертневской вновь повисла тишина.

Вот и получается, что прибывшее ночью уведомление о новом срочном задании не замедлило повлечь за собой изрядный воз проблем. Вдобавок Злата отчего-то не сомневалась, что у этого воза есть еще и прицеп, а возможно, и не один. И если вчера вечером княгиня ди Таэ сетовала по поводу внезапного прекращения работы, то сегодня едва сдерживалась, чтобы требовательно не заорать: «Хочу в отпуск!» Вот так всегда случается: чего в жизни недостает, то нам нужно. А того, что есть, нам не надо...

Бессменный капитан «Эоловой арфы» едва заметно шевелил губами, отрешенно наблюдая, как возникают перед ним в воздухе закорючистые строки на сильфийском. Иллюзорное письмо – красивое, но практически бесполезное волшебство, характерное исключительно для его расы и почему-то совершенно недоступное для всех остальных. За многие годы оно уже вошло у зеленоволосого сильфа в категорию обыденностей, а привычка писать в воздухе причислялась хозяином к дурным. Искореняться она отнюдь не собиралась, ибо была вызвана другой, не менее дурной и неискоренимой. Капитан золотистого парусника-бабочки грешил склонностью к сочинительству... но в силу скептического отношения к своим творческим попыткам предпочитал пользоваться не бумагой, а таким вот простеньким иллюзорным волшебством. Отвел душу, выплеснул наболевшее, посмеялся над получившейся несуразицей – и развеял в воздухе, не переживая, что кто-то когда-то эту околесицу прочтет. Вот и сейчас, задумчиво глядя на все уменьшавшуюся фигурку Анны ди Таэ, опиравшейся на хромированный руль мотоцикла и махавшей на прощание отбывающим ввысь коллегам, сильф бормотал себе под нос очередные строчки:

Это небо безмерно и чисто
Расстилается синью под ноги,
И шагаем в него мы свободно,
За спиною оставив пороги.

Пусть коварно оно и капризно,
Но легко, словно в руки любимой,
Мы лазури доверимся снова,
Зная точно, что чувства взаимны.

Небо вновь распахнуло объятья,
Жаль, не выразить этого словом,
И ликует душа в поднебесье,
Раскрываясь в парении новом.

Ветер в крылья, бывшее же – в пепел,
Никогда ни о чем не жалея;
Что сбылось, и того нам всем хватит,
А что будет, то Богу виднее...

Эорлин-ши любил небо. Любил так, как любят один раз в жизни, – страстно и самозабвенно. Наверное, из-за этого до сих пор и ходил в холостяках, хотя пребывал в самом разгаре брачного возраста, по сильфийским меркам, конечно. А еще, как и другие представители подобных профессий, он был суеверен. Не вообще, а лишь в том, что касается полетов. И он точно знал: если внести изменения в курс при взлете, то рейс можно считать пропавшим...

Так и сегодня. Едва «Эолова арфа» отдала швартовы, намереваясь осуществить небольшую халтурку, как прямо посреди палубы некстати материализовалась ее светлость златовласая магичка княжна ди Таэ и внесла кое-какие коррективы в уже намеченный курс парусника. Возможность подзаработать на стороне накрылась мокрым парусом. Курс

пришлось поспешно прокладывать заново уже в воздухе, да еще возникла необходимость в короткой остановке, чтобы посадить княжну и взять на борт двух других сотрудников специального отдела. Капитан молчал, скрывая охватившее его раздражение и мысленно проклиная незадавшийся с утра день, изначально не суливший ничего хорошего.

Эорлин-ши исподволь покосился на пассажиров, махавших рукой оставшейся внизу чародейке. Девушку он видел всего во второй раз, а вот мужчину знал довольно давно и даже несколько раз предлагал ему плюнуть на дипломатию и перейти в команду «Эоловой арфы». Несмотря на разношерстность тщательно подобранного им экипажа, людей в команде Эорлин-ши как раз не имелось, особенно таких, как байкер, – сильных, уверенных, хладнокровных. Самые главные качества для истинного воздухоплователя! Но на все заманчивые предложения капитана Виктор отвечал одно и то же.

– Не-а, – лениво потягивался он, сидя на планшире, вытянув вдоль него ноги и созерцая проплывающие мимо облака, – высоты боюсь.

Сильфу не оставалось ничего другого, кроме как разочарованно вздыхать, время от времени повторять попытку сманить байкера на «Эолову арфу», но пока все с тем же нулевым результатом.

Капитан еще раз окинул скептическим взглядом висящие перед лицом мерцающие закорючки и вскинул ладонь, намереваясь развеять их мириадами цветастых искр.

– Эй, погоди! – раздался рядом возмущенный вопль. Кинувшись вперед, Радислава поспешила перехватить руку сильфа. – Вот сейчас перепишу, а потом и удалять можешь! – Оборотничка зашарила в сумке. Невнятно ругаясь, выловила потрепанный, распухший от времени блокнот с огрызком химического карандаша за твердым корешком и, пристроив блокнот на коленке, принялась спешно переносить в него сильфийские каракули. Попутно размышляя о том, что не помешает как можно скорее обзавестись новым инструментом.

– Госпожа понимает сильфийский? – пораженно осведомился Эорлин-ши, озадаченный не столько тем, что какая-то незнакомая оборотничка списывает его стихи, сколько тем, что она вообще смогла их прочесть.

– А вы против? – Радислава подозрительно глянула исподлобья на капитана. – Это запрещено?

Сильф замялся, не зная, что ответить.

Ситуацию спас байкер. Сидя на брошенном у мачты рюкзаке, он уже успел вскрыть переданный Анной пакет и теперь просматривал его содержимое.

– Мышка, я тебя поздравляю! – иронично осклабился он.

– С чем это? – насторожилась менестрель, не отрываясь от блокнота.

– Со вступлением в доблестные ряды нашего славного дурдома, тьфу ты, отдела! – хохотнул Виктор, размахивая листом гербовой бумаги с печатями и с замшевым мешочком, приклеенным к листу сургучной нашлепкой. – Ты у нас теперь приглашенный консультант по вопросам отношений с древними расами, – продолжал ухмыляться он. – Вот приказ. На, ознакомься.

Девушка, прекратив записывать, выхватила у байкера документ и принялась сосредоточенно изучать. Эорлин-ши, видя, что странная пассажирка утратила интерес к его писанине, поспешил развеять буквы в воздухе и ретировался на мостик. Радислава, нахмурившись, дочитала приказ и витиевато выругалась. Причем половина из выданного ею на гора пассажи прозвучала на безупречном сильфийском.

– Ого... – восхищенно протянул Виктор, оценив эмоциональный выплеск подруги. – А теперь еще раз, и помедленнее...

Менестрель наградила его сердитым взглядом и принялась ожесточенно оттирать сургуч.

«Приглашенный консультант! Ишь ты!.. – яростно думала она. – Хорошо хоть не личным оборотнем записали!..» – Ей наконец-то удалось отковырнуть нашлепку. Девушка перевернула мешочек, вытрясая его содержимое в ладонь.

– ...! – взвизгнула она, так поспешно отшвыривая прочь круглый, выпавший из

мешочка предмет, словно он был ядовитым пауком. Медальон, глухо бряцая, покатился по доскам.

– Что случилось? – Байкер мгновенно очутился возле нее.

– Сволочи! – обиженно всхлипнула Радислава, дуя на обожженную ладонь. – И ты тоже хорош! Мог бы предупредить, что там серебро! – Она сердито толкнула его в грудь.

Виктор поднял медальон и виновато вздохнул. Жетоны служащих Дипломатического корпуса действительно изготовлены из серебра, но раньше он как-то об этом не задумывался и теперь чувствовал себя едва ли не предателем. Пострадавшая рука Радиславы наливалась пульсирующим жжением.

– Сделай что-нибудь! – потрясая обожженной ладонью, простонала она, картинно закатывая глаза – Немедленно!

Байкер осторожно перехватил ее запястье и скептически осмотрел покрывшие кожу красные полосы, местами уже начавшие набухать водянистыми волдырями.

– Немедленно разве что поцеловать могу, – усмехнулся Виктор, – только пользы от этого, кроме морального удовлетворения, будет ноль. Я все-таки не Эрик. Лечить прикосновением не могу, только калечить...

– Ты! – Радислава мгновенно забыла о противном жжении и попыталась треснуть байкера свободной рукой.

– Ну вот, уже дерешься. Значит, не все так плохо. Идем вниз, наверняка у корабельного лекаря найдется что-нибудь от ожогов. Ножками дотопаешь?

Девушка с фальшивым стоном повисла на Викторе, мстительно оттоптав ему ногу. Оружейник недолго думая перекинул подругу через плечо и под возмущенные вопли спустился на нижнюю палубу.

Эорлин-ши изваянием застыл на мостике, выжидательно вглядываясь в линию горизонта. Темная бугристая полоса, которую можно было сначала принять за горы, пухла и росла как на дрожжах, наползая на тихое небо. «Эолова арфа» стремительно летела прямо в надвигающуюся грозу. Сильф тяжело вздохнул. Соваться сейчас на паруснике в искрящую зарницами тучу равносильно самоубийству. Прошлый такой полет изрядно подпортил его обожаемую «Арфу». Когда он привел корабль на верфь в Малых Бескидах чиниться, выяснилось, что чертежи, по которым там некогда и создали «Эолову арфу», исчезли. А без них полностью исправить некоторые повреждения оказалось довольно проблематично. Судно чинили наугад, а точнее, фактически методом научного тыка. Разозленный такой халатностью, капитан лично перерыл все хранившиеся на верфи чертежи, после чего выяснилось, что исчезли не только его схемы, но еще и технические паспорта нескольких других кораблей – тяжелых боевых парусников. Вот это сильфу уже совсем не понравилось. Первая мысль, посетившая его в связи со случившимся: «Кто-то намеревается создать воздушный парусник за пределами верфи – легкий, маневренный и быстроходный, как «Арфа», но мощный и смертоносный, как те боевые корабли, чьи чертежи тоже пропали».

Вообще-то сильфы никогда не делали особого секрета из подобной информации. Нужны тебе чертежи – пожалуйста, бери, копируй, только перед этим, уж будь добр, оформи все как положено: бумаги нужные заполни, за пользование налог уплати... А здесь... Похоже, кем бы ни являлся неизвестный похититель, он явно не желал оставлять никаких зацепок, способных привести к его темной персоне. А значит, всевозможные пакости от него гарантированы. Заявлять о пропаже оказалось бесполезно. В документохранилище на верфи сотрудники наведывались хорошо если раз в несколько месяцев, да и то по большой надобности, поэтому выяснить, когда именно пропали чертежи, не представлялось возможным. И если бы не дотошность Эорлин-ши, там скорее всего еще долго не узнали бы о пропаже...

Порыв ветра холодным языком мазнул капитана по лицу, растрепав и без того всклокоченные волосы и напомнив о надвигающейся грозе.

– Штурмана на мостик! – негромко приказал он, не сомневаясь, что его услышат.

Седой, кряжистый гиперборей возник перед сильфом беззвучно, словно вынырнул из

воздуха. Рядом с ним аристократичный Эорлин-ши смотрелся чуть ли не подростком, будучи на две головы ниже штурмана и в полтора раза тоньше.

– Дон Салазар, нам нужно прибыть в Петербург к вечеру. Много мы потеряем во времени, если попытаемся обойти грозу? – без обиняков осведомился капитан.

Гиперборей взгляделся в расплывающуюся по небу черноту, затем сверился с погодными сводками, которые клятвенно заверяли его, что никакой грозы в этом месте быть не должно.

– Боюсь, мы попросту не успеем этого сделать, – покачал головой штурман. – Она накроет нас раньше, чем парусник уйдет в сторону. Максимум, на что у нас хватит времени, – это сместиться настолько, чтобы обойти неблагоприятную зону по краю. Но предупреждаю, это очень рискованно. Я не дам никакой гарантии, что нас не затянет в самую середину. Воздушные потоки на краю грозового фронта слишком непредсказуемы, капитан.

– Отлично, – кивнул Эорлин-ши. – Пойдем по краю на большой скорости. Маневровую команду – на палубу!

Дон Салазар с опаской покосился на быстро надвигающуюся грозу. Впрочем, за время его штурманства на «Эоловой арфе» капитан и не такие трюки проделывал. Авось и в этот раз пронесет...

Его светлость герцог Алоизиус, достопочтенный глава Высокого дома ди Амбер, тоскливо глядел в зеркало, ожидая, пока вышколенный слуга покончит с процедурой бритья, столь ненавистной капризному мессире. Та мизерная доля эльфийской крови, что текла в жилах его упитанной светлости, частично повлияла на человеческую физиологию, избавив ди Амбера от ежеутреннего нервомотательства с выскабливанием щек и подбородка. И поэтому данной процедурой господин Алоизиус «наслаждался» лишь раз в неделю, но и эта еженедельная попытка вгоняла его в тоску и раздражительность. Итак, герцог ди Амбер тоскливо глядел на свою намыленную физиономию, отражавшуюся в зеркале работы муранских мастеров, и размышлял о превратностях судьбы. Христобаль Саграда мертв... С одной стороны, это известие не могло не радовать: инквизитор слишком много знал. Покуда команданте был жив, всегда оставалась угроза, что он решит сыграть на два фронта и посвятит нынешнего главу Высокого дома ди Таэ в неизвестные подробности того старинного нападения. А с другой – его светлость лишился сильного союзника в борьбе против семьи ди Таэ. А ведь он все еще не терял надежды довести начатое до конца... И пусть у ди Таэ сейчас нет былой мощи, но кто сказал, что дом не возродится? Тем более что до почтенного герцога дошли туманные слухи о женитьбе князя Эрика. Слухи, конечно, сомнительные, ибо его осведомителей, происходящих из рода Мираэн-э'Тимеро, мало интересовала личная жизнь какого-то целителя. Выражаясь точнее, они собирали сведения исключительно о своем отступнике, но то, что правящий клан архангелов счел информационным мусором, весьма пригодились главе дома ди Амбер. Ах да... Еще этот странный юноша, спутник Анны ди Таэ. Молодой, но, бесспорно, сильный маг. И везучий.

«Вот тебе еще одна загадка, Алоизиус, – размышлял достойный герцог. – Откуда взялся сей талант?» На его памяти лишь один Высокий дом обладал подобными навыками, отдавая предпочтение земле перед другими стихиями. К счастью, злополучные де Крайто уничтожены, прах к праху, как говорится, – тут уж Саграда расстарался. «А, ладно, уберем и этого непонятного мальчишку до кучи с ди Таэ. Убьем одним заклятием трех вурдалаков...»

Слуга наконец-то закончил измываться над лицом его светлости и промокнул гладко выскобленные щеки салфеткой. В дверь деликатно постучали.

– Да! – недовольно откликнулся ди Амбер, расправляя кружевные манжеты своего камзола. Более всего на свете сиятельный герцог любил себя, и только себя.

На пороге опочивальни возник расхристанный малый в потертых холщовых штанах с множеством карманов и в безрукавом тельнике.

– Капитан Даграй велел спросить, будете ли вы на борту или нам без вас взлетать?

– Передайте капитану, что если ему нужно о чем-то мне доложить, то пусть является

сам! – раздраженно огрызнулся герцог. – Да, я прибуду на борт. – Его светлости не терпелось испытать новую смертоносную игрушку, пусть бы и в учебном полете.

Рассеянные солнечные лучи, проникая сквозь иллюминатор, скользили по небольшой каюте в недрах парусника. Оборотничка, расслабленно откинувшись в широком кресле, благосклонно следила за тем, как байкер бинтует ей пострадавшую руку. У корабельного лекаря действительно нашлась мазь от ожогов. Убедившись, что пассажиры в состоянии обработать себя сами, заспанная сердитая лемурка всучила им мазь, бинт и, захлопнув дверь перед носом пациентов, отправилась досыпать.

– Надеюсь, у Анны не возникнет проблем с телепортацией байка, – вполголоса пробормотал Виктор, старательно закрепляя кончики бинта, но не спеша выпускать из пальцев ладошку Радиславы.

Менестрель чуть заметно нахмурилась. Она немного жалела, что не успела попросить княжну при телепортации «нечаянно» утопить адскую машину в первом встречном болоте. Проницательная оборотничка быстро поняла, что помимо работы ей придется делить своего мужчину еще и с его мотоциклом, но решила пока потерпеть эту ложку дегтя в бочке меда.

Тут корабль ощутимо трянуло, будто он угодил в воздушную яму. Менестрель с байкером озадаченно переглянулись. Преодолев воздушную яму, «Эолова арфа» решила на этом не останавливаться. Резко накренившись на правый борт, судно заложило крутой вираж. Радислава едва не вылетела из кресла, а парусник поспешил повторить маневр в зеркальном отражении.

– Что за чертовщина тут происходит?! – изрядно побледнев, выдавила оборотничка, переждав, пока подпрыгнувший к горлу желудок уляжется на место.

– Если бы я знал! – поскреб макушку Виктор. – Раньше эта посуда такого не вытворяла. Великий Элвис! – Он резко вскочил на ноги и едва не треснулся головой о низкий потолок. – Я же шмотник на палубе оставил! Будь тут! – бросил он через плечо, поспешно выбираясь из каюты.

На палубе царил суматоха, правда, вполне организованная. Налетавший порывами сильный ветер заставлял маневровую команду заголовно носиться между такелажем, словно мошек-самоубийц – между сетями паутины. Байкер, доселе не видевший «Эолову арфу» во время маневрирования, ошеломленно смотрел, как вроде бы статичные составляющие мачт разъезжаются и тасуются в произвольном порядке, ловя ветер и придавая паруснику недюжинное ускорение. Отыскав взглядом отлетевший к фальшборту рюкзак, Виктор поспешил к находке. Но тут корабль еще раз хорошенько трянуло – раскрылись прятавшиеся в бортах маневровые крылья. Байкер не удержался на ногах, прокатился по палубе и преболно треснулся плечом о фальшборт. Парусник лег на крыло, уходя от зарницы, сверкнувшей в опасной близости. Многострадальный потрепанный рюкзак вылетел за борт. От повторения его участи Виктора спас Эорлин-ши, успевший схватить байкера за руку и выдернуть под защиту своего силового поля.

– Просвиру вам в селезенку! – выругался оружейник, уныло наблюдая за тем, как его вещи исчезают внизу. – Что здесь происходит, капитан?

– Мы пытаемся обойти грозу, Виктор-ши, – деловито пояснил сиф. – Вам лучше вернуться в каюту и не путаться под парусами. Левый маневровый, лови ветер! Лови, шувгей¹ тебя заведи! Затянет! – Это уже относилось к красноволосому пиксу, несвоевременно ослабившему трос.

Стоило Виктору под прикрытием Эорлин-ши добраться до лестницы, ведущей вниз, как на палубу выбралась изрядно позеленевшая Радислава. Байкер поспешил поддержать шатающуюся подругу.

– Чего ты вылезла? – напустился он на нее. – Здесь опасно!

¹ **Шувгей** – нечистая сила, возникающая в виде смерча или ураганного ветра. – *Здесь и далее примеч. авт.*

– Лучше я быстро и безболезненно... умру... на свежем воздухе, – судорожно сглатывая, выдавила менестрель, – чем долго и мучительно... в душной каюте...

Сильф тяжело вздохнул. Похоже, отправить пассажиров вниз не удастся. Оборотничка не вернется в каюту даже под страхом смерти, а человек не бросит ее на палубе одну.

– Идите лучше на мостик, – поразмыслив, посоветовал Эорлин-ши. – Там создано стабильное силовое поле, и никому из команды не придется отрываться от работы, чтобы прикрыть вас.

«Эолова арфа» продолжала выписывать кренделя высшего пилотажа, то резко планируя вниз, то почти вертикально взмывая вверх. Развитая парусником скорость поражала. Если бы не защитное поле капитанского мостика, Виктору с Радиславой пришлось бы несладко. Впрочем, оборотничка и без того чувствовала себя весьма паршиво, но возвращаться в каюту отказалась наотрез. На палубе ее обдуло ветром, и она перестала напоминать зеленое земноводное, но по-прежнему продолжала судорожно цепляться за байкера, а на каждом вираже меняла цвет лица с бледного на очень бледный.

Слева от парусника шла темная, почти черная клубящаяся хмарь, так и норовившая затянуть в себя корабль. Вылетавшие из нее зарницы несколько раз едва не достали «Эолову арфу». Маневровая команда из всех сил стремилась как можно быстрее вывести парусник за пределы грозы. Клубящаяся, прорезаемая молниями стена смерча начинала изгибаться, уходя прочь, впереди уже простиралось чистое небо, но до него еще оставалось несколько минут полета. Корабль тряхнуло и начало заваливать на правый борт.

– Левый, левый маневровый! Держи! Держи, шувгей тебя унеси! – Эорлин-ши перемахнул через перила мостика и кинулся на помощь выбившемуся из сил пиксу.

Вдвоем им удалось натянуть заполоскавшийся парус. Корабль выровнялся, но ненадолго. Очередная зарница, прорезав черную хмарь, попала в маневровое крыло. Парусник сильно встряхнуло и едва не опрокинуло на бок. По левому борту факелом запылало вышедшее из-под контроля крыло. Пикс и сильф неподвижно лежали на палубе. Отпущенный парус вольно развевался на ветру. Капитан почти сразу вскочил, пытаясь перехватить трос и выровнять полотно. Пикс, кажется, находился без сознания. Налетавшие порывы ураганного ветра так и норовили вырвать маневровый канат из рук Эорлин-ши. «Эолова арфа» все больше заваливалась на правый борт, рискуя перевернуться вверх дном...

– Мы сейчас перевернемся! – испуганно пискнула Радислава.

Байкер только мрачно кивнул, прикидывая, успеет ли он добраться до капитана раньше, чем парусник окончательно уляжется на бок. Ясно, что один Эорлин-ши не справится.

– Стой здесь, – коротко бросил оружейник, отцепляя от себя оборотничку и спрыгивая на палубу.

Помощь Виктора оказалась весьма кстати, ибо зеленоволосый сильф уже практически ехал по доскам за треплющимся парусом.

– Держи, капитан! Ровняем эту чертову тряпку! А то твоя лохань сейчас ляжет, к свиньям собачьим, и мы вместе с ней! – рявкнул байкер, хватая жесткий трос и дергая на себя.

Обрадованный неожиданной помощью, Эорлин-ши воспрянул духом, и вдвоем с оружейником им кое-как удалось вернуть коварный парус в нужное положение. Корабль перестало неконтролируемо кренить. «Эолова арфа» на сумасшедшей скорости выскочила за пределы грозового фронта, оставляя позади клубящуюся черноту.

– Маневровые паруса – в исходную! – сорванным голосом скомандовал Эорлин-ши, выпуская из рук злополучный трос. Ветер донес запах дыма. – Крыло! Нижняя палуба! Крыло по левому борту сбрасывай!

Корабль дернуло, и пылающая плоскость, отделившись от борта, спланировала вниз. «Эолова арфа» вновь ровно заскользила под облаками, горделиво рассекая воздушный простор. Убедившись, что палуба больше не стремится уйти из-под ног, Радислава вяло проковыляла с мостика вниз и с деспотическим видом снова вцепилась в байкера. Собственные ноги отказывались ее держать.

– Благодарю за помощь, – встряхнул растрепанными волосами Эорлин-ши, протягивая Виктору руку.

– Всегда пожалуйста, – чуть поморщился байкер при пожатии. Его ободренные до крови ладони нещадно саднили.

– Ну вот, – вяло пробормотала оборотничка, заметив содранную кожу на руках оружейника. – Свинья болото завсегда найдет. Лечи тебя теперь... – Корабль чуть качнуло, и мир вокруг Радиславы резко крутанулся. – Ох, что-то мне совсем нехорошо...

– И кто кого лечить должен? – усмехнулся Виктор, бережно поддерживая девушку за плечи и подталкивая в сторону каюты.

Професс² светлейшего Общества Иисуса, наместник ордена в Нейтральной зоне, при всех своих громких званиях предпочитавший скромное обращение «брат Юлиан», неспешно прогуливался по узеньким, переложённым истертыми плитами дорожкам одного из старинных кладбищ Александро-Невской лавры. Темные, покрытые мхом саркофаги, причудливо изогнутые оградки, оплетенные плющом кресты и скорбные ангелы приводили брата Юлиана в состояние умиротворения, просветляли его голову и помогали собраться с мыслями. Остановившись возле склонившихся ив, уныло купавших свои длинные ветви в пруду, он отрешенно уставился на зеленую воду, испещренную желтыми черточками острых ивовых листьев. Холеные бледные пальцы иезуита вяло перебирали отполированные темные четки. Четки выглядели слишком простыми и даже откровенно бедноватыми для своего владельца, но он ни за что не променял бы их на другие: одного шарика, брошенного в воду, было достаточно, чтобы устроить небольшое светопреставление во славу Господа. Вещество, из которого изготовили эти четки, вступая в реакцию с водой, давало такой бешеный выброс энергии, что куда там малоохольному динамиту.

Казалось, профессор светлейшего ордена под действием энергетики данного места просветлился и умиротворился настолько, что решил почтить усопших и прочесть заупокойную молитву, дабы души их пребывали в свете. Но это только казалось... Любой, кто знал брата Юлиана достаточно хорошо, уже по тому, как яростно он мучил смертоносные четки, догадался бы, что разум его далек от умиротворения, а мысли – от моления. Но таковых рядом не значилось, а уткам, величаво рассекавшим зеленую гладь пруда, не было никакого дела до застывшего на берегу человека. Однако мысли иезуита все же касались личности усопшего, но, увы, не содержалось в них ни сожаления, ни грусти, – лишь голый прагматизм и раздражение. Ибо покойный решил воссоединиться с Господом как раз за день до приезда брата Юлиана в обитель. Весьма несвоевременно!

Чуть больше месяца тому назад вследствие не совсем тихо прошедшего эксперимента представителей ордена в Праге оказалась повреждена колонна Пресвятой Троицы – пражский чумной столп. В ее развороченном постаменте среди обломков братья нашли некий ларец, внутри которого обнаружили футляр для хранения свитка и истрепанный лист с надписью на Старшей речи. Свиток, находившийся в футляре, оказался девственно чист, что изрядно озадачило пражскую братию. Вероятно, свет на эту диковину пролил бы найденный там же документ, но он был настолько затерт и истрепан, что разобрать текст не представлялось возможным. Вот тут-то брат Юлиан, прибывший в Прагу по делам ордена, и вспомнил об одном скромном инокe Александро-Невского монастыря, прославшем за неполные пять лет искусным реставратором старинных рукописей и документов. А поскольку профессор как раз направлялся с ответственным поручением в северную столицу, орденское руководство решило, что он передаст документ в Александро-Невскую обитель для восстановления. Сроку брату Андрею, тому самому искусному монаху, был настоятелем даден месяц.

Однако по новом приезде в сырой Петербург брата Юлиана ждал весьма неприятный

² Професс – член ордена, который посвящен во все его тайны и занимает высшие должности.

сюрприз: инок Андрей скончался от сердечной слабости, предав душу на Божий суд. А оставленного на реставрацию документа ни при покойном, ни в келье его, ни в мастерской не обнаружилось, будто ангелы унесли оный вместе с отлетевшей душой. Хотя в последнем утверждении иезуит сильно сомневался, ибо брат Андрей оказался альвом, чем сильно насторожил подозрительного професса. В том, что монах успешно восстановил документ, брат Юлиан отчего-то не сомневался. Не сомневался он и в том, что покойный познал суть написанного, и «кондратий» его хватил именно по этой причине. По словам настоятеля, после первого приезда иезуита и получения заказа на реставрацию брат Андрей сильно смутился, стал тревожен и просил настоятеля о великой схиме, хотел обет молчания взять. На сердце жаловался опять же...

«Что же было в той проклятой бумаге?! – покусывал губу в размышлениях брат Юлиан. – Отчего древний так задергался? Неужели познал какие-то тайные сведения, могущие сокрушить богопротивные древние расы? Да, собственно, почему нет... Правду ведь говорят: что праведнику – благость, то нечистому – гадость...» От этих мыслей хроническое любопытство иезуита все больше воспялялось. Бумагу необходимо найти – и точка. «Ах если бы настоятель не наделал глупостей и в охватившем его страхе перед древними не заявил о смерти инока в Будапешт! – Досчитав кругляши четок до креста, Юлиан теперь мучил тяжелую подвеску из черного камня. – Но, увы... Представители Дипломатического корпуса уже в дороге, и вряд ли их любопытство окажется меньшим, чем мое». Он наконец-то прекратил терзать четки и зябко повел плечами. Время близилось к вечеру, и воздух наливался прохладой. Брат Юлиан, бросив последний взгляд на пруд, неспешно побрел обратно к жилым корпусам, решив, что будет день – будет пища.

Глава 3

Вечернее солнце уже начинало расцвечивать пурпуром облака, цеплявшиеся за шпиль Адмиралтейства, когда слегка потрепанный сильфийский парусник-бабочка опустил на Марсово поле, заняв место среди еще нескольких воздушных кораблей. Эорлин-ши любезно изволил сопроводить своих пассажиров на землю, уведомив, что в силу полученных повреждений «Эолова арфа» задержится в Петербурге еще на пару дней. И если досточтимые господа успеют справиться с заданием за это время, то он доставит их домой.

– Виктор-ши, Радислава-шан, всегда рад видеть вас на борту, – дежурно произнес сильф.

– Шель, капитан, Радислава-шель, – мрачно поправила его оборотничка. – Я не замужем.

Эорлин-ши сдержанно кивнул, но уголки губ все равно предательски дернулись вверх, сделав лицо сильфа заговорщицки-хитрым. Менестрель гордо вскинула подбородок, глядя куда-то в сторону и делая вид, будто ничего не заметила.

Распрощавшись с капитаном, они поспешили прочь от корабля. Радислава продолжала опираться на руку байкера: хотя после всех учиненных «Арфой» выкрутасов оставшиеся часы полета девушка проспала, ее все еще ощутимо поташнивало и пошатывало от слабости. На хилый вестибулярный аппарат менестрель отроду не жаловалась, а посему такие незапланированные выходы собственного здоровья были для нее внове. И Радислава с ужасом размышляла, что же еще в ближайшее время отколет своей хозяйке претерпевающий некоторые изменения организм.

– А вот и наш комитет по встрече, – выдернул ее из мыслей ироничный голос Виктора.

Оборотничка слегка удивленно уставилась на мальчишку лет двенадцати в сером, подпоясанном бечевкой подряснике, из-под которого выглядывали разношенные сандалеты и потрепанные джинсы.

– Дипломатический корпус? Из Будапешта? – деловито осведомился парнишка. В карих глазах плескалось любопытство.

– Да вроде того, – усмехнулся байкер, присаживаясь на корточки, чтобы малому не

приходилось постоянно задира́ть голову́ для общения.

– Брату Захарию настоятелем препоручено встретить почтенных гостей и проводить в обитель. – Мальчишка из всех сил стремился казаться взрослым и серьезным, но выходило не очень. – Только он сейчас по надобности отлучился, его дожидаться нужно.

– Ну дождемся, раз надо, – хмыкнул Виктор. – Тебя-то как зовут, божий служитель?

Услышав про «божьего служителя» и еще раз окинув парнишку взглядом, Радислава насмешливо фыркнула.

– Отрок Диметрий, послушник Александро-Невской обители, – не подав виду, отрекомендовался тот. – А шрам у вас настоящий? – тут же разрушив всю напускную серьезность, полюбопытствовал мальчик.

– Нет, приклеенный, для конспирации, – едва сдерживая смех, откликнулся байкер.

– А это ваша жена? – Парнишка пытливо разглядывал Радиславу. Оборотничка чуть не поперхнулась. Да что же это такое! «Поженили» уже во второй раз за вечер. – А почему у нее глаза такие странные?

– Потому что я оборотень! – решив прервать реку вопросов, изливавшуюся из уст дотошного отрока, плотоядно усмехнулась менестрель, демонстрируя клыки во всей красе.

– Да-а? – недоверчиво протянул тот. – А вот в трудах Прокопия Зверознатца сказано, что оборотни «суть звероподобны, ужасны, волосаты зело, псиною воняют, дыхание имеют смрадное, до человека охочи неумерно».

Выслушав такое определение, Радислава с Виктором дружно расхохотались.

– Ты любишь юмористическую фантастику? – отсмеявшись, поинтересовалась менестрель.

Ответить Диметрий не успел. К их веселой компании приближался худой сутулый монах, волочивший в руках туго затянутую завязками холщовую сумку, в которой что-то стеклянно звякало. Подойдя к ним, он немедленно передал сумку мальчишке и хмуро представился:

– Захарий, Александро-Невской обители инок.

Байкер с оборотничкой рассматривали второго встречающего. Седой, хотя и не старый. Темная борода прикрывает впалые щеки, а в глубоко посаженных глазах, кажущихся слишком светлыми из-за черных широких бровей, ни капли положенного монаху смирения. Оружейник мысленно хмыкнул.

– Виктор Кипелов, – отрекомендовался он. – Специальный отдел при Дипломатическом корпусе Единой всеблагодати матери-церкви. А это Радислава, наш консультант по вопросам общения с древними расами.

Разглядев свежеиспеченного «консультанта», монах невольно отпрянул назад, пробормотав себе под нос что-то вроде «свят-свят-свят», но в голос ничего не сказал, жестом пригласив дипломатов следовать за ним. Мальчишка-послушник, с усилием вскинув порученную сумку на плечо, поплелся за братом Захарием.

– Э нет, так не пойдет! – остановил его Виктор. – Давай сюда свою торбу. – Он забрал у мальчишки ношу, невольно поморщившись, когда лямка под весом содержимого впилась в перебинтованную ладонь.

Брат Захарий, пронаблюдав за тем, как сумка переключалась к Виктору, нахмурился.

– Ишь, радетели выискались... – сварливо проворчал он себе под нос, неодобрительно косясь на дипломатов. – Сбежались ровно падальщики, словно нам одного иезуита мало... – Последнее было сказано тихо и довольно невнятно, но байкер расслышал.

– Какого иезуита? – подозрительно осведомился он. – Давайте-ка начистоту, уважаемый. – Виктор повелительно опустил руку на плечо монаху. – Что за ересь у вас творится?! Начальство нас клятвенно заверило, что тут тепло, светло и мухи не кусают, а вы нам сахар в пиво насыпать пытаетесь!

Брат Захарий, не ожидавший таких цветистых высоколитературных оборотов, ошарашенно таращился на Виктора. Радислава, уже привыкшая к тому, что байкер все время изрекает какие-нибудь крылато-поэтические выражения, тихонько посмеивалась над

впавшим в ступор монахом.

– Так что рассказывайте, зачем вас отправил сюда настоятель, – ненавязчиво подтолкнул инока к беседе оружейник, чуть-чуть сдавив пальцами костлявое плечо.

Брат Захарий перехватил запястье Виктора и сбросил его руку со своего плеча. Байкер с удивлением отметил, что хватка узловатых пальцев не уступает его собственной.

– Никто меня не отправлял, мил-человек, – хрипло откликнулся Захарий, не выдержав пронзительного взгляда собеседника. – Точнее, отправляли, но не меня. Брат Евстратий, экономя обители, из-за телесной немощи не смог прийти, в последний момент меня попросил. Все одно я с Диметрием в город собирался, за пропиткой для дерева... Резчик я, – пояснил он.

А вот это уже становится интересным. Виктор хоть и предполагал, что встречать их должны были не старик с мальчишкой, но не ожидал, что его подозрения оправдаются. Пальцем в небо ткнул и попал. Теперь главное, чтобы этот самый палец не оттыпали, дабы не тыкал куда ни попадя.

– Ладно, идемте, по дороге все расскажете, – кивнул байкер.

Вечернее солнце расплескивало свои последние лучи о серые гранитные парапеты многочисленных каналов. Золотило грязную мутную воду и искристо-медный купол Исаакиевского собора, пугалось в мрачной колоннаде Казанского, превращало в расписной домик вычурный храм Спаса на Крови. Медный всадник окутывался теплым ореолом, поблескивая многочисленными потертостями в самых неожиданных местах. Петербург наслаждался завершением еще одного солнечного августовского дня, грозя уже завтра задрапироваться свинцовой серостью: ветер гнал по небу клочковатые облака, трудолюбиво сбивая их в невзрачную войлочную пелену у горизонта. Радислава жадно впитывала новые впечатления, с любопытством вертя головой по сторонам и с каждой секундой все больше погружаясь в серое очарование старинных стен, от которых веяло мрачной таинственностью, просыпающейся осенней тревогой и затаенным безумием. Город оставлял в ее мятущейся душе двойственное ощущение. Привлекал и отталкивал одновременно. Отчего-то менестрель точно знала, что захочет вернуться сюда вновь, а в голове сами собой складывались новые строки:

Этот город растекся по венам
Неизбывным каменным ядом,
Я плачу дань гранитным стенам
И старинным чугунным оградкам.
Как наркотик, пролившийся в кровь,
Раз попробовал – не оторваться,
Остаешься навеки со мной,
Заставляя мой сон продолжаться.
Город, город, меня не спасти —
Я попала в твою паутину,
Я мечтатель и в грезах своих
Оставляю тебе половину
От себя... и частицу косого дождя...

По счастью, ее сумка в отличие от улетевшего в неизвестность рюкзака Виктора осталась при ней. На ходу выудив блокнот, она принялась поспешно переносить мысли на бумагу. Диметрий, раскрыв рот, смотрел, как оборотничка строчит карандашом, при этом продолжая идти.

– Ого... – вырвался у мальчишки восторженный возглас.

Радислава лишь хитро подмигнула в ответ. Ей хотелось плюнуть на все, усесться прямо на мостовую и, схватившись за инструмент, выплеснуть переполнявшие ее впечатления в новой песне. Раньше она частенько так делала, повергая в недоумение случайных прохожих,

вынужденных обходить и объезжать рассеившуюся посреди дороги менестрельку. Вдохновение вообще сродни некоторым естественным надобностям организма, его тоже не перетерпишь. Забывшись, девушка привычно потянулась к плечу, где обычно находилась лямка от чехла с гитарой. Тонкие пальцы рассеянно скребанули по эполету джинсовой куртки. От неожиданности оборотничка утратила концентрацию, споткнулась и шлепнулась на коленки.

– Ыть... – только и выдохнула она, осоловело трясая головой.

– Мышка, что с тобой? – обеспокоенно спросил Виктор, свободной рукой перехватывая ее поперек груди и ставя на ноги.

– Муза... – многозначительно подняла палец кверху Радислава. – Она подкралась незаметно...

– Дала по голове и убежала. Понятно, – закончил за нее Виктор. – Ты в следующий раз аккуратней, хорошо? Так и расшибиться недолго.

– Ага... – отозвалась менестрель, вперившись глазами в крайний лоток небольшого стихийного рынка, начинавшегося в нескольких метрах от них. Продавец заливался соловьем, а пожилой покупатель вертел в руках какой-то похожий на лютню инструмент. Дотошно рассматривал его, постукивал по корпусу, прислушиваясь к тихому гулу. Подкручивал колки, пару раз перебрал по струнам. Отрицательно покачал головой и вернул инструмент на прилавок. Оборотничка резко рванулась вперед и вновь чуть не упала.

– Она... Это она!.. – простонала Радислава, повисая у Виктора на руке.

– Кто? – Байкер встревоженно косился на подругу, начиная всерьез опасаться за ее душевное здоровье.

– Квиддера моего наставника! Ты слышал, сколько этот паршивец за нее просит? – Байкер недоуменно покосился на оборотничку. – Ах да... ты же человек... Впрочем, не важно, у меня все равно нет таких денег. – Плечи менестреля поникли, она вывернулась из-под руки оружейника, провела ладонью по лицу, будто прогоняя наваждение. – Идем.

– Подожди. Как инструмент твоего наставника оказался черт знает где? Ты вообще уверена, что это он?

– Уверена. – Оборотничка зябко обхватила себя за плечи. – Незадолго до гибели Марка инструмент украли. Разворотили гостиничный номер, где мы остановились, стащили наш вечерний заработок и его квиддеру. Но это не важно, идем, я мерзнуть начинаю, сыро...

Виктор, быстро прокрутив в голове услышанное, задумчиво хмыкнул, опустил сумку на землю, цапнул Радиславу за руку и потащил к злополучному лотку. Монах с послушником изумленно глядели на разворачивающееся перед ними безобразие. Брат Захарий окончательно уверился, что приглашенные настоятелем дипломаты – еще больший источник неприятностей, чем пресловутый иезуит.

– Эй! Что ты делаешь?! Оглашенный! – Ошеломленная Радислава плелась за байкером.

В глазах Виктора плясали лукавые чертенята.

Продавец, неопрятный полноватый человечек в затертом вельветовом пиджаке, едва сходявшемся на круглом брюшке, озадаченно уставился на странную парочку, резко притормозившую подле его лотка.

– Как давно у вас эта... э-э... квиддера? – сразу взял быка за рога оружейник, тыкая пальцем в инструмент, который толстячок пытался уложить в потертый кожаный футляр.

– Третий день. А что? – подозрительно осведомился тот, машинально прижимая квиддеру к груди и неприязненно глядя на Виктора пороссячьими глазками.

– А то, что буквально на днях кто-то ограбил наш гостиничный номер, – скрестил руки на груди байкер, – и в числе прочего украл инструмент моей подруги! Квиддеру. Вот эту самую! Поэтому предлагаю без лишнего шума вернуть инструмент его законной владелице.

«Законная владелица», вцепившись в локоть разыгрывающего спектакль Виктора, опасливо выглядывала из-за него, жадно пожирая взглядом старинный инструмент.

– А с чего вы решили, что я вам поверю? – гонористо огрызнулся продавец. – Этот инструмент немалых денег стоит. Лакомый кусок для проходимцев...

– У него гриф надколот, – хриплым от волнения голосом произнесла Радислава, – на торце, над верхним колком по левой стороне. А на сколе буква «эм» вытравлена, готическая.

Толстячок подозрительно скосился на гриф. Тот действительно был надколот, и указанная буква на сколе имелаась. Но это его не убедило.

– А сзади по грифу идет надпись, – уже более уверенно продолжила менестрель. – «Когда разум не находит слов, пусть говорит сердце».

Продавец принялся изучать гриф, убеждаясь в неоспоримой правоте оборотнички, но передавать ей квиддеру явно не спешил. Радислава едва сдерживала наворачнувшиеся на глаза слезы: похоже, затеянная Виктором авантюра терпит крах. Байкер, почувствовав ее напряжение, успокаивающе обнял подругу за плечи.

– К вашему сведению, сребролюбие – грех, – проникновенно выдал он, нависая над лотком, – как и воровство. А сбыт краденого – это еще и соучастие.

Несчастный лоточник тщетно пытался уловить, куда клонит этот разбойного вида субъект.

– Вот интересно, – как ни в чем не бывало продолжал байкер, – как ваши соседи по торгу отнесутся к тому, что вы берете грязный товар? Эгей, люди! – гаркнул он. – А кому краденые вещи? Подходи, не стесняйся!.. Кто свое найдет – налетай, забирай!

Немногочисленные прохожие заинтригованно заозирались.

– Тише, прошу вас! – испуганно простонал горе-продавец. – Зачем же так?! Не знал я о том ничего... Забирайте вашу квиддеру и убирайтесь с богом... – Трясущимися, потными от страха руками он затолкал инструмент в футляр и, от греха подальше, поспешно всучил Радиславе.

Менестрель прижала квиддеру к груди любовно, как родную, брезгливо косясь на толстые короткие пальцы продавца, да еще и не шибко чистые, с траурной каймой под растрескавшимися ногтями.

– Спасибо, любезнейший, – ослепительно улыбнулся Виктор, на прощание помахав скривившемуся торговцу рукой.

Тот с кислой миной глядел вслед удалявшейся парочке, мысленно подсчитывая нанесенный его торговле убыток.

Настороженно озираясь, Рид потянул на себя тяжелую дверь главного городского архива. Отворив ее ровно настолько, чтобы можно было протиснуться, архонт поспешно проскользнул внутрь. Тяжелая створка, окованная медью по краю, поддавшись сквозняку, резко захлопнулась, зажав между собой и косяком длинный подол сутаны и мстительно наподдав святому отцу чуть ниже спины. Рид по инерции шагнул вперед, послышался треск раздираемой ткани, и архонт едва не загремел на пол. Он испуганно обернулся и расстроено воззрился на торчавший из щели приличный клок, щедро выдранный коварной дверью из его одеяния. Тяжело вздохнув, поплелся дальше по коридору, намереваясь все же попасть на свое второе рабочее место, пусть и со значительным опозданием. А ведь он опоздал отнюдь не по собственной вине, ибо дело обстояло так...

Выслушав его сбивчивые упрёки и сетования по поводу раннего вызова и срыва первого рабочего дня на новой должности, Злата лишь страдальчески возвела очи горе, показывая, что и ее терпение не безгранично.

– Ничего, – прервала Пшертневская бесконечный поток стенаний архонта. – Значит, придется тебе совмещать приятное с полезным. От этого еще никто не умирал.

– Я всегда поражался, как в твоём прекрасном и нежном сердце может прятаться такая черствость! – сварливо простонал Рид, заламывая руки.

– Это не черствость, это профессионализм, – усмехнулась непреклонная начальница. – Но если не хочешь совмещать, можешь предложить госпоже Дончек перейти к нам в малый архив вместо Миласы. Тогда будут тебе все удовольствия в одном флаконе, а наш архив наконец-то перестанет напоминать пункт приема макулатуры.

– Что? Нет! Ни в коем случае, – возмущенно замахал руками архонт, и злокозненные

очки тут же немедленно сползли на кончик носа. – Бедняжке вполне хватило прошлого «сотрудничества» с нашим доблестным отделом!

– Правильно, – согласилась Злата, одобряя его отказ от своего предложения. – Пускай хоть один мой сотрудник не занимается личной жизнью на работе. – Госпожа кардинал хитро подмигнула своему неофициальному заместителю, вогнав Рида в краску.

– Что ты такое говоришь, Златочка! – протестующе всплеснул он руками. – Лисса, то есть госпожа Дончек, просто моя коллега. По крайней мере, я надеюсь, она ею станет, если я попаду наконец-то в архив! Хотя, не спорю, она довольно милая... Но это к делу не относится! Сугубо деловые отношения, ни пядью больше!

Во время своей возмущенной тирады Рид то краснел, то бледнел попеременно. Пшертневская уже откровенно посмеивалась.

– Ладно, – прекратила она экзекуцию. – Иди работай. Но как только возникнет необходимость, я тебя вызову.

– Конечно-конечно, – уже исчезая в дверях, бросил Рид, спеша ретироваться, пока грозная начальница опять чем-нибудь его не нагрузила чисто из вредности.

И вот теперь он быстро шел по полутемному вестибюлю главного городского архива, стремясь поскорее оказаться в отведенном ему кабинете. Резко свернув в боковой коридор, архонт не успел сбавить скорость и со всего маху налетел на Лиссу, тащившую какую-то объемистую коробку.

– Ай!

– Ой!

Отец Рид и Лисса разлетелись в разные стороны, шлепнувшись на пол. Грохот оброненной коробки и выпавшие из нее глянцевого журналы красноречиво дополнили картину столкновения.

– Господи, да что же у меня за обострение хронической неуклюжести сегодня?! – раздосадованно простонал архонт, ощупывая ушибленную грудь. – Лисса, вы не сильно ударились? – участливо осведомился он. Девушка ошеломленно потирала лоб. – А все моя вина! От меня вам одни неприятности... – Рид помог ей подняться, при этом чуть не наступив на длинный подол сборчатой юбки с этнической вышивкой.

– Все в порядке, – поспешила успокоить его архивариус, выдергивая из волос изящную деревянную шпильку, чтобы заново подобрать растрепавшуюся прическу.

Длинные волнистые пряди шелком рассыпались по плечам, сделав девушку похожей на цыганку. Рид невольно отметил про себя, что с распущенными волосами она еще симпатичнее.

– Заработалась, задумалась, а тут такая приятная неожиданность. – Лисса улыбнулась, сноровисто подбирая и закрепляя волосы.

– Да уж, приятная... – Архонт потерянно переступил с ноги на ногу и, заметив разбросанные по полу журналы, принялся их подбирать. – Ого, а разве в моем ведомстве и такое водится? – выдавил он, разглядев весьма откровенную обложку с характерным зайчиком на лейбле.

– У нас много чего есть, – звонко рассмеялась Лисса, помогая ему собирать разбросанную периодику. – Вообще, журналы – вотчина Роберта. Но этот ящик кто-то забыл в моем отделе. Так уж мне с моей бюрократией везет. Иногда такое обнаруживается, что и смех, и грех... – Девушка пыталась запихнуть кипу журналов в коробку, но что-то мешало.

Рид пошарил по днищу рукой и извлек наружу отполированный металлический цилиндр с резными наверху шишечками.

– Это еще что? – удивленно витаращился он на странную штуковину.

– А фокус его знает, – отмахнулась Лисса, укладывая пикантные журнальчики в короб. – Возможно, дилдо. Наверное, в комплекте с каким-то выпуском шло. Раньше было модно с подобной прессой мелкие подарки распространять.

– О Господи! – Достойный архонт, залившись румянцем, поспешил сунуть подозрительную штуку обратно к журналам. Воображение у него иногда работало даже

слишком хорошо. – Избави мя от помыслов греховных... – пробормотал он, склонив голову и тем самым пытаясь скрыть пылающие щеки. Уложив свою пачку, он подхватил злополучную тару и поднялся на ноги, тяжело вздохнув. – Куда сие непотребство тащить?

– Долго объяснять, – покачала головой девушка. – Давайте провожу. Правда, я бы и сама донесла...

– Ну должен же я хоть чем-то искупить свою неповоротливость, – обезоруживающе улыбнулся Рид...

– Итак, вернемся к тому, на чем сработал тормоз. – Виктор пытливо уставился на монаха, когда они покинули блошинный рынок и направились дальше.

Заходящее солнце золотило выступающие над деревьями купола монастыря. Радислава, все еще не решаясь перевесить квиддеру за спину и прижимая ее к груди, о чем-то оживленно болтала с мальчишкой. Захарий каждый раз неодобрительно косился на них, когда Диметрий заходилися звонким смехом.

– Хорошо, – хрипло откликнулся монах. – Я расскажу, но при одном условии...

– Опа... – Байкер саркастически заломил бровь, отчего его лицо приобрело еще более криминальный вид.

– Заберите отсюда мальчика, – попросил резчик. – Ему тут не место.

– Куда и с какой радости? – нахмурился Виктор. Он чувствовал, что их хотят втянуть в какие-то мутные делишки, если уже не втянули. Вот тебе и тихое задание. Права Радислава: свинья болото завсегда найдет. Хотел же провести отпуск как нормальный человек, так нет, стоило выбраться из дому – тут же посыпались неприятности.

– Да хоть бы и в Будапешт или откуда там вы прибыли, – буркнул Захарий. – А здесь ему жизни не будет.

– Ох не нравится мне все это, брат Захарий, – протянул байкер. – Что-то вы темните.

– А на нет и суда нет, ничего не скажу, – склочно поджал губы монах, ссутулившись еще больше.

Виктор задумчиво разглядывал мальчишку. Любознательный, довольно неглупый, насколько он успел понять. Да уж, монастырский быт явно не для непоседливого подростка.

– Ладно, ввяжемся в драку, а там посмотрим, так лупить или кастетом приголубить... – пробормотал он себе под нос. – Хорошо, по отбытии мальчик уедет с нами.

Захарий, уже расслабившись от осознания того, что не придется ничего рассказывать, сердито засопел. Но, как говорится, назвался ведьмой – изволь колдовать.

– Иезуит его в могилу свел, – выдохнул монастырский резчик.

– То есть? – не понял Виктор.

– Брат Андрей реставратором был искусным, ежели манускрипт какой старинный или книгу восстановить. А месяц назад прибыл к нам этот иезуит проклятый, бумажку какую-то привез истрепанную, вроде как документ некий, для истории важный. И с той минуты не стало Андрею покоя. Что уж там написано оказалось, не ведаю, но бумага та словно изнутри его ела, пока до погоста не довела... – Брат Захарий вдруг резко замолчал.

Байкер пытливо смотрел на него, ожидая продолжения, но монах взглядом указал вперед. Заговорившись, они не заметили, как прошли в ворота и очутились на территории лавры. Теперь Виктору оставалось только разочарованно ругаться сквозь зубы – понятно, что здесь из угрюмого резчика и слова не вытянешь. Передав ему изрядно оттянувшую плечо сумку, привлек к себе Радиславу, мрачно оглядывавшую двор.

– Мышка, от меня ни на шаг, – тихонько приказал он.

– Не больно-то и хочется, – хмыкнула оборотничка, стремясь прижаться теснее.

Святое место, которое вроде бы должно настраивать на умиротворенный и покаянный лад, пробуждало у Радиславы абсолютно супротивные чувства. Чуть заметный, а для человека и вовсе не ощутимый, душок мирры и ладана растекался по двору от распахнутых дверей церквей и часовен, вместе с примешивавшимся к нему более сильным коричневым запахом монастырской сдобы. Этот аромат заставил оборотничку брезгливо поморщиться и

раздраженно фыркнуть в попытке изгнать плотно обосновавшийся в носу сладковатый запах. Виктор же, заинтересованно втянув воздух, выказал абсолютно иные мысли:

– Издеваются над гостями, черти! И так живот к хребту прилип, на ужин стопудово какую-нибудь вареную морковку подсунут, а тут пирожками разит до одурения! Чую, придется нарушить восьмую заповедь... Знать бы только, где они выпечку на ночь оставляют...

Оборотничка поспешно сглотнула прокатившийся по горлу липкий комок. Есть ей хотелось не меньше, а то и больше, чем напарнику, но противный тошнотворный запах отбивал всякое желание даже думать о еде.

По счастью, их довольно скоро избавили от пытки разлившимися по двору ароматами, соизволив проводить к настоятелю. Попросив немного обождать, провожатый растворился в полутьме коридора.

– Ну вот, сначала требуют явиться немедленно, а потом заставляют ждать, – проворчал байкер, опираясь о подоконник. – Иди сюда, – он цапнул оборотничку за лямку квиддеры, которую та перевесила за спину, и притянул к себе, – не стой посреди коридора.

– Ш-ш! – Радислава уперлась, не желая сдвигаться с места и чутко прислушиваясь. – Не бубни! Там ругаются – похоже, из-за твоего покойника... Лишняя информация еще никому не мешала, а в нашем случае тем более...

Брат Юлиан, удобно рассевшись в глубоком резном кресле, пристально буравил глазами игумена Никифора, глядя на него поверх сцепленных пальцев. Игумен в свою очередь не менее любезно смотрел на почтенного иезуита. Только в светлых глазах отца настоятеля сквозила еще и выразительная мысль, наиболее точно оформляемая в лаконичную фразу: «Как же ты меня достал...» Этот разговор являлся уже десятым по счету за последние два дня.

– Отец Никифор...

– Брат Юлиан, – устало перебил его игумен, – я не имею ни малейшего понятия, куда подевался ваш документ. Ежели он канул в небытие, то на все воля Божья... Брат Андрей должен был завершить реставрацию ровно в тот день, когда почил в бозе. Все, над чем он на тот момент работал, осталось на столе и в прилежащих ящиках в скриптории. Идите смотрите, я ведь вам не запрещаю...

Иезуит кисло взирал на отца настоятеля. Тот прекрасно знал, что все бумаги брата Андрея он перерыл сверху донизу еще в первый день своего пребывания в обители.

– Возможно, он брал работу в келью, – с нажимом предположил досточтимый профессор.

– Исключено, – жестко отрубил отец Никифор.

– Если бы я мог осмотреть...

– Келья брата Андрея была осмотрена в то злополучное утро, когда его нашли мертвым, – раздраженно вернул подачу отец настоятель.

Брат Юлиан скрипнул зубами. Просить игумена разрешить ему лично осмотреть монастырское жилище мертвого альва бесполезно. Тут отец Никифор оставался непреклонен. Похоже, придется обратиться к несколько несправедному методу посещения столь желанной кельи...

– Засим окончим нашу беседу, – вырвал его из размышлений хорошо поставленный баритон настоятеля. – От нее ни уму – пищи, ни сердцу – покоя... Идите. Господь с вами.

Брату Юлиану ничего не оставалось, кроме как подняться из порядком надоевшего кресла и сухо откланяться. Выйдя в коридор, достойный профессор лоб в лоб столкнулся со странноватой парочкой в штатском.

«Хм, интересные сотрудники у Дипломатического корпуса, однако...» – удивленно отметил он, провожая взглядом исчезнувших в кабинете настоятеля людей, вернее, одного человека и одного оборотня.

Обдумывая, какую выгоду можно извлечь из этого занятного открытия, брат Юлиан прислонился к косяку настоятельской двери. Слух у иезуита был обычный, человеческий, а

вот любопытство не уступало Радиславиному.

Отец настоятель, задумчиво поглаживая аккуратную седую бороду, разглядывал вошедших. Вид сотрудников Дипломатического корпуса при Единой всеблагой матери-церкви, прибывших на срочный вызов, вызвал у него легкое удивление, но не больше. Абсолютно спокойно выдержав нагловатый, вызывающий взгляд Радиславы, отец Никифор обратил свой взор на байкера и невесть чему усмехнулся в бороду.

– Настоятель Александро-Невской обители игумен Никифор, – почтенно отрекомендовался он.

– Виктор Кипелов, специальный отдел при Дипломатическом корпусе Единой всеблагой матери-церкви, – кивнул в ответ оружейник.

– Радислава, консультант при специальном отделе, – наступив на свою гордость, через силу выдавила менестрель.

– Занятное сочетание – оборотень и церковь, – все так же усмехаясь, протянул отец настоятель.

– Не занятнее, чем альв-монах, – достаточно резко парировал Виктор, машинально обнимая Радиславу за плечи, будто стремясь защитить непонятно от чего.

– Да, вы правы, – пошел на попятную игумен.

– Скажите-ка лучше, отец Никифор, – байкер решил не тянуть кота за хвост, – неужели за те пять лет, которые брат Андрей прожил в монастыре, никто не понял, что перед ним не человек? Простите, но я в это не верю.

– Вас ведь, кажется, прислали ради освидетельствования благопристойности погребения? – в тон ему откликнулся настоятель. – Вот и занимайтесь тем, чем должны.

– Бытует мнение, что смерть брата Андрея не случайна, – якобы себе под нос, но тем не менее так, чтобы услышали, вдруг протянула оборотничка.

Виктор, не ожидавший поддержки с ее стороны, чуть вздернул бровь.

– А-а... – скривился отец Никифор. – Захарий успел с вами потолковать... Это не больше, чем его домыслы, не имеющие оснований. Два старых угрюмца... Захарий и его подмастерье-послушник – единственные, с кем брат Андрей уж если не водил дружбу, то хотя бы общался...

– Брат Захарий знал о том, кто такой на самом деле брат Андрей? – прервал настоятеля Виктор, стремясь подтвердить все крепнувшие подозрения.

– Не имею права раскрывать тайну исповеди, – уклончиво вывернулся игумен.

– Значит, знал... – Байкер поскреб заросший щетиной подбородок, делая мысленную пометку: требовать со Златы по возвращении молока за вредность, ну или хотя бы прибавку к жалованью на лишнюю бутылку пива. – И это, нам бы тело посмотреть... Так, для проформы...

– Вас разместят в гостевом флигеле, – сменил тему отец Никифор. – К телу проводят. Поскольку ужин вы пропустили, зайдите на кухню, вас накормят. – Настоятель сделал движение рукой, давая понять, что аудиенция окончена.

Выходя из кабинета, Радислава различила удаляющиеся по коридору шаги. Человек, весь их разговор тихонько простоявший под дверями настоятельской кельи, спешил ретироваться, дабы остаться неузнанным. Оборотничка саркастически хмыкнула. Глаза и уши можно обмануть, но не нос. Никуда любопытный шпион не денется, ибо она легко опознает его по запаху. Но сначала действительно нужно поесть.

Брат Юлиан поспешно удалялся от дверей кабинета отца настоятеля, на ходу перебирая четки и раскладывая по полочкам полученную информацию. Значит, брат Захарий был дружен с покойным, более того, знал о некоторых его, гм, особенностях... Это открывало профессу совсем другую картину и иные возможности поиска. Хотя келью он все-таки осмотрит, а потом наведается к угрюмому монастырскому резчику... Думается, им найдется о чем поговорить.

Короткие августовские сумерки все уплотнялись, перетекая в темно-серую питерскую ночь. Легендарные белые ночи уже миновали, но настоящая темнота еще не успела обосноваться на своем законном месте. Провожатый, молоденький монах, сначала приведший их в часовню к гробу покойного, а теперь сопроводивший до флигеля, деликатно попросил странноватых гостей как можно скорее погасить освещение в комнате. Те лишь пожали плечами, мол, надо так надо. Радислава и без того прекрасно видела в темноте, а Виктору было все равно.

Возле дверей отведенной им комнаты они вдруг столкнулись с братом Юлианом. Иезуит, коротко отрекомендовавшись, пожелал своим соседям по флигелю спокойной ночи, бросив мимоходом:

– Держите свою напарницу на коротком поводке, сегодня все-таки полнолуние, – и с гнусной ухмылочкой скрылся в своей комнате, даже не подозревая, какой неприятности избежал своим проворством.

Радислава разжала пальцы на запястье Виктора лишь минуту спустя, когда байкер понял, что вырваться бесполезно. Тяжелый метательный нож рыбкой скользнул обратно в рукав.

В комнате оборотничка устало плюхнулась на одну из кроватей и вынула квиддеру из футляра. Мужчина, опершись о спинку кровати, глядел на худенькую девичью фигурку, теряющуюся в полумраке.

– Ничего страшного не произошло, – вздохнула менестрель. – За все прожитые годы и не к такому привыкаешь...

– Извини, но я как-то не намерен привыкать к тому, что мою любимую оскорбляет всякая иезуитская дрянь, – огрызнулся Виктор, машинально потирая запястье.

Радислава молчала, подкручивая колки и вслушиваясь в звучание струн. Каждый звук – маленькая жизнь... И лишь все вместе, сплетаясь в созвучие, они создают единый поток, который сначала струится по капле, а потом льется все сильнее, превращаясь в полноводную реку: врывается в пересохшее русло, возрождаясь и возрождая. Оборотничка замерла, прислушиваясь к себе. Луна, заглянув в окно, высеребрила рассыпавшиеся по плечам волосы. Менестрель тронула струны, исполнила замысловатый перебор, осталась довольна и задумчиво обхватила корпус квиддеры, глядя перед собой, будто что-то вспоминая. Тогда тоже был вечер... И музыка, за которую она так и не отблагодарила его, пусть Виктор и играл тогда исключительно показухи ради. Пальцы сами собой прижали нужный аккорд, роившиеся в голове слова сложились в напевные строки, а голос стал еще одной струной:

Сияя тусклой позолотой,
Мольбой безмолвною крича,
Она с отчаянной охотой
Мечтала смертной стать гарротой,
Сестрой скрипичного ключа.

Уже давно, в тиши музея,
Она ленилась петь и жить,
Забыв, что каждый день глаза,
Как будто в стенах Колизея,
Мечтали люди ей служить.

Ее изящная фигура
Блюла себя сквозь сны и мари,
Волнуя сердце балагура,
Рождая поцелуй Амура,
Но, помня руки Страдивари,

Подобно копьям божьей рати,
Ее смычок бывал остер,
Ведь, звук и дух сплетя так кстати,
Ее родню создал Амати,
Но кто-то бросил на костер.

Ее считали высшим вкусом,
Елеем и росой с небес,
А нарекли потом искусом,
Нечистой похоти укусом,
Что миру дал коварный бес.

О, как она когда-то пела,
Прекрасней трели соловья,
Она рыдала и кипела,
Кровь на струне ее алела,
Твоя... А может, и моя...

Ее теряли... Находили...
Дарили милости взамен,
Как будто женщину, любили,
Но позже душу в ней убили,
Витрины обрекли на плен.

Она впитала дух веков,
Волнение жизни, запах гари,
Раба, но вечно вне оков,
Творенье муз, дитя богов,
Простая скрипка Страдивари...

– Спасибо! – шепнул Виктор, наконец-то сумев проглотить застрявший в горле комок. – Это настоящее волшебство!

Менестрель отблагодарила его выразительной улыбкой. И вновь все затихло. Радислава продолжала сидеть с квиддерой в руках, не в силах оторвать взгляд от паутины лунного света на полу.

– Что, и спать с ней в обнимку будешь? – ехидно осведомился байкер минуту спустя, пытаясь хоть как-то разбить повисшую в воздухе тревожную тишину.

– Ага... – рассеянно откликнулась Радислава, все так же глядя в одну точку и машинально поглаживая выпуклый бок квиддеры.

Кровать скрипнула и просела под тяжестью еще одного тела. Менестрель не удержала равновесия и привалилась к плечу оружейника.

– А как же я? – с наигранной обидой возмутился он, сгребая оборотничку в охапку вместе с инструментом. – Мышка, не сердись. Одному мне холодно и одиноко...

– Ей тоже, – фыркнула Радислава, осторожно укладывая инструмент на кровать и любовно проводя пальцем по лакированному боку. – Мне проще ее согреть, а ты вон какой здоровый.

– Хорошего человека должно быть много, – иронично хмыкнул Виктор, откидываясь на подушку и увлекая за собой подругу.

В коридоре скрипнула соседняя дверь. Оборотничка мигом встрепелась, вывернулась из рук байкера, скатилась на пол и на четвереньках кинулась к двери. Замерла, прислушиваясь к крадущимся шагам. Хлопнула внутренняя, а затем и входная дверь.

– Родная, ты что? – озадаченно уставился на нее Виктор.

– Наш сосед куда-то ушел, – буркнула менестрель, поднимаясь и отряхивая колени.
– Ну мало ли, приспичило мужику, – лениво отмахнулся байкер.
– Удобства, к твоему сведению, внутри. Они в противоположном конце коридора. – Радислава принялась раздеваться, намереваясь перекинуться. – Прослежу-ка я за ним. Отвернись!

– Не проследишь, – спокойно ответил мужчина, перехватывая ее руку. – Проследим. Одну я тебя разгуливать по лавре не отпущу, да еще в таком виде.

Глава 4

Ночь – время отчаянных. Темнота усугубляет все ощущения, ночная прохлада бодрит, и адреналин выделяется в сумасшедшем количестве, прибавляя сил. Ночь придает пикантную остроту даже самой обычной прогулке, а уж необычной – тем более...

Брат Юлиан почти неслышно скользил меж ухоженных монастырских клумб, усаженных белыми и алыми розами. Равнодушно плыла по небу луна, обливая серебром все вокруг и роняя скудный свет на выложенные разноцветными плитками дорожки. Но представитель ордена иезуитов в Венгрии в дополнительном освещении не нуждался. Хлебнув перед выходом эликсирчика из секретных разработок ордена, он прекрасно видел в темноте. Наутро, правда, потребление оногo настоя грозило аукнуться страшной головной болью, но ради правого дела професс был готов смириться с побочным эффектом чудо-зелья.

В столярной мастерской, несмотря на поздний час, все еще светились окна. Кто-то вопиюще нарушал монастырский распорядок, трудясь во имя Божье даже после захода солнца. Брат Юлиан криво усмехнулся. Расспросив будто бы невзначай нескольких послушников, он довольно быстро выяснил, что брат Захарий частенько ночует в мастерской, засиживаясь допоздна с работой. А на все упреки отца настоятеля отвечает, что в какой час и сколько трудиться во славу Бога – это его личное дело. И сейчас такое упрямство оказалось иезуиту на руку. Ибо когда еще представится другой случай побеседовать с угрюмым резчиком без свидетелей.

В мастерской терпко пахло деревом, морилкой и немного подсолнечным маслом. Настольная лампа на длинной суставчатой «ноге» цаплей нависала над верстаком, чуть поблескивая облезлым помятым абажуром. Захарий наблюдал, как мальчишка-подмастерье переносит узор с кальки на широкую доску. Из-под детской руки выныривал то замысловатый побег растения, то диковинный зверь, то ангел. Иногда резчику казалось, что узор наливается теплым светом и начинает пульсировать. Да, мальчишка определенно талантлив, но таланту его в монастыре не место... И не только таланту...

Снаружи послышались едва различимые шаги. Брат Захарий напрягся.

– Диметрий, слазай-ка наверх, посмотри, высохли там заготовки, что мы вчера в масле варили. Если высохли, рассортируй.

Мальчишка неохотно оторвался от рисунка, но послушаться наставника не посмел. Захарий разрешал ему засиживаться в мастерской допоздна, когда все уже спали, покрывал некоторые мелкие шалости, защищал от старших мальчишек. За это Диметрий готов был мириться с грубоватым обращением резчика и его тяжелым характером.

Подоткнув длинный подол подрясника, отрок проворно вскарабкался по узкой деревянной лестнице на чердак. Стоило мальчишке скрыться в чердачном проеме, как дверь мастерской скрипнула и на пороге возник брат Юлиан. Захарий хмуро уставился на ночного посетителя. Он догадывался, что рано или поздно иезуит придет. Только лучше бы это случилось чуть позже, чтобы мальчишки в монастыре уже не было. Достойный профессор змеей проскользнул в глубь помещения и остановился напротив резчика.

– Думается мне, нам есть о чем потолковать, брат мой, – с легким акцентом произнес он, хищно разглядывая сухощавого инокa.

Тот мрачно буравил его взглядом из-под насупленных бровей. Узловатые пальцы сами собой нашарили в ящике с инструментами тяжелый резец.

Диметрий в нерешительности застыл у чердачного люка, привалившись к стене, не зная, спускаться ему или подождать, пока неурочный гость соизволит уйти. Осторожность требовала оставаться на месте, природная сообразительность подсказывала, что брат Захарий намеренно усладил его подалеже от досужих глаз, а неумное любопытство требовало немедленного удовлетворения. Поколебавшись, мальчишка все-таки принял к щели в чердачном полу.

– ...где документ? – приглушенно донеслось снизу.

Брат Захарий молчал, угрюмо глядя на посетителя.

– Не хотите говорить, я обращаюсь к вашему подмастерью... Мальчишки ведь любознательный народ. К тому же есть разные зелья... – Договорить брат Юлиан не успел.

В мастерской послышалась невнятная возня, раздался глухой стук, и Диметрий поспешно зажал себе рот, чтобы не закричать. Лампа внизу, повинувшись чужой руке, погасла. Мальчишка испуганной мышью шарахнулся к чердачному окну и, протиснувшись в него, кубарем скатился по внешней лестнице...

– Надо было тебя на поводок взять, – проворчал Виктор, кладя руку на холку волчицы.

– Ну извини, – недовольно откликнулась та, – естественная потребность... К тому же этот куст и так метили все кому не лень.

– Ты разумное, высокоразвитое, культурно продвинутое существо, ты должна быть выше низменных инстинктов, – легонько щелкнул ее по уху байкер. – След не потеряла? – деловито осведомился он.

– И что бы ты без моих «низменных инстинктов» делал? – насмешливо фыркнула оборотничка, утыкаясь носом в землю.

– Спал бы спокойно в уютной комнате на теплой кровати, – насмешливо откликнулся мужчина.

Следы отправившегося на ночную прогулку по лавре иезуита привели их сначала к келье приснопамятного брата Андрея. Бесцеремонно обшарив комнатку вслед за братом Юлианом и не найдя там ничего достойного внимания, уважаемые господа дипломаты, крадась, аки тати в ночи, двинулись дальше. Следы, петляя меж ухоженных клумб, вели к мастерским, что немало озадачило Виктора.

– И не спится же паршивцу в ночь глухую, просвиру ему в селезенку! – осуждающе пробормотал он, спотыкаясь впотьмах.

Радислава напряженно застыла, поводя носом. Байкер почувствовал, как по ее телу пробежала волна дрожи. Шерсть на загривке вздыбилась. Оборотничка боролась с желанием плюхнуться на зад и завывать от разлитой в воздухе злости и смерти... дурной смерти. Из приоткрытой пасти вырвался не то стон, не то скулеж.

– Радислава... Рада... – будто сквозь вату донеслось до сознания. – Что случилось?

Виктор присел на корточки, обхватив волчицу за шею. Та встряхнулась, избавляясь от захлестнувшего наваждения.

– Кровью пахнет, – сдавленно произнесла она, – человеческой...

– Та-ак, дело пахнет керосином, – понимающе протянул оружейник, вставая и решительно подходя к двери столярной мастерской.

Оборотничка тенью скользнула за ним.

– ...! – только и смог сказать мужчина, очутившись внутри. Глаза худо-бедно приноровились к скудному освещению. А льющегося в окошки лунного света оказалось достаточно, чтобы очертить застывшее на полу человеческое тело с нелепо раскинутыми руками. На досках растекалась приличных размеров темная лужа.

– Брат Захарий... – уныло констатировала волчица, приближаясь к телу и брезгливо отряхивая ставшие влажными лапы. – Похоже, иезуитский выродец нас опередил...

– С чего ты взяла, что это он? – Виктор склонился над убитым и, аккуратно подцепив за подбородок, повернул голову мертвеца набок. Бледный лунный свет озарил жутковатую рваную рану на шее. – Вон какая дырка, будто его оборотень грызнул. Но ты вне

подозрений, милая, – поспешил добавить он, увидев, что верхняя губа Радиславы возмущенно вздергивается, недвусмысленно обнажая клыки.

– С того. – Волчица, стараясь не влезть повторно в кровавую лужу, обнюхивала одежду покойника. – Ведь это он стоял под дверью кабинета настоятеля, когда мы туда вошли, и слышал весь разговор. А еще на одежде мертвеца остался его запах... И к твоему сведению, оборотень всегда хватает за горло пастью, а здесь явно использовались какие-то крючья или когти...

– «Кошачья лапа», – задумчиво произнес байкер, что-то прикидывая. – Паршивая штукавина, предназначенная как раз для таких вот подленьких неожиданных ударов. С нею очень хорошо под зубастую нечисть косить...

«Зубастая нечисть» легонько прихватила оружейника за локоть, привлекая внимание.

– На чердаке кто-то есть... – хрипло прошептала она.

– Мхм, – невнятно хмыкнул Виктор, поднимаясь на ноги и бесшумно скользнув к лестнице. В руке тускло блеснул метательный нож.

Он успел одолеть почти две трети лестницы, как вдруг на него бросилась какая-то темная тень. Байкер инстинктивно дернулся в сторону – и удар тяжелого, подбитого гвоздями ботинка пришелся в плечо, а не в лицо. От неожиданности Виктор не удержал равновесия и скатился вниз. Пронзительно взвизгнула оборотничка, которой он умудрился придавить не то лапу, не то хвост. Нападавший, прыжком одолев расстояние до двери, выскочил наружу. Виктор с Радиславой лишь немногим позже выбежали за ним.

Беглец, наплевав на всякие приличия, рванул прямо через клумбы, цепляясь за розовые кусты длинными полами одеяния, а гнавшиеся за ним дипломаты еще больше расширили образовавшуюся просеку, окончательно испортив труды монастырского садовника. Вдоволь попетляв по двору, все трое вылетели на один из четырех лаврских некрополей. Преследователям пришлось значительно снизить скорость, дабы не налететь впотьмах на какой-нибудь памятник или оградку, а вскоре Радислава и вовсе остановилась, тщательно пригнувшись.

– Потеряла?.. – Байкер присел возле нее на корточки.

– Нет... – Волчица поджала левую переднюю лапу, давая ей передохнуть. Поджившие за день ожоги вновь дали о себе знать. – Вон туда он побежал...

След уводил к увитому плющом провалу входа в чей-то старинный склеп. Виктор, положив руку на холку волчицы, вместе с ней проник внутрь. Широкие, низкие ступени скользили. Но стоило спуститься на несколько метров, как распахнутая каменная дверь за их спинами натужно скрипнула и с грохотом встала на место.

– Эй! – Оружейник кинулся к выходу, опоздав лишь на долю секунды, и в сердцах треснул по плите кулаком. Отодвинуть ее изнутри не представлялось возможным. Плита прочно села в пазы, да и весила немало.

Радислава застыла рядом, прислушиваясь, и разочарованно выплюнула зажатую в зубах тряпку.

– Ушел, – констатировала она, усаживаясь на ступени. – Эх...

Прекратив попытки сдвинуть тяжелую входную плиту, Виктор поднял и расправил притащенную оборотничкой тряпку, оказавшуюся иезуитской сутаной. Вот, значит, как этому паршивцу удалось провернуть трюк со склепом: он оставил внутри свою вещь, а сам караулил у дверей. В запале погони они этого не заметили! Радислава устало прикрыла глаза. Решив позволить себе маленькую слабость, легла, положив морду на лапы. Организм настойчиво требовал вернуть его в человеческое состояние. Все-таки в том, что они попались, была ее вина. Уже сейчас ее существо отказывалось полностью принимать вторую ипостась, подсовывая подянки вроде этой, а через месяц-полтора она и вовсе не сможет перекидываться... месяцев эдак шесть... Только как бы вот набраться смелости и осчастливить этим сообщением Виктора – непосредственного, гм, участника происходящего и виновника неотвратимых последствий?

– Мышка, что ты скисла? – ободряюще потрепал ее за ушами байкер. Оборотничка

привычным движением уклонилась из-под его руки. – Выберемся, не впервой... – Мужчина пошарил по карманам и, выудив потертую зажигалку, щелкнул кремнем. Огненная капелька пламени вначале застыла неподвижно, а затем зазывно склонилась в сторону, повинаясь почти неощутимому дуновению сквозняка. – Как насчет проверить вон тот темный угол?..

Брат Юлиан шипел, словно рассерженная гадюка, обрабатывая глубокий длинный порез на предплечье. Перекись, попадая в рану, вторила ему столь же сердито, и от этого создавалось впечатление, будто кто-то разворошил змеиное гнездо, обитатели коего теперь злобно выражают свое недовольство по этому поводу. Покончив с перевязкой, достойный профессор скептически осмотрел распоротый, пропитавшийся кровью рукав. Рубашку теперь только выкинуть, и чем скорее, тем лучше. Да и бог с нею – наденет запасную. А вот сутаной пришлось пожертвовать безвозвратно. И почтенному иезуиту очень хотелось верить, что жертва эта была не напрасной. То, что погоня попала на его уловку в склепе, оказалось чистой воды удачей. Оборотничка, так уверенно шедшая по следу, дала маху, заведя себя и своего дружка в наспех сооруженную ловушку.

«Проклятая нелюдь! Если бы не счастливая случайность, куковать бы досточтимому профессу в застенке... И это в лучшем случае...»

Брат Юлиан брезгливо поморщился, вспоминая досадное происшествие в столярной мастерской. Попытка надавить на несговорчивого резчика закончилась плачевно. Да кто ж знал, что он с ножом бросится?! Иезуит едва успел закрыться рукой, а дальше сработали годами оттачиваемые рефлексy, ну и безотказная «кошачья лапа», укрепленная на запястье. Нанесенный удар, как всегда, стал смертоносным и безукоризненно точным, но только сегодня досточтимый принципал предпочел бы промахнуться... А-а-а, ладно, ведь снявши голову, по волосам не плачут, что уж теперь метаться.

От лобового столкновения с дипломатами его спас почудившийся на чердаке шорох. Не полезь он проверять, уперлись бы нос к носу с оборотнихой, и тогда никто бы не поручился за исход. А так он жив, хоть и слегка потрепан, что уже хорошо. Но до сих пор остается без столь необходимого документа, увы...

Иезуит осторожно открыл темную шкатулку, изнутри обитую бархатом, и задумчиво уставился на тускло поблескивающие крышечки, размышляя: хлебнуть ли какого-нибудь бодрящего эликсира или предоставить организму естественный отдых. Склонившись в пользу последнего, он закрыл ящичек. А затем устало вытянулся на кровати, стараясь не думать о том, что грядущее утро встретит его изнуряющей мигренью...

Об умерших не принято говорить плохо... Но неизвестного архитектора, строившего некий злосчастный склеп, возведенный на одном из монастырских погостов, следовало считать большим оригиналом. И это еще мягко выражаясь, ибо как по-другому можно назвать человека, устроившего черный ход в усыпальнице? Не иначе как для выгула упыристых родственничков, не спешащих упокоиться с миром, а продолжающих пить кровушку даже в посмертии, правда, теперь уже отнюдь не фигурально.

Вот эти-то мысли Виктор и озвучивал, не скупясь на витиеватые обороты, попутно пытаясь хоть чуть-чуть увеличить щель между окованной железом дверью и каменным косяком. Увы: то ли вышеупомянутые упыри за эти годы благополучно перемерли, то ли они пользовались оставленным нараспашку парадным входом, но злополучную дверь заклинило на ржавых петлях так, что ни туда ни сюда. Байкер помянул вслух всю нечистую силу, перечислив ее родню до седьмого колена, и усилил нажим... Поскольку молодецкой силушки байкеру было не занимать, дверь здраво решила, что дешевле поддаться, и со скрипом сдала свои позиции еще сантиметров на двадцать, образовав вполне приличный зазор. Из показавшегося коридора тянуло сыростью. Радислава, прихрамывая, подошла к двери и сунула нос в щель.

– Ф-ф-ф-ф! Болотом разит!

– Мышка, может, ты обратно перекинешься? – сочувственно спросил Виктор, глядя на

ее поджатую лапу.

– Не имею никакого желания шляться по подобным местам нагишом, – несговорчиво буркнула оборотничка, понимая, что, если в течение часа они не выберутся наружу, тело сменит ипостась самостоятельно, не спрашивая разрешения у нерадивой хозяйки, а попросту отправив оную в глубокий обморок.

Коридор оказался неширок. Противоположной стены можно было свободно касаться отставленным локтем, если бы кому-то в голову пришла такая идея. Затхлый воздух полнился влагой. Под некоторыми неплотно лежащими плитами иногда похлопывало. Ответвлений и развилок здесь не обнаружилось, так что заблудиться вроде бы не грозило. Но ход все время неуклонно шел вниз, и это настораживало, а спустя три пролета начало откровенно нервировать Радиславу. Последние несколько минут она уже ковыляла на трех лапах, болезненно поджав четвертую. Зато в подземелье стало значительно суше. Оборотничка уже едва брела, вывалив язык, как вдруг за очередным поворотом они уперлись в основательную, окованную железными полосами дверь, из-под которой в коридор выбивалась узкая полоска света. Слышно было, как по ту сторону кто-то ходит, напевает себе под нос, шуршит страницами и звучно прихлебывает из чашки. Волчица мгновенно воспрянула духом и заинтересованно подалась вперед: за дверью пили кофе.

– Кажется, мы куда-то пришли, – констатировал Виктор, рассматривая добротную дубовую дверь. Кофе он, конечно, не учуял, а вот шаги различил. – Мышка, прекращай маскарад, нечего пугать своим экзотическим видом возможный ужин.

Радислава сдавленно хихикнула и отступила в темноту. Обратно в человеческий облик ее вышвырнуло с такой скоростью, что не помогли даже гасящие боль татуировки. Отдышавшись, она с трудом поднялась на ноги. Байкер тут же набросил ей на плечи свою рубашку. Пугаясь в слишком длинных рукавах, менестрель зябко переступила босыми ногами.

– Ий! – пискнула она от неожиданности, когда Виктор подхватил ее на руки.

– Так ведь значительно лучше, а? – хитро подмигнул он и требовательно постучал ногой в дверь.

Шаги и шуршание по ту сторону немедленно стихли. Незвестный обитатель подземелья постарался как можно тише подкрасться к входу.

– Кто там? – донесся до неурочных посетителей жеманный, довольно высокий, но явно мужской голос.

– Сто грамм, – грубовато откликнулся байкер, понимая, что от этих самых грамм он бы сейчас точно не отказался. В подземелье было не так уж тепло. – Давай наливай... тьфу, открывай!

– Я не пью, – сдавленно пискнули из-за двери.

– Значит, нам больше достанется! Открывай живее, замерзли в зюю... – Оружейник еще раз недвусмысленно двинул ногой по двери, намекая, мол, а иначе выломаем.

Оборотничка чуть шевельнулась, пробормотав что-то невнятное. Виктор удивленно покосился на подругу: пригревшись у него на руках, Радислава умудрилась почти мгновенно задремать и теперь совершенно не желала возвращаться в реальность.

– Эй, за дверью, – на полтона тише, но не менее напористо продолжил байкер. – Открывай!..

– А-а зачем? – глупо спросили оттуда.

– Г-господи... – выдохнул сквозь зубы Виктор. – Затем, чтобы я зашел, дурень!

Под дверьми мялись и сопели, что-то лихорадочно обдумывая, затем раздался тяжелый, какой-то обреченный вздох.

– А вдруг вы станете меня грязно помогаться? – подозрительно спросил подземный житель.

– Чего?! – возмутился байкер. – Да на кой ляд ты мне сдался! Открывай, просвиру тебе в селезенку!

– Поклянись, что не будете меня помогаться! – надрывно донеслось изнутри.

– Еще слово – я выбью эту дверь к едрене фене и домогаться будет некого! – рывкнул доведенный до белого каления Виктор, от всей души въезжая берцем по доскам. Двери жалобно крикнули, отказываясь безропотно терпеть подобные надругательства.

– Ладно, ладно, – пошли на попятную там, – капитулирую перед грубой силой, на милость победителя. – Брякнул убираемый засов. – Но я буду кричать!

– Да ради бога, – буркнул Виктор, щурясь на яркий свет. – Кричи на здоровье...

Первое, что заметил байкер, когда глаза привыкли к освещению, – нишу с цветастым полосатым тюфяком. Хозяйски прошествовав через комнату, он осторожно уложил на тюфяк мирно посапывающую Радиславу. Менестрель что-то жалобно пробормотала и свернулась клубочком. Виктор машинально пошарил глазами по комнате, разыскивая, чем бы ее укрыть.

– Эй, это же моя ниша для медитаций! – обиженно возопили от дверей.

– Да не ори ты! Не видишь, человек спит! А нирване все равно, откуда ты в нее войдешь! – огрызнулся байкер, продолжая шарить взглядом вокруг, пока не наткнулся на гостеприимного хозяина... И это его предлагалось «грязно домогаться»?! У Виктора вырвался нервный смешок.

У двери, комкая громадный клетчатый носовой платок, стоял парень ростом едва ли выше Радиславы. Совсем еще мальчишка, хорошо если хоть годков двадцать с натяжкой наберется. Довольно длинные платиново-белые волосы стояли дыбом, словно их обладателя хорошенько стукнуло током или его прическу обработал безумный парикмахер. А посреди «взрыва» торчала лихо заломленная набок шляпка-цилиндр с изумрудно-зеленой лентой. На чем аксессуар держался, для Виктора осталось загадкой. Еще более дико смотрелся черный галстук-бабочка на худой голой шее. Огромные глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами, перепуганно изучали непрошенных гостей. Сиротливо болтался на длинной цепочке надтреснутый монокль. Поняв, что никто не собирается на него набрасываться, хозяин подземных апартаментов бочком проскользнул к низкому столику на гнутых ножках и проворно подцепил пол-литровую кружку, прятавшуюся среди разбросанных по столешнице книг. От кружки расползлся горьковатый кофейный дух. Байкер наконец-то заметил валявшуюся в кресле-качалке кошму и заботливо укутал свернувшуюся клубочком оборотничку. Подземный житель, вцепившись тонкими пальцами в чашку, продолжал настороженно рассматривать Виктора. Худые руки чуть подрагивали от напряжения. Не выдержав такого издевательства, кофе выплеснулся через край, залив светло-серую жилетку, надетую прямо на голое тело. Дымчатым бридгам повезло чуть больше: на темном фоне пятна оказались не так заметны.

Оружейник опустил в качалку и устало вытянул ноги.

– Здравствуй, Кэрролл Новый год... – будто ставя диагноз, пробормотал байкер, разглядев завершающий штрих в облике парня: из-под бриджей выглядывали трикотажные гольфы в красно-белую полоску. На пальце левой ноги красовалась изрядная дырка.

Воплощение Безумного Шляпника стыдливо переступило с ноги на ногу и поспешно обуло растоптанные туфли с медными пряжками, стремясь сгладить конфуз.

– Я не Кэрролл, – вкрадчиво, как буйно помешанному, и максимально вежливо ответило чудо в шляпке, тоскливо глядя на свое любимое кресло, занятое здоровым жилистым грязным мужиком, чье пересеченное шрамом, заросшее черной щетиной лицо навевало мысли о кистенях и большой дороге. – Вполне вероятно, вы обознались и...

– Кэрролл – это писатель, балбес! Он помер, когда тебя еще в проекте не было. – Байкер подавился зевком и поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. – Кстати, а тебя-то как зовут, чудо в перьях?

– Жозеф Дезире, – гордо вздернув остренький подбородок, ответил парень. – Для друзей Жози, но к вам это не относится!

– Ну и слава богу, – пробормотал оружейник, тщетно пытаясь держать открытыми слипающиеся глаза. – А я – Виктор... Мы с подружкой выпьем у тебя, а поутру откатим... Не переживай... – Прекратив бороться с отяжелевшими веками, достойный сотрудник специального отдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблагой матери-церкви

расслабленно откинулся в кресле и заливисто захрапел.

Жози в безмолвном вопле поднял лицо к потолку. Затем душевно отхлебнул из кружки и тут же брезгливо скривился: пока он препирался с наглым пришельцем, кофе успел безнадежно остыть.

Тихое августовское утро, уже по-осеннему прохладное, неспешно принимало в свои объятия сонный Будапешт. Стелилась над Дунаем полупрозрачная туманная дымка, спешили на рынок еще сонные жители, зябко кутаясь в куртки и ежась от утренней свежести, изгонявшей остатки сна. От распахнутых дверей кондитерской расплзался вкусный дух свежей выпечки. То тут, то там начинали петь колокола, призывая добродетельных граждан к заутрене. Мелкая лохматая собачонка, пулей вылетев из подворотни, пронзительно обгавкала проходившего мимо мужчину в сутане, даже попыталась цапнуть его за подол. Но не преуспела – прохожий поспешил ретироваться с ее территории, бормоча на немецком что-то нелестное в адрес беспардонной животины.

Досточтимый отец Габриэль Фарт никогда не питал особой любви к собакам, за что друзья человека с не меньшим энтузиазмом платили ему той же монетой. Вот кошки – другое дело. Казалось, не существовало на земле такого усатого-полосатого, с которым Габриэль не смог бы найти общий язык. Якоб фон Кройц частенько шутил, что уже за одно это отца Фарта стоит сжечь на костре. Новоиспеченный великий инквизитор Нейтральной зоны вспомнил друга и усмехнулся своим мыслям. В конце концов, знаменитый кардинал Ришелье тоже питал симпатию к кошкам, что не помешало почтенному прелату оставить яркий след в мировой истории, а заодно стать кумиром для весьма начитанного отца Фарта.

В силу полученного приказа о новом назначении на безусловно высокую и достойную должность вчера вечером святой отец Габриэль Фарт прибыл в Будапешт, дабы занять предложенное место. Отказавшись от предоставляемых апартаментов безвременно почившего Христобая Саграды, он скромно разместился в гостинице, решив на досуге подыскать себе подходящее жилье. А сегодня господину инквизитору предстояло не только ознакомиться с новым местом службы, но и встретиться с представителями пресловутой «ложки дегтя», неизменно прилегающей к бочке с медом, пусть и довольно сомнительной. «Ложкой дегтя» местные представители Серого ордена ничтоже сумняшеся именовали весь Дипломатический корпус при Единой всеблаготворительной матери-церкви. Ни те ни другие не питали особой любви друг к другу, а после того, как почтенные дипломаты приложили руку к разрушению резиденции своих оппонентов, взаимная неприязнь только усилилась. И теперь Габриэлю предстояло стать хлипкой прослойкой между молотом и наковальней, чтобы хоть немного сгладить острые углы обоюдного неприятия.

Кстати, сегодня он покинул скромный гостиничный номер в такую рань отнюдь не ради осмотра предоставленного ему кабинета и уж точно не для плетения словес с главой Дипломатического корпуса. Проснувшись с первыми лучами солнца и взбодрившись холодным (как назло, вчера вечером гостиница осталась без горячей воды) душем, отец Фарт отправился на кладбище. Уже много лет, куда бы Габриэль ни прибывал, он перво-наперво удостаивал своим посещением наиболее старый некрополь. Странная привычка – первым делом отправляться на местный погост. Но Фарт ничего не мог с этим поделать: стоило ему ступить на незнакомые улицы очередного населенного пункта, как ноги сами собой выводили его к юдоли скорби. Будапешт тоже не стал исключением, но вчера святой отец слишком устал, чтобы совершать подобную экскурсию, да еще на ночь глядя. А сегодня за утренним кофе, покусывая хрустящий тост, господин инквизитор внимательно изучил приобретенную накануне карту города и аккуратно обвел кружочком приглянувшееся место. Из всех последних приютов старинного города его выбор почему-то пал на кладбище «Керепеши»...

Свежий утренний ветер налетал легкими порывами, нежно касаясь старых, замшелых, изъеденных временем крестов и диковинных надгробий, шелестел засохшими букетами,

только усиливавшими царящее вокруг уныние. Пролетев по узким дорожкам, ветер маленькими смерчами закружил несколько опавших листьев, будто напоминая: не за горами осень. Яркий лист дикого винограда, подхваченный легким порывом, запутался в светло-золотистых волосах, расцветив их кровавым пятном. Эрик небрежно стряхнул его и теперь отрешенно теребил пальцами, продолжая вглядываться в изъеденную временем могильную плиту, обсаженную по бокам кустами багряных хризантем, сейчас еще не цветущих. Над плитой возвышалась глыба белого мрамора, из которой выступали мужчина и женщина, стоявшие рука об руку. Возможно, не чуждый поэзии старший князь Высокого дома ди Таэ, предаваясь созерцанию надгробия, разразился бы лирическим словоблудием и комплиментами в адрес творения скульптора, если бы это произведение искусства не было памятником на могиле его родителей. Он просто смотрел перед собой, будто сиюсь получить неведомый ответ на свой немой вопрос. Тревога, захлестнувшая его вчера, никуда не делась, а лишь усилилась. Попытка переговорить с подсознанием завершилась маловразумительным советом временно отрешиться от суеты и прийти к своим корням...

Ну пришел, и что дальше? Эрик пытливо всматривался то в безупречно переданные скульптором нежные черты княгини Родики, то в резко очерченное лицо князя Анри. Но родители молчали, не желая осчастливить своего наследника хотя бы самым малым откровением. Утренняя свежесть вкупе с прохладным ветерком безнаказанно проникали сквозь шелковое кимоно, заставив князя выйти из оцепенения и зябко повести плечами. Досадливо смяв виноградный лист, целитель швырнул его на землю, развернул гравикресло и неспешно направил по дорожке к главным воротам.

У небольшой будочки при входе на «Керепеши» вечно поддатый кладбищенский сторож что-то эмоционально рассказывал светловолосому типу в сутане, выпрашивая на опохмел. Эрик равнодушно скользнул по ним взглядом, не особо прислушиваясь к разговору. Впрочем, сторож вещал столь громко, что князь его и так прекрасно слышал.

— ...только вином и спасаюсь, святой отец. Ежели не выпью, то так всю ночь глаз и не сомкну от страха...

— А что, беспокоят? — деловито осведомился светловолосый. Этот говорил абсолютно нормально, и магу пришлось изрядно напрячь слух.

— Да не так чтобы очень, стонут только... жалостливо да страшно, будто давит их что-то. А вчерась на обход вышел, глянул — мать моя женщина! Шевелятся... Плиты надгробные чуть не ходуном ходят. Я тут же, не при вашей безгрешности будь сказано, все вино из себя в штаны и выпустил... Уж не помню, как до сторожки добежал и вдругорядь напился...

«Хм, а вот это уже интересно, — задумчиво потер подбородок князь ди Таэ, неспешно ведя кресло вперед. — Сторож, конечно, пьянь подзаборная, но проверить его слова стоит. К тому же магический фон на кладбище действительно рябит».

— ...вы бы пришли, отслужили тут что положено, — долетел до Эрика пропитой надтреснутый голос. — А то спасу от этих колдунов никакого нет! Вон хоть тот беловолосый, — князь ускорил продвижение к воротам, — все ходит и ходит... А чего шляется, спрашивается?!

Целитель ощутил на себе чужой, цепкий, любопытный взгляд и едва не поддался соблазну немедленно телепортироваться. Однако сдержался и с равнодушным видом властелина проплыл сквозь вычурную арку ворот.

Сторож звучно высморкался и незлым, но емким словом охарактеризовал свое отношение к «проклятым колдунам».

Габриэль задумчиво глядел в спину удалявшемуся чародею в инвалидном кресле. Бесспорно, занятная личность. Возможно, они еще столкнутся. Дай бог, чтобы не на узенькой дорожке. Фарт снова обернулся к словоохотливому сторожу. Услышанное отнюдь не порадовало святого отца, зато живо напомнило о событиях последнего месяца в Вартбурге. Там тоже активно беспокоили мертвецы, а при входе на погосты лицо и руки будто облепляло невидимой паутиной. Явный признак присутствия некротической

энергетики.

– Я наведу вас к вам сегодня вечером, – пообещал господин инквизитор. – Посмотрим, что можно сделать.

Он отсчитал сторожу пару монет. Тот согнулся в подобострастном поклоне.

Отец Фарт развернулся и упруго зашагал прочь, не посчитав нужным тратить время на осмотр некрополя. Похоже, его опасное расследование, начатое семь лет назад в Вене, продолжится сегодня вечером в Будапеште...

Глава 5

Книги... Толстые, обтянутые кожей фолианты с тяжелыми литыми застежками и окованными медью уголками; тонкие высокие репринты старинных летописей, переплетенные в плотный картон; растрепанные подшивки пожелтевших листов, упрятанные в вычурные футляры; миниатюрные томики древней поэзии и афоризмов с золотым тиснением на бархатистых обложках; старинные пергаментные свитки в гладких деревянных и металлических тубах... И в каждой из этих книг спрятан целый мир – диковинный, неповторимый, еще непознанный... Десятки, сотни, тысячи... Нет, десятки тысяч миров, дремлющих под плотно закрытыми обложками, заполняли широкие стеллажи, верх которых терялся в полумраке крутого свода.

Виктор подавился зевком и еще раз тщательно протер заспанные глаза, дабы убедиться, что библиотечная феерия ему не мерещится. Но темные, забитые книгами полки и не думали растворяться в сонном мареве, из которого байкер вынырнул минуту назад. Вчера ночью ему было не до особенностей приютившего их подземелья, а посему утро (ведь судя по тому, что показывали его часы, утро действительно еще не окончилось) поспешило восполнить пробел в информации.

– Великий Элвис... – ошарашенно пробормотал он, сию секунду привести в активное состояние затекшее тело, – я попал в чужую мечту! Рид бы точно уже валялся в восторженном обмороке и помер от зависти, не приходя в сознание...

Впечатление грандиозности книжного собрания чуть портили широченная кровать под бархатным балдахином, уже знакомый Виктору столик на гнутых ножках и кресло-качалка, из которого он безуспешно пытался выбраться. Затекшие, противно покалывающие ноги все еще измывались над своим нерадивым хозяином, раздражая полным нежеланием удерживать в вертикальном положении все остальное тело. В конце концов ему все-таки удалось встать, и он с легкой завистью покосился на Радиславу. Вот кому повезло выспаться на новом месте – тепло, мягко, а главное, лежать! Решив пока не будить оборотничку, байкер отправился на поиски их гостеприимного хозяина.

Нырнув под сводчатую арку, Виктор застыл на пороге, ошеломленно присвистнув: оказывается, в «спальне» находилось всего лишь то, что не поместилось в основном зале. Такого количества книг, собранных в одном месте, сотрудник специального отдела никогда еще не видел.

– Рискую заработать книгофобию на всю оставшуюся жизнь, – пробормотал он, разглядывая помещение.

Неподалеку от входа на последней ступеньке стеллажной лесенки балансировал... нет, все-таки балансировала миниатюрная блондиночка, своим прикидом идеально повторявшая вчерашнего юношу. Платиново-белые волосы волной спадали на плечи.

«Ага, так их тут двое...» – подумал Виктор, гадая, рухнет ли девица с лестницы или успеет поставить на полку громадный фолиант, тяжеленный даже на вид, но потом все равно рухнет?

– Кхм, – вежливо кашлянул байкер, привлекая внимание.

Блондинка, не прекращая эквилибристику на лестнице, всем корпусом развернулась в его сторону.

– А, это вы, ужасный незнакомец... – сердито откликнулась она, неизвестно каким

чудом удерживая на весу здоровущую книженцию. – А как же ваше обещание немедля откланяться поутру?

– Прости, милочка, но тебе я ничего не обещал, – ехидно осклабился Виктор. – И вообще в первый раз тебя вижу.

– Права была моя покойная матушка! – заломив руки, патетично взвизгнула блондинка. – Все вы – змеи-искусители! Как надо – так ковром под ноги стелетесь, а как получите то, чего вожелели, – так сразу шлангом прикидываетесь.

Мужчина удивленно вскинул бровь, тщетно пытаясь вспомнить, когда и что он получал конкретно от этой блондинистой фифы. Память уверенно подсказывала – таковых файлов не значится.

А в это самое время по параллельному стеллажу неспешно крался никем не замеченный упитанный пасюк³...

– Слушай, я вчера общался исключительно с парнем по имени Жози... – сделал попытку объясниться байкер.

– Жози – это я, дубина! Жозеф Дезире или, как сегодня, – Жозефина... Ай!

Пасюку надоело разгуливать вдоль корешков, и он, вообразив себя белкой-летягой, сиганул через проход на соседний стеллаж. Чуть не долетел и шлепнулся на плечо Жозефу-Жозефине, отчаянно заскребя коготками по жилетке. Блондинка, доселе успешно являвшая чудеса библиотечного эквilibра, не удержалась и с пискom загремела с лестницы, едва не съездив оружейнику фолиантом по лицу, однако успешно сбив его с ног. Пасюк как ни в чем не бывало продолжал восседать у девушки на плече, посверкивая черными бусинками любопытных глаз.

– Капуста, сколько раз тебя просить так не делать! – раздраженно воскликнула Жозефина, продолжая возлежать на импровизированном амортизаторе своего падения.

– Брысь отсюда к черту! – потребовал Виктор, крепко приложившийся лопатками о каменный пол. – Трансвестита мне только не хватало!

– Кися моя, не нервничай, я андрогин: никакого силикона – все натуральное! – поспешила (поспешил?) успокоить его девица (?).

– Да хоть черт лысый, какая мне, на фиг, разница! Если моя девушка это увидит, она сначала убьет, а потом будет задавать вопросы! – Байкер бесцеремонно спихнул ее на пол и поднялся на ноги.

– Она некромант? – заинтересовалась блондинка, подхватывая оброненную книгу и вновь забираясь на лестницу.

– Она оборотень, а это гораздо страшнее... Некромант потом хотя бы воскресит, а здесь никаких шансов. – Виктор потер ноющее плечо, на котором отчетливо проступал фигурный синяк в виде подошвы. – Пойду ее разбужу.

– Наш разговор еще не закончен! – донеслось ему вслед.

Но оружейник лишь досадливо отмахнулся, жалея, что рядом нет Рида или князя ди Таэ, которые могли бы хоть немного прояснить ситуацию с парнем, который совсем не парень, а очень даже девушка, которая, гм...

Сонная Радислава сидела на тюфяке, озадаченно рассматривая заполненную книгами залу и силясь подавить проклюнувшийся червячок страха. Она проснулась от дурного ощущения пустоты. Присутствие рядом других существ оборотничка чужая даже сквозь самый крепкий сон и поэтому на опустевшую комнату среагировала мгновенно. Менестрель запустила пальцы в спутанные волосы, пытаясь хоть немного разодрать ту серую паклю, в которую они превратились за ночь. Что с ней творится, черт побери?! Ощущение покоя, к которому она уже успела за полторы недели привыкнуть, приказало долго жить, оставив Радиславу в компании мысли «что теперь будет?». Пройти столько дорог, чтобы в итоге потерять то, что ценится скальдами больше всего? Она не может так просто расстаться со

³ Пасюк – крыса (укр.).

своей свободой! Хотя на кой черт она ей сдалась, если в этой свободе не будет его – несносного, ехидного, но такого любимого человека? Столько лет проведя на вершине одиночества, Радислава стремилась прочь оттуда, но и без уединения уже не могла. А тут еще непредвиденные обстоятельства... Ох, здесь точно не обошлось без шаловливых происков неугомонной госпожи Смерти... Оборотничка в который раз прислушалась к себе, задумчиво опустив руку на живот. Нет, все правильно. Смерть уже тогда безошибочно почуяла то, о чем менестрель только начинала догадываться.

Занимательные мысли о собственном состоянии были прерваны появлением байкера.

– С добрым утром, мышка! – Он уселся на тюфяк рядом с ней.

– Утро добрым не бывает, – проворчала менестрель, растирая ладонью лицо и тем самым изгоняя остатки сна и тревоги. – Куда ты уже успел проветриться? – Оборотничка поплотнее запахнулась в рубашку.

– Домогался хозяина этого безобразия, – иронично осклабился Виктор, – пошло и грязно.

Брови Радиславы удивленно поползли вверх, и байкер, гнусно посмеиваясь, пересказал вчерашний разговор под дверьми.

– Это ее, что ли? – недобро прищурилась оборотничка, разглядев вошедшую в комнату Жози.

– Его, мышка. Это парень...

– Может, я не сильна в анатомии, – холодно произнесла менестрель, – но груди третьего размера у парней не бывает, это факт!

Жози озадаченно покосилась на вырез жилетки. Две последние пуговички едва сходились на верхних округлостях, норовя вырваться с нитками и тканью, а из выреза пикантно выглядывали черные кружева бюстгалтера.

– ...и на твоей коже ее запах... – Хрипловатый голос оборотнички уже практически перешел в сердитое рычание тронутой изменением глотки.

– О-о! – экзальтированно возопила Жозефина, оценив последнюю фразу Радиславы. – Грядет бэль скандал! Прелестно! Только без побоища, а то мне становится дурно от вида крови!

Заслышав подобное, оборотничке резко расхотелось выяснять отношения. Причин тому имелось несколько, и одна из них сейчас стояла напротив. Радислава мертвой хваткой вцепилась в руку Виктора, наблюдая, как переплавляются черты лица и фигура «блондинки». Менестрель шумно сглотнула, разглядывая невысокого щуплого юношу, выпутывающегося из кружевного бюстгалтера.

– Ну вот, все настроение испортили, – пробормотал андрогин, зашвыривая белье на кровать. – Так что, скандал не состоится? – пытливо воззрился он на своих гостей.

– В другой раз, – буркнул Виктор. – Бронируй билеты, партер еще свободен. Ай!..

Радислава все-таки треснула ему по шее, авансом.

– А может, вы все-таки поскандалите? – Жози глядел на них с неприкрытой надеждой на бесплатное представление. – Скандалы, говорят, отношения укрепляют.

– Лучше мы кое-кого сейчас прибьем, чтобы оно не лезло в чужие отношения, – прорычала оборотничка, хищно подаваясь вперед. Виктор едва успел перехватить ее поперек туловища.

– Ничто так не примиряет, как общая проблема, – философски изрек андрогин. Отчаявшаяся вырваться оборотничка притихла на руках у байкера, обиженно сопя и явно напрашиваясь на примиряющий поцелуй. – Так что? По кофе – и разбежимся?

Рассеянные широкими стеклами, солнечные лучи осторожно крались по дороговому ковру, будто пытаясь остаться незамеченными и проскользнуть к неплотно прикрытой двери. Добралась до стола и пугливо заметались, озаряя пухлые отвисшие щеки его светлости досточтимого кардинала Дэпле. Взгляд главы Дипломатического корпуса при Единой всеблагой матери-церкви был полон недюжинной озабоченности. Хмурое мясистое лицо прелата выражало напряженную работу ума, отчего куцые невыразительные бровки стеклись

к переносице, сквозь которую пролегла глубокая морщина, призванная отобразить глобальный мыслительный процесс своего обладателя. Дурная привычка пощипывать во время раздумий раскидистый папоротник, стоявший в углу стола, постепенно привела растение в совсем уж плачевное состояние. И теперь его светлость теребил голый стебель, некогда бывший прекрасным папоротниковым листом.

«Надо бы развернуть горшок другой стороной...» – машинально подумал он, терзая шершавый остов. Кардинала Дэпле трудно было назвать человеком, страдающим от отсутствия проблем: во-первых, должность способствовала, а во-вторых, сказывалась природная склонность к интригам, продуцирующая таковые не хуже раздолбаев-подчиненных. Мысли господина кардинала, пребывающие в броуновском движении, скакнули к недавним воспоминаниям. Ах как он радовался, когда отдел Златы Пшертневской преподнес ему двойной приятный сюрприз: избавил от Саграды и предоставил столь нужный повод для собственного отпуска... Но, как говорится, недолго музыка играла... Не минуло и двух недель после радостного события, как Дэпле настигло высочайшее повеление патриарха, предписывающее немедленно восстановить ненавистный отдел.

Кардинал с нажимом помассировал лоб. Тяжелые перстни заискрились от ярких бликов. Все бы ничего, Дэпле проглотил бы и эту пилюлю, но пока сотрудники Пшертневской наслаждались коротеньким отпуском, он успел передать помещение отдела иезуитам, уже не первый год точившим зуб на эту территорию. Получилось весьма нехорошо – буквально картина маслом «Враги сожгли родную хату». Ну пусть и не сожгли в буквальном смысле, но дипломатам от этого не легче. Прикидывая и так и сяк, как бы вывернуться из щекотливого положения, Дэпле едва не стучался головой о стену. И тут на почтенного начальника Дипломатического корпуса, изливавшего свое горе не в благой молитве, но топившего в бокале «Крови матадора» бог знает какого лохматого года разлива, вдруг снизошло божественное озарение...

Иезуиты всегда славились своим коварством и извращенной склонностью к всякого рода сомнительным экспериментам. Взять хотя бы ту нашумевшую историю с Волчьим мором полувековой давности... Наверняка у них и сейчас найдутся какие-нибудь темные делишки. Саграда-то, оказывается, не только Пшертневской козни строил: Дэпле в бумагах покойного инквизитора нашел и кое-что об иезуитах. Думается, господин Христобаль со временем намеревался взяться и за них – уж больно интересный, пусть и мизерный материальчик обнаружился. И теперь господин кардинал готов был прозакладывать свою коллекцию нефритовых будд, что любопытные спецслужбы, очутившись под одной крышей с иезуитами, рано или поздно сунут свои длинные носы в секреты ордена, и тогда исчезновение отдела станет только вопросом времени. А учитывая неумолимость Пшертневской с ее разношерстной кодлой и грозную репутацию Общества Иисуса – очень короткого времени.

К тому же не стоит забывать, что наместник Серого ордена в Нейтральной зоне задолжал господину кардиналу маленькую услугу. Когда встал вопрос о новом великом инквизиторе Нейтральной зоны, его благочестие брат Юлиан, обсуждая с Дэпле условия передачи ему церкви Святого Матиаша, ненароком проговорился, что не прочь бы видеть на этом месте главу немецкой инквизиции – отца Габриэля Фарта. На кой уж ляд понадобился хитрому иезуиту этот далеко не первый в списке претендент, да еще из немецкого Серого ордена, который больше всего не ладил с иезуитами, изрядно поприжав оных на своей земле, для начальника Дипломатического корпуса оставалось загадкой. Пока оставалось... Тем не менее он использовал всю силу своего дипломатического убеждения, чтобы весы выбора склонились именно в сторону Фарта. А теперь пусть достойный брат Юлиан как бы ненароком избавит Дэпле от намозолившего глаза спецотдела, и долг будет оплачен.

Само собой, кардинал не собирался посвящать своего должника в эту тонкую комбинацию. Некоторые материалы, не так давно попавшие в пухлые загребушие ручки Дэпле, вкупе с грядущими событиями вполне могли исполнить роль камня, что утянет на дно этот паршивый орден. Говоря откровенно, кардинал никогда не любил то змеиное гнездо,

что гордо именovalo себя Обществом Иисуса...

Радислава задумчиво смотрела, как исчезает в чашке белобрысого любителя чужих скандалов десятая ложка сахара. Нет, против сладкого кофе оборотничка никогда ничего не имела, но ведь есть пределы разумного! Да к тому же пять ложек – это вполровину меньше, и то Виктор ворчал, что с таким же успехом она может пить сироп, все равно никакого вкуса, кроме приторно-сладкого, у кофе не остается. Но деся... ого, уже одиннадцать ложек сахара!..

– Слушай, гермафродит, тебе плохо не станет? – саркастически осведомилась она. – Ничего не слипнется?

– Поправочка! – Жози назидательно поднял изящную ложечку. – Я андрогин – идеальное, отмеченное божественной печатью существо, несущее в себе два начала одновременно и воспринимающее их сообразно собственному желанию и настроению. Тогда как гермафродит – это всего лишь жалкая пародия, являющаяся следствием низменных мутаций несовершенного генома древних языческих кумиров, живших в разврате и пороке.

Виктор с Радиславой озадаченно переглянулись, и оборотничка едва сдержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска, склоняясь к мнению, что подобная «божественность» и на рассудке сказывается соответственно.

– Ну, это моя любимая трактовка, – смущенно потупился парень. – Энциклопедия символов на юго-западном стеллаже, пятнадцатая полка, страница десять. А глюкоза, между прочим, благотворно влияет на мозг, пробуждая скрытые резервы и повышая мои скромные способности до поистине офигенных высот, – закончил он, отхлебывая из чашки и блаженно жмурясь.

– Если твои способности заключаются в том, чтобы нести чушь, то повышать их, по моему, уже некуда. Они и так зашкаливают, – проворчал Виктор, понимая, что в исключительном словоблудии этот парень переплюнул даже болтливого архонта.

– Варвары, – грустно вздохнул Жози. – Ну да что с вас взять... У меня, между прочим, феноменальная память: я запоминаю все, что когда-либо читал, до последней точки. А при необходимости могу воспроизвести с точностью до нее же! Иначе я бы тут не сидел!

– Для начала – где «тут»? – Менестрель решила прояснить, куда они угодили, а за «варваров» можно спросить с андрогина позже.

– Вы что, даже не знаете, куда попали? – непритворно ужаснулся юноша. – Нет, вы точно варвары! А я еще сначала подумал, что вы от Аммадеуса, то есть от брата Андрея, – махнул он рукой, показывая, насколько его гости безнадежно невежественны.

– Вообще-то... – неуверенно протянул байкер.

– ...в некотором роде... – поддержала его подруга.

– ...мы действительно от него, – закончил Виктор. – Душеприказчики, так сказать... Но хоть убей не знаем, что это за место. Он, знаешь ли, о названии не распространялся.

– Значит, старик Амм преставился, – сразу погрузился Жози. – Жалко, хороший был дядька... Невезучий, но хороший. А вы находитесь в библиотеке хранителей, о невежественнейшие из неучей! Точнее, в одной из них.

– Что, тех самых? – задал байкер глупый вопрос, резко припоминая свои приключения в Мадриде, едва не закончившиеся кладбищем.

– А ты знаешь еще каких-то? – саркастически уточнил андрогин, деликатно выуживая кончиками пальцев облитую шоколадом печенюшку из стоящей на столе вазочки.

Радислава, решив и себе подтянуть сладенького, застыла с вытянутой рукой – через весь стол шествовал упитанный лоснящийся пасюк. Тварюшка, ничуть не смущаясь, уселась возле печенья, ухватила одно и принялась с аппетитным хрустом грызть. Жози с умилением смотрел, как его питомец хрупает угощение.

Оборотничка отдернула руку, словно обжегшись. Не то чтобы она страдала от излишней брезгливости, но сладкого ей уже расхотелось. Откушавши, пасюк решил, что

неплохо бы промочить горло, и без зазрения совести обратился к ближайшей кружке. Радислава изумленно наблюдала, как наглая животиная вспрыгнула на ободок, вбурилась внутрь и принялась с упоением лакать подостывший кофе. Бесцеремонно ухватив крысу пальцами за основание хвоста, менестрель возмущенно выдернула оную из своей кружки. Та, обиженно пища и растопырившись, словно морская звезда, повисла в воздухе. Обратничка чуть покачивала рукой, будто примериваясь, куда зашвырнуть нахапку.

Жози, узрев такое издевательство, с возмущенным воплем выхватил пасюка из руки девушки. Радислава едва пальцы успела разжать. Крыса, забравшись на хозяйское плечо, принялась тоненько, с подвываниями, причитать, жалуясь на свою поганую судьбинку и на жестокосердную гостью. Андрогин успокаивающе гладил ее по спине, исподлобья поглядывая на дипломатов.

– Так, – наконец изрек он. – Терпение – добродетель, но пора и честь знать, мои драгоценные друзья. Что просил передать старина Амм?

– Долго жить, – проворчал Виктор.

– Тогда тем более вам пора! – Жози фактически вытолкнул их в соседний зал, что-то повернул на стеллаже, и тот разъехался, открывая проход. Вверх уходила крутая винтовая лестница.

– Мы там хоть выйдем?.. – запоздало осведомился байкер, жалея, что не успел вытянуть из странноватого обитателя подземелья больше информации.

– Выйдете.

– А...

Стеллаж с грохотом сомкнулся, оставив андрогина и его случайных гостей по разные стороны баррикады.

– Ну вот, даже не попрощались... – с наигранным сожалением протянул Виктор, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

– Так! Может, объяснишь мне некоторые моменты? – с напором произнесла Радислава. – Например, почему от тебя разит этим... андрогином?!

И тут байкер понял, что скандал все-таки состоится. Хитрая обратничка просто дожидалась отсутствия чужих ушей.

– Ты не поверишь, – вздохнул он, – но этот придурок попросту на меня упал...

– Что же ты моментом не воспользовался? – с ехидцей осведомилась подруга, выслушав душераздирающую историю о Жози, крысе и стремянке.

– Блондинки не в моем вкусе, – хмыкнул оружейник.

– Вообще-то кусать – моя прерогатива! – фыркнула Радислава. – Но ладно, бог с ними, а кто же тогда в твоём?

– Наглые, языкатые оборотни, – со смешком ответил байкер, поднимаясь на пару ступеней.

– Выберемся – я тебя укушу, – клятвенно пообещала «наглая и языкатая».

– А отчего не сейчас?

– А чтобы не промахнуться. Подожди, я перекинусь. – Из темноты в Виктора полетела рубашка. А спустя несколько секунд о его ноги потерся лохматый бок...

– Уф-ф-ф... – Жози устало опустился на нижнюю ступеньку стеллажной лесенки и утер со лба несуществующий пот. Затем выудил из жилетного кармана здоровенные часы на цепочке и щелкнул серебряной крышкой. – Вовремя вытурил...

Он сильно сомневался, что куратор его библиотеки, госпожа хранительница Лоренсия Скрипто, обрадуется появлению чужаков в этих стенах. Насколько андрогину известно, в мире существует всего четыре подобных книгохранилища. То, в котором волей судеб оказался он, считалось самым большим, вмещающая в себя сотни и сотни художественных произведений и философских трактатов, незаслуженно забытых или безвозвратно утраченных людьми. И куратором этого собрания значилась, по скромному мнению Жози, канцелярская фурия, трясущаяся над книгами, словно мифический Кощей над золотом. И как

только Аммадеус с ней уживался? Жаль, что старика уже нет в живых. Ох, а ведь грядущий визит хранительницы наверняка именно с этим и связан. Спешит сообщить сию прискорбную новость. Жози поднялся на ноги и задумчиво потер подбородок. Благо он уже осведомлен, а следовательно...

В книгохранилище Жозеф угодил восемь лет назад, будучи весьма юным отроком. Это оказалось значительно лучше, чем постоянно слышать от окружающих, какое ты чудовище. Что в нем чудовищного, андрогин не понял до сих пор, а старику Аммадеусу и вовсе было плевать на то, что новоявленный помощник меняет пол по несколько раз в день. Когда Жози исполнилось семнадцать, альв засобирился на покой, решив, что вполне может переложить свою миссию на молодые плечи, и благополучно переселился в монастырь, под которым находилась библиотечная вотчина хранителей.

И все бы ничего, однако присутствовало в этом событии одно большое «но». Перед уходом Аммадеус показал андрогину небольшой стеной тайник, в котором среди многовекового слоя пыли покоился позеленевший от времени медный футляр.

– Сей свиток попал ко мне еще во времена войны Двух Миров, – пояснил он. – Это величайшее достояние, величайшее искушение и величайшая опасность. Если со мной что-то случится, ты заберешь его и немедленно уедешь из города, никого не предупреждая.

– Но зачем? Почему? – Жози недоуменно вертел в руках футляр.

– Потому что любая беда со мной будет означать только одно – за свитком началась охота. А о том, что он хранится здесь, не знает никто, кроме нас с тобой...

Позже андрогин не единожды задумывался, что же такого опасного таит в себе пресловутый старинный кусок девственно чистого пергамента, однако у него никогда не возникало повода не верить старому альву. А посему он намеревался в точности исполнить просьбу Аммадеуса, и как можно скорее.

– Жозеф! – неожиданно донесся из глубины зала властный женский голос. – Мог бы и встретить legi⁴ как подобает молодому лэрду!

– Я сегодня сам – legi, – буркнул Жози, направляясь к узору портала, возникшему в дальней части библиотеки. – По крайней мере, был ею с утра!

– Жозеф! Почему кожа на корешках тусклая?! И почему «Махабхарата» стоит не по порядку?!

Андрогин непроизвольно втянул голову в плечи. Похоже, досточтимая госпожа Лоренсия сегодня встала не с той ноги, разбила с десяток зеркал, попутно наступив на хвост любимой кошке, и поэтому пребывала в наидурнейшем расположении духа.

– Я еще не закончил утреннюю уборку, достойная legi, – попытался вывернуться он, очень надеясь, что недовольство госпожи хранительницы ограничится только этими замечаниями...

Каждый, кто когда-либо волей случая преодолевал винтовые лестницы, запертые в каменный мешок, несомненно, витке эдак на десятом начинал тихонько напевать сакраментальное: «Ах, как кружится голова, как голова кружится...» А прибавьте к этому еще отсутствие освещения и затхлый воздух...

– Меня укачало, – пробормотала Радислава, ошалело трясая головой. – Нет, закружило... то есть упутало... тьфу! Виктор, остановись... – Оборотничка застыла на ступеньках, широко расставив лапы и опустив голову в тщетной попытке избавиться от приступа дурноты.

Байкер присел возле нее на корточки, обняв за шею. Волчица благодарно привалилась к нему, положив голову на плечо и жарко дыша в ухо.

– Типичная клаустрофобия вульгарис, – кривляясь, занудным тоном произнес мужчина.

– Я тебя тоже очень люблю, милый, – язвительно буркнула Радислава, слегка приходя в

⁴ **Leri** – обращение к женщине, дословно переводится как «госпожа».

себя.

– Всего лишь «боязнь замкнутого пространства обыкновенная», – усмехнулся Виктор, – а ты что подумала?

– Что у тебя отвратная латынь... – Оборотничка отстранилась от него и шумно принялась. – Ладаном пахнет. Мы где-то под церковью... Да, точно, я слышу заунывные песнопения.

– Странно, – пробормотал байкер. – Я был уверен, что заутреню мы безбожно проспали.

– А может, это у них обедня такая ранняя, – предположила волчица, подаваясь вперед. – Давай выясним? И наконец-то уберемся из этой кишки, а то я себя уже пищевым отходом чувствовать начинаю...

Виктор насмешливо фыркнул. Да уж, сравнение – просто в точку.

И вновь потянулись крутые витки шершавых ступеней... Чтобы как-то отвлечься, Радислава попыталась их сосчитать, но вскоре сбилась, к тому же ее опять начало мутить. Но стоило ей подумать: «Это никогда не кончится», как байкер заковыристо выругался, потирая ушибленную о низкий потолок маковку. Похоже, здесь пыточная лестница заканчивалась. Теперь уже и Виктор различал доносившиеся сквозь плиты отголоски церковной службы. Упершись ладонями в потолок, он попытался определить, где же здесь выход. На третьей попытке ему повезло: плита под руками поддалась и вышла из пазов. Байкер аккуратно сдвинул ее в сторону.

– Да избави нас от лукавого!.. А-а-ами-и-инь... – заунывно повисло в воздухе.

– ...ми-и-и-инь... – плаксиво вторил хор.

Радислава, не дожидаясь, пока Виктор соизволит выбраться наверх, прыжком вылетела наружу. Да, там басовито подвывал священник и, пробуждая зубную боль, пронзительно ныл хор. Отвратительно воняло ладаном, скипидаром и талым воском, зато было относительно светло и просторно. Щурясь на лившийся из-под купола тусклый свет, байкер не спеша выбрался вслед за подругой.

Священник поперхнулся очередным «аминем», застыв с поднятым кадилом в изголовье гроба и с ужасом взирая на явившееся ему мохнатое чудище, сильно смахивающее на Сатану. Достойные сотрудники спецотдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблагодати матери-церкви озадаченно переглянулись. И гроб, и часовня оказались подозрительно знакомыми. Кажется, их занесло аккуратно на отпевание усопшего альва. Наверное, по этому поводу требовалось что-то сказать, например, засвидетельствовать свое уважение к покойному. Виктор задумчиво поскреб затылок.

– Ну... э... ризарект ин парадайс⁵, чувак... – после недолгого раздумья выдал он.

Оборотничка, решив внести свою посильную лепту, задрала морду к куполу и тягуче провыла несколько звуков. Священник опупело икнул и выронил кадило. Металлическое звяканье колокольным звоном разнеслось по часовне.

– Миссия выполнена, – констатировал байкер, размашистым шагом устремляясь к двери. Радислава, не отставая, потрусила следом.

Небо сердилось. Еще такое ясное и нежное вчера, за ночь оно успело невесть на кого обидеться, затянулось нудными серыми тучами и принялось тоскливо ныть, будто жаловалось на судьбу. Противный ветер доносил редкие капли срывающейся с небосвода мороси. Небо надулось на весь белый свет как мышь на крупу и скаречно упряталось в тяжелые свинцовые облака блеклое августовское солнышко, решив, что хорошего для гадких людишек должно быть помаленьку. А то еще разбалуются ненароком и перестанут постоянно носить с собой плащи и зонтики. Поэтому с самого раннего утра небо хныкало, словно капризный ребенок, которого отказываются брать на руки по первому требованию.

⁵ **Resurrect in paradise** (англ.) – воскресни в раю.

Под стать резко испортившейся погоде было и утреннее настроение его иезуитского благочестия брата Юлиана – такое же серое, тоскливое и паршивое. Его благочестие, скорбно скривив губы, уныло наблюдал, как грузят в конную труповозку укрытое простыней тело злополучного брата Захария. Тянущая боль, поселившаяся где-то в затылке, расстроенной струной тренькала в мозгу. А паршивая сырая погода действовала на нервы. Настоятель о чем-то степенно беседовал с одним из дознавателей, прибывших в монастырь. Иезуит хмуро пощипывал листья на верхушке розового куста, размышляя о своем. Все же во вчерашнем столкновении с дипломатами имела своя выгода. Не ко времени заявившиеся в мастерскую, они изрядно наследили возле трупа, особенно оборотних. А учитывая характер раны, у дознавателей не должно возникнуть сомнений в том, кто убил несчастного монаха. По крайней мере, до заключения патологоанатома... Брат Юлиан отнюдь не страдал излишней наивностью, а посему на некомпетентность судмедэксперта не уповал. Ибо при более детальном осмотре тот, несомненно, поймет, что оборотень в принципе не может нанести таких ран ни зубами, ни когтями. Но «исчезновение» сотрудников Дипломатического корпуса из лавры явно не пойдет им на пользу...

Однако мучило досточтимого професса совсем не это, и уж точно – не обострившаяся совесть. Мальчишка, подмастерье убитого резчика, исчез бесследно – будто в воду канул. А ведь он наверняка что-то знал. Брат Юлиан уже в этом не сомневался, как и в том, что шорох на чердаке ему вчера не почудился. Наверняка Захарий, заслышав шаги, ускакал мальчишка наверх, схорониться от греха подальше. А может, и отправил за спрятанным там документом... Да-да, вполне может стать... К тому же иезуит склонялся к мысли, что у его вчерашнего неблаговидного деяния имеется совершенно нежелательный свидетель. Велика вероятность того, что мальчишка все видел, иначе с чего бы ему так поспешно ретироваться сквозь чердачное окно?

Оставалось лишь гадать, как все обернется теперь. Ведь если ребенок не глуп, то первое, что он сделает, немного придя в себя, – пойдет к настоятелю и все расскажет. А если он еще и не лишен осторожности, подкрепленной здоровым страхом за свою жизнь, то и вовсе удерет из монастыря... И унесет столь необходимый Юлиану документ.

Отчего-то достойный наместник ордена иезуитов в Венгрии склонялся именно ко второму варианту развития событий. Неожиданно взгляд его упал на дорожку, ведущую к гостевому флигелю, и почтенный иезуит машинально сомкнул пальцы на шипастом побеге, даже не почувствовав боли: по дорожке, не особо таясь, шел давешний черноволосый дипломат, рядом неспешно трусила поджарая волчица. Рука брата Юлиана непроизвольно скользнула к брючному карману, но когда пальцы коснулись холодной рукоятки пистолета, он уже овладел собой. Открывать стрельбу посреди монастырского двора было верхом глупости. Дождавшись, пока дипломаты скроются в дверях, он неспешно двинулся к флигелю...

Его светлость глава Дипломатического корпуса при Единой всеблагой матери церкви почтеннейший кардинал Дэпле машинально пощупал маковку, покрытую красной шапочкой-дзуккетто, дабы удостовериться, что та не тлеет и не дымится. О, если бы взгляды могли испепелять, его светлость давно бы уж метался по кабинету в поисках огнетушителя. А если бы они могли убивать, то несколько секунд назад место главы Дипломатического корпуса при Единой всеблагой матери-церкви стало бы вакантно. К несчастью, прекрасные карие глаза госпожи Пшертневской не обладали столь убойной силой, дабы раз и навсегда разрешить проблемы с начальством.

– Стать подотчетными инквизиции?! Да в здравом ли вы рассудке, Дэпле?! – Пшертневская разъяренно нависала над толстячком-кардиналом, прикидывая, чем бы таким тяжелым его стукнуть.

Профессор Криэ, стоявший чуть поодаль, молчаливо наблюдал, как его непосредственная начальница рвет и мечет, доводя Дэпле до нервного тика. Сам он предпочел ни во что не вмешиваться, когда нынче спозаранку почтенный глава

Дипломатического корпуса вызвал их для ознакомления с некими новыми правилами, а также ради официального представления новому великому инквизитору. Инквизитор что-то запаздывал, зато ознакомление с правилами шло полным ходом.

– Послушайте, Злата, – раздраженно огрызнулся Дэпле, – я согласился потерпеть вашу богадельню исключительно из-за прихоти патриарха. Да-да, именно прихоти. Впрочем, возможно, если я переговорю с ним конфиденциально, озвучив некоторые неприглядные факты, он изменит свое желание и...

Тихонько отворилась дверь, и в кабинете возникло новое действующее лицо: внешне приятный русоволосый мужчина лет тридцати пяти, возможно, чуть старше. Скромная черная сутана, ослепительно-белая вставка на воротнике, цепкие синие глаза. Незнакомец оглядывал вотчину Дэпле, слегка удивленно вскинув бровь.

– О да, обольете нас грязью, как всегда! – криво усмехнулась госпожа кардинал. – А после немедленно прикажете совершить марш-бросок между Сциллой и Харибдой!..

– Кхм... – негромко кашлянул Вилдар, привлекая внимание Златы.

Тут и Пшертневская, и несчастный кардинал заметили новоприбывшего.

– А-а, досточтимый отец Габриэль Фарт, – обрадованно воскликнул господин Дэпле, надеясь, что при нем Злата постесняется продолжать перепалку.

– А вот и сам виновник торжества, – с какой-то странной интонацией протянула она, рассматривая свежее испеченного великого инквизитора Нейтральной зоны.

Фарту захотелось провалиться сквозь землю: похоже, его угораздило стать свидетелем каких-то внутренних разборок, а тут, ко всему прочему, он узнал в одном из мужчин Вилдара Криэ.

– Что ж, господин инквизитор, – продолжила Злата, – приятного сотрудничества. Мы сделаем все от нас зависящее. Правда, Вилдар?

– Кхм, ну да... э... конечно, – промямлил Криэ, сильно страдавший от того, что в кабинете Дэпле нельзя курить. – Рад вас видеть, Габриэль.

– Не могу сказать то же самое о себе, – достаточно резко огрызнулся Фарт, буравя бывшего соперника взглядом.

– Силы небесные, отец Фарт, куда подевались ваши манеры? – В словах Профессора всколыхнулось привычное ехидство. – Совсем одичали в своей немецкой глуши!

– Напомнить, с чьей подачи я туда попал?!

– По мне, так лучше очутиться живым в глуши, чем отдать концы, попав под церковный трибунал, – фыркнул Криэ. – Идемте, пани Злата. Думаю, господин Фарт понял, что сотрудничество с нашей стороны ему обеспечено. – Подхватив под руку госпожу Пшертневскую, Профессор не замедлил откланяться, гулко хлопнув дверью.

Габриэль пробормотал им вслед что-то нелестное, силясь отряхнуть сутану от насыпавшейся с потолка известки. Его светлость кардинал Дэпле с наигранной виноватостью развел руками, мол, сами видите, с кем приходится работать. Великий инквизитор Нейтральной зоны видел, и от этого ему становилось тошнехонько, но, как говорится, коль стачали сапогом, валенком уже не прикинешься... А как хочется-то, ох как хочется...

Глава 6

Едва сдерживая клокотавшую внутри ярость, Злата размеренно расхаживала вдоль своего письменного стола, стуча каблучками, словно метроном. Тук-тук-тук-тук, разворот, тук-тук-тук-тук, разворот...

– Эта никчемная плюшка... – тук-тук-тук-тук, разворот, – притворяющаяся кардиналом, – тук-тук-тук-тук, разворот, – окончательно сбрендил!.. Отдать здание корпуса иезуитам!.. Да еще предложить мне пресмыкаться перед ними!.. Навязать сотрудничество с инквизицией!.. Да еще обязать нас отчитываться перед этими крысами!

Князь ди Таэ и Профессор глядели на метавшуюся по кабинету Пшертневскую. Эрик – хмуро, Криэ – философски. Все это Профессор уже слышал. Куда больше его сейчас

волновал новый великий инквизитор. Вилдар все же надеялся, что им удастся наладить более-менее стабильные отношения с принципиальным Фартом. Но надежда эта все таяла и уменьшалась.

В дверь осторожно постучали.

Тук-тук-тук-тук, ТУК! Пшертневская резко остановилась.

– Кого там черт принес?! – раздраженно буркнула она, оборачиваясь к двери.

Оказалось, что почту, и не черт, а курьер. Расписавшись в получении, госпожа кардинал поспешно вскрыла маленький синий конверт. Ознакомилась с содержимым и со стоном упала в кресло.

– Они издеваются... – устало произнесла она в пустоту. – Все!

– Что случилось? – не на шутку обеспокоился Эрик.

– Наших достойных коллег обвиняют в убийстве инока Александро-Невской лавры, – вздохнул Профессор, ознакомившись с содержанием коротенького письма. – Интересуются, где они сейчас находятся.

– Я сильно сомневаюсь, что наши неугомонные коллеги в действительности к этому причастны, – покачал головой князь, просматривая отданное Профессором письмо. – Скорее всего они оказались не в том месте и не в то время...

Злата отрешенно провела рукой по лицу, откидывая упавшую на лоб прядь волос.

– А я вот не уверена, – тоскливо призналась госпожа кардинал, – ибо репутация у нашего оружейника, сами знаете...

– Именно поэтому и сомневаюсь, – протестующе покачал головой маг. – Они слишком хорошо знают цену жизни... Так что не сгущай краски, дорогая. Наверняка это просто недоразумение.

– Но лучше связаться с Виктором и выяснить, – добавил Профессор.

– Господи, – уныло пробормотала Пшертневская, снимая трубку с АВС. – Я с вами тут поседею к тридцати годам! Кто бы молочка за вредность налил...

Эрик усмехнулся и щелкнул пальцами. Перед Златой мгновенно материализовался высокий стакан с молоком, из которого игриво торчала ярко-розовая соломинка. Пшертневская кисло улыбнулась, отодвинула стакан в сторону и защелкала кнопками переговорного устройства...

– Будим?

– Ну чего тебе неймется...

– А что?

– Пусть спит.

– Ну да, в нашей комнате! Мне, между прочим, интересно, как он сюда попал. А если я не могу удовлетворить любопытство, то становлюсь нервной, агрессивной и опасной для общества! Р-р-р... – Клац.

– Хорошо-хорошо, будим! Ухо только отпусти, не ровен час – совсем прокусишь!..

Диметрий заворочался и попытался натянуть одеяло на голову, стремясь отгородиться от звучащих над ухом голосов. Голосов?!

– А... – Мальчишка резко сел на кровати, сонно таращась то на Виктора, то на Радиславу, успевшую сменить ипостась и одеться.

Сотрудники Дипломатического корпуса были немало удивлены, обнаружив по возвращении в отведенной им комнате некоего незваного жильца: на одной из кроватей мирно спал подмастерье брата Захария...

– Ш-ш-ш... – Виктор поспешил прикрыть ему рот ладонью. Перепуганные мальчишечьи вопли отнюдь не входили в его планы. – Не надо кричать...

Диметрий истово закивал, всем видом показывая, что не будет производить ненужные шумовые эффекты. Байкер убрал руку.

– Как ты сюда попал? – принялась удовлетворять свое любопытство оборотничка.

– Че-через о-окно, – все еще не оправившись от недавнего испуга, заикаясь, выдавил

невезучий отрок.

Виктор с Радиславой переглянулись: поспешно кинувшись по следам иезуита, они совершенно забыли про настежь распахнутое окно. Сейчас створки оказались плотно закрыты – Диметрий, очутившись внутри, решил подстраховаться...

– Зачем?

– Брат Захарий говорил, вы меня заберете, – тяжело вздохнул юный подмастерье. – Вы ведь меня заберете, правда? – Мальчишка заискивающе глядел на дипломатов.

Менестрель, нахмурившись, потеряла подбородок. Ее явно во что-то не посвятили. И с какой, интересно, радости они должны забирать этого ребенка с собой? Оказывается, увлекшись размышлениями, последнюю мысль она произнесла вслух.

– Ну, э... – Виктор озадаченно поскреб маковку, придумывая актуальную причину и достойное оправдание. – Я пообещал Захарию, что в обмен на информацию мы заберем Диметрия в Будапешт...

Радислава нахмурилась еще больше, издав сердитое «пф». Вот уж человек-сюрприз: никогда не знаешь, выскочит он из подворотни с воздушными шариками или с арбалетом на взводе. Зато инфаркт в обоих случаях гарантирован. У оборотней, слава богу, сердце покрепче будет, поэтому жертва «сюрприза» ограничилась простым сбиванием с ног и сердитым рычанием: «Человек, ты раньше предупредить не мог?!» с клыками напоказ.

Диметрий, непривычный к таким семейным сценам, кубарем скатился с кровати и кинулся оттаскивать разъяренную оборотничку от Виктора.

– Брат Захарий меня на чердак услад, а потом он пришел и его убил! Я все видел! Мне тут совсем нельзя теперь!.. – захлебывающейся скороговоркой выкрикнул мальчишка, вцепившись в Радиславину куртку.

От неожиданности менестрелька отпустила воротник своей жертвы, позволив байкеру сесть.

– Еще раз, – Виктор одернул сбившийся ворот, – повтори четко и внятно: кто кого убил?

– Иезуит. – Видя, что оружейнику больше ничто не угрожает, Диметрий прекратил тянуть оборотничку на рукав. – Брата Захария. А я на чердаке прятался, все видел и потом убежал... Он наверх полез, – добавил мальчик.

– Но зачем ему убивать монаха? – Радислава поерзала, поудобнее устраиваясь на байкерских коленях. Виктор сдавленно крикнул. – Ой, извини...

Мальчишка споро стянул подрясник, а затем футболку и развернулся к дипломатам спиной.

– Кхм... – недоуменно кашлянул байкер, не совсем понимая, зачем устроен стриптиз, но тут разглядел черную вязь, покрывавшую детскую спину, и ошеломленно присвистнул. – Кажется, мы нашли пропавший документ... – протянул он, поднимаясь и ставя на ноги Радиславу.

Та тоже пригляделась к спине отрока, чуть шевеля губами, будто силясь прочесть.

– И что там? – заинтересованно осведомился Виктор.

– Ни черта не понятно, – покачала головой менестрель, – этот диалект Старшей речи мне незнаком. Можешь одеваться.

– Теперь вы меня заберете? – с надеждой спросил Диметрий, заправляя футболку в джинсы.

– А куда мы денемся с подводной лодки?.. – вздохнул байкер, только что восстановивший примерную цепочку событий. Иезуит привез документ в обитель для реставрации, брат Андрей, он же Аммадеус, разобрался в содержании и, решив, что не по Сеньке шапка, уничтожил оригинал, предварительно посвятив в подробности брата Захария и сделав своеобразную копию, о которой никто не догадывался. Вот только интересно, что бы предпринял Захарий дальше, не подвернись ему так удачно господа дипломаты? Впрочем, сейчас это уже не важно, а важно... Мысль Виктора прервали.

– Сюда идут! – прошипела оборотничка, хватая его за локоть. – Подходят с разных

сторон.

– А не пора ли нам домой?.. – философски спросил Виктор, направляясь к окну и распахивая створки настежь. – Мелкими перебежками, марш!

Занятная вещь – кусты. Неизвестно для чего Создатель планировал использовать их изначально, но наверняка цель его была благой и благородной. Однако инструкции к кустам не прилагалось, а ушлый венец творения решил, что нечего добру пропадать, и приноровился использовать данную растительность по-своему. О, сколько неблагоприятных деяний скрывали кусты от небесного взора, а сколько сомнительных личностей – и не сосчитать... Но в данный момент разросшиеся у задней стены флигеля кусты сирени успешно прятали троицу, может, и не сомнительных, однако весьма занятных личностей. Сирень уже давно отцвела и теперь щедро сыпала за шиворот пресловутых личностей остренькие семена и кусочки замшелой коры. Которые, кстати, прячущуюся в кустах троицу ничуть не радовали.

Радислава подалась вперед, чутко наострив уши, и прислушалась, едва не вывалившись из-под прикрытия спасительных зарослей. Болтавшаяся на спине квиддера съехала на бок. Звериный слух позволял оборотничке отчетливо слышать, как в комнате орудуют дознатчики, переговариваясь между собой. Вовремя же они ретировались! Минута промедления, и уже можно было бы сушить сухари.

– Поздравляю, – буркнула она, отползая обратно в глубь. – Нас обвиняют в убийстве! Меня – как исполнителя, тебя – как подстрекателя.

Виктор поморщился. Чего-то такого он и ожидал. Вот уж «тихое задание»! Вляпались по самое не хочу... Диметрий сидел, отрешенно привалившись к стволу, обхватив руками колени.

– Может, проще вылезти и объясниться с дознатчиками? – задумчиво пробормотал байкер. – В конце концов, у нас есть свидетель, а эксперт очень скоро установит, что рану не мог нанести оборотень...

– Почему-то я сомневаюсь, чтобы они поверили мальчишке, – фыркнула Радислава. – Скорее решат, что мы его запугали. А если мы сами поднесем им на блюде, не думаю, что они станут напрягать эксперта... И вообще в твоём возрасте уже пора отринуть наивность и обрести здравый смысл.

– То есть выпасть из детства и впасть в маразм? – саркастически осведомился Виктор. – Извини, но нет... Меня мое душевное состояние вполне устраивает.

– Хорошо, – быстро согласилась оборотничка. – Иди сдавайся. А я тут посижу посмотрю.

Виктор со вздохом завозился, намереваясь выбраться наружу.

– Эй, ты чего! Я же пошутила! – испуганно вцепилась в него Радислава.

– Я вообще-то намеревался убраться отсюда подальше, а то вдруг им придет в голову обыскать двор. А ты что подумала? – ухмыльнулся байкер.

Менестрель облегченно перевела дух, от души треснула любимого по шее и осторожно высунулась из зарослей сирени.

– Когда окажемся в безопасности, напомни, чтобы я тебя убила, – буркнула она, вылезая из кустов.

– Обязательно, – услужливо пообещал байкер. – Только, чур, со страстным удушением в жарких объятиях, но без когтей. А то Эрику уже надоело залечивать мне спину...

Диметрий сдавленно хихикнул. Оборотничка мысленно прикинула, не треснуть ли по шее и его чисто в воспитательных целях, но решила пощадить. Вот годика через два мальчишка уже так просто не отделается...

Притаившись у глухой стены, его благочестие брат Юлиан наблюдал, как интимно заколыхались густые заросли сирени и оттуда выбрались всклокоченные дипломаты вместе с мальчишкой-послушником. Настороженно озираясь, троица тихонько переговаривалась,

наверное, решая, что делать дальше. Иезуит вскинул руку с пистолетом и прищурился, выбирая цель: точно не подросток – он нужен ему живым; мужчина или оборотень? Кажется, их связывают довольно близкие отношения – кого бы ни выбрал, не прогадает. Но оборотень опаснее. Значит... Тонкий костлявый палец беззвучно взвел курок, вороненое дуло сместилось чуть левее и теперь глядело точно между лопаток самоуверенной нечисти.

– Вон они! – упреждающий вопль разорвал тишину.

От неожиданности дернулись все четверо: дипломаты, мальчишка и брат Юлиан.

Грохнул выстрел. Оборотничка вскрикнула и стала оседать на землю. Черноволосый успел подхватить ее и рванулся в противоположную сторону вслед за послушником. Мальчишка, словно заяц, припустил в сторону кладбища. За ними, ругаясь на чем свет стоит, бросились двое служителей закона, некстати нарисовавшиеся на месте событий. Брат Юлиан в сердцах произнес несколько слов, совсем не положенных благочестивому служителю церкви, и опустил уже ненужное оружие. Попасть-то он в оборотня попал, да только не туда, куда целился. И пуля прошла навылет, о чем красноречиво свидетельствовал ствол одного близко растущего дерева, взорвавшийся щепой пополам с мелкими серебряными занозами, когда в него вонзился смертоносный кусочек металла.

– Э? Куда они делись? – раздалось рядом с буйно разросшимся жасмином, скрывавшим часть стены и вход в склеп.

– Да вестимо куда – вон дальше дыра в ограде. Эх ты, черепаха! Вернемся в управление, будешь у меня нормативы по бегу до посинения сдавать!..

Шаги и голоса постепенно затихли.

Виктор наконец перевел дух и откинулся к шершавой стене. Случайно ли, нет ли, но Диметрий привел их к тому же злополучному склепу, где вчера ночью дипломатов запер иезуит. Вообще-то мальчишка стремился к дыре в заборе, но до нее они никак не успевали. Пришлось импровизировать на бегу. Байкер едва сумел отодвинуть плиту настолько, чтобы протиснуться в склеп. Как он умудрился задвинуть ее обратно, для него до сих пор оставалось загадкой. И теперь все, что им предстояло сделать, – это повторить вчерашний путь в подземелье... Да еще надеяться на эффект дежавю, а точнее, на повторную помощь блондинистого библиотекаря. Но сейчас до этого еще далеко, ведь достойный оружейник специального отдела при Дипломатическом корпусе сидел на ступенях, прижимая к себе тихонько всхлипывающую подругу, а Диметрий озабоченно таращился на них, не зная, чем помочь. Немного придя в себя, Радислава со стоном завозилась у Виктора на коленях.

– Ш-ш-ш, мышка, тихо-тихо... – Он все еще не решался отпустить ее. Кажется, теперь он понял, что чувствовала менестрелька, увидев его после приснопамятного завала в инквизиции. Господи, ее же сейчас чуть не убили! Повезло – пуля прошла под ключицей навылет, задев только мышцы. А если бы не тот дурацкий окрик...

– Она умрет, да? – жалобно осведомился Диметрий.

Виктор смерил мальчишку мрачным взглядом, понимая, что если бы не случайность, оборотничка была бы уже мертва.

– Не дождетесь, – глухо простонала Радислава, чуть отстраняясь от байкера. По телу разлилась предательская слабость, перед глазами плыло. Сейчас она не может бросить на регенерацию все силы, как делала это раньше, придется помучиться дольше обычного. Но кровь все же удалось остановить.

– Радочка, мышка моя... – Виктор осторожно убрал упавшие ей на лицо волосы. – Как ты, малыш?

Радислава теснее прижалась к его груди. Сейчас ей очень хотелось поддаться минутной слабости, отпустить собранную в кулак волю и позволить организму действовать на свое усмотрение, например, отправиться в обморок. Но вместо этого...

– Поминок не будет, – ворчливо фыркнула она. – Так просто ты от меня не отделаешься!

– Хвала великому Элвису! Раз твой юмор не пострадал, значит, все в порядке, –

усмехнулся Виктор, поднимаясь со ступеней и ставя менестрельку на ноги. – Как насчет еще одного безумного чаепития?

Существует ли на свете бедствие страшнее, чем разгневанная женщина? После некоторого раздумья и неопровержимых фактов, а главное, в силу личного опыта белобрысый андрогин пришел к выводу, что страшнее разгневанной женщины может быть только разгневанная женщина, страдающая параноидальной педантичностью. А уж если она при этом еще и не чужда магии... В общем, от позорного бегства под кровать Жози удерживали лишь мысль о том, что он скоро покинет стены библиотеки, и телекинетический захват, приподнявший его над полом на добрую пядь. Андрогин тоскливо всхлипнул, чувствуя, как магическая петля на шее чуть сжалась и воздух стал проталкиваться в легкие еще хуже.

Госпожа хранительница Лоренсия Скрипто находилась в состоянии неконтролируемой ярости. Она ожидала от ненормального библиотекаря любой возможной глупости, но впустить в святая святых чужаков?! А потом (о великий экслибрис!) еще и выпустить их обратно! Такого вопиющего нарушения правил она даже представить себе не могла. Пронзительный оправдательный вопль приподнятого над полом Жози: «Они такие няшки!» переполнил чашу ярости магички, и теперь андрогин мог только нечленораздельно хрипеть, сиюсь послабить пальцами магическую петлю, сдавившую ему кадык. Перед глазами у Жози стремительно темнело, а в ускользящем сознании тоскливо проносились мысли о том, что он не выставил по порядку индийский эпос и не протер касторовым маслом кожаные переплеты...

До его гаснущего разума еще успели долететь какой-то приглушенный свист, глухой стук и звук падения тела, а дальнейшим уделом несчастного библиотекаря стали холодный жесткий пол и темнота...

Знакомая дубовая дверь вынырнула из темноты, очерченная узкой каймой пробивавшегося света. Радислава, не скрывая облегчения, окончательно повисла на руке байкера, не в силах стоять самостоятельно. От того, чтобы ее несли, она категорически отказалась – из всей троицы оборотничка оказалась единственной, кто видел в темноте. Виктор бесцеремонно дернул за тяжелое кольцо. Дверь на удивление легко поддавалась.

– Надо же, – недоуменно пробормотал он, вступая в знакомую залу, – нас, кажется, ждут к обеду. Кхм... – Фееричная картина болтавшегося над полом Жози, хрипящего в магической петле, заставила остановиться на пороге.

Сухошавая остроноса тетка средних лет, вскинув руку, сжимала телекинетический захват на шее бедного андрогина с явным намерением его придушить. Она настолько увлеклась этим полезным занятием, что ничего вокруг не замечала. Мгновенно оценив ситуацию, байкер схватил первое, что подвернулось под руку, и швырнул в разъяренную дамочку. Переплетенный в ягнячью кожу миниатюрный, но увесистый томик стихов Катулла метко тюкнул магичку в висок, прекратив ее дальнейшие измышательства над многострадальным библиотекарем. Жози, тетка и Катулл свалились на пол и остались недвижимы...

– Прав был наш книжный архонт, утверждая, что словом можно ранить, а словарем – убить, – довольно осклабился Виктор, проходя через комнату к расprostертым на полу телам...

Тьма перестала пульсировать перед глазами, а воздух хоть и с трудом, но проталкивался в легкие сквозь пострадавшее горло. Гортань нещадно саднило, каменный пол холодил бок.

– Любимая, может, повременишь с обмороком – бесчувственных тел здесь и так достаточно, – как сквозь вату долетел до Жози хриловатый, насмешливый мужской голос.

– Только ради общего дела, милый. – Низкий женский голос звучал вяло и глуховато,

будто его обладательница смертельно устала, что, впрочем, вполне соответствовало истине.

– Эй, парень, очнись! – Чья-то жесткая ладонь бесцеремонно встряхнула андрогина за плечо.

Блондин со стоном открыл глаза, пытаясь сфокусировать взгляд в одной точке, и сел.

– О-о-о, – невольно вырвалось у него, когда он узнал в своих спасителях давешних неурочных гостей. – Избавители, благодетели!.. – Блондин в едином порыве попытался обнять и байкера, и оборотничку.

Но Радислава вовремя отстранилась, и он повис на Викторе. Мужчина поспешил отцепить библиотекаря от себя, брезгливо кривясь. Озадаченно воззрился на магичку, по-прежнему лежащую без сознания. Проверил пульс – нет, точно без сознания.

– Ее надо связать! – патетично взвизгнул Жози, принимаясь бестолково метаться по комнате.

– Зачем? – не понял Диметрий, с легким удивлением рассматривая странного юношу.

Андрогин тем временем сдернул с кровати простыню и принялся рвать ее на полосы.

– Затем, что она очнется и всех нас поубивает! – мрачно констатировал Виктор, угадав ход мыслей библиотекаря, и забрал у него получившийся ворох ленточек.

– Ты прав, кися моя, – вздохнул Жози, воззрившись на байкера с благодарным обожанием и помогая тому связать госпожу хранительницу.

Оружейнику оставалось только диву даваться, глядя на то, как виртуозно андрогин вяжет путы на ногах и сооружает кляп. Заметив его взгляд, блондин залился смущенным румянцем.

– «Трактат об искусстве узлов», шестая полка, северный стеллаж, страница сто восемь, – словно оправдываясь, произнес он, снимая с Лоренсии покрытый рунами медальон. – А вообще-то я пацифист, мейк лов, нот уо⁶ и все такое...

– Спирт есть? – прервал его излияния Виктор, усаживая Радиславу в кресло и осторожно снимая с нее куртку. Майка прикипела к ране, и пришлось взрезать ткань ножом.

Жози, метавшийся по комнате с матерчатой сумкой на одной лямке и время от времени что-то выдергивавший с полок, ошеломленно застыл возле очередного стеллажа:

– Миль пардон, но кися моя, ты не находишь, что праздновать рановато?!

– Рану промыть, дубина стоеросовая!

На столик перед креслом бухнулась темная квадратная бутылка гномьего самогона, и андрогин продолжил свои поспешные сборы, пихая в сумку вперемешку книги, одежду и отчаянно верещащую крысу. До Виктора время от времени доносилось: «Еще эту возьму, у нее обложка гламурная. Ах, какие застёжечки...»

Оборотничка, сцепив зубы, стоически терпела, пока байкер перевязывал ее остатками простыни. Жози возник за спинкой кресла и принялся их поторапливать:

– Кися моя, пошевеливайся! Время – деньги! А в нашем случае – еще и жизнь. Ну же, лапсечки мои, быстрее! Иначе будут нам полные бабасики!

– Жозик, либо объясни, что за лажа с тобой приключилась, либо заткнись и не мельтеши! – повелительно рыкнул байкер, закрепляя повязку на плече оборотнички.

Андрогин обиженно замолчал, затем хлопнул себя по лбу и кинулся запирать двери, через которые вошли дипломаты. Тяжелый ключ он педантично повесил на гвоздь. Увидев, что нежданно свалившаяся ему на голову троица готова двигаться дальше, блондин рванулся к portalу, взмахом руки призывая всех следовать за собой, но запнулся на полпути и снова кинулся в комнату.

– Забыл! – взвизгнул он. – Гламурную няшку забыл! – Выдернув из тайника футляр с таинственным пергаментом, поспешил к portalу. – Красотулечка! – верещал он, на ходу любясь медным цилиндром с шишечками на концах. – Ведь правда же, кися моя?

– Правда, – буркнул оружейник, отстраняя от себя футляр, который Жози сунул ему

⁶ **Make love, not war** – занимайтесь любовью, а не войной (англ.) – антивоенный лозунг.

под нос. – Свалим мы отсюда наконец?!

– Конечно-конечно... – Жози активировал забранный у Лоренсии артефакт, и портал полыхнул ярким светом, мигом выбросив странную компанию на площадь перед Зимним дворцом.

Пока они блуждали по подземелью, на улице распогодилось. Легкий ветерок разорвал серую пелену на мелкие пушистые клочки, открыв лазоревое небо и ясное солнце, спешащее побаловать жителей Петербурга последним летним теплом. Жози блаженно зажмурился, подставляя солнечным лучам бледные щеки.

– О, мадре мия! Восемь лет... Восемь лет без солнца! У кого-нибудь есть крем для загара?! Мне срочно нужно на пляж! Эй, ребята, вы куда?! – Пока он восхищался прелестями августовского солнца и млея под теплыми лучами, остальные успели уже довольно далеко отойти от места прибытия.

– Мы? Мы на Марсово поле, а ты – куда хочешь, – откликнулся Виктор, надеясь, что сумасшедший библиотекарь наконец-то от них отстанет.

– Да? – как-то сразу погрузнел Жози. – Ну ладно, мне в любом случае в другую сторону... – Закинув на плечо тяжелую сумку, он сгорбился и побрел к выходу с площади...

Солнце добросовестно поливало теплом и светом разноцветную плитку на Марсовом поле, некогда яркую, а теперь грязную и потускневшую. Несколько воздушных парусников стояли на приколе, один неспешно опускался на отведенную ему площадку. Тяжелая воздушная баржа разгружалась на краю поля. Однако Виктор не спешил выходить на открытое пространство, притаившись вместе с Радиславой и Диметрием в тени груза, вываленного из баржевого трюма. А затаиться было от чего. Небольшая группа с нашивками служителей закона опрашивала команду дальнего парусника, еще двое спустились с палубы золотистой сильфийской шхуны-бабочки. Едва посетители оказались на земле, прозвучал приказ отдать швартовы, и парусник начал отрываться от земли.

– Да это же «Арфа»! – возмущенно выдохнул байкер. – Снимаются с якоря! Что за невезуха!

– Сейчас, подожди... – Радислава зашарила в сумке и выудила маленькое плоское зеркальце. Поймала солнечный лучик и направила в сторону парусника. – Попробую привлечь их внимание...

– И что нам это даст? – уныло осведомился Виктор.

«Эолова арфа» поднялась еще на метр, а затем вдруг развернулась и, наращивая скорость, понеслась к барже. По левому борту парусника, погромыхая грузиками по доскам, заполоскалась веревочная лестница.

– Капитан свихнулся! – пробормотал оружейник. – Он же идет на таран!

Парусник стрелой летел к барже, чуть задирая нос.

– На счет «три»... Раз, два, три! НА АБОРДАЖ!

Все трое выскочили из укрытия и бросились навстречу разгонявшейся «Арфе». Байкер ухватился за лестницу, подхватил оборотничку и понял, что мальчишку посадить не успевает. Но тут с крыла, на одном из маневровых канатов, спланировал красноволосый пикс и ловко перехватил Диметрия под мышки. Их тут же втянули на палубу.

Дознатчики, разобравшись, что к чему, запоздало бросились к набравшему ход паруснику. Защелкали тетивы арбалетов...

«Жить нужно так, чтобы твое присутствие было необходимо, а отсутствие – заметно!» – вот над чем размышлял оставшийся в одиночестве Жози, понимая, что к нему это правило не относится. Кажется, он никому не нужен! Нет, хуже – он всем безразличен... Андрогин свернул прочь от площади и побрел вниз по улице, тоскливо пиная ногой подвернувшийся камешек. Туго набитая тряпичная сумка больно хлопала по боку, крыса сидела на плече, глядя по сторонам и заинтересованно шевеля усами.

Внезапно мелькнувший в проеме соседнего переулочка силуэт заставил андрогина резко

шарахнуться в сторону и затаиться в нише черного хода одного из домов. Фигуру Лоренсии Скрипто он знал слишком хорошо, чтобы ошибиться. Стуча зубами от ужаса, Жози втиснулся в старый шершавый кирпич, мгновенно покрывшись липким холодным потом. Как же это хранильнице удалось так быстро избавиться от пут? Как она смогла выследить беглеца? Рунный медальон на груди андрогина засветился голубоватым светом. Жози со стоном хлопнул себя по лбу: вот ведь влип! Да с этой проклятой побрякушкой Лоренсия не то что в Петербурге, она его и на том свете отыщет! Библиотекарь торопливо сдернул цепочку. С тяжким вздохом (уж больно красивый медальончик) засунув украшение в щель между стеной и опорой козырька, он припустил обратно в надежде догнать своих неурочных гостей и тем самым опровергнуть столь нелицеприятное правило нужности, им же самим и сформулированное...

– Подождите! Меня подождите!.. – донесся до Виктора печально знакомый пронзительный голосок. Байкер обернулся и удивленно нахмурился, ибо...

Через поле, пытая, словно перегруженный ежик, и отчаянно размахивая руками, неся Жози. Тяжелая сумка беспощадно лупила библиотекаря по боку. Кто-то из служителей закона попытался остановить его, но андрогин, на ходу перехватив лямку, взмахнул торбой на манер пращи – и неудачник отлетел в сторону. «Эолова арфа», чуть не протаранив бушпритом баржу, задрала нос и рванула вверх под немыслимым углом. При этом Виктор успел цапнуть несчастного андрогина за запястье, и теперь они вдвоем болтались вдоль борта.

– А-а-а! – подстреленным зайцем верещал Жози. – Соскальзываю!

Несколько сильфов поспешили втащить лестницу вверх. Спустя пару секунд Виктор с библиотекарем очутились на палубе. Парусник выровнялся и, заложив крутой вираж, лег на нужный курс, стремительно удаляясь от негостеприимного Петербурга. Радислава бухнулась на колени возле тяжело дышащего байкера.

– Что, прямо сейчас убивать будешь? – хрипло осведомился он. – Как раз ситуация подходящая – я слаб, беспомощен и никто мне не поможет... Уф... – Виктор сел на палубе, кровь молотками стучала в висках.

– Повезло тебе, я на людях стесняюсь, – насмешливо фыркнула оборотничка, толкая его в грудь здоровой рукой. – Да и вдруг Эорлин-ши еще кровь заставит с палубы смывать. Заметь, доски тут светлые, одной тряпкой не обойдешься. А я – бедный замученный оборотень, и никто меня не пожалеет...

Ни ответить, ни пожалеть менестрельку байкер не успел – в его кармане призывно запиликал телефон. Виктор обреченно вздохнул, выудил сотовый и нажал кнопку ответа:

– Да, госпожа кардинал... Где мы? На «Эоловой арфе», естественно, домой летим. А-а-а, так это вы ее срочно отозвали! Понятно! Чего? Нет, госпожа кардинал, нет, как вы могли такое подумать – мы его не убивали... Доказательства? Да, есть. Мы как раз везем их в Будапешт... – Виктор скептически рассматривал Жози и Диметрия. – Оч-чень интересные доказательства... кхм... неопровержимые...

Ах, суматоха, суматоха... Сколько бы она ни длилась, все равно рано или поздно на нее умиротворяющим покровом опустится столь необходимый всем покой. Удивительно теплый, особенно для конца августа, вечер вольготно разлегся на улицах Будапешта, утихомиривая суматошный день и распространяя потоки умиротворяющей лени. Сумерки уже сгустились в бархатную темноту, кое-где расцвеченную яркими точками звезд. Неяркий свет магических светильников теплой волной затопил библиотеку особняка ди Таэ. Тускло поблескивали отполированные полки, а многочисленные книги, казалось, перешептывались между собой. Глубокое, обитое вишневым бархатом кресло было настолько удобным, что досточтимая госпожа кардинал уже всерьез подумывала о том, а не уснуть ли ей прямо в нем. Высокая керамическая кружка с ароматным травяным чаем приятно грела руки. Манили интригующей сценой раскрытые на середине «Хроники Рыжей», вытесняя из головы все суматошные события последних дней. И казалось – эти мир, покой и вечерняя нега будут

длиться вечно. Впрочем, казалось лишь до того момента, пока в библиотеку, тихонько шурша антигравом, не всплыло кресло сиятельного князя Эрика. Целитель на ходу (на лету?) что-то рассовывал по карманам плотной черной куртки, застегнутой под горло. Длинные волосы убраны в непривычный хвост и спрятаны под воротник. Столь необычный вид милого супруга настолько огорошил госпожу кардинала, что томная лень мигом слетела с нее, заставив хищно податься вперед.

– Куда это ты собрался на ночь глядя? – подозрительно осведомилась Злата, рассматривая затянутую в черное фигуру князя.

– На кладбище. – Он подергал шнуровку, проверяя, плотно ли притянуты к ногам голенища высоких ботинок. – Проветрю голову, разорю на сон грядущий пару могилочек и вернусь. Не переживай, *ma daeni*⁷.

– Да-а? – Брови Пшерптневской удивленно поползли вверх. – Что-то я не замечала раньше за тобой склонности к некрофи... кхм, к некромантии.

– В жизни нужно попробовать все! – подзуживающе ухмыльнулся Эрик. – Я просто проверю кое-какую информацию, не больше... – поспешил добавить он, видя, как мрачнеет лицо Златы. – Через пару часов вернусь. Не дожидайся меня, ложись спать. – Он погладил ее по щеке.

– А...

Но князь уже исчез в яркой вспышке телепорта.

Глава 7

Сумерки, дымчатой пеленой накрывшие кладбище «Керепеши», очень быстро уплотнились в настоящую ночь, превратив старинный некрополь в скопище причудливых и страшных теней. Едва колыхавшаяся листва тревожно шелестела на ветру, поскрипывали время от времени старые разлапистые деревья. Никто не тревожил покой уснувших. Не шуршал гравий на дорожках, не слышались молитвы и плач – темно и пусто было на «Керепеши» в этот поздний час. Лишь покачивался на цепи одинокий фонарь за воротами да тускло светилось маленькое окошко конуры кладбищенского сторожа...

Откинувшись на спинку скрипучего стула, отец Габриэль брезгливо смотрел, как изрядно поддатый старик опустошает еще одну кружку дрянного вина. Сам гость от сего сомнительного угощения вежливо отказался. Как и обещал, отец Фарт вечером пришел на «Керепеши» и теперь дожидался полуночи в маленькой запущенной сторожке, выслушивая пьяный треп ее обитателя, и задумчиво перелистывал пожелтевшие страницы распухшей от времени книги – обновлял в памяти нужные тексты. Взглянув на часы, инквизитор прекратил чтение, проверил, плотно ли сидит в петле на поясе простое деревянное распятие, легко ли открывается кошель с кусочками ладана, капнул и растер между ладонями немного мирры. Посоветовав сторожу не высовываться на улицу до третьих петухов, вышел во двор, предусмотрительно прихватив книгу с собой...

На улице его руки и лицо будто облепило невидимой паутиной, ставшей еще более плотной, чем днем. Не спасала даже ночная свежесть. Между причудливыми надгробиями слышался тоскливый шепоток, раздавались скрежет и постанывания... А может, то просто ветер путался в памятниках, хлипких оградках и стенах обветшалых склепов? Впрочем, Габриэль прекрасно знал, что это не так. На кладбище действительно неспокойно. Неуютно отчего-то стало мертвецам в могилах, что-то мучило их и подстегивало, лишая вечного покоя.

Фарт остановился и, осенив себя крестным знамением, приготовился начать заупокойный реквием. «*Canticum расет*» – особая молитва, утихомиривающая восставшие

⁷ *Ma daeni* – в переводе со Старшей речи означает «моя девочка». Однако в зависимости от контекста может означать и «моя госпожа», и «любимая», и даже «младшая сестра».

погосты, прозвучит потом, сначала надо смирить беспокойные души.

Заскрежетал камень, порыв ветра донес тяжелый запах тлена. Стоило Габриэлю произнести: «Избави меня, Господи, от смерти вечной в тот страшный день, когда содрогнутся земля и небеса...», – несколько десятков могильных плит, как будто повинувшись словам реквиема, загрохотали, соскальзывая с саркофагов, и громыхнулись об землю...

Фарт вздрогнул и отступил на шаг. Такого эффекта он не ожидал. Обычно эти слова имели несколько иное действие. Запах тлена усилился. Сглотнув подступивший к горлу комок, инквизитор продолжил речитатив, тщетно пытаясь понять, что здесь происходит. Из темноты, озаренные мертвенным лунным светом, выныривали скелеты в обрывках истлевших одежд. Поднятые и удерживаемые неизвестной силой, человеческие остовы обступали Фарта, дергаясь и кружась, будто припадочные.

– Scheiße!..⁸ – выругался Габриэль, разом позабыв и о реквиеме, и о своем сане.

Он вдруг понял, что его заупокойная месса тут совершенно ни при чем: «Керепеши» окутывалось безумием пляски смерти и несчастного экзорциста угораздило очутиться в самом ее сердце. Оставалось плюнуть на реквием и начать поспешной скороговоркой выговаривать зубодробительный текст «Canticum расет». Это его единственный шанс на спасение, последняя возможность вырваться живым из безумного хоровода мертвецов...

Эрик осторожно вел кресло между могилами, казавшимися причудливыми кляксами. На кладбище действительно творилось что-то неладное, и князю это совершенно не нравилось. Разлившиеся в воздухе отголоски странной энергии вполне могли поднять на ноги тихих обитателей погоста. Князь ди Таэ поспешно вспоминал, что он знает об упокоении резвых мертвецов, – выходило, что немного. Пронесшийся среди надгробий порыв ветра донес запах тлена, а в следующий момент Эрику показалось, что его заперли в каменоломне в момент взрыва породы: тяжелые могильные плиты с грохотом полетели на землю, раскалываясь на куски. Князь поспешно рванул кресло вверх, уходя от осколков. Антиграв взвыл от сумасшедшей перегрузки.

Когда град камней прекратился, целитель огляделся и понял, что это всего лишь невинные цветочки. Ягодки в виде припадочно дергавшихся скелетов, заведших корявый хоровод, оказались куда страшнее. Рискуя сжечь антиграв, Эрик продолжал оставаться на прежней высоте, лихорадочно размышляя, что же делать. Тут до него долетел охрипший голос, выкрикивающий фразы на латыни. Заклятие «ночного зрения» позволяло князю неплохо ориентироваться в темноте, и вскоре он увидел человека, тщетно пытавшегося вырваться из сердца смертельного хоровода. Голос его становился все тише, слова звучали все реже. Вот уже ближайший скелет ухватил несчастного за предплечье, намереваясь увлечь в танец.

Выругавшись, Эрик спикировал вниз, одновременно ударив по мертвым волной огня. Перехватил человека под мышки и рванул вверх. Бедолага, не ожидавший какой-либо помощи, запнулся на полуслове.

– Дочитывайте, черт вас побери! – рявкнул ему на ухо целитель. – Кресло долго не выдержит!

Фарт, все еще слабо соображая, что к чему, покорно продолжил речитатив, в завершение сыпанув на мертвецов щедрую порцию ладана. На секунду кладбище затопило вспышкой света, а после все стихло.

Князь ди Таэ с облегчением направил кресло к земле и отпустил слегка ошалевшего священника.

– Эрик, целитель, – коротко отрекомендовался он, узнав в спасенном утреннего собеседника сторожа.

– Габриэль, священник, – в тон ему откликнулся Фарт, борясь с желанием свалиться

⁸ Дерьмо! (нем.)

под ноги своему спасителю.

– Кажется, вам не мешает помощь врача, – заметил Эрик, осматривая разодранный рукав Габриэля. Сквозь прорехи проглядывали длинные темные борозды, оставшиеся от хватки скелета. – Идемте, не стоит тут оставаться.

Набросив на шатающегося инквизитора телекинетический захват, князь раскрыл телепорт.

Очутившись в особняке ди Таэ, Фарт со стоном упал в широкое кресло с резными подлокотниками. Усталость пополам с болью накатывала волнами. Князь первым делом пролевитировал из бара темную квадратную бутылку и стакан, налил щедрую порцию напитка и протянул полуобморочному священнику.

– Пейте. В вашем случае это необходимость, святой отец.

Пока Габриэль опустошал стакан, целитель успел исчезнуть и вернулся с бинтами и прочими медицинскими штучками. Взглянув на перекошенное лицо Фарта, князь усмехнулся, приходя к мысли, что тащить в дом пострадавших священников становится чем-то вроде доброй семейной традиции. Не далее чем полтора года назад Анна приволокла истекающего кровью Хьюго де Крайто, а теперь и сам Эрик предложил помощь кладбищенскому незнакомцу.

– Что это?.. – выдохнул тот, когда перестал глотать ртом воздух.

– Дивная настойка на ста восемнадцати травах, – продолжая усмехаться, ответил князь ди Таэ, – или, проще говоря, эльфийский самогон.

– Эльфы гонят самогон?

– В наше время все гонят самогон... Покажите вашу руку. М-да-а... – Целитель аж присвистнул от такого зрелища.

Предплечье Фарта побагровело и распухло, а темные полосы оказались лопнувшей кожей, из-под которой торчала плоть. Эрик взял опустевший стакан и, держа над ним руку раненого, забормотал заклятие. Из длинных запекшихся ран потекла черная кровь, пару секунд спустя сменившаяся обычной красной. Предплечье перестало пугать веселенькими багровыми оттенками. Смочив тампон все в том же ядреном пойле, князь принялся промывать раны.

– Милый, если тебе захотелось выпить с инквизитором, надо было так и сказать, а не пугать меня историями про кладбище! – с лестницы, ведущей на второй этаж, прозвучал недовольный голос Златы, кутавшейся в пушистый халат.

– Ма daeni, святой отец не уведомил меня о роде своих занятий, – не отрываясь от перевязки, откликнулся князь. – Святой отец, отчего вы умолчали о том, что являетесь инквизитором? – Это уже адресовалось Фарту.

Габриэль молча тарашился то на князя, то на очаровательную госпожу Пшертневскую, с которой уже имел счастье познакомиться утром. Злата тем временем пересекла гостиную и села в свободное кресло.

– Эрик, этот господин не просто инквизитор, – вздохнула госпожа кардинал, едва сдерживаясь, чтобы не начать смеяться над нелепостью ситуации. – Он новый великий инквизитор Нейтральной зоны. Именно ему мы должны оказывать полное содействие, которого, само собой, оказывать не собирались...

– Ну что ж, не собирались, но оказали, – философски пожал плечами князь. – Человек предполагает, Бог располагает, а маг берет и все портит.

– А... э... – только и смог выдавить отец Фарт. Он не мог взять в толк, что госпожа кардинал делает в доме чародея.

– Ах да, позвольте же представиться, – вспомнил о вежливости маг. – Эрик, старший князь Высокого дома ди Таэ. А с моей женой, госпожой Златой, вы уже знакомы.

«Князь ди Таэ?... – Брови Фарта невольно поползли на лоб. – Тот самый, который прикончил моего предшественника мэтра Саграду? А сердитая госпожа кардинал – его жена?» – Все эти мысли никак не желали укладываться в усталом сознании инквизитора.

– Так что же вы делали на кладбище, святой отец? – с вежливым любопытством осведомился целитель.

Габриэль ошалело глядел то на князя, то на княгиню ди Таэ, не в силах переварить свалившуюся на него информацию. Перегруженное сознание, потрепывавшись еще немного, решило, что с него хватит, и погасило свет. Отец Фарт безвольной куклой сполз по спинке, обвиснув в кресле.

Эрик тяжело вздохнул и покачал головой. Злата крадущимся шагом приблизилась к мужу. От ее недавней сонливости не осталось и следа.

– Милый, может, хоть ты просветишь меня, что делал на кладбище?

– Ma daeni, для тебя – все что угодно, – хитро подмигнул князь, подхватывая ее на руки и усаживая к себе на колени...

Досточтимый господин Вилдар Криэ отставил тяжелый чугунный утюг и, набросив на плечи тщательно выглаженную рубашку, принялся неспешно застегивать мелкие пуговицы, украдкой глядя на своего воспитанника. Хьюго в экстренном порядке опустошал кружку с кофе. Несмотря на качество и крепость напитка, глаза юноши все равно стремились закрыться. Впрочем, насколько Профессор помнил, де Крайто появился вчера домой ближе к полуночи, взмыленный, словно скаковой конь, и уставший до полусмерти. На вопрос, почему Хьюго едва стоит на ногах, тот лишь вяло отмахнулся, рухнул на диван и уснул не раздеваясь.

– Мальчик мой, обучение магии – это, конечно, хорошо, но, может, ты все-таки попросишь Анну не гонять тебя до потери пульса? Это в ее же интересах, – резонно заметил Вилдар.

– Я подумаю, – вяло отозвался де Крайто. – Голова сейчас не соображает, а с этой мыслью нужно как минимум переспать... – Он подавился длинным зевком.

– Будешь спать с мыслями, так нецелованным и останешься, – саркастически фыркнул Криэ.

Хьюго поперхнулся остатками кофе и закашлялся.

– Что? – не понял Профессор, наблюдая, как лицо юноши заливается краской. – Что, уже?... – с легким удивлением осведомился он.

Хьюго немедленно пожалел, что не может провалиться сквозь землю.

– А Эрик знает, что ты, кхм, с его сестрой, кхм...

Де Крайто отрицательно замотал головой.

– Ну что ж, мальчик мой, теперь как честный человек ты просто обязан просить руки Анны ди Таэ, – давась смехом, произнес Криэ.

– Я над этим работаю... – смущенно выдавил Хьюго, подхватывая свой меч-трость и поспешно выметаясь из квартиры.

– Эй, торопыга, меня подожди! – Вилдар поспешил за учеником, на ходу застегивая крючки сутаны...

Третий рабочий день, считая с момента счастливого восстановления дипломатов в их законных правах, начался в специальном отделе до боли привычно. Казалось, не существовало в мире катаклизмов, способных отменить такое ежеутреннее знакомое:

– ВИКТОР!!!

Байкер мученически поморщился и продолжил подтягиваться на перекладине.

– Виктор, марш сюда немедленно! – Голос госпожи кардинала эффектно разносился в утренней тишине, царившей в церкви Святого Матиаша.

Оружейник прыгнул на землю, вылил на себя ведро воды и вразвалочку направился к источнику шума.

Злата, по пояс высунувшись из окна своего кабинета, раздраженно потрясала несколькими исписанными листами.

– Виктор, как я должна это понимать?! – чуть тише осведомилась грозная госпожа

кардинал, когда нерадивый сотрудник возник в пределах видимости. – Господи, от вас всего лишь требовалось присутствие на похоронах, а вы что учудили?!

– Мы? – Он задумчиво поскреб маковку. – Это... поприсутствовали...

– Нет! Вы... – Пшертневская зашелестела бумагами. – Я сейчас зачитаю. «...и, в непотребном виде явившись из подвала, вместе с богопротивною нечистью богохульствовал грязно при гробе...» Это жалоба настоятеля и есть еще от хранителей! Кардинал Дэпле любезно снабдил меня этими бумагами с утра пораньше! А эти ваши «доказательства»!..

– Самые надежные из всех возможных. Надеюсь, обвинения с нас сняли? – полюбопытствовал байкер.

– Сняли, – раздраженно буркнула Злата. – Удивительно, как это вы не притащили с собой Чеширского Кота!

– К сожалению, котами не разжились, в наличии имелась только соня-мышь, то есть крыса Капуста. Но зато в малом архиве теперь воцарится столь милый вам порядок, – насмешливо фыркнул Виктор, вспоминая, как проходило бурное знакомство госпожи кардинала с андрогином. Особенно тот пикантный момент, когда щуплый блондин от избытка чувств на глазах у своей будущей начальницы эффектно «переплавился» в фигуристую блондинку. Самообладанию Пшертневской можно только позавидовать.

– Нет, вы невыносимы! – схватила за голову госпожа кардинал. – А хранительница? Это же надо додуматься – оглушить всеми уважаемую Ieri Катуллом!

– Чем? – не понял Виктор.

– Не чем, а кем! Древнеримским поэтом, ваявшим описания о своей возлюбленной Лесбии и ее безвременно почившем воробышке! – ехидно фыркнула госпожа кардинал. Что уж греха таить, жалоба от хранителей, помимо опасений, что авторы послания постараются любыми способами заполучить своего библиотекаря обратно, вызвала у Пшертневской еще и приступ истерического хохота...

– Гы-гы! – не слишком культурно донеслось в ответ.

Злата страдальчески закатила глаза: увы, вся воспитательная патетика пропала втуне.

– Идите будите свою подругу и постояльцев, – вздохнула она. – Жду всех в кабинете немедленно. Покончим с этим дурацким делом и вернемся к спокойной жизни!

Господин великий инквизитор все сильнее склонялся к мысли, что пресловутый специальный отдел, с коим ему предстояло познакомиться в полной мере, на самом деле не более и не менее чем филиал сумасшедшего дома на попечительстве церкви. И семья ди Таэ – это отнюдь не самые экстравагантные его представители. Хотя... В данный момент отец Фарт находился в библиотеке особняка ди Таэ, рассматривая развешанные на стенах фамильные портреты членов славного рода. Изучая лица мужчин, весьма неоднозначные и в чем-то устрашающие, а также прекрасные, но печальные черты дам, инквизитор все больше убеждался в безошибочности своего мнения.

– Не пугайтесь, святой отец, – ободряюще похлопал его по плечу Эрик, влетая в библиотеку. – Поначалу мы производим впечатление тихих сумасшедших. Но поверьте, это не так. В реальности мы не такие!

– Звучит обнадеживающе, – с облегчением пробормотал Фарт, поглаживая подвешенную на перевязи руку. Меня повязку, целитель честно предупредил его, что такие раны заживают долго и получают другие повреждения в процессе заживления пострадавшей руки крайне нежелательно.

– Мы не тихие, мы буйные, – хитро ухмыляясь, закончил князь, с удовольствием наблюдая, как вытягивается лицо инквизитора. – Но вернемся к нашим... и вашим скелетам, – продолжил ди Таэ, вдоволь налюбовавшись на перекошенную физиономию собеседника. – Скажите, какая причина привела вас на кладбище?

– А вам не кажется, что вести допрос – моя прерогатива? – с некоей долей сарказма осведомился экзорцист, сильно подозревая, что узнай князь о его роде занятий ранее – лежать бы вчера Габриэлю Фарту в сырой земле.

Эрик великодушно пожал плечами:

– Отец Габриэль, я ни о чем не сожалею, ибо вчера оказал помощь достойному человеку. Не заставляйте меня изменять свое мнение. Я не силен в экзорцистике, но что такое песнь покоя – мне известно...

– Тогда могли бы догадаться, что привело меня на этот проклятый погост! – вспыхнул Фарт, сию минуту поднявшись из мягкого кресла. – А вот вы...

– А я всего лишь решил проверить пьяную болтовню сторожа. Габриэль, смирите свою гордыню, похоже, мы с вами оказались в одной лодке, – с нажимом произнес Эрик. – Мне известна ваша история. Кладбища не имеют обыкновения подниматься на пляску смерти сами собой. То, что случилось вчера на «Керепеши», – отнюдь не спонтанная вспышка, вызванная обрядом некроманта. Нет, я уверен – мертвых расталкивали постепенно, подгадав момент пробуждения к вашему визиту.

– А разве такое возможно? – уже значительно спокойнее спросил экзорцист.

– Иногда подобный эффект дают некоторые специфические зелья, – любезно пояснил целитель. – Для этого их надо несколько дней кряду разбрызгивать на могилах. Для пляски ведь много не нужно. Достаточно нескольких десятков скелетов. – Князь ди Таэ задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику гравикресла, что-то обдумывая. – Святой отец, факты говорят сами за себя. Я убежден – кто-то знал, что вы непременно придете на кладбище. А учитывая все сопутствующие обстоятельства, и прошлые, и нынешние, я не слишком погрешу против истины, предположив, что к этому причастны иезуиты. Вы ведь в свое время изрядно насыпали перца им на хвост, не так ли? А подобные зелья – их негласная визитная карточка...

Чуть позднее, уже покинув особняк ди Таэ и бредя по улице, Габриэль все прокручивал и прокручивал в голове утренний разговор с князем. Да, теперь картинка начинала складываться с невероятной быстротой: странный разгул духов в Айзенахе, спешное повышение, пляска смерти на «Керепеши» – бесспорно, все это звенья одной цепи. Судя по всему, ему объявлена война, в которую волей случая оказался втянут беловолосый чародей, а может, и не только он. Помнится, ругаясь с Дэпле, досточтимая госпожа Пшертневская тоже упоминала иезуитов...

Покинув свою импровизированную трибуну, госпожа кардинал отошла от окна и недоуменно уставилась на стоящего перед столом незнакомого священника. Блеклый шатен неопределенного возраста с водянистыми глазами-буравчиками задумчиво перебирал темные четки. Пшертневская невольно задержала взгляд на его бледных холеных пальцах, и ее передернуло: угадывалось в их движении что-то от суетливых могильных червей.

– Интересная у вас манера общения с сотрудниками, – насмешливо протянул визитер, беззастенчиво разглядывая Злату.

– Не вам судить, почтеннейший, – огрызнулась Пшертневская, непроизвольно сцепив руки на груди. – Кто вы и что забыли в моем кабинете?

– Удивляюсь, как с такой вопиющей неучтивостью вы до сих пор состоите в дипломатах, – осуждающе поморщился собеседник.

– Каков привет, таков и ответ, – удовлетворенно парировала госпожа кардинал. – Кстати, об ответах... Я жду.

– Юлиан Мориц, наместник светлейшего ордена иезуитов в Нейтральной зоне. И ваш непосредственный сосед. Брат Дамиан уже уведомил меня, что у вас приключилась стычка с орденом. Да и я имел несчастье не сойтись во мнениях с вашими коллегами в Петербурге. Право же, не хочется начинать мирные отношения военными действиями...

– Не хочется – не начинайте, – пожала плечами Злата. – А сейчас, будьте добры, откланяйтесь. У нас совещание. Не люблю заставлять сотрудников ждать.

Брат Юлиан коротко кивнул и направился к выходу, едва не столкнувшись в дверях с Профессором и де Крайто.

Криэ проводил пришельца изучающим взглядом и неспешно прошествовал в кабинет.

Юноша остался стоять в проеме, тяжело привалившись к косяку и прикрыв ладонью глаза.

– Хьюго, что вы там застыли? – обеспокоилась Пшертневская.

– Н-ничего... – тут же выпрямился он. – Просто устал.

– Кхм... Скажу-ка я Эрику, чтобы он вас осмотрел. Не хватало мне еще обмороков на рабочем месте, – проворчала госпожа кардинал.

– Кого я должен осмотреть? – донеслось из пустоты, а секунду спустя в кабинете материализовались князь и княжна ди Таэ.

Анна ловко прыгнула с подлокотника гравикресла Эрика и озадаченно воззрилась на побледневшего де Крайто.

– Ага... – Целитель правильно истолковал взгляд сестры. – Ох, какая чудная аллергия, – воскликнул маг, наскоро просканировав ауру Хьюго.

– Аллергия?!

– На темную магию, – добавил Эрик. – А точнее, на какое-то некротическое зелье. Маленькие последствия от общения с господином Саградой. Это не смертельно, – поспешил успокоить сестру князь ди Таэ. – Только где же вы успели вляпаться в такую замогильную мерзость, Хьюго?

– Кхм... – Профессор кашлянул, привлекая внимание. – В дверях мы столкнулись с неким субъектом...

– Наместник иезуитов, – исчерпывающе пояснила Злата.

– Тогда ясно, – вздохнул князь. – Этот орден провонял мертвечиной не хуже самого матерого некроманта. А что он тут делал, *ma daeni*?

– Настроение мне портил, – буркнула Злата, брезгливо морщась при воспоминании о брате Юлиане. А где... – Договорить она не успела, ибо в кабинет шумной толпой ввалились Виктор, Радислава, Диметрий, отец Рид и Жози в своей мужской ипостаси.

В комнате сразу стало тесно. Дождавшись, пока все наконец-то расползутся по своим привычным местам и перестанут галдеть, словно птичий базар, госпожа кардинал вздохнула и преувеличенно бодро изрекла:

– Ну, господа дипломаты, начнем благословясь...

Все вопросительно запереглядывались, в конце концов дружно устремив взгляды на подоконник, где чинным рядом восседали непосредственные участники последних событий. Жози восторженно рассматривал своих новых коллег, Диметрий стеснительно мял подол подрясника, а Радислава упорно делала вид, будто она тут вообще ни при чем. Так, случайно мимо проходила. Виктор, видя такой демарш, утвердился в мысли, что исполнить роль былинного акына предстоит ему. Тяжело вздохнув, байкер как можно короче обрисовал ситуацию.

– ...такая вот фигня, детишки, – мрачно закончил он.

– Да уж, – поморщился Эрик. – На документик-то можно посмотреть?

Диметрий сжался в комок и затравленно взглянул на Виктора.

– Давай, малый, твой выход, – ободряюще похлопал его по плечу оружейник. – Брат Захарий хотел, чтобы эта штука угодила к нам, так что тебе ничто не грозит. Разоблачайся...

Мальчишка неуклюже слез с подоконника и стянул одежду, явив всем собравшимся худую бледную спину, испещренную затейливой вязью. Князь ди Таэ переместил кресло и пальцем задумчиво коснулся мальчишеской спины. Диметрий вздрогнул.

– Не бойся, – успокаивающе произнес целитель. – Думаю, нужно избавить тебя от этого сомнительного боди-арта. Дайте кто-нибудь лист бумаги... – Получив требуемое, Эрик приложил бумагу к коже и тихонько выдохнул несколько слов.

Не прошло и пары секунд, как текст со спины перетек на лист, проступив черными закорючками.

– Вот и все, – усмехнулся маг. – Ничего страшного, правда?

Диметрий растерянно улыбнулся и, натянув одежду, вернулся на подоконник под защиту байкера. Князь задумчиво рассматривал столь специфично отсканированный документ. Остальные заинтригованно сгрудились вокруг него. Злата, наплевав на

субординацию, вообще забралась на подлокотник гравикресла.

– Странный диалект... – потер лоб целитель.

– Nesta dara mi terae... – певуче произнес отец Рид, близоруко щурясь на мелкие закорючки. – Это архэ – архангельский диалект Старшей речи.

– Ну тогда вам и карты в руки. – Эрик сунул листок через плечо в руки архонту.

– Э... хм... – Рид поправил уползшие на кончик носа очки. – А может... э...

Все восхищенно уставились на него, словно ожидая священного откровения. Архонт смущенно кашлянул, снял и протер салфеткой очки, вновь водрузил на нос, помялся, повздыхал...

– Из меня плохой чтец, – попробовал вывернуться священник. – Князь, может...

– Рид, прекратите тушеваться, вы же не монолог Гамлета на публике читаете, – попеняла Злата.

Анна наколдовала стакан минералки и заботливо подсунула архонту. Тот еще раз протер очки, отхлебнул воды и начал:

– Nesta dara mi terae, Illare ni ashee...

– Рид, по-венгерски... – возмущенно закричали все.

Отец Рид залился краской смущения и, окинув коллег виноватым взглядом, принялся сбивчиво переводить:

В твоих руках старинный клад,
Что был начетверо разъят,
И буквы те, что в виде врат
Сражений тайну сохранят.

Одна – болотный царский град,
Столица лилии – другая,
И частью целого играя,
Ты третий обретишь расклад.

Кусок сберег живущий в камне,
Фрагмент старик Бурдон хранит.
А часть меж свитков затерялась...
И невредимою лежит.

Архонт замолчал, порывисто цапнул стакан и залпом допил оставшуюся воду. Коллеги недоуменно взирали на него, ожидая продолжения.

– Э-это все... – будто оправдываясь, замахал руками священник. – Дословно, целиком и полностью!..

– Какое-то оно корявое... Несуразица полная, – разочарованно поморщилась княжна ди Таэ.

– А что ты хотела, сестренка, – ухмыльнулся Эрик. – Перевод – он же как женщина: если красивый, то неточный, а если точный, то некрасивый. А наш уважаемый отец Рид не преминул указать, что его перевод дословный. И этот факт для нас сейчас гораздо важнее, чем соблюдение поэтических канонов.

– Может, он и дословный, но яснее от этого не стал, – покачал головой Профессор. – О каком клade идет речь? И почему описываются только три части, если ясно указано, что это гипотетическое нечто разделено начетверо?

– Ответ на последний вопрос вы непростительнейше проморгали, коллега, – насмешливо откликнулся князь ди Таэ. – «В твоих руках старинный клад...», – процитировал он. – Скорее всего документ прилагался к одной из частей, дабы помочь нашедшему сориентироваться. Узнаем, где иезуиты обнаружили сию поэзию, – найдем и четвертую часть.

– В таком случае эта часть уже наверняка находится в руках ордена, – резонно заметил Хьюго. – И это минус.

– Зато у нас есть подсказка! – Анна шаловливо взъерошила ему волосы. – Это плюс.

– Нет-нет-нет! – возмущенно замахала руками госпожа кардинал и чуть не сверзилась с подлокотника. Эрик едва успел перехватить ее за талию. – Мы не будем в это ввязываться! Вам что, Сарагосской рукописи не хватило? Особенно вам, Анна, Хьюго!

– Не хочу тебя разочаровывать, *ma daeni*, но мы уже в это ввязались, – покачал головой князь. – А вернуть документ иезуитам или, приняв за меньшее зло, отдать древним, чревато неприятностями. Ибо зло, сколь бы маленьким оно ни было, всегда остается злом. И очень скоро мы окажемся погребены под последствиями такого выбора.

– Вот так всегда! Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что, – проворчал Виктор. – Кто же с этим справится, кроме нас-то? Никто. В этом деле все зависит от нас!

– Ай! – вдруг пронзительно вскрикнула Радислава, инстинктивно зажав уши руками. – У кого телефон в беззвучном режиме?!

Все недоуменно уставились на перекошенное лицо оборотнички. Менестрель, поняв, что ответа не дожидается, прыгнула с подоконника и кинулась к столу.

– Паршивый ультразвук! – прорычала она, наконец-то определив источник. Сунула руку под столешницу и скребанула снизу резко удлинившимися когтями. В ладонь шлепнулось что-то маленькое, металлическое...

– Ну-ка, госпожа менестрель, покажите нам вашу находку! – Первым вышел из столбняка Профессор, забирая у Радиславы черный плоский кругляш размером с мелкую монетку.

– Мало похоже на телефон, – саркастически заметил князь. – Скорее на «жучок». Похоже, нас подслушивали, господа. – С этими словами Эрик забрал у Вилдара кругляш и с треском раздавил в пальцах.

– Проклятый иезуит! – не смогла сдержать эмоций Пшертневская, вспоминая, как брат Юлиан будто бы невзначай опирался на стол. – Подложил нам подслушку!

– Все справедливо, теперь наши шансы равны, – философски пожал плечами Криэ. – Только в отличие от нас они знают, что следует искать.

– Ну... – как-то неуверенно протянул отец Рид, нервно потирая переносицу, отчего неугомонные очки сползли на самый кончик носа. – Вообще-то... если учесть происхождение написанного... то, может быть... Нет, глупости...

– Рид, что вы там бормочете? – не выдержал Хьюго, которого унылый бубнеж над ухом начал порядком раздражать. – Я понимаю, что общение с самим собой – это для вас единственный способ поговорить с существом вашего уровня развития, но не у меня же над головой!..

– Что?! – Глаза архонта недобро сверкнули.

– Рид, действительно! – поспешила вклиниться в назревающий скандал Злата. – Если ты знаешь, о чем идет речь, то говори.

Священник обиженно насупился, смерив де Крайто многообещающим взглядом. Хьюго, ничуть не смущаясь, ответил ему тем же. Архонт страдальчески поморщился, но ситуацию прояснил:

– Надпись на архэ указывает, что мы имеем дело с вещью моего народа. И эта фраза – подсказка. «Сражений тайну сохраняют...» – мне известен всего лишь один такой артефакт. Вещь, раскрывавшая своему обладателю исходы всех битв – Карта великих сражений. Эта карта есть величайшее сокровище двух миров! Вот только она сгинула столетия назад вместе со своими создателями – семьей Крайэн-э’Тимеро! С моей семьей...

Уважаемая архонтесса, прекрасная *legi* Тиара из правящего дома Мираэн-э’Тимеро, зябко куталась в накидку, хмуро глядя на потемневшие от дождя воды Дуная. Достоянная *legi* никогда не питала особой любви к созерцанию воды, но надо же было такому случиться, что единственный свободный номер с балконом оказался с видом на реку. В последние месяцы

архонтесса приобрела привычку подолгу стоять на балконах и верандах без купола, глядя на открывавшееся взору пространство и хотя бы так возвращая себе бледное подобие ощущения полета. Ибо теперь небо стало для нее недоступным. Два месяца назад ее крылья, ее прекрасные белые крылья, которыми восхищались и которым завидовали, превратились в две изломанные тряпки! Тиара в ярости сжала кулаки, снова и снова прокручивая в памяти ту злополучную схватку среди руин, окончившуюся для нее столь плачевно...

– Риддаэль Крайэн-э’Тимеро, клянусь, ты заплатишься за это! – прошипела она в пустоту, еще сильнее сдавливая пальцы. Острые, идеальной формы коготки окрасились алым.

Когда представители рода Скрипто сообщили о вероятной гибели ненавистного отщепенца, якобы произошедшей там-то и тогда-то, – Кирриэль, глава дома Тимеро, не слишком-то им поверил. Выждав для верности, он принялся наводить справки и вскоре убедился в своей правоте. Тиара вспомнила, как ликовала, узнав о том, что последний из Крайэнов жив. О, как она умоляла главу дома оставить расправу над Риддаэлем ей! И вот теперь досточтимая legi прибыла в Будапешт, чтобы лично вонзить клыки в глотку отступника. Тиара довольно усмехнулась. Завтра она отправит вызов на поединок. И поганый Крайэн примет его. Не может не принять! С младшим домом Тимеро будет покончено навсегда. Эта простая мысль удивительным образом согрела разъяренную архонтессу, и она перестала цепляться за плащ, позволяя сырым порывам ветра охватывать ее плечи, создавая слабую имитацию такого недостижимого чувства полета...

Шшшхххх... Хруст-треск-звон, куча стеклянных осколков, обломков считавшихся весьма прочными рам, и сорванный пол – все это взметнулось к потолку и с устрашающей скоростью устремилось из одного конца коридора в другой. Ее прекрасная светлость княжна ди Таэ едва успела закрыться отвращающим энергетическим куполом, невольно втянув голову в плечи, когда по защите забарабанило, застучало и зазвенело то, что некогда являлось составляющей северного коридора собора Святого Матиаша.

– Святый Боже... – ошеломленно пробормотал Хьюго, поспешно опуская руки, а вокруг его запястий еще продолжали пульсировать закручивающиеся потоки воздуха.

На одной ноте противно выла пожарная сигнализация.

Переждав, пока иссякнет шквал обломков, летящий в ее сторону по воздуху, Анна сняла защиту.

– Все, баста, в помещении больше не работаем! – выдохнула она, потирая плечо, по которому саданул запоздавший кусок дерева. – Дождь там, снег там, да хоть цунами с тайфунами – НА УЛИЦУ!

Де Крайто виновато переминался с ноги на ногу, удрученно размышляя над тем, что завтра скажет госпожа кардинал, узрев картину учиненного бардака. А она скажет... Приближающийся топот прервал его раздумья, заставив рвануться вперед и, цапнув Анну за руку, поспешно ретироваться из разгромленного коридора.

– Ну что ж, прогресс налицо! – пытаюсь восстановить сбившееся дыхание, констатировала княжна, когда они довольно далеко отбежали от злополучного коридора. – Драпаем, как и положено настоящим боевым магам, – быстро и оперативно. Еще бы самоконтроля чуток, и цены бы тебе как чародею не было, радость моя!

Хьюго тяжело вздохнул. Природная вспыльчивость в который раз сработала против него, превратив банальное, средней убойности заклятие в очередной маленький армагеддончик. Да и мысли юноши в тот момент витали достаточно далеко от контроля над энергетическими потоками. Чтобы привыкнуть к столь резким переменам в собственной жизни, ему требовалось время. С момента знаменательного поцелуя, совпавшего с получением депеши от патриарха, между ним и Анной установились немного странноватые, напряженно-нежные отношения. Де Крайто пребывал в некоем подвешенном состоянии, размышляя об их совместном будущем, а с другой стороны – недавний священник усиленно пытался вписаться в суетливую мирскую жизнь, предъявляющую к нему немало требований.

Согласитесь, нелегко безболезненно переквалифицироваться из паладина церкви в мага, причем в столь форсированном темпе. Тут и голову от волнения потерять недолго. Привыкнув полагаться на разум, он не мог подобрать нужных слов. А то, что подсказывало сердце, попросту боялся озвучивать...

Еще одним минусом бесконтрольного использования энергии являлся и магический откат, подобно неотвратимому року настигавший Хьюго всякий раз после таких подвигов. Вот и сейчас парень ощутил, как по телу расползается противная слабость и начинает гудеть в ушах. Анна, заметив, как резко бледнеет его лицо, сокрушенно покачала головой и щелчком пальцев раскрыла телепорт.

– Пожалуй, на сегодня достаточно магии. Отдыхай.

– Ma daeni... – Де Крайто перехватил ее руку.

– Никаких возражений! – Княжна легонько подтолкнула его к порталу. – Домой и баньки. Все разговоры – завтра.

Телепорт с легким хлопком сомкнулся за спиной, отправив молодого мага на квартиру к его наставнику, Вилдару Криэ. Княжна отрешенно смотрела ему вслед...

Из задумчивого созерцания полутемного коридора Анну вывели приглушенные шаги и тяжелые вздохи за одной из дверей. Оглядевшись, чародейка поняла, что стоит возле собственного кабинета, по-братски разделенного с отцом Ридом.

– Ты решил поработать штатным привидением? – насмешливо осведомилась она, толкая створку и тем самым прерывая бессистемные блуждания архонта посреди комнатки. – Что ты стонешь, как невинно убиенная душа?

– Ох, daeni, ты-то мне и нужна! – слегка просветлел лицом священник.

Княжна хотела было съязвить, что ему нужны лишь ее свободные уши, но, заметив откровенно грустную физиономию друга, вовремя прикусила язык.

– Со мной творится какая-то чертовщина, – вздохнул Рид. – Кидает то в жар, то в холод, сердце временами просто сходит с ума, а луна не дает спать...

– Ну если бы не последний пункт, я бы сказала, что у тебя грипп, – с наигранным беспокойством протянула Анна, вглядываясь в лихорадочно поблескивавшие глаза архонта и касаясь пальцами его лба. – Но, учитываяотягчающие обстоятельства, диагноз будет куда страшнее... – Произнеся эту фразу, чародейка довольно посмотрела на словно громом пораженного архонта. – Похоже, ты влюбился, – посмеиваясь над его впечатлительностью, закончила она.

Отец Рид с тяжким вздохом плюхнулся в кресло и наградил княжну укоризненным взглядом.

– Лисса? – многозначительно спросила княжна ди Таэ.

Архонт кивнул, коварные очки тут же чуть не шлепнулись на пол.

– Так пригласи ее на свидание. Что зря терзаться? Ведь в архиве завтра выходной...

– Зато у нас ни воскресений, ни праздников... – тоскливо вздохнул Рид.

– Ничего, ради такого знаменательного события я тебя прикрою, – усмехнулась Анна. – Звони.

– Daeni, я же не человек! Что случится, когда она узнает, кто я на самом деле?! А она рано или поздно узнает!... – Священник потерянно схватился за голову.

– Рид, – княжна ди Таэ успокаивающе коснулась его плеча, – если вам суждено быть вместе, вам будет легко. Даже если будет трудно, все равно будет легко. В этом мире все случается как должно и вовремя. Не загадывай – звони.

Архонт устался на чародейку взглядом потерявшегося щенка. Анна пролевитировала лежащий на столе телефон, сунула в руки священнику и вышла в коридор, демонстративно насвистывая какую-то бравурную мелодию. Через несколько минут к ней присоединился и мечтательно улыбающийся Рид.

– Daeni, спасибо, что бы я без тебя делал!

– Глупости! – рассмеялась в ответ Анна ди Таэ.

Глава 8

Его светлость Габриэль Фарт, волею судьбы не так давно ставший великим инквизитором Нейтральной зоны, оторвался от разгребания бумаг своего безвременно почившего предшественника и устался на унылый пейзаж за окном. Город тонул в пелене серого монотонного дождя. Подумать только – всего лишь вторая неделя сентября на исходе, а погода уже установилась, как поздней осенью: сырость, серость и мерзость. Особенно сильно это ощущалось здесь, в управлении инквизиции. Обвалившийся фасад здания затянули в леса, стремясь восстановить до холодов, а по уцелевшей части полуразрушенного строения вольготно разгуливали сквозняки. Фарт потер тягуче ноющую руку, висящую на перевязи, и вновь погрузился в бумаги. Состояние документации, уцелевшей в кабинете досточтимого мэтра Саграды, оставляло желать лучшего. Габриэль сгреб разъехавшиеся листы в пачку и постучал ими по столешнице, подравнивая края. Взгляд его задержался на полях, исписанных корявым почерком покойного коллеги. Среди разнообразных маловразумительных пометок четко выделялись два слова на латыни. Что такое «ликантропос», господин великий инквизитор знал, а вот «резеректум»... Видимо, не знал этого и досточтимый мэтр Саграда, иначе не поставил бы напротив слова жирный вопросительный знак. Отец Фарт задумчиво потер щеку.

«...иногда подобный эффект дают некоторые зелья...» – вспомнилась вдруг ему фраза Эрика ди Таэ. А ведь «ликантропос» – зелье, так что же мешает и «резеректуму» оказаться подобной субстанцией?! Да и значение... «воскреситель»... Габриэля передернуло. Что ж, теперь дело осталось за малым. Господин великий инквизитор снял трубку с телефонного аппарата и запросил архив святого синода:

– Документы по разработкам ордена иезуитов подготовьте, пожалуйста. Уровень доступа? – Отец Фарт криво усмехнулся. – Высший! – Все-таки в обладании властью есть свои неоспоримые прелести...

Дождь шуршал не переставая, тихой унылой пеленой укрывая мокрый нахохлившийся город. Серый вечер постепенно утрачивал последние краски. Его светлость Габриэль Фарт брезгливо глядел на сырую водяную пелену перед собой. Архив святого синода, как назло, расположился в старом городе, а путешествовать по дождю в Визиварош, да еще и пешком, инквизитору совершенно не улыбалось.

Скрип колес и стук копыт по брусчатке заставил его обернуться и немедля вознести мысленную хвалу Господу – по улице неспешно катил наемный экипаж. Габриэль вскинул руку, призывая возницу остановиться. Забравшись внутрь, назвал адрес и привалился к жесткой спинке сиденья, плотнее закутавшись в пелерину. Внутренняя обивка кареты источала какой-то сладкий, едва уловимый запах. Фарт поморщился, но здраво решил, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Мерное покачивание экипажа и тихий шум дождя нагоняли сон, и господин инквизитор не заметил, как погрузился в тягучую дрему. Мысли расплывались, отказываясь двигаться в нужном направлении, по телу разливалось сонное онемение. Возможно, виной этому была дурная погода, а может, внес свою лепту тяжелый приторный дух, заполонивший экипаж, но Габриэль все меньше контролировал реальность, проваливаясь в мутное забытие...

Неизвестно сколько длилось это тошнотворное состояние, но тут карету резко мотнуло и господин великий инквизитор чуть не взвыл от боли, крепко приложившись пострадавшей рукой о стенку. Сонное оцепенение мгновенно схлынуло, оставив после себя противную слабость во всем теле и ощущение грядущей беды. Карета уже давно перестала мерно покачиваться и успела разогнаться настолько, что корпус дергался на рессорах, словно припадочный. Фарт рванулся вперед, стремясь добраться до возницы и выяснить, что за чертовщина творится с экипажем, но тут с ужасом понял – он не может пошевелиться. Тело отказывалось ему повиноваться.

За окном промелькнул собор Святого Матиаша. Обезумевший экипаж вихрем летел по улицам Вархеда. Габриэля несколько раз чувствительно приложило о стенки, а потом карету

вновь резко дернуло, трянуло и швырнуло в пустоту. Снаружи донеслось истошное лошадиное ржание. Колеса с треском хрупнули о камень, и экипаж, все набирая скорость, затарахтел по широким ступеням длиннющей уличной лестницы, соединявшей районы Вархедь и Визиварош. Подлетел, рухнул на бок и кувырком устремился вниз. Собрав волю в кулак, Габриэль сумел заставить тело повиноваться. Вышибив ногой расхлябанную дверцу, отец Фарт рванулся прочь и кубарем покатился по мокрым скользким ступеням вслед за развороченным экипажем. Раненая рука неловко подвернулась, и предплечье пронзила острая боль, погрузившая сознание в темноту...

Шлеп-шлеп-прыг, шлеп-шлеп-прыг – яркий цветастый зонтик задорно покачивался в такт движениям своей хозяйки. Так беззаботно скакать по лужам, словно это класики, могут только дети да молоденькие девушки, преисполненные оптимизма и неувядающе хорошего настроения. Жози перепрыгнула очередную лужу и чуть качнула зонтом, подставляя лицо под мелкие прохладные капли. Покинуть теплое помещение малого архива при специальном отделе андрогина заставила донельзя банальная, но вместе с тем весомая причина – коробка с печеньем неотвратимо опустела. А для неисправимого сладкоежки это событие подобно смерти, и посему Жози не осталось ничего другого, кроме как взять зонтик и отправиться в кондитерскую «Ангелика» за очередной порцией сладкого.

За истекший неполный месяц андрогин окончательно прижился в специальном отделе. Нельзя сказать, что все сотрудники испытывали восторг по этому поводу, зато все однозначно пришли к выводу, что пользы от экзальтированного библиотекаря гораздо больше, чем вреда. По крайней мере, малый архив наконец-то перестал напоминать пункт приема макулатуры, а феноменальная память Жози избавила новоявленных коллег от необходимости зарываться в старые отчеты в поисках внезапно понадобившейся информации. Вот и выходит – нет худа без добра. Даже если это добро худое, надоедливое и двуполое...

Покачивая зонтиком, девушка живенько запрыгала по ступенькам каменной лестницы, плавно изгибающейся между домами и соединяющей районы Визиварош и Вархедь. Сумерки уже достаточно сгустились, а плотная пелена тихого, но непрекращающегося дождя еще больше ограничивала видимость. Доскакав до второй площадки, Жозефина споткнулась обо что-то мягкое и во весь рост растянулась на плитах. Зонтик птичкой вылетел из руки и укатился вниз по ступеням.

– Ох!.. – только и выдохнула она, осмысливая, что же с нею произошло.

В ответ глухо застонали...

– Мамачки! – испуганно взвизгнула Жози, поспешно вскакивая на четвереньки и отползая в сторону.

Приглядевшись, девушка сообразила: это странное препятствие, поспособствовавшее ее падению, есть не что иное, как человек, лежащий ничком. Левая рука вытянута вперед, правая неловко подвернута под тело.

– Эй!.. – Жози опасно тронула его за плечо. – Чего с вами приключилось? Палинка⁹ ноги подшибла?!

Мужчина со стоном перевернулся на спину, и девушка сдавленно охнула, разглядев его лицо, покрытое коркой запекшейся крови...

Габриэль Фарт пришел в себя от легкого толчка в бок. Кажется, об него кто-то споткнулся. Инквизитор с трудом перевернулся на спину и встретился взглядом со светловолосой девушкой, перепуганно глядевшей на него.

– Помогите... – с трудом выдохнул он. В груди нещадно саднило, раненая рука горела огнем.

– Да-да, конечно, – засуетилась Жози, сообразив, что перед ней скорее жертва уличных

⁹ **Палинка** – традиционный венгерский напиток, абрикосовая водка.

грабителей, нежели палинки. – Встать сможете? Я живу тут недалеко, идемте...

Поддерживая опиравшегося на нее Фарта, она устремила вверх по лестнице...

Досточтимая госпожа кардинал Злата Пшертневская была вне себя от гнева. Она просто рвала и метала, обрушивая на головы нерадивых сотрудников всю мощь своего праведного возмущения. Еще бы, ведь кому понравится, когда его ни свет ни заря будят известием о том, что подчиненные расколотили коридор национального архитектурного памятника?..

Анна философски глядела в окно, переживая эмоциональную бурю начальственного негодования, разразившуюся над ее макушкой. Хьюго виновато переминался с ноги на ногу и более всего мечтал провалиться сквозь землю. Эрик укоризненно косился на сестру, осуждающе качая головой. Впрочем, весьма наигранно.

– Нет, это просто уму непостижимо! Вы меня в гроб загоните своими выходками! – грозно вещала досточтимая госпожа кардинал. – Нам сейчас следует вести себя тише воды ниже травы, а вместо этого вы откровенно нарываетесь на конфликт с иезуитами! Колдовать в церкви – это же додуматься надо! Ладно Анна – чародейка до мозга костей, что с нее возьмешь! Но Хьюго? Ведь и месяца не прошло, как вы сняли сутану! Куда подевалось ваше хваленое здравомыслие, де Крайто?!

Хьюго тоскливо разглядывал пол. Князь ди Таэ честно пытался подавить рвущееся из уст ехидное хехеканье, наблюдая за устроенным разносом. Но тут у него на руке призывно запиликал браслетофон. Щелкнув кнопкой, князь с легким удивлением воззрился на озабоченно-потерянную физиономию андрогина.

– Привет, красавчик! – обрадованно возопил Жози. – Твоя светлость уже в отделе? Ком цу мир шнелле, быстро ко мне, а то придется где-то прятать труп! – Высокий голосок андрогина почти сорвался на истерический визг.

Все дружно переглянулись. Злата даже перестала разносить в хлам княжну и де Крайто. Эрик недоуменно пожал плечами и раскрыл телепорт, исчезнув в нем со словами: «Сейчас вернусь». Пшертневская с тяжким вздохом схватила за голову:

– Вы точно смерти моей хотите!.. Господи, Боже ты мой, даю тебе обет – вот разберемся с насущной проблемой – и в отпуск!

Великий инквизитор Нейтральной зоны, экзорцист первой ступени, его милость святой отец Габриэль Фарт медленно приходил в себя. Покрытое ссадинами и синяками тело полыхало болью, в голове чуть мутилось, перед глазами плясали огненные черти. Когда Габриэль выпрыгивал из обезумевшей кареты, последней его ясной мыслью стало: «Вот и конец...» А после того все смешалось в багрово-черную мешанину, вдруг разорванную светлым образом прелестной девушки... Не иначе как Господь решил сжалиться над ним и послал на помощь белокурого ангела. Нет, ну а как еще можно объяснить такое своевременное появление прекрасной незнакомки?..

Габриэль слабо помнил вчерашний вечер. Наиболее четким воспоминанием оказались лишь тонкие красивые руки, промывавшие и бинтовавшие его раны, и большие ясные синие глаза... Или зеленые? С вертикальным зрачком, хм... Эта деталь стала последней, что он запомнил перед тем, как окончательно потерял сознание. А сейчас... Похоже, рядом с ним кто-то лежит. Чужое тело ощущалось под боком довольно-таки хорошо. О боже, что еще он не помнит?! Отец Фарт поспешно открыл глаза и резко дернулся в сторону. Тело под боком глубоко вздохнуло и томно потянулось.

– Не пихайся, кися моя, – с придыханием посоветовал довольно высокий, но явно мужской голос. – Как ты себя чувствуешь, милый?

Габриэль честно попытался рвануться куда подальше отсюда, но собственное тело все еще отказывалось ему повиноваться. Между тем неизвестный сосед приподнялся на локте, нависая над Фартом и давая себя рассмотреть. Экзорцист ошеломленно воззрился на востроухого блондина в ночной сорочке, мило ему улыбавшегося. И все бы ничего, но тут

досточтимый отец Габриэль разглядел наконец-то его глаза. Да, вне сомнения, это были глаза вчерашнего ангела, но теперь Фарт понял, почему не мог определиться с их цветом: один глаз оказался ясно-синим, а второй сумасшедше-зеленым, рассеченным искаженным вытянутым зрачком.

– Лежи-лежи, кися, я сейчас тебе кофе заварю, с печеньками... – Странный сосед нежно погладил инквизитора по перебинтованной груди.

Тут отец Фарт решил, что утренняя норма потрясений превышена, и со стоном потерял сознание.

Жози озадаченно воззрился на побледневшего до синевы инквизитора и с надеждой потряс его за плечо – не помогло. Похлопал по щекам – тот же результат. Нервно вскочив, андрогин, путаясь в длинном подоле ночной сорочки, заметался по архиву в поисках телефона и поспешил набрать номер Эрика ди Таэ...

Прибывший на вызов князь задумчиво взирал то на лежащего в широком гробу отца Фарта, то на Жози, пребывавшего на грани нервного срыва. Целитель только что закончил сканировать изрядно побитую ауру несчастного инквизитора.

– Красавчик, ты доведешь меня до цугундера! Говори скорее, что с ним! – истерично простонал андрогин, уставившись на бледное лицо Габриэля.

– Если не считать отравления каким-то наркотиком, ушибов, сломанного ребра и сотрясения мозга, то просто обморок, – усмехнулся Эрик, одобрительно рассматривая повязки. Выяснилось, что первую помощь раненому инквизитору Жози вчера оказал весьма своевременно и качественно. – Только скажи, зачем ты уложил этого несчастного в гроб?

– Фи, как «зачем», красавчик? Не на пол же его класть! Там такие жуткие сквозняки! Вдруг простудится и умрет? Я не хочу его смерти, он такой милый. – Жози полным заботы и обожания взглядом уставился на Фарта. – А так я по-братски, то есть по-сестрински разделил с ним вчера свое скромное девичье ложе...

– Ты спишь в гробу? – шокированно вытаращился на него князь ди Таэ, решив пока не заморачиваться вопросом о том, как сия «мебель» сюда попала.

– Ага. Как Призрак Оперы! Правда, здорово?! – так и расцвел горделивой улыбкой андрогин.

– О господи... – Целитель со стоном провел рукой по лицу. – Жози, исчезни с глаз моих долой, – приказал он, заметив, что Габриэль приходит в себя.

– А с ним точно все будет в порядке? Жалко, если умрет... Он такой кися! – Андрогин трогательно прижал руки к груди, на глазах Эрика переплавляясь в девушку.

– Жози, исчезни! – прорычал маг, теряя терпение.

– А вот ты совсем не милый, когда сердишься, – обиженно буркнула блондинка.

– Жози...

– Зато такой страстный...

– ИСЧЕЗНИ! – раздраженно рявкнул князь, многозначительно прокатив между пальцами искрящийся световой шар.

Андрогина будто ветром сдуло, и вовремя – отец Фарт со стоном открыл глаза. Эрик усмехнулся: еще одна такая встреча – и вытаскивание инквизитора с того света можно будет считать вполне состоявшейся традицией.

Глава правящего клана архангелов, Кирриэль Мираэн-э'Тимеро, скользнув в тугих потоках воздуха, мягко ступил на каменный пол балкона одного из номеров отеля. Огромные крылья сложились за спиной, а секунду спустя исчезли, словно их и вовсе не было. Кирриэль обладал достаточной мудростью и тактом, чтобы не напоминать своей дражайшей племяннице о постигшем ее увечье. Leri Тиара хмуро, с едва скрываемой завистью, следила за грациозной фигурой архонта, а темно-красное вино в ее бокале из-за тусклого освещения казалось почти черным... Цвета запекшейся крови... Архонтесса раздраженно качнула бокалом, отставив его на столик, и склонилась в подобающем поклоне.

– Мой лэрд?.. – Все ее существо пронизал вопрос: какое именно дело заставило достойнейшего из достойных покинуть дом и лично прибыть в Будапешт? Явно не беспокойство о племяннице и уж точно не участь ничтожного последыша из рода Крайэн!

Выждав положенную по этикету паузу, почтенный Кирриэль снисходительно кивнул склонившейся перед ним женщине, а затем небрежно бросил на столик тяжелый перстень из темного золота, украшенный затейливой гравировкой. Кольцо со звяканьем скользнуло по исцарапанной гостиничной полировке.

– Далларэль, – коротко, будто выплевывая очевидную гадость, произнес глава дома Мираэн. – Мы его обнаружили и раздавили, уничтожив, словно грязное насекомое!

– Мастер плетений дома Крайэн... – эхом прошелестела Тиара, разглядев перстень. Скудные лучи, пробивавшиеся из-за серых туч, уронили несколько бликов на золото.

– Не далее как на днях достойный Натеризль прикончил вышепоименованного негодяя в одном человеческом городе, а точнее в Париже. Некоторые факты заставляют меня подозревать, что не только Далларэль Крайэн нашел приют в этом вместилище грязи и людских пороков. Данное предположение требуется проверить. Мы немедленно отбываем в Париж. – Скрипучий властный голос архонта отметал все возможные возражения.

– Но поединок... – попыталась протестовать Тиара. – Я как раз отправила вызов!

Кирриэль прервал ее резким взмахом руки:

– Гоняясь за малым, мы проморгали целый змеиный клубок. Кажется, это ничтожество Риддаэль – отнюдь не последний предатель, кому удалось выжить после падения цитадели Крайэн. Поэтому нам следует закончить начатое: нужно добить проклятый род, раз и навсегда выжечь эту паршу. Сейчас все зависит от нас, а твоя месть может и подождать.

– Да, мой лэрд, слушаюсь и повинуюсь. – Архонтесса покорно склонила гордую голову и подала Кирриэлю руку.

Подхватив ее легко, как перышко, архонт раскрыл крылья и взмыл в серое небо над Будапештом...

Злата Пшертневская рассеянно перелистывала вынутое из конверта уведомление от его светлости кардинала Дэпле. Правда, эти листы, исписанные каллиграфическим почерком секретаря его светлости, мало интересовали госпожу Пшертневскую. Так, обычный дипломатический минимум скупых инструкций, обязательных перед отправкой в очередное пекло. А вот приложенные к уведомлению фотографии... Это уже интересно!

Тонкие женские пальцы аккуратно раскладывали по столу плотные черно-белые квадратики. Вне сомнения, на них запечатлен Париж. Прекрасный белокаменный собор Нотр-Дам де Пари невозможно спутать с каким-либо другим зданием. А на ступенях святыни, беспомощно раскинув огромные черные крылья, распростерся архангел, пригвожденный к плитам каким-то массивным оружием, сильно напоминающим утяжеленное копьё. От этих фотографий у Пшертневской тягуче заныло в груди. Увидев их впервые, она едва удержалась от вскрика. На секунду ей показалось, что это Рид. И если бы не цвет крыльев убиенного архангела, она бы незамедлительно кинулась выяснять, где сейчас находится ее неофициальный заместитель и жив ли он. Задумчиво тасуя снимки, Злата потянулась к АВС...

– Daeni, – отец Рид тщетно пытался рассмотреть себя в стекле шкафа, – все нормально? Княжна ди Таэ благосклонно кивнула, придирчиво осмотрев напарника.

– Я не похож на пугало? – Архонт нервно теребил тяжелую запонку, пытаясь закрепить ее в прорезях рукава рубашки.

– Нет. – В голосе Анны уже начинало проступать раздражение. Подрядившись помочь, она и представить не могла, во что превратится выпроваживание Рида на свидание.

– А на кого тогда я похож? – Священник наконец-то совладал с непослушной запонкой и теперь пытался пригладить торчащие в беспорядке волосы. Решив, что длинные волосы – это не для него, архонт вернул их в прежнее, криво обстриженное состояние.

– На истеричного неврастеника, которого того и гляди кондратий хватит! – саркастически хмыкнула чародейка. – Иди уже, а то не ровен час какая-нибудь трясучка приключится!

– Даєні, неужели ты думаешь, что это первое в моей жизни свидание? – немного обиженно протянул Рид, предательски краснея.

– Я не думаю, я в этом уверена! – расхохоталась княжна, ненавязчиво подталкивая святого отца к двери. – Топай-топай!

Но не успела она захлопнуть за архонтом двери и утереть пот со лба, как где-то под кипами бумаг на столе отца Рида призывно затрещал АВС. Разыскав аппарат под девственными завалами, Анна сняла трубку.

– Да-а? А... э... Рид, кхм, как бы это сказать... сейчас немножко серьезно занят, госпожа кардинал.

– Что? – Голос Пшертневской зазвенел от возмущения. – Анна, у нас новое задание, и оно касается непосредственно его! Посему пусть отложит свои занятия и зайдет ко мне немедленно!

Княжна неодобрительно покачала головой, положила трубку и поспешно высунулась в коридор.

– Ри-ид! – требовательно крикнула она в спину архонту. – Заверни по дороге к дражайшей госпоже кардиналу!

В ответ по коридору прокатился тяжкий вздох, а сутуловатые плечи достойного святого отца еще больше поникли. Внезапно зашаркав ногами, Рид удрученно повернул к двери грозной госпожи Пшертневской.

Если задача отказывается поддаваться решению, то отложите ее, подумайте о чем-то отвлеченном, прекрасном, но совершенно ином – и решение тут же почтит вас своим визитом, это доподлинно известно. Господин Вилдар Криэ задумчиво дымил трубкой, медитативно разглядывая испещренный буквами листок. Расшифровка так неожиданно-негаданно попавшего в отдел документа шла ни шатко ни валко. Криэ невидяще пялился в текст, машинально обводя ручкой геральдическую лилию в уголке блокнотной страницы. Ох уж эти древние, все-то им надо перепутать, переиначить! Что за дурные иносказания! Вилдар заставил себя сосредоточиться на написанном. «И буквы те, что в виде врат... столица лилии...»

– Лилии... Там лилии цветут... – напевно пробормотал себе под нос Профессор, продолжая очерчивать ручкой абрисы геральдического значка. Вдруг он поперхнулся дымом, закашлялся, хлопнул себя ладонью по лбу и выронил трубку. – Святые угодники! Я идиот! – прокашлявшись, констатировал он. – Париж, это же Париж, черт меня побери! Столица лилии! Лилия – знак французских королей! А буква в виде врат – кириллическая «пэ»!

Спешно собрав расплзшиеся по столу записки, Криэ направился к дверям кабинета Пшертневской, дабы немедленно поделиться снизошедшим на него озарением...

– А, Профессор! – Злата вскинулась от бумаг. – Я как раз собиралась вас вызвать. Смотрите, что за ребус подкинул нам досточтимый кардинал Дэпле, будь он трижды неладен!

– Ахм... – Криэ озадаченно уставился на подсунутые ему фотографии.

Дверь скрипнула вновь, и в кабинет протиснулся унылый отец Рид. Вилдар нахмурился, переводя взгляд с Рида на фотографии и обратно, словно пытаясь понять, что забыл их добродушный коллега на этих жутковатых снимках.

– Рид, напомните-ка мне, старику, какого цвета ваши крылья? – решил развеять все сомнения Профессор.

– Э? – Архонт оказался настолько погружен в свои невеселые мысли, что не сразу понял, чего от него хотят. – Когда я раскрывал их в последний раз, были серыми, а что? Я

только ради этого вам так срочно понадобился? – Священник порывисто поправил уползшие на кончик носа очки, а в его голосе прорезалось чуть заметное раздражение.

– Нет, – отчего-то смутилась Пшертневская. – А собственно, куда это вы собрались посреди рабочего дня, святой отец? – Решив, что лучшая защита – нападение, госпожа кардинал постаралась подпустить в голос металла.

– Ну... э-э-э... – Рид потупился, чувствуя, как начинают гореть щеки. – По делам... э-э, по важным... – промямлил он. – Если цвет крыльев – это все, о чем вы хотели узнать, то я, пожалуй, пойду... – Архонт неуверенно отступил к двери и взялся за ручку.

– Ваши дела подождут, – резко оборвала его Злата. – Рид, да перестаньте же изображать мокрую курицу и включитесь наконец в работу! Последние дни вы только и делаете, что, подобно призраку, шатаетесь по отделу да тяжело вздыхаете. Хорошо хоть цепями не гремите! Вот, извольте ознакомиться. Вас, между прочим, в первую очередь касается.

Риду не оставалось ничего другого, кроме как смириться и потянуться за фотографиями. Но стоило ему взять их в руки, как карточки веером разлетелись по полу. Пока он витиевато извинялся и собирал снимки в кучу, Злата вкратце излагала причину столь спешного вызова:

– Около года назад по Парижу поползли невнятные слухи о снизошедшем на город божьем благословении. Сразу оговорюсь, я в них не поверила, ибо на территориях, подвластных в большей мере людям, чем древним расам, влияние церкви на умы, к несчастью, намного сильнее, чем у нас, в Нейтральной зоне. Что, кстати, не избавляет их от хлопот, связанных с кровожадной нежитью, а наоборот – лишь усугубляет положение. Ведь и различного рода мракобесий, суеверий и ханжества там значительно больше. Так вот, некоторое время назад по Парижу начали распространяться слухи о том, что якобы Господь обратил свой взор на избранный город и даровал его жителям защиту от бесовских тварей. По словам зрителя небезызвестного всем Нотр-Дам де Пари, с тех самых пор из алтаря еженощно исходят крылатые воины Господни, сильные и прекрасные. – В голосе госпожи кардинала уже отчетливо звучал скепсис. – Не знаю, как там на самом деле обстоит с «прекрасными и сильными Господними воинами», но количество нападений нежити на людей за это время действительно сократилось. И неизвестно, сколько бы еще длилась игра в благородных героев-спасителей, если бы в одно прекрасное утро зритель собора не обнаружил одного из «воинов» пригвожденным к ступеням Нотр-Дама...

– О нет, только не Париж! – простонал отец Рид. Увлеченный рассказом Пшертневской, он так и не взглянул на фотографии. – Злата, мой французский начинается с «жё ма пель Рид» и заканчивается «же нэ парль па франсэ». Неужели так сложно отправить туда кого-нибудь другого, кто говорит на этом проклятом языке?!

– Досточтимый святой отец, иногда ваша способность не воспринимать информацию целиком меня просто убивает, – вздохнула Злата. – В этом происшествии как-то замешаны ваши соотечественники! Рид, пойми, там погиб архангел! Поэтому я уверена – ты единственный, кто сможет наилучшим образом разобраться в ситуации и свести к минимуму возникшие последствия...

Архонт сердито хмыкнул. Задумчиво пожевал губами и тяжело вздохнул. Похоже, отвертеться от поездки не удастся... Где-то в недрах его сутаны запиликал телефон. Едва взглянув на дисплей, святой отец чуть не подскочил на месте.

– Злата, пять минут, пожалуйста. Я сейчас вернусь... – Архонт кинулся к двери и опрометью выскочил из кабинета.

Пшертневская и Профессор озадаченно переглянулись. Криэ только что раскурил трубку и хмуро дымил, глядя в окно. Похоже, это новое дело – не просто очередная подлянка со стороны Дэпле, а нечто гораздо большее...

Стоило госпоже кардиналу потянуться к телефону, как в кабинете материализовался князь ди Таэ, едва ли не волоком тащивший за собой строптиво упирающуюся Жозефину. Та возмущенно размахивала свободной рукой, тщетно пытаясь вырваться, но хватка у Эрика

оказалась железная. Князь был раздражен и едва сдерживался. Когда количество вопросительных знаков в атмосфере достигло критической отметки, целителю удалось овладеть собой настолько, чтобы выдать более-менее цензурный ответ, в последний момент заменяя так и рвущиеся с языка скабрёзности на приличные слова:

– Этот... б... б... библиотекарь! Притащил сюда артефакт и молчал об этом! Хранил под подушкой в гробу, который заменяет нашему п... п... придурку кровать! – Маг в запале швырнул на стол медную трубку для свитка, тускло светящуюся изнутри. – Эта штуковина активировалась, когда я находился в целительском трансе, оказывая помощь нашему знакомцу Габриэлю Фарту! Меня так скрутило магической отдачей, что я думал, все, отлетелся! Еле выплыл... – Князь откинулся на спинку кресла, медитативно прикрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов.

Жози сконфуженно переминалась с ноги на ногу...

Тут дверь распахнулась, и на пороге вновь возник Рид, правда, в этот раз на его лице, кроме тревожности, прорезалась еще и виноватость. Из-за его плеча, привстав на цыпочки, выглядывала Лисса. Похоже, извинения за несостоявшееся свидание привели к совершенно неожиданному результату.

– Эхм? – вопросительно кашлянула госпожа кардинал.

Архонт чуть посторонился, пропуская девушку вперед.

– Мм... – Отец Рид поправил сползающие очки и набрал побольше воздуха в легкие, словно перед прыжком в воду. – Я прошу прощения, наверное, не стоило этого делать, но как-то так все получилось...

– Рид, короче! – начальственно прервала начинающееся словоблудие госпожа Пшертневская.

– Э-э... в общем... Лисса, то есть, я хотел сказать, госпожа Дончек, училась в Сорбонне и отлично говорит по-французски. Вот я и подумал, может, то есть было бы неплохо... чтобы она на время поездки стала моим переводчиком, фух... – Архонт облегченно выдохнул, словно только что сбросил с себя двадцатитонную гранитную плиту.

– Хм... – Пшертневская, изначально предполагавшая нечто подобное, потеряла подбородок. Ее подозрения, касавшиеся недавней суетливости Рида, полностью подтвердились. Говорят, не стоит смешивать личные отношения с рабочими, но, похоже, на сотрудников спецотдела это правило не распространяется. Да ведь и она сама... Хм, а собственно, нет ничего криминального в том, что сотрудника спецотдела будет сопровождать человек со стороны. К тому же Лисса уже неоднократно помогала им в различных щекотливых ситуациях... А если учитывать эффективность подобных действий, то можно припомнить и одесский опыт... Главное, чтобы Дэпле ничего не пронюхал, а в том, что Рид сможет в случае чего постоять и за себя, и за девушку, сомнений у Златы не возникало. – Ладно, убедили. Если госпожа Дончек любезно согласится взять на себя обязанности толмача, то поезжайте в Париж вместе.

Тем временем Профессор, отложив давно погасшую трубку, с явным интересом разглядывал злополучный артефакт, столь нервно брошенный Эриком на рабочий стол Пшертневской. Туба по-прежнему тускло светила. Криз осторожно взял ее в руки, внимательно следя за реакцией князя ди Таэ, готовый при первых признаках новой опасности тотчас вернуть вещь на место. Но маг оставался спокоен. Щелкнув изящными зажимами, Профессор аккуратно потянул за плашку, вытаскивая на свет божий кусок мягкого тонкого пергамента. По желтоватой поверхности, мерцая, пробежали обрывки каких-то контуров, то и дело складывавшихся в очертания зданий и улиц. Все еще нервно переминавшийся с ноги на ногу отец Рид хищно подался вперед. Очки тут же не замедлили продемонстрировать свой дурной нрав, едва не слетев на пол.

– «В твоих руках старинный клад, что был на четверо разъят...» – ошеломленно выдохнул он. – Но откуда?! – Высокий голос архонта от волнения почти сорвался на фальцет.

Взоры всех присутствующих непроизвольно обратились в сторону Жозефины.

– Может, хоть теперь досточтимая госпожа соизволит объяснить, каким образом к ней в руки попала часть Карты сражений? – саркастически осведомился Эрик, еще не совсем пришедший в себя. – Ведь это она самая и есть, если я правильно уловил мысль нашего достойного друга, отца Рида.

– Что еще за карта?! Ничего не знаю о карте! – возмущенно взвизгнула блондинка. – Это просто милая няшка... Я забрала ее из библиотеки в память о старике Амме. Он доверил ее мне, наказав беречь пуще зеницы ока. И вообще, она раньше чистенькая была, без картинок! Это вы ее испортили!

– Я полагаю, мы здесь ни при чем, – покачал головой Рид, забирая пергамент у Профессора. – Кто-то пытается использовать одну из частей карты, и это пробуждает остальные. Но, может, госпожа Жози...

Тут Профессор, что-то суетливо разыскивавший в своих записях, перебил архонта:

– Думаю, мы нашли еще одну букву «пэ». Хотя здесь древние схитрили, ведь полное-то название города пишется как Санкт-Петербург.

– Что еще за «пэ»? – недоуменно осведомилась Злата.

Криэ вкратце поделился со всеми присутствующими плодами своих изысканий...

– Альвов же иногда называют «живущими в камне», вот вам и вся картина, – довольно закончил Вилдар. – Два кусочка головоломки прекрасно сошлись. И часть, хранившаяся в Петербурге у приснопамятного брата Андрея, то бишь Аммадеуса, уже в наших руках. Пусть и несколько... э-э-э... своеобразным способом. Из оставшихся трех частей одна находится в Париже, местонахождение еще одной требует расшифровки, ну и последняя – в руках иезуитов. Думаю, именно с ней у нас возникнет больше всего хлопот.

– По вашей логике получается, что все пути на данный момент ведут в Париж? – с легкой иронией осведомилась госпожа кардинал. – Смотрите, какая цепочка событий вырисовывается. Первая часть карты хранилась у прежнего библиотекаря – альва Аммадеуса в Питере, под первой буквой «пэ». Покинув библиотеку, он ушел в монастырь и передал тубу с частью свитка на хранение Жози. Позднее в руки альва, уже ставшего к тому времени братом Андреем, попадает привезенная иезуитами бумага, требующая реставрации. Расшифровав ее, он понимает, что церковники завладели еще одной частью карты. Андрей уничтожает оригинал инструкции, предусмотрительно скопировав текст на спину отроку Диметрию, из-за чего и погибает... А мальчик прибывает к нам в отдел... И теперь господин Криэ узнает тайну очередной буквы «пэ»! Как-то уж больно гладко все одно с другим складывается, не находите?

– Раз складывается, то грех этим не воспользоваться, – многозначительно усмехнулся князь ди Таэ. – Не нужно обижать госпожу Фортуну.

– В таком случае не стоит ли отправить в Париж еще одного сотрудника? – Профессор окинул кабинет вопросительным взглядом. – Пани Злата, раз уж госпожа Жозефина волей судьбы стала хранительницей одной из частей свитка, то...

Пшертневская скептически рассматривала миниатюрную блондинку, все еще обиженно дующую на всех и вся. Количество информации, умещавшееся в этой милой головке, могло стать очень хорошим подспорьем в предстоящем задании. Однако риск... Однажды последствия такого необдуманного назначения уже ударили по отделу.

– Решено. – Госпожа кардинал утвердительно сцепила кисти рук перед лицом. – Отец Рид, госпожа Дончек, госпожа Жозефина, у вас есть два часа, чтобы собрать все необходимое и отбыть в Париж немедленно!

– О-о-о! – восторженно возопила Жози, до которой только-только дошел смысл сказанного. – Франция! Увидеть Париж и умереть! Как романтично!

Госпожа кардинал с тяжким вздохом провела ладонью по лицу, уже жалея об этом назначении. Ну да ладно, отступать поздно, авось пронесет...

Возникало ли у вас по возвращении домой чувство, что во время вашего отсутствия в жилище кто-то побывал? И пусть вещи не разбросаны по полу, а дверцы шкафа и ящики

стола плотно прикрыты, но ощущение чужих следов не покидает. Ведь вся обстановка буквально кричит об этом, смущая душу и лишая вас покоя...

Рид ошарашенно застыл на пороге. То, что в квартире побывал чужой, архонт почувствовал сразу. Но кому и зачем это понадобилось? Красть у достойного святого отца отродясь было нечего. Ни ошеломляющих финансов, ни драгоценностей здесь не водилось, а книги, заполнявшие квартиру от пола до потолка, представляли ценность исключительно для своего хозяина. Взгляд архонта невольно скользнул по дверце платяного шкафа. Узкий граненый стилет с черной витой рукоятью глубоко вошел в доски, накрепко пригвоздив к ним плотный темный конверт. Священник с усилием выдернул лезвие, освобождая конверт, и выудил наружу его содержимое. Тонкие брови Рида невольно сошлись к переносице, едва в пальцах архонта очутилось окровавленное белое перо. Это был вызов. Вызов на ритуальный поединок. Грядет бой, результатом которого всегда становится или один победитель, или же два трупа – это как повезет. Белое перо из крыла, испачканное пятнами свежей крови...

– Тиара... – Пальцы архонта сжались, ломая хрупкий стержень.

Рид еще раз осмотрел конверт. Ни даты, ни места, значит, противница пока не решила, где и когда пройдет поединок. Ну что ж, как только она определится, все тут же отобразится на этом пробитом клочке бумаги. Отобразится рано или поздно, ибо третьего не дано. Вызов считался принятым в тот самый момент, когда вызываемый вскрывает конверт!

Глава 9

Неисповедимы пути Господни. Никогда не знаешь, кто встретится тебе на пути и что принесет эта встреча. И каким образом преломят ситуацию случайно брошенные, а паче того – невольно услышанные фразы. И уж точно одному лишь Небу ведомо, как использует тайный согладатай некие, несправедливым образом полученные сведения...

Вот о чем думал досточтимый наместник ордена иезуитов в Венгрии его милость брат Юлиан, все еще страдая от боли в ухе и время от времени машинально потирая мочку. Несмотря на то что минуло уже больше двух недель с момента уничтожения подложенного им «жучка», почтеннейшего професса до сих пор мучил треск и шум в голове, накатывавший неподвиженными приступами.

«Проклятые дипломаты! Пронырливые, прозорливые, подозрительные сволочи!» – Иезуит накрыл травмированное ухо ладонью, пережидая очередной приступ шума. А попадись ему тот, кто раздавил активированный «жучок», брат Юлиан с превеликой радостью использовал бы оногo негодяя в качестве подопытной крысы в проектах ордена. Но против законов жизни не попрешь: за все в этом брeнном мире приходится платить, а за информацию – тем более. И посему его блажности не оставалось ничего иного, кроме как скрежетать зубами и пользоваться своей хворь специальными каплями. Попутно теша себя сладостной надеждой, что за все страдания ему воздастся сторицей.

Брат Юлиан задумчиво переслушал сделанную запись, воспроизводящую разговоры в кабинете Пшертневской. Выходит, таких странных свитков, помимо того, что уже находится в руках ордена, в природе существует еще три. И лишь собрав воедино все разрозненные части, можно понять, что же это есть... Хм... Иезуит задумчиво почесал тонзуру. Ну что ж, пускай собирают. Дипломаты, кажется, тоже очень заинтересованы в этих загадочных артефактах. Кстати, весьма жаль, но желание разделаться с этими не в меру любопытными господами пока придется подавить, ведь жар гораздо удобнее загребать чужими руками. Вот пускай пройдохи и поработают, а у него есть другие, куда более насущные дела, не терпящие отлагательств...

Все сотрудники многоуважаемого специального отдела давно уже привыкли к тому, что задний двор собора Святого Матиаша время от времени полнится громкими, не совсем цензурными воплями, звоном металла, каким-то невнятным треском и вообще напоминает

балаган. А причина шумовых эффектов всегда была предельно проста, ибо эти непристойные звуки имели наипрямейшее отношение к неординарному обитателю комнатухи над гаражом...

Вот и сегодня, проходя мимо двери, ведущей на задний двор, Вилдар Криз отнюдь не удивился, заслышав перебранку, однако остановился и выглянул наружу, прекрасно помня, что Виктору предпочтительнее воспользоваться ударом в челюсть, нежели тратить время на воспитательные беседы с оппонентами. А перебранка, насколько Профессор смог различить, шла на несколько голосов.

– Да чтоб вас черти сожрали! Просвиру вам в селезенку! Какого ляда! Я здесь живу! Да плевать мне на вас и на орден ваш, растудить его в качель!..

Предвкушающе усмехнувшись, Криз спустился во двор. Растрепанный больше чем обычно, байкер остервенело ругался, грудью заслоняя от нескольких иезуитов вход на лестницу, ведущую в его берлогу.

– Разрешите узнать, что здесь происходит, почтеннейшие? – тактично вмешался Профессор, раскуривая трубку. – Виктор, какие такие ценности вы не поделили с нашими милыми соседями? Неужели они посягнули на ваш мотоцикл?

– А-а... Профессор... Нет, эти сволочи просто потребовали, чтобы я убирался отсюда на все четыре стороны! Дескать, это их территория и мой гараж не вписывается в местную архитектуру. Они пригрозили, что если я не уйду, то от меня найдут способ избавиться... через Радиславу!

Криз столкнулся взглядом с Виктором. В черных глазах байкера на секунду промелькнуло нечто такое, что заставило Вилдара невольно отпрянуть назад.

– Уважаемые, – он повернулся к иезуитам, выпустив в их сторону облако дыма, – я бы очень не советовал вам угрожать хозяину этого скромного, кхм, жилища. Более того, я бы посоветовал вам оставить его и нашего консультанта в покое...

Добавить что-то еще Профессор не успел – к ним от двери приближался брат Юлиан: кажется, он слышал большую часть ссоры. Похоже, своим появлением Вилдар каким-то образом нарушил сценарий, задуманный хитроумным профессором.

– Здравы будьте, – скромно склонил голову Юлиан, – господин Криз, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – сухо подтвердил Профессор. – Не соблаговолите ли объяснить, что за вольности позволяют себе ваши люди, брат Юлиан? Еще немного, и здесь бы дошло до смертоубийства... Может быть, я повторюсь, но лучше, если вы оставите моих коллег в покое.

– Неужели вы находите уместным пребывание на святой земле той богопротивной нечисти, именующей себя Радиславой, а также поддерживаете всякие непотребства, что творятся здесь при ее участии? – Наместник иезуитов брезгливо поморщился. – А ведь мужу, служащему церкви, надлежит жить в молитве и воздержании.

– Это исключительно их дело, чем и где заниматься. А двор – всего лишь прилежащая к собору территория, на святость никак не претендующая, – резко парировал Криз, знаком приказав Виктору молчать. – Ведь никто же не попрекает орден иезуитов, когда вы оскверняете могилы ради своих, с позволения сказать, изысканий. А что касается уместности пребывания здесь представительницы древних, то по оному предмету вам лучше обратиться к патриарху Алексию. Всех сотрудников нашего отдела утверждает лично он. Надеюсь, я ответил на ваши вопросы?

Брат Юлиан недовольно поджал губы, отчего те еще больше стали напоминать тонкую бескровную нить.

– Что ж, Господь велел нам страдать, поэтому орден готов потерпеть ваших... сотрудников на своей территории, но при одном условии.

– Чего еще вам надо? – хрипло буркнул Виктор.

– О, не так много... Некоторое время назад к нам случайно попал один изувеченный автомобиль – «линкольн» серебристого цвета. – Юлиан выдержал эффектную паузу,

наблюдая за реакцией оппонентов. – Вижу, вы понимаете, о чем я говорю. Так вот, я хотел бы восстановить машину, но, к сожалению, в ордене нет подобных специалистов. Посему отремонтируйте «линкольн», а мы в свою очередь закроем глаза на ваше пребывание здесь. Думаю, ни господину Криэ, ни вам, о вспылчивый брат мой во Христе...

– Крысюк помойный тебе брат во Христе, – буркнул себе под нос оружейник.

– Так вот, я думаю, что если вы уже умудрились однажды восстановить этот автомобиль, то повторить сие действие не составит для вас особого труда.

– Хорошо, мы подумаем над вашим предложением, – уклончиво ответил Профессор, всем видом показывая, что разговор окончен.

Иезуиты во главе с наместником не замедлили откланяться.

– Вы намереваетесь согласиться, Профессор, – скорее констатировал, нежели спросил Виктор.

– И вам советую сделать то же, – вздохнул Криэ. – Исключительно ради безопасности вашей подруги, ну и вашей, само собой. – Он выбил прогоревшую трубку. – Мы возьмемся починить «линкольн», но ведь никто не утверждает, будто мы его починим именно так, как требуется господам иезуитам... – Профессор заговорщицки подмигнул враз повеселевшему байкеру.

Тихий унылый дождь монотонно стучал по крыше. Приглушая все остальные звуки города, заставляя напрягать слух и порождая тревожное ожидание опасности. Раньше Радиславе нравились такие дни. Можно забиться в теплое логово, свернуться калачиком и, ни о чем не думая, слушать тихий шелест воды. Сейчас не думать не получалось, и это действовало на нервы.оборотничка взяла в руки квиддеру, пару раз перебрала по струнам и раздраженно отшвырнула от себя инструмент. Снизу было слышно, как возятся в гараже Виктор с Профессором, разбирая покалеченный автомобиль. Менестрель скользнула к двери, но застыла в нерешительности. После сегодняшней стычки с иезуитами байкер весьма настоятельно просил ее не разгуливать по городу в одиночку. Радислава сердито закусила губу. Да кто он такой, чтобы ей указывать! Откуда-то изнутри поднялась волна ярости с едва уловимым оттенком обиды. Тоже тут собственник нашелся!

Оборотничка решительно толкнула дверь и шагнула под дождь, подставляя лицо прохладным каплям. Легко перемахнула через лестничные перила и бесшумно приземлилась на плиты двора. Влажный камень охлаждал босые ступни. В два прыжка она достигла ограды и оказалась на улице. Мелкие капли скользили по узорам татуировок, словно по руслам. Майка мгновенно стала влажной.

Бежать, бежать... Бежать, чтобы избавиться... От чего, она и сама не знала. Кинулась вниз по улице, расплескивая воду из луж. Дождь обволакивал мягкой пеленой, растворяя ее след в паутине городских улиц.

Радислава не знала, сколько бежала вот так, без цели петляя в лабиринтах старинных улочек, упиваясь дождем и тщетно пытаясь изгнать вдруг нахлынувшее ощущение пустоты. Даже в этом отчаянном беге ей чего-то не хватало. Пустота настоятельно требовала заполнения, грозя разрастись в болезненную язву. Слова рождались сами по себе и складывались в строки песни, облегчая мятущуюся душу.

Куда же выведет кривая?
Соблазнов столько, боже мой!
Кто не рожден для створок рая,
Тому до ада по прямой.

Прими меня, земля, такую,
Прости за дерзкие слова,
И перед смертью я ликую,
Ведь я в стихах всегда жива.

Бросаюсь рифмами с пеленок,
Смутив поэзии родник,
Я бесшабашна, как ребенок,
Порой ворчлива, как старик.

Мы все твои, земля, с рождения,
В нас спесь мирскую заглуши,
Покиньте мир без сожаленья —
При жизни смейтесь от души.

Пусть мне жить осталось малость,
Но не гнетет меня печаль...
Вслед кто-то крикнет: «Доигралась!»
А кто-то скажет: «Очень жаль...»

— Ай! — Споткнувшись на ровном месте, оборотничка кубарем пролетела сквозь живую изгородь и, растянувшись на траве, перевернулась на спину, жадно глотая льющуюся с неба воду. Раскинула руки, будто пытаюсь охватить нависшие над городом свинцовые тучи, но тут же резко села, напряженно прислушиваясь и оглядываясь.

В нескольких метрах от нее, чуть смазанные пеленой дождя, виднелись увенчанные покосившимися крестами холмики. Черт знает как, но, похоже, ее занесло на одно из маленьких пригородных кладбищ, старых и заброшенных.

«Символично, как раз под настроение...» — мрачно подумала оборотничка, машинально хватаясь за рукоять уруми. Неожиданно ближайшие холмики начали проседать, будто их смывал дождь. Выворачивались и падали старые кресты. Из сумеречной дождевой пелены выступали поджарые сгорбленные фигуры. Тускло фосфоресцировали провалы глаз. Воздух наполнился тухлым смрадом. Оборотничку едва не стошнило.

«Гули, — догадалась она, — разорители могил, пожиратели падали...» Однажды, много лет назад, ей с наставником довелось заночевать близ такого же старого маленького погоста. Им только чудом удалось выбраться. Марк тогда положил с десяток этих дрянных тварей...

Уруми плавно, словно серебристая змея, выскользнул из поясных петель. Радислава хлестнула мечом по воздуху, обрамляя себя смертоносным росчерком. Сбежать от себя у нее не получилось, а от гулей и тем более не выйдет. Эти могут гнать добычу часами. Оборотничка вздернула верхнюю губу, обнажая клыки, и глухо зарычала...

Незванный гость хуже инквизитора. Именно такого мнения всю жизнь придерживался его светлость старший князь Высокого дома ди Таэ. Даже если этот гость — друг семьи. Ведь никогда не знаешь, что принесет подобный неожиданный визит. Однако Эрик терпеливо ждал, пока Иль ди Амбер-э'Скрипто выпутается из насквозь промокшего плаща и высушит закливанием волосы. От такой экстренной сушки каштановые локоны мастера-травника пышно подскочили выше ушей, сделав его похожим на веселого пуделя. Госпожа кардинал хихикнула и едва не плеснула кофе мимо чашки. Иль попытался пригласить непокорные волосы, но тщетно.

— Иногда меня терзают смутные подозрения, что моя прабабка согрешила с сильфом! — отчаявшись привести шевелюру в порядок, тяжело вздохнул травник. — Только у этого народа волосы торчат как заблагорассудится!

— Да ладно тебе причитать, — со смешком отозвался Эрик, забирая свою чашку. — Твое уродство уже ни одна красота не испортит. Расскажи лучше, что погнало тебя из дому в такую собачью погоду?

— Да, пожалуйста, мастер-травник, — поддержала мужа Злата.

— Когда я отбывал из дому, у нас стоял теплый ясный сентябрьский вечер, а не эта

занудная мокрядь, – покачал головой Иль. – Что же до дел насущных... О перспективном отроке Диметрии можете не волноваться. Мальчик прекрасно освоился у нас. Его приняли в дом э'Скрипто...

– Мы в долгу перед старшим лэрдом. Это большая удача, что вы согласились забрать непоседливого мальчишку. – Госпожа Пшертневская передала травнику кофе. – Под вашей защитой ребенку ничто не будет угрожать.

– О, не стоит беспокойства! – Тонкие пальцы Иля обхватили чашку, и травник блаженно зажмурился, впитывая тепло. – Лэрд Лаэн очень доволен – у мальчишки ярко выраженный талант узорщика... Мм... буквально ощущаю, как жизнь возвращается в мое озябшее тело... – Он отхлебнул кофе.

Эрик продолжал пытливо глядеть на друга, ожидая продолжения. Однако травник возобновил разговор не раньше чем отпил несколько глотков, вдоволь посмаковав ароматный напиток.

– Но суть моего визита в Будапешт не в этом, – наконец-то соизволил произнести Иль.

– Да уж, я сильно сомневаюсь, чтобы ты прибыл исключительно ради распивания кофе в нашей скромной компании, – саркастически хмыкнул князь.

– Эрик, я говорил тебе, что ты несносен? – вздохнул травник, отставляя чашку.

– Сто раз... а может, и двести, я уже сбился со счета. Но ничего, с удовольствием послушаю еще. Кстати, не отвлекайся, излагай...

– Ох, ты несносен! Но это к делу не относится... Слушай, я хочу тебя предупредить: мой зловредный батюшка, будь он трижды неладен, что-то задумал. У дома Скрипто довольно широкая сеть осведомителей. Не так давно лэрд Лаэн получил сведения о том, что его сиятельство герцог ди Амбер уж больно интересуется личной жизнью представителей Высокого дома ди Таэ. Это раз. К тому же сиятельного мерзавца-герцога видели в компании капитана Айтера Даграя. Это два.

– Кого? – не поняла Злата.

– Айтера Даграя, – терпеливо повторил Иль. – За исключением того, что ничего хорошего из этого союза не выйдет, я мало что могу о нем рассказать. Спросите лучше у капитана «Эоловой арфы»... Даграя раньше называли одним из знаменитейших воздухоплателей, лучшим после капитана «Арфы», но далеко не таким благородным. Эрик, будьте осторожны, я подозреваю – герцог готовится нанести вам удар, дабы отомстить за поражение, нанесенное ему в собственном замке. И насколько я знаю своего отца, а я хорошо его знаю, удар этот направят отнюдь не на тебя...

– Хочешь достать человека – зацепи его близких... – Князь ди Таэ угрюмо потер подбородок. – Логично, но подло. Знакомая схема... Хорошо, мы примем меры предосторожности, спасибо за предупреждение.

Но не успел он закончить фразу, как дверь в кабинет Пшертневской распахнулась и на пороге возникли Виктор с Профессором. Оба выглядели не то чтобы испуганными, но весьма озабоченными. Байкер держал в руках джинсовую куртку оборотнички.

– Только не говорите, что вы снова сцепились с иезуитами! – взмолилась госпожа кардинал, уже осведомленная о дневном инциденте.

– Нет, – покачал головой Криэ. – Нынче дело не в этом, но все обстоит намного хуже. Подруга нашего оружейника пропала!

– Куртка на месте, кеды на месте, – тяжело вздохнул байкер. – Разве что босиком в дождь рванула. Инструмент на кровати валяется...

– Хм... – Эрик забрал куртку из рук Виктора и сосредоточился. – Обратней сложно отследить, – после некоторого раздумья произнес он. – Одно могу сказать точно: наша менестрель жива, не ранена и весьма активно передвигается по городу. Поэтому ваше оригинальное предположение касательно «рвануть босиком в дождь» вполне реально. Идите домой, думаю, она скоро вернется...

Радислава, пошатываясь, брела по улице, с каждой минутой все чаще спотыкаясь и

замедляя шаг. Стычку на кладбище она помнила плохо, а если честно – вообще не помнила. Перед глазами стояли только смертоносный росчерк уруми и воющая сумеречная пелена. Избавившись от гулей, она рванула со старого погоста так быстро, как только могла. Адреналин, волной хлынувший в кровь во время схватки, потихоньку растворялся, и сквозь него начинали пробиваться осознание и запоздалый страх, но пока еще слишком слабые и эфемерные. Оборотничка механически свернула клинок, обмотала вокруг талии, защелкнула пряжку-рукоять, перебралась через забор и, шатаясь, двинулась к гаражу.

Слава богу, в мансарде наверху горел свет... Шлепая босыми грязными ногами по мокрым ступеням, менестрель тяжело ввалилась в комнату.

– Святые тормоза! – Резко обернувшись, Виктор едва не выронил кружку.

Радислава застыла у двери. Мокрые грязные волосы уныло свисали вдоль лица. Майка и джинсы в грязно-травяных и бурых разводах.

– Мышка, что случилось?!

Оборотничка доплелась до него, забрала кружку с кофе и осушила в несколько глотков. Ручка полулитровой посуды вывернулась из ставших непослушными пальцев, и кружка с глухим звяканьем покатилась по полу. Адреналин, плескавшийся в крови, растворился окончательно, колени подломились, и менестрель безвольной куклой повисла на руках байкера. Тело стало чужим. Разум абстрагировался, заняв место пассивного наблюдателя. Чувствительность начала потихоньку возвращаться лишь после того, как оружейник запихнул подругу под душ. Резко переключаемая вода – от почти обжигающей до ледяной – заставила рецепторы проснуться и хоть как-то реагировать на окружающее. А окончательно вывели сознание из транса тонкие пальцы целителя, быстро пробежавшие по лбу и рукам. Сам момент появления Эрика ди Таэ в комнатке Радислава попросту не заметила. Пронзивший кожу магический импульс заставил оборотничку инстинктивно дернуться в сторону и выбросить вперед руку с удлинившимися когтями.

– Ш-ш, спокойно. – Байкер стальной хваткой удерживал ее за плечи.

Князь даже не пошевелился, продолжая рассматривать менестрельку с интересом патологоанатома, который при вскрытии случайно обнаружил у тела лишнюю пару легких.

Радислава как-то сразу обмякла, привалившись к Виктору. Потихоньку возвращалась способность соображать. Интересно, и что же это с ней такое произошло, если для приведения в чувство понадобилась помощь целителя? Оборотничка напряженно прислушалась к себе. Двойная пульсация в груди, к которой она уже успела привыкнуть, успокаивала тихой ритмичностью. Похоже, ее разум на время драки просто заблокировался, позволив телу действовать самостоятельно...

– С ней все нормально, – наконец-то поставил диагноз Эрик. – Обычное состояние после выхода из боевого транса, особенно если организм прошел через подобное впервые, спонтанно и без подготовки. Что ж, госпожа менестрель, вы снова меня удивили. Да и Виктора заставили поволноваться изрядно. Никогда до сего дня не видел нашего друга, хм... испуганным... наверное, это наиболее точное определение.

Радислава пристыженно опустила глаза.

«Вот тебе, – самокритично подумала она. – Получила! Нашла время для обострения депрессивного эгоизма! Идиотка!»

– Мышка, – Виктор нежно притянул ее к себе, – что случилось?

– Гули, – хрипловато ответила Радислава. Слова все еще с трудом проталкивались сквозь горло. – Я дралась с гулями. Около десятка, может, чуть больше...

Точеное лицо Эрика ди Таэ помрачнело. Считалось, что гулей благополучно извели еще в первые годы перемирия, когда после войны их расплодилось немерено. И много лет об этих тварях не было ни слуху ни духу. А здесь сразу десяток – целое гнездо – и где! У них под боком! У него даже язык прилип к гортани от неожиданности.

– О господи, где вы умудрились откопать этот реликт?! – Маг наконец снова обрел дар речи.

– Какой-то старый погост на окраине... – Оборотничка гадливо передернула плечами.

– Так... – хмуро протянул ди Таэ, потирая переносицу. – Так... Надо подумать... Постарайтесь не забыть до завтра дорогу на тот погост, нам придется туда наведаться. А сейчас отдыхайте и больше так не делайте. – Князь, махнув на прощание Виктору, исчез в яркой вспышке телепорта.

Радислава напряженно сжалась в комок. Байкер осторожно укутал ее в одеяло.

– Спи, хороший сон еще никому не мешал, – грустно усмехнулся он, проведя рукой по спутанным русым волосам оборотнички.

Его светлость князь церкви, досточтимый кардинал Дэпле, с усердием, достойным лучшего применения, чертил перьевой ручкой на листе гербовой бумаги, создавая какую-то непонятную фигуру. Мысли его, двигавшиеся по такой же странной траектории, что и перо, наконец-то пришли к нужной точке, и его светлость решительно потянулся к телефону. Активировав личную внутреннюю линию, кардинал набрал номер.

– Здравы будьте, брат во Христе, – деловито произнес он, едва на другом конце подняли трубку.

– И вам Бог в помощь, господин кардинал, – слабо донеслось из динамика. Брат Юлиан все еще боялся близко подносить трубку к уху.

– Мои люди не слишком вам досаждают? – вкрадчиво осведомился Дэпле.

– Госпожа Пшертневская и ее сотрудники? Нет, мы даже пришли к некоторой... договоренности, гм... А что?

– Просто не так давно в их отчетности мелькнула фраза о неких разработках вашего ордена... о некротических составах. Вот я и интересуюсь, не слишком ли они суют нос в то, что их не касается.

– Нет-нет... это всего лишь их досужие домыслы, не извольте волноваться, – поспешно ответил брат Юлиан.

– Ну, раз так, то нижайше прошу простить за беспокойство, – вежливо откланялся его высокопреосвященство, весьма довольный последней репликой иезуита.

Похоже, наместник заглотил наживку, подброшенную Дэпле. Досточтимый кардинал довольно потер пухлые ладони.

...Его благость наместник ордена иезуитов в Венгрии брат Юлиан нервно барабанил пальцами по телефонному аппарату.

«Любопытно, какие данные уже раскопали сотрудники Пшертневской? Вряд ли что-то серьезное. Конечно, инквизитор еще не успел получить достаточно информации...» Професс гнусно усмехнулся. Жаль, но его план покушения на инквизитора не удался – отец Фарт сумел выпрыгнуть из кареты. Ну да ничего... Неисповедимы пути Господни...

Телефон нервно задребезжал, заставив его резко отдернуть руку, а после – раздраженно схватить беснующуюся трубку.

– Да?! – повелительно рявкнул выбитый из размышлений брат Юлиан. – Что? Да, конечно, примите все необходимые меры! Нет, спецотдел не трогать! Я сказал, не трогать!

Иезуит откинулся на спинку кресла, затем вскочил и несколько раз пересек кабинет. Похоже, звонок Дэпле оказался весьма своевременным. Это просто невероятно! Одно из звеньев нового проекта полностью уничтожено! Пробуждение подопытных гулей состоялось на несколько дней раньше, элементы разрушены... а главное – кем! Нечестивой девкой, которую он так неудачно подстрелил в Петербурге. Оборотень из отдела кардинала Пшертневской... Возможно, это была просто разведка, но завершилась она боем!

Брат Юлиан со свистом выдохнул сквозь неплотно сжатые зубы. Нужно начинать принимать меры против дипломатов, но не сейчас, пусть они сначала соберут недостающие части карты. А вот когда соберут... Благо Дэпле своим звонком предоставил ему все необходимые полномочия...

Раннее сентябрьское утро окутывало Париж молочно-белым туманом, поднимающимся от вод Сены. Промозглая сырость расплзалась по городу, забираясь в дома, дворцы и

соборы, заполнившие центральную часть французской столицы. Воспетый Гюго Нотр-Дам де Пари мрачной резной громадой нависал над восточной частью Сите. Досточтимый отец Рид, хмурясь, глядел то на снимки, то на каменные ступени собора, сопоставляя и анализируя. Архонт протер очки, в который раз досадуя, что не удосужился просмотреть фотографии сразу в отделе. Знай он о том, что, а вернее, кто на них изображен, ни за какие коврижки не втянул бы в это дело Лиссу...

Рид присел на корточки, склонившись над глубокой выбоиной в плите. Нет, этот след оставлен не копьем и вообще не каким-либо другим человеческим оружием. Да и само убийство архангела – не дело рук людских... Ниакрис, насквозь прошивший несчастного Далларэля, глубоко вошел в ступеньку, выщербив многовековой камень. Тело убиенного, когда его нашли здесь, лежало аккуратно перед порталом Страшного суда. Как символично...

Священник еще раз взглянул на снимок: что за глупые фокусы рока! Мастера плетения вероятностей, происходившего из семьи Крайэн, убили тем самым оружием, к созданию которого он некогда приложил руку. Но если Далларэль был жив, возможно ли, чтобы выжил кто-то еще?.. Риддаэль Крайэн-э'Тимеро с болью глядел на фото: ведь он столько лет пытался смириться со страшной мыслью, что семьи Крайэн больше нет.

Неожиданно за его спиной раздался чуть слышный шорох. Рид резко поднялся с колен, но было поздно. Тяжелый удар крылом с силой швырнул его на ступени собора, затылок пронизала острая саднящая боль, погрузившая мир во мрак. Изящные очки слетели на плиты, оставшись ловить рассветные блики треснутым стеклышком...

Холодное сентябрьское солнце едва-едва начало выбираться из-за шпилей и крыш Парижа, роняя лучи на брусчатку старых неухоженных улиц Сен-Дени. Они скользили по мрачным стенам Лувра, пронизывали светом стеклянную пирамиду, клыком торчащую перед обителью французских королей, и разбивались о фризы старинной гостиницы «Ла Валет», притаившейся близ Отель-де-Виль на Гревской площади, славной своими кострами. Архивариус Лисса Дончек сидела на кровати, поджав ноги и кисло наблюдая, как Жози возбужденно мечется по номеру. За время путешествия странноватая попутчица (попутчик?) успела несколько раз сменить пол, и сейчас по комнате расхаживал щуплый всклокоченный блондин с упитанной крысой на плече. Вдобавок он еще и трещал без умолку. Андрогин едва не лопался от восторга и успел изрядно надоесть Лиссе.

Рид, оставив их размещаться в гостинице, куда-то исчез, и девушка уже начала переживать, не случилось ли с ним чего плохого. Насколько Лисса успела уяснить, святой отец при всех своих достоинствах был ужасно рассеян и обладал ни с чем не сравнимой способностью регулярно влипать в неприятности.

Внезапно Жози, неустанно щебетавший о том, как прекрасен Париж, остановился и замолчал.

– Лисса, душа моя, мне не нравится, как эта тетка на нас смотрит! – с легким оттенком раздражения произнес андрогин, глядя куда-то в окно.

– А? – не поняла госпожа Дончек, выдернутая из своих мыслей. – Какая тетка?

– Вон та, на соседнем балконе. Подойди аккуратноненько сбоку, увидишь...

Заинтригованная госпожа архивариус осторожно подкралась к окну. Соседний ряд балконов выступал вперед настолько, что, стоя там, можно было спокойно смотреть в окна чужих номеров. На одном из них как раз находилась высокая худошавая черноволосая женщина и неотрывно смотрела именно в их окно. Выражение ярости и злорадства гримасой застыло на ее точеном лице, превратив его в маску злого божества. Дончек невольно отпрянула назад, вдруг вспомнив, что именно с этой дамой она столкнулась в холле отеля пару часов назад. И теперь Лиса ясно поняла – эта встреча отнюдь не случайна...

– Слушай, может, пойдем прогуляемся по городу? – непоследовательно предложил Жози, утрачивая интерес к странной соглядатайке. – Заодно поищем нашего ангелочка, а то он куда-то запропастился...

– Кого поищем? – Лисса все еще продолжала рассматривать женщину на соседнем

балконе. Было в ней что-то от танцующей кобры – смертельно опасное и в то же время завораживающее.

– Нашего симпатяжку Рида, – беззаботно махнул рукой андрогин, – он же архангел, то есть архонт... Эй, неужели ты не знала? – удивился он, заметив расширившиеся глаза собеседницы.

– Хм... – Лисса тщетно пыталась выудить что-то рациональное из круговорота мыслей, пронесшихся в голове. Так, значит, отец Рид – не человек... Архангел, то есть архонт... Существо, сотворенное изначальной магией мира. Высшее, древнее, мудрое... – Рид? – Архивариус едва сдержала полуистерический смешок, вспомнив добродушную физиономию священника, его рваные движения, вечно сползающие очки и неуклюжие попытки ухаживать за ней. – Архангел, архонт... Да какая разница! Лишь бы человек был хороший...

Придя к такому странному выводу, Лисса отошла от окна и подхватила валявшийся на кровати плащ.

– Ладно, идем прогуляемся, поищем... Вот только где?

– Ах, всегда мечтал побывать в Сите, – мечтательно закатил глаза андрогин, – тем более что интересующий нас собор находится там.

По телу архонтессы, изваянием застывшей на балконе отеля «Ла Валет», пробежала болезненная дрожь. Женщина невольно сжала кулаки и чуть не до крови прикусила губу. Как он посмел! Противное ощущение, оставшееся на коже, давало понять, что ненавистный Риддаэль недавно уничтожил конверт – отказался от поединка! Сволочь! Ничего, она заставит его сойтись клинок к клинку...

Прекрасная Ieri Тиара неподвижно стояла на балконе старинной гостиницы, притаившейся в одном из тихих переулков Парижа, и кривила губы в злорадной усмешке. Кажется, леди Фортуна благоволит к ней. Оказаться в одном доме с друзьями своего врага – как символично! Что ж, похоже, она нашла верный способ отомстить проклятому Крайэну. Мысли о недавних событиях во владениях Скрипто, вызвав ощущение дежавю, на секунду мелькнули в сознании злопамятной Ieri, но ярость стерла все, оставив лишь жажду мести...

Саднящий затылок отдавал пульсирующей болью, уходившей куда-то в глубь мозга. Рид осторожно пошевелил головой и тут же пожалел об этом – под его черепом зазвенели надтреснутые колокола. Во рту стоял мерзкий медный привкус. Каменный пол охлаждал голую спину, крылья неудобно подломились, беспомощно распростершись по плитам. Крылья?.. Архонт недоуменно моргнул. Контроль над обликом у него всегда сохранялся на высоте, и не ко времени проявившиеся крылья оказались для Рида внове. Где-то рядом раздавались приглушенные голоса.

– Оллэрээль, а если бы он действительно оказался человеком? Нам бы пришлось нести ответ... – с легкой ноткой возмущения прозвучал хрипловатый женский голос.

– Подох бы – туда ему и дорога! – не слишком озабоченно огрызнулся Оллэрээль. – Жаль, что я не пришиб его еще у входа!

– Оллэр! Как ты можешь?! Он один из нас!

– Ищейка Мираэн! Не удивлюсь, если это он убил Далларэля...

Борясь с головной болью, Рид пытался свести воедино обрывки доступной ему информации. Похоже, сейчас он находится где-то в подzemелье под Нотр-Дамом. Его чем-то опоили, дабы выяснить, архангел он или человек. А если бы вдруг оказался человеком, то отходная молитва уже не понадобилась бы. Архонт пошевелился, пытаясь встать. На удивление, у него получилось – его даже не связали. Тело немного затекло от лежания на холодном полу. Рид сделал несколько шагов и, пошатываясь, прошел под сводчатой аркой, из-под которой лился тусклый оранжевый свет. И тут его взору предстала практически нереальная картина...

В просторном зале с низким потолком стояли двое. Молодой, явно младше Рида, пепельноволосый архангел или, что вернее, архонт, ибо он недовольно передергивал

светлыми крыльями, и невысокая хрупкая женщина с медово-рыжими волосами. Ее крыльев не было видно, но святой отец ни на секунду не усомнился: перед ним находится истинная представительница почтенной семьи Крайэн-э'Тимеро, достойная legi...

– Кьяра! – Рид ошеломленно привалился к дверному проему.

Оба архонта резко обернулись в его сторону. В руке мужчины сверкнул ниакрис, успешно маскирующийся под тяжелую саблю. Женщина повела себя куда спокойнее. Перехватила руку своего импульсивного собеседника и, жестом приказав ему оставаться на месте, неспешно приблизилась к Риду.

– Приветствую вас в стенах цитадели Крайэн, крылатый лорд, – произнесла она, чуть опустив веки, что, видимо, следовало принимать за бледное подобие приветственного ритуала.

Святой отец с трудом сглотнул подступивший к горлу комок. Просто «крылатый лорд» и никакого упоминания о родовом имени... Выходит, его семья только что официально закрепила за ним статус отступника...

Глава 10

– И с чего ты взял, будто отец Рид находится где-то здесь? – раздраженно спросила Лисса, когда они, в четвертый раз обойдя по периметру собор Нотр-Дам де Пари, опять вернулись к входу.

– А где еще? Ведь тело-то убиенного архангела тут нашли. Вот на этом самом месте! – В попытке оправдаться Жози нервно взмахнул рукой, и сидящая на его плече Капуста едва не шлепнулась на ступени.

Лисса протестующе подергала ремешок своей сумочки и, запрокинув голову, с сомнением воззрилась на громадину собора, чужого и безразличного.

– И что с того? Куда логичней было бы пойти в полицию или городскую управу. – Сердце девушки болезненно ныло от нехорошего предчувствия.

– Может, внутрь зашел? – неуверенно предположил андрогин. – Мессу послушать...

– Ага, а потом преисполнился благодати и вознесся на небеса прямо из зала, – фыркнула девушка. – Жози, месса уже два часа как закончилась.

– И все-таки давай зайдем внутрь. Выясним, вдруг отец Рид общался со зрителем, и тот подскажет нам, где его искать. Заодно на реликвии полюбуемся... – Жози заискивающе заглянул Лиссе в глаза.

Архивариус пристально взглянула на библиотекаря. Что-то с ним явно было не так. Интуиция Лиссы буквально била во все колокола, подсказывая – попутчик скрывает от нее нечто важное. Ну с чего бы это андрогин неожиданно ударился в совсем не свойственную ему набожность и так стремится попасть в собор?..

А между тем Жози едва сдерживался, чтобы не рвануть внутрь и не забраться в самый темный и дальний угол Нотр-Дама. С каждой секундой у него в душе крепло подозрение, что по дороге к собору он видел досточтимую Лоренсию Скрипто, прогуливающуюся в сопровождении нескольких криминального вида субъектов. Госпожа хранительница никогда не отличалась сговорчивостью и, похоже, совсем не собиралась забывать побег из библиотеки и оставлять его безнаказанным.

– Ладно, – скрепя сердце наконец-то согласилась Лисса. – Но если и зритель его не видел, тогда мы возвращаемся в гостиницу и ждем там! – Архивариус шагнула на ступеньку и... тут у нее под ногой что-то хрунуло.

Мгновенно отступив назад, девушка склонилась над плитами и удивленно подняла изящные очки, по милости госпожи Дончек лишившиеся одного стеклышка...

– Душа моя, – озадаченно промолвил Жози, разглядывая очки через ее плечо, – вот теперь меня начинает терзать подозрение, что мы не дождемся нашего симпатяжку в отеле.

Лисса печально вздохнула, мысленно соглашаясь с андрогином, аккуратно завернула очки в салфетку и, положив их в сумку, решительно поднялась по ступенькам.

Внутреннее убранство собора выглядело мрачным. Теплые огоньки свечей мешались с цветными бликами витражей и скорее поглощали свет, чем давали его. Сводчатые потолки терялись в полумраке, а настенные барельефы то возникали перед глазами, то вновь исчезали. Смотритель, сгорбленный человек неопределенного возраста, ничуть не прояснил и без того запутанную ситуацию, на все задаваемые вопросы лишь отрицательно качая головой. Нет, он не видел здесь другого святого отца, кроме дородного патера Ферье, того, который служил мессу. Пока Лисса дотошно выпытывала информацию у смотрителя, андрогин восторженно вертел головой, разглядывая причудливые витражи.

– Ох!.. – Жози неожиданно дернул архивариуса за рукав. – Убираемся отсюда! Быстрее!

Не дожидаясь ответа, андрогин торопливой рысцой бросился в глубь собора, направляясь к алтарю.

– Жозеф, стой! – На ходу извинившись перед смотрителем, девушка кинулась вслед за блондином.

– Стойте, мирским туда нельзя! Это же святое место – пресбитерий! – надтреснуто летело им вслед.

Пролетев между рядами дубовых резных скамеек, Жози обогнул алтарь, выскочил на узкую винтовую лестницу и с обезьяньим проворством начал карабкаться наверх. Лиссе удалось догнать его лишь на середине подъема.

– Куда ты бежишь?!

Но андрогин лишь отмахнулся, устремляясь все выше. Он остановился только тогда, когда они очутились на звонарной площадке, миновав пару крохотных хозяйственных закутков, и недоуменно завертел головой, отчего изящный цилиндр чуть не слетел на пол.

– Куда она делась? Отстала? Слава тебе Господи! – От быстрого бега его высокий голос стал откровенно писклявым.

– Кто? Жози, да объясни же ты наконец, зачем мы сюда забрались?! – сердито напустилась на него Лисса, у которой от суматошного подъема по лестнице стучало в ушах и кололо в бок. – Или ты погнался за призраком горбуна Квазимодо?

– Если бы за ним! – скривился андрогин. – Увы, моя бывшая начальница меня выследила! Я... э-э... по уходу из библиотеки совершил кое-что... мм... не совсем законное... – Блондин сделал несколько шагов вперед, огибая колокол.

– Стажил из библиотеки подшивку комиксов? Ты в этом не одинок, – одобительно рассмеялась его спутница.

– Ну-у, – смущенно протянул Жозеф, – можно и так сказать. Только вот в отличие от меня тебя за это не пытались убить...

– У тебя паранойя, – скептически хмыкнула Дончек, подходя к узенькой низкой дверце в стене. Толкнула створку, та со скрипом поддалась.

Жози с любопытством заглянул ей через плечо. Внутри было пыльно и темно. Андрогин вновь повернулся к колоколам, разглядывая их литые бронзовые бока. Осторожно дотронулся до наибольшего из них. Лисса саркастически хмыкнула:

– Ты даже здесь умудрился вычислить единственного мужчину.

– Э? – слегка обиженно удивился Жози.

– Благодаря тебе нас занесло на северную башню собора. Здесь все колокола имеют имена, но лишь у одного из них – того, возле которого ты стоишь, – мужское, Бурдон Эммануэль. Все остальные названы женскими именами, – с усмешкой пояснила Лисса.

– Как, ты сказала, его зовут? – Глаза андрогина ярко вспыхнули, словно зажглись какой-то идеей.

– Бурдон Эммануэль... – наставительно повторила архивариус. – Эй, что ты делаешь?

Не обращая внимания на возмущение девушки, Жози проворно забрался под колокол, так что теперь казалось, будто здоровенная бронзовая машина обрела пару тонких коротких ножек в полосатых чулках.

– «Фрагмент старик Бурдон хранит...» – ликующим эхом донеслось из-под

колокольного купола. – Лисса, мы с тобой – красатули, ибо нашли еще один артефакт... Иди сюда!

– Что хранит? При чем здесь колокол? – раздраженно спросила архивариус, забираясь к Жози.

– Гляди, там на языке колокола такая гламурная няшка привешена! – Андрогин чувственно прижал руки к груди. – Мне нужно ее достать! Подсадишь меня, а дальше я сам заберусь...

– Слушай, имей совесть, я все-таки девушка! – рассердилась Лисса. – Вон в боковой камерке валяются какие-то ящики, притащи и пользуйся!

– Ладно, ладно, только помоги мне, я сам не дотащу!

Они вновь направились к темному закутку. Внутри роилась пыль, пахло затхлостью. Вдруг резкий и сильный толчок в спину опрокинул андрогина и Лиссу на пол. Дверь камерки захлопнулась, отделив путешественников от свободы, а послышавшийся снаружи грохот заглушил их возмущенные вопли.

– Эй, да что здесь происходит! – Архивариус первой вскочила на ноги и кинулась к двери, навалившись на нее всем телом. Та не поддавалась.

– Чьи это глупые шутки? – Жози подскочил к спутнице и забарабанил кулаком по доскам.

Снаружи раздался приглушенный хриловатый смех. С одной стороны, андрогину захотелось облегченно вздохнуть – смех Лоренсии Скрипто звучал совсем иначе, а с другой – тот, кто их тут запер, вряд ли преследовал гуманные цели.

...Тиара злорадно глядела на прижатую балкой дверь. Беспомощно перекошенный колокол почти лежал на полу – на редкость удручающее зрелище. М-да, святотатство в соборе Нотр-Дам – это вам уже не шуточки, за такое могут и в тюрьму упечь! Не повезло друзьям проклятого отщепенца, сильно не повезло... Теперь Риддаэлю не отвертеться. Крайэн никогда не бросит своих спутников в беде, а потому полностью разделит их незавидную участь... Все трое неминуемо сгниют в подземельях оскорбленных человеческих церковников! Лучшей мести и пожелать невозможно! Архонтесса довольно развернулась на каблуках и поспешила вниз. Правда, за спутниками Крайэна следили еще какие-то люди, но внутрь собора они не сунулись...

– И кто там говорил о паранойе? – сварливо осведомился андрогин, когда убедился, что дверь им не открыта.

Лисса молча привалилась к стене. Отец Рид исчез, и неизвестно, что с ним стало. Их самих заперли на башне Нотр-Дама. Девушка обхватила голову руками, тщетно пытаясь собраться с мыслями. Интересно, сколько они продержатся без воды и еды? Похоже, впору уже звать на помощь и кричать «караул», да только вот вряд ли кто-нибудь их тут услышит. Отчего-то госпожа архивариус сильно сомневалась в том, что смотритель поднимается на башню хотя бы раз в месяц...

Его упитанное сиятельство досточтимый герцог Алоизиус ди Амбер то сплетал, то расплетал унизанные перстнями холеные пальцы. Идея, посетившая его накануне, никак не желала исчезать, несмотря на кажущуюся абсурдность. Впрочем, если авантюра выгорит, с ди Таэ наконец-то будет покончено, да и если не выгорит – тоже. Только в этом случае времени понадобится больше. И все же... Достойный герцог прикидывал и так и эдак, пытаясь просчитать любой исход. А что, подобное заключение мира между враждующими семействами – традиция, устоявшаяся веками. Вряд ли князь Эрик осмелится ее нарушить. Особенно сейчас, учитывая некоторые изменения, произошедшие в семье ди Таэ. Теперь Эрику есть что терять. Вернее, кого терять... К тому же сам герцог – вдовец, его старшие наследники ничего против нового брака отца не имеют. Еще бы они имели! Ведь за попытку вмешаться в интриги главы дома можно очень быстро превратиться из старших наследников

в первых покойников!.. Еще немного поразмыслив, его сиятельство герцог Алоизиус ди Амбер потянулся за пером. Это письмо он напишет лично, по всем правилам этикета, дабы у главы Высокого дома ди Таэ не возникло сомнений в чистоте и серьезности продемонстрированных намерений...

Тревога подобна облюбовавшему спелое яблоко червяку. Она сидит внутри нас и потихоньку точит изнутри, заставляя нервно метаться из угла в угол или же жестоко терзать первую подвернувшуюся под руку мелочь. Именно так поступал старший князь Высокого дома Эрик ди Таэ, в который раз перебирая пальцами по широкому подлокотнику гравикресла. Поселившаяся внутри тревога не отпускала целителя уже несколько дней. Даже столь привычная уютная атмосфера домашней библиотеки не помогала расслабиться и избавиться от навязчивых мыслей. А неожиданный визит Иля только усугубил беспокойное состояние мага, подлив масла в огонь. Интересно, с каких это пор он успел стать таким мнительным? Князь озадаченно поскреб подбородок и перевел взгляд на только что законченные амулеты. В широкой стеклянной площадке лежали две крученые цепочки из светлого металла с круглыми подвесками. Рядом стояла деревянная, потемневшая от времени пиала. Еще один ингредиент – и амулеты будут полностью готовы...

Дверь приоткрылась, и в библиотеку в сопровождении одного из слуг-фэйри скромненько протиснулись Виктор и Радислава. Оборотничка, впервые очутившаяся в особняке ди Таэ, настороженно озиралась по сторонам. Фэйри бесшумно исчез в коридоре.

Эрик приветственно махнул рукой и указал гостям на кресла.

– Ну и что вы надумали делать, князь? – хрипловато спросил Виктор, занимая предложенное место.

– Пора нам на кладбище, – мрачно пошутил целитель, подцепляя щипчиками одну из цепочек и перекладывая в деревянную миску. – Вчерашнее происшествие, – продолжил он, – натолкнуло меня на прелюбопытнейшую мысль. Пришлось, правда, изрядно порыться в домашних архивах, но зато теперь я могу дать вам гарантию, что вы не будете нервничать на пустом месте.

– Это серебро? – хмуро спросила Радислава, догадавшись, что речь идет о медальонах.

– Нет, холодное железо. Я не самоубийца. – Маг подцепил из хромированного контейнера скальпель. – Вы позволите взять немного вашей крови, госпожа менестрель?

Оборотничка невольно вздернула губу, демонстрируя клыки, но довольно быстро овладела собой и протянула руку целителю. Виктор заинтересованно наблюдал за манипуляциями Эрика. Радислава мрачно следила, как капли крови медленно скатываются из пореза в миску, с шипением впитываясь в амулет. Решив, что достаточно, князь отпустил запястье оборотнички и, выудив цепочку, передал байкеру:

– Держите, этот ваш.

Проделав те же манипуляции со вторым амулетом, но уже с кровью Виктора, князь ди Таэ отдал его менестрельке. Оборотничка сдержанно поблагодарила.

– Носите на здоровье, – с легкой иронией усмехнулся целитель. – Теперь если с кем-то из вас вдруг случится беда, медальон партнера начнет истекать кровью, а заодно послужит путеводным клубком. Безотказное средство. Называется «Повязанные кровью». Проверено веками. – Маг убрал все необходимые для ритуала атрибуты в изукрашенный коваными узорами сундучок. – А вот сейчас и на кладбище можно прогуляться. Дорогу помните, а, госпожа менестрель?

Рид в некоторой растерянности сидел на кровати в маленькой комнатушке, куда его провели по приказу Къяры, и осматривал возвращенные ему вещи и одежду. Чего-то не хватало. Какой-то мелочи, но вместе с тем неуловимо важной, практически жизненно необходимой. Запасные очки, оружие, документы – все при нем. Документы... Святой отец еще раз лихорадочно пересмотрел бумаги. А где же тот конверт, пробитый стилетом? Вызов на поединок! Он исчез!

Архонт лихорадочно застегивал сутану, путаясь в крючках. Кому мог понадобиться этот злосчастный конверт? Внезапно дверь беззвучно приоткрылась, и в комнату вошли Къяра и Оллэреэль. Рид резко подхватился на ноги.

– Все ли имущество вам вернули, крылатый лорд? – холодно, но с подначкой в голосе осведомилась архонтесса, рассматривая растрепанного святого отца.

– Конверт, legi, – в тон ей откликнулся Рид. – У меня пропал плотный конверт с дырой посередине. Где он?

Къяра нахмурила тонкие светлые брови и обернулась к своему вспыльчивому спутнику:

– Оллэреэль?

– От того конверта за версту несло кланом Мираэн! – буркнул Оллэреэль. – Мало ли что там могло быть. Его уничтожили.

– Уничтожили?! – Рид дернулся, словно от удара. – О боже мой! Что же вы наделали!

– Какая информация содержалась в том конверте, крылатый лорд? – насторожилась архонтесса.

– Вызов на поединок. От Тиары Мираэн-э’Тимеро, – потерянно ответил священник. – Не просто вопрос жизни и смерти, но вопрос чести и бесчестия.

– Оллэреэль, оставь нас, – коротко приказала женщина. – Не бойся, лорд Риддаэль не причинит мне вреда.

Архонт нахмурился, намереваясь возмутиться, но под властным взглядом Къяры смирился, молча закрыл рот, поклонился и вышел.

– Идемте, крылатый лорд, я выведу вас наверх, – коротко бросила архонтесса. – Только не спрашивайте, чего мне это стоило. Честно говоря, я очень не уверена, заслуживаете ли вы снисхождения. Клан не слишком-то хотел отпускать вас живым, а ваши рассуждения о чести меня попросту коробят. – Женщина что-то нажала, и в стене раскрылся проем. Она приглашающе взмахнула рукой.

Риду ничего не оставалось, кроме как следовать за ней.

– Къяра, может, ты соизволишь посвятить меня в происходящие здесь события? – решился попросить он, когда они достаточно углубились в темные коридоры подземелий. – Столько лет я не мог смириться с мыслью, что цитадель Крайэн пала и все мои сородичи погибли. Пытался найти хоть какой-то ваш след... А вы, оказывается, все это время были живы и молчали! И сейчас начинаете обвинять меня в предательстве?!

– Рид, – женщина обернулась и умоляюще взглянула на священника, – не бреди едва зарубцевавшиеся раны! К сожалению, воспоминания – страшная вещь, от них невозможно избавиться. И ты, и я отчетливо помним день падения нашей цитадели, так отчетливо, словно это произошло лишь вчера...

Рид утвердительно кивнул, а архонтесса продолжила со слезами в голосе:

– Помнишь, пятерых наших лучших бойцов старейшина клана отправил прочь из осажденной башни, выбросив сквозь рушащийся межпространственный портал и поручив сохранить величайшую реликвию, разделенную на четыре части? Убийцы из клана Мираэн шли за нами по пятам... А мы уходили в никуда и не знали, что нас ждет впереди. Позже, когда все немного улеглось, мы снова сплотились и попытались спасти всех, кого только смогли, от рук Мираэнов. Они охотились за нами! Мы столько лет успешно скрывались в подземельях Парижа, но тут случилось неожиданное – погиб Далларэль. И почти сразу появился ты... В этой странной форме, с письмом Мираэнов в кармане... Призрак из прошлого, почти забытый и оплаканный! Скажи, что еще мы должны были подумать?!

Горящие гневом глаза Къяры заглянули Риду прямо в сердце. Он умоляюще сцепил пальцы перед грудью и застонал от накотившей душевной боли:

– Я не убивал мастера плетений! Верь мне. Клянусь, я узнал о его смерти лишь сегодня утром! А форма... это долгая история. Да, я сотрудничаю с церковью, но не вступал в сговор с Мираэнами! А теперь, когда конверт уничтожен, могут пострадать мои друзья! – Голос Рида почти сорвался на крик.

– Друзья? Среди наших врагов? И после этого ты еще смеешь говорить, будто не стал предателем? Ведь Мираэны изначально не чурались сотрудничества с людьми. Они притворялись, будто хотят нам помочь, а на самом деле желали отобрать самый дорогой наш артефакт. Они предали нас уже тогда! Значит, теперь и ты пошел по несправедному пути... – с горечью произнесла Къяра. – Отступник, изменивший заветам предков. Ты принял сторону людей, ты принял их веру...

– Къяра, опомнись, война давно закончилась. Не упорствуй в своих заблуждениях, не живи старыми обидами. Пойми, больше нет никаких сторон. Я стал тем, кем стал, лишь потому, что не хочу проливать кровь и доставлять новую боль. Достаточно! Прошлое принадлежит прошлому. Нужно уметь прощать и понимать...

– Хватит! – разъяренно прервала его архонтесса. – Ничего не говори, останься в моей памяти таким, как прежде, а не поправшим честь клана ничтожеством!

Архонт поперхнулся ответом. Его лицо вдруг словно окаменело.

– В таком случае мне остается лишь отречься от своей семьи, – глухо промолвил он. – Ибо семья не оставила мне иного выбора...

Его проводница остановилась возле узкой арки:

– Поднимайтесь наверх, крылатый лорд. Выйдете через алтарь, – сухо приказала она. – И не смейте возвращаться сюда еще хотя бы раз. Отныне мы не хотим вас знать. Для рода Крайэн вы умерли!

Достойный лорд Кирриэль, глава дома Мираэн, задумчиво разглядывал два десятка воинов клана, прибывших в Париж по его приказу. Этих сил вполне должно хватить, чтобы раз и навсегда покончить с Крайэнами. Покончить с бесполезными, трусливыми крысами, затаившимися в недрах человеческого города. Подумать только, выходит, кто-то из них сумел улизнуть из своей разрушенной цитадели, унеся с собой древнюю реликвию, обманув всех и вся! Никчемные, ни на что не годные, с того памятного дня Крайэны, подобно могильным червям, сотни лет прятались в подземельях, затаившись практически под самым носом у семьи Мираэн! Но ничего, сегодня прежние ошибки будут исправлены – трусов выкурят на поверхность...

Кирриэль еще раз окинул взглядом свой отряд. Возможно, сегодня благородный лорд наконец-то обретет то, из-за чего в свое время рискнул жизнями многих отважных воинов, придя на помощь погибающей цитадели Крайэн. Карта великих сражений... Величайшее сокровище двух миров, дающее своему владельцу воистину безграничную власть! Да, ради нее он готов на все! Эта реликвия должна принадлежать только ему! Конечно, его поступки можно трактовать по-разному, но кого это волнует? Тогда, много лет назад, затеянная Кирриэлем авантюра не увенчалась успехом. Все, кому посчастливилось спастись из рушащегося замка, в один голос утверждали, что карты там не было и именно поэтому Крайэны потерпели поражение. А раз карты не было в замке, значит, ее успели вынести и спрятать. Подставить несколько десятков жизней, дабы спасти ценный артефакт, вполне в духе таких безумных мастеров, как семья Крайэн...

Почтенный крылатый лорд хмуро взглянул на часы. Тиара до сих пор не прибыла к месту сбора... Интересно, какие новые интриги она плетет? Ставя под угрозу срыва затеянную им операцию! В последнее время эта лeгi становилась все неуправляемей. Если так пойдет и дальше, прикидывал Кирриэль, то от взвинченной мастерицы иллюзий придется избавиться. Даже невзирая на тот факт, что она является его племянницей. Меньше всего крылатый лорд хотел бы видеть в своем клане невенчаемого мастера видений. Что ж, если в ближайшие минуты Тиара не появится, они начнут штурм подземелий без нее. Однако каждая ошибка имеет свою цену: последнее опоздание сумасбродной архонтессы не пройдет для нее бесследно, а станет смертным приговором...

Часть вторая

Меньшее зло

Глава 1

Скреб-скреб-скреб... За последний час этот противный, монотонный, беспрестанно повторяющийся звук уже стал настолько привычным, что Лисса предпочитала его игнорировать, прекрасно понимая – ее мерное расхаживание по комнатухе тоже андрогину не в радость. Четыре шага вдоль – скреб, четыре поперек – скрреб, четыре по диагонали – скрррреб...

– Слушай, может, все-таки прекратишь действовать мне на нервы?! – не выдержала девушка после совсем уж поганого звука.

– В отличие от некоторых я хоть что-то пытаюсь сделать для нашего освобождения, – огрызнулся Жози, не отрываясь от расковыривания маленьким перочинным ножиком широкой щели в старых досках. Впрочем, сопоставив ширину щели, толщину доски и скромный размер ножика, можно было не сомневаться – процесс создания пути на свободу займет лет пятьсот. В лучшем случае.

– Перестань заниматься ерундой! В эту щель даже крыса не пролезет! – Лисса вновь вытащила сотовый телефон и обреченно поводила трубкой в воздухе – связь так и не появилась.

Андрогин на секунду оторвался от ожесточенного ковыряния и, обрадованно вытаращив глаза, уставился на архивариуса.

– Душа моя, ты гений! – возопил он, подпрыгивая как ужаленный и порывисто обнимая госпожу Дончек.

Крыса, доселе спокойно сидевшая у него на плече, чуть не шлепнулась на пол и возмущенно взвизгнула.

Жози поспешно ссадил тварюшку на каменные плиты и присел возле нее на корточки.

– Капуста, ласточка моя, ты ведь нам поможешь? – Он просительно навис над крысой. Та села столбиком и заинтересованно воззрилась на хозяина черными бусинками глаз.

Лисса выразительно покрутила пальцем у виска.

– Дай сюда очки отца Рида, – потребовал андрогин и, получив пенсне, сунул его крысе под нос. – Нюхай, Капуста! А теперь давай, лапусечка, найди нашего симпатяжку-ангелочка и приведи сюда, иначе наступят нам полные бабасики.

Крыса выразительно фыркнула, опустила на четыре лапки и, с некоторым усилием протиснувшись в щель, исчезла из виду.

– Поисковая крыса, ну-ну... – скептически протянула Лисса.

Выбравшись наверх, Рид осторожно протиснулся сквозь боковые алтарные ворота и вышел в главный зал собора. Прищурившись, архонт огляделся по сторонам. Сводчатый потолок Нотр-Дама терялся во мраке... Солнце уже скрылось за крышами, перестав ронять свои скудные лучи, проникающие внутрь собора сквозь цветные стекла витражей. Свечи в дальнем подсвечнике прогорели, оплыли почти до основания и не давали достаточно света. Ближний, опрокинутый на пол, рассыпал вокруг себя давно погасшие огарки. Подле него, нелепо раскинув руки, навзничь лежал смотритель. Рид оторопело застыл в полуметре от тела, ибо на груди смотрителя сидел толстый, лоснящийся пасюк, с аппетитом уписывая кривоватый сальный брусок, оставшийся от освященной свечи. Архонт брезгливо шикнул на зверюшку, но та и не думала пугаться. Посверлив его бусинками глаз, крыса лениво убралась прочь, не выпустив, впрочем, огарок. Рид склонился над телом, вглядываясь в разбитое лицо смотрителя. Пальцы сами скользнули к чужой шее – нащупать пульс. От прикосновения архонта человек вздрогнул и с трудом разлепил глаза, а его разбитые губы чуть шевельнулись.

– Что здесь произошло? Кто это сделал? – Архонт осторожно поддержал раненому голову.

Смотритель беспомощно скребанул скрюченными пальцами по сутане священника.

– Дева... крылатая... – хрипло прошелестел он. – Двое... искали... священника... ушли наверх... – Голова безвольно мотнулась на худой шее, а тело, едва трепещущее под руками архонта, предсмертно вздрогнуло и обмякло. Пульс больше не прослушивался.

– Да пребудет душа твоя в покое, – пробормотал Рид, осеняя себя крестным знамением.

Он аккуратно сложил покойнику руки на груди и вдруг заметил, что правая кисть мертвого смотрителя плотно сжата в кулак... С некоторым усилием он разогнул сведенные судорогой пальцы, и на пол со звоном брякнулся золотистый кругляш с обрывками ниток. Архонт озадаченно разглядывал чеканку на пуговице.

«Дева... крылатая...» – вспомнились ему последние слова смотрителя. А герб-то на пуговице знакомый – герб клана Мираэн! Значит, смотрителя убила Тиара! Они упрямо идет по его следам, выслеживая желанную добычу! Своим отказом от поединка – вернее, Тиара приняла за отказ уничтожение своего послания – он ущемил ее чувство собственного достоинства. И посему теперь она уже не отступится, не откажется от мести, ставшей для нее еще желаннее... А те двое, которые искали священника?.. Бесспорно, смотритель подразумевал Лиссу и Жози... Они искали его, но зачем-то пошли за Тиарой... Ох нет, скорее всего это она пошла за ними...

Рид подскочил словно ошпаренный. Господи, сколько сейчас времени?! И сколько часов он провел в подземелье?! Святой отец спешно выудил телефон из недр сутаны и набрал номер Лиссы. Из динамика сообщили, что абонент недоступен. Архонт позвонил снова, но тут связь пропала уже у него. Рид нервно заозирался и столкнулся взглядом с крысой. Та по-прежнему меланхолично грызла свечку и не собиралась никуда убегать, будто намеренно ждала, пока на нее обратят внимание. Архонт шагнул к ней, тварюшка отбежала на несколько шагов и снова застыла... Но стоило лишь Риду приблизиться, как крыса опять переместилась на пару метров и несколько обиженно уставилась на священника, словно намекая: «Я тебя зову, а ты не хочешь идти со мной». И тут он вспомнил – у этого несносного андрогина, их новоявленного библиотекаря, на плече всегда сидела вот точно такая же крыса! Архонт решительно направился к грызуну, а тот встрепенулся и неспешно потрусил по каменным плитам, уводя несговорчивого типа за собой...

Добравшись до звонарной площадки, крыса подбежала к низенькой дощатой двери, приткнутой обломком тяжелой балки, и с чувством выполненного долга юркнула в щель. Изнутри мгновенно раздался обрадованный вопль:

– Капуста, деточка моя, ты вернулась!

– Жози, это ты? – не совсем уверенно спросил Рид.

– Я, ангел мой, я! – пронзительно донеслось из-за двери. – И Лисса здесь! Лапуся, вытащи нас отсюда, и я буду всю жизнь читать тебе оды, петь псалмы или декламировать панегирики! Все, что пожелаешь, только вытащи!

– Отойдите от двери! – приказал священник, извлекая неразлучную катану, всегда носимую им в энергетическом поле своей второй ипостаси. Отвалить стокилограммовую балку нечего и думать, а вот проломить в доске дыру – запросто. Клинок со свистом вгрызся в дерево, брызнула щепка. Несколько точных ударов, и кусок двери провалился внутрь...

– Отойди от двери, Крайэн, – вдруг у Рида за спиной раздался насмешливый голос. – Не хочу, чтобы люди путались под ногами, пока я буду отправлять тебя на тот свет!

– Зачем тогда ты вообще впутала их в эту разборку, касающуюся лишь нас двоих? Тебе разве не говорили, что поединок – это личное дело дерущихся? – холодно осведомился архонт, медленно поворачиваясь и шагая в сторону от двери.

На звонарной площадке стояла Ieri Тиара, готовая к бою и заранее торжествующая. В руках у архонтессы сиял обнаженный ниакрис, а за плечами виднелись изуродованные обломки крыльев, некогда прекрасных и могучих.

– Ты отказался от вызова! – разъяренно взвизгнула Тиара. – Но за свои поступки нужно

держат ответ! – прошипела она.

Вокруг архонтессы расплескался почти ощутимый шлейф безумия. Женщина себя уже совсем не контролировала.

– Я ни от чего не отказывался! Все случившееся – нелепая случайность! Тиара, еще не поздно прекратить этот убийственный фарс! – Рид не утратил надежду образумить зарвавшуюся legi.

– Сейчас ты ответишь мне за все! – Ниакрис взлетел над головой Тиары. – Добренький ты наш!

– Высшее проявление добра – это садизм по отношению к злу! – холодно усмехнулся священник, понимая – ее уже не остановить.

Архонтесса безумно взвыла и пошла в атаку...

«Смертельное недоразумение...» – подумал Рид, резко ныряя в сторону. Светящийся ниакрис противницы прошел воздух всего в паре сантиметров от него. Объяснять что-либо было уже поздно. Противники закружили между колоколов, площадка наполнилась звоном клинков.

Драмм... Рид резко пригнулся, и меч Тиары высек искры из бронзового бока Бурдона Эммануэля, оставив на колоколе изрядную щербину. Драммммм... снова по колоколу. Рид вертелся, как юла. Драммммммм! И тут собор содрогнулся. Мощнейший толчок сотряс Нотр-Дам от основания да макушки. Поединщиков швырнуло друг на друга, и они, сцепившись, покатались по полу. Собор тряхнуло еще раз. Крепления на одном из колоколов не выдержали, он сорвался с балки, проломил пол и полетел вниз, увлекая за собой дерущихся.

Лиссе и Жози наконец-то удалось протиснуться сквозь дыру в двери, и они опрометью кинулись вниз по лестнице, направляясь в центральный зал...

Колокол все быстрее несся вниз, грозя расплющить незадачливых поединщиков. Тиара мертвой хваткой вцепилась в плечи Рида, мешая ему раскрыть крылья. Разглядев злобную ухмылку, архонт попытался оттолкнуть женщину от себя. Тщетно, но зато ему удалось расправить крылья и шарахнуться в сторону. Левое крыло Рида чиркнуло по стене. Противников несколько раз перекувырнуло в воздухе и с силой приложило об пол. Колокол достиг нижнего этажа собора всего лишь на пару секунд раньше, звучно треснулся о плиты и завалился на бок.

Пока оглушенная Тиара приходила в себя, святой отец поспешно откатился в сторону, убирая помятые, но, к счастью, целые крылья. Чуть придя в себя, архонтесса вскочила на ноги и мгновенно пошла в повторную атаку. Они закружили по центральному залу, мечами круша все вокруг. Лисса и Жози, выскочив из коридора, напряженно следили за двумя смазанными фигурами, больше напоминавшими цветной вихрь, испорченный росчерками клинков. Растоптанные свечи, обломки скамеек, по полу растекались лужи масла из разбитых лампад... Рид отбил удар, нырнул вперед, проводя обманный финт, и тут у противницы за спиной раскрылись искореженные обломки крыльев. Да, она не сможет взлететь, но ведь ей не это нужно...

Архонт не успел скорректировать движение, и резкий удар обломком крыла пришелся ему в грудь, отшвырнув на добрых три метра, точно на уцелевшие скамейки. Тиара с победным воплем кинулась к нему... Но тут в поединок неожиданно вмешался Жози, выскочивший из-за хоров, словно черт из табакерки. Андрогин вцепился в изуродованное крыло архонтессы и что было сил дернул воительницу на себя... Тиара резко развернулась, стряхивая андрогина, как стряхивают надоедливую мошку, но поскользнулась на разлитом масле, не удержала равновесие и звучно хряпнулась на спину. Хруп, чвак! Несколько деревянных обломков от беспощадно разрушенной алтарной преграды сыграли роль кольев, густым частокотом пройдя сквозь ее тело... Остатки крыльев конвульсивно скребанули по полу, доламывая ближайшие скамейки. Рукоять ниакриса вывернулась из пальцев Тиары, и гордая архонтесса застыла на полу, глядя в сумрак церковных сводов стекленеющими глазами...

– Рид, вы в порядке? – обеспокоенно спросила Лисса, помогая ему сесть.

– Ахкх... – Воздух все еще отказывался нормально проталкиваться в легкие архонта. – Ах-кхе-е... Да, – сипло откликнулся он. – О господи... теперь вы все знаете... ахкх... – хрипло простонал достойный святой отец.

– Я и так все знала, – усмехнулась госпожа Дончек, – Жози утром проговорился. Честно, не вижу ничего страшного в том, что вы не человек...

– Ах, Жози... – многозначительно протянул архонт, при помощи девушки вставая на ноги.

Внезапно до них донесся надрывный стон, исходящий от входа в собор... Выяснилось, что эти звуки издает андрогин: отброшенный ударом Тиары, он распластался на плитах и сбил чашу со святой водой для омовения рук. Рид, прихрамывая, подошел, опустился рядом на корточки и принялся ощупывать ребра своего незадачливого спасителя.

– О-о... – мученически простонал Жози. – Холод пронизал мое тело... Увидеть Париж и умереть!.. Пророческие слова. И влага... – Он попытался приподнять мокрую руку. – Моя кровь... что-то давит под ребра! – Андрогин театрально закатил глаза.

– Жози, – священник закончил ощупывать его грудную клетку, – ты лежишь в луже святой воды, на осколках чаши для омовения! – Он чувствительно встряхнул полуобморочного библиотекаря за плечи. – И единственная смерть, которая тебе грозит, – это кончина от воспаления почек, если ты немедленно не встанешь!

– Да? – изумленно выдохнул андрогин, недоверчиво ощупывая грудь. – И я не умираю?

– Нет. У тебя пара синяков и не более того, – успокоила его Лисса.

Тут собор встряхнуло в третий раз. Тяжелое кованое паникадило сорвалось с потолка и с грохотом обрушилось на пол, погребя под собой уже мертвую Тиару.

– Землетрясение? – недоуменно пискнул Жози.

– Скорее храмотрясение, – хмыкнула Лисса.

– Давайте-ка поскорее убираться отсюда, – обеспокоенно скомандовал Рид, поднимаясь с колен. – Место здесь, конечно, святое, но я как-то не спешу пополнить когорту местных великомучеников, сгинувших под сими священными обломками.

– Рид, вы, оказывается, умеете богохульствовать! – всплеснула руками девушка.

– Э-э... мм... – смутился священник. – Ни в коем разе, просто констатация факта! Хотя, как любит говорить князь ди Таэ, мы все полны сюрпризов. Похоже, что и я не исключение, – покаянно вздохнул архонт.

Андрогин тем временем, вполне придя в себя, кинулся к колоколу, с обезьяньим проворством вскарабкался по языку и, выдернув что-то из креплений, скатился на пол. В руке Жози со счастливым видом сжимал медный цилиндр с шишечками на концах. Рид понимающе хмыкнул, рассмотрев добычу библиотекаря. А затем подхватил Жози и Лиссу под локти и потащил обоих к выходу из собора.

Площадь перед Нотр-Дамом зияла дымящимися провалами... Рид прищурился, оглядываясь вокруг, и удрученно вздохнул... Теперь становилось понятно, что это были за толчки, ибо возле соборного крыльца сгрудились два десятка ободранных, израненных воинов, являвшихся кланниками рода Крайэн. Некоторые все еще сжимали в руках оружие, но с первого взгляда на них стало ясно – этот бой они проиграли. Бойцы рода Мираэн стояли напротив побежденных врагов, образовав ровный полукруг, будто ожидали приказа ринуться вперед и добить противников. Отчаянно вскрикнув, Рид рванулся вперед, но повисшие на нем библиотекарь и архивариус удержали архонта за плечи, оберегая от необдуманных поступков.

– Вы уже ничем там не поможете, святой отец! – Лисса схватила его за рукав.

Рид сжал зубы, стараясь не застонать. На его глазах семья Крайэн во второй раз очутилась на краю гибели, а он ничего не мог для них сделать.

Один из Мираэнов выступил вперед. Священник узнал Кирриэля.

– Клан Мираэн-э'Тимеро предлагает вам спасти свои жалкие жизни, – долетело до

Рида. – Карта великих сражений, где она?

– Кир, мы уже много лет ничего не слышали о карте, – устало откликнулась рыжая Къяра, выступая из-под защиты двоих архонтов Крайэн. – Возможно, Далларэль и владел информацией о ее нынешнем местонахождении, но он мертв. Благодаря тебе, надо полагать... – Темные глаза архонтессы мрачно сверкнули.

– Возможно, кто-то из вас мог бы бросить мне вызов, – издевательски усмехнулся Кирриэль, стремясь скрыть досаду, – и в поединке добыть право на жизнь для своего клана. Да только шансов у вас нет. Все ваши воины либо полностью обессилены, либо ранены...

Все Крайэны молчали. Къяра с ненавистью смотрела на главу Мираэнов.

– Я могу выступить против него, legi, – вдруг хрипло произнес Оллэрэль.

Архонтесса инстинктивно вцепилась в его руку, словно пытаясь удержать...

Кирриэль окинул возможного противника цепким, пронзительным взглядом.

«Хм, не будь этот мальчишка так измотан, он вполне мог бы стать достойным противником, но не победителем...» – Именно с ним повелитель Мираэнов и схлестнулся во время штурма.

Неожиданно Рид, внимательно наблюдавший за происходящим, сбросил с плеча руку Лиссы и уверенно шагнул вперед. Жози, вцепившись в сутану мертвой хваткой, поволокся за архонтом.

– Нет-нет-нет! – умоляющей скороговоркой заверещал он. – Только не говори, что ты будешь с ним драться! Самоубийство – грех, я знаю!

– Жози, – архонт аккуратно отцепил от себя библиотекаря, – среди Крайэнов нет сейчас ни одного воина, способного противостоять Мираэнам. Я единственный...

Рид решительно протолкался к центру площади и склонился перед Къарой.

– Legi позволит мне принять вызов? – ровным тоном осведомился он. – Во имя чести нашего дома!

Архонтесса на секунду застыла в растерянности. Кирриэль досадливо покусывал губу, злобным взглядом сверля спину священника. «Проклятый отступник, трус, щенок! Да как он смеет самовольно приравнять себя к воинам клана? Он – предатель и изгой!»

Рид ждал... Прошло несколько минут, но вот достойная legi едва заметно кивнула, дотронувшись кончиками пальцев до его плеча, словно простила Риду все прежние прегрешения.

– Еще один Крайэн, – негодуяще процедил сквозь зубы глава дома Мираэн. – Новообращенный герой, последний защитник родовой чести... Внезапно вернувшийся из небытия. Что ж, этого следовало ожидать. Правда, я ставил на Тиару...

– Тиару сгубила злость, – коротко бросил Рид. – Я принимаю вызов.

– Жду тебя через два часа, на аллее, возле той чудовищной железной конструкции – символа города Парижа, – поморщился Кирриэль, указывая пальцем в сторону Елисейских Полей и Эйфелевой башни. – Если победишь, то обещаю – дом Мираэн оставит этих ничтожеств Крайэнов в покое.

– Подтвердишь кровью? – с нажимом потребовал святой отец, глядя Кирриэлю в глаза.

Тот хотел возмутиться, но, напоровшись на тяжелый взгляд священника, передумал и молча полоснул себя мечом по ладони. Несколько тяжелых темных капель упали на горячие камни.

– Ae na saldana ra – договор скреплен кровью, – сухо бросил он. – Мое слово нерушимо!

Светлейший князь Высокого дома Эрик ди Таэ безгласно разглядывал несколько глубоких ям, омерзительно изуродовавших пожухший кладбищенский дерн. Не виси его светлость в полуметре над землей, наверное, и ноги бы поджал из безгласности. Впрочем, представитель Высокого дома боролся с этим желанием и сейчас. Виктор присел на корточки возле одной из ям и заглянул внутрь. Оборотничка смешно зажала нос, стараясь не вдыхать разлитый в воздухе запах тлена.

– Не нравится мне все это, – после некоторой задумчивости изрек князь ди Таэ.

– Вы в этом не одиноки, – саркастически фыркнул Виктор, поднимаясь на ноги.

– Да, но в отличие от вас я знаю, что мне не нравится, – философски вздохнул Эрик. – На этом кладбище не хоронят уже больше ста лет. Оно почти сровнялось с землей. Но я с уверенностью могу сказать, что все эти могилы свежие и мертвецы в них лежали не более десяти дней. А вот тем костям, что под ними, не меньше века. – Маг задумчиво переплел пальцы перед лицом.

– При чем здесь старые кости? – недоуменно вскинула бровь менестрелька. Ей становилось дурно от одного воспоминания о вчерашней драке.

– При том, что гуль из покойника может получиться только в двух случаях, – качнул головой целитель. – Если хоронят на обочине или на чужих костях.

– То есть кто-то намеренно похоронил этих несчастных на старом погосте?

– Да, но...

– Но? – не поняла оборотничка.

– Но гули не возникают за десять дней! – раздраженно огрызнулся Эрик. – Для полной трансформации необходимо около трех недель!

– И что, по-твоему, до этого они лежали где-то еще? Князь, ты бредишь! – убежденно заявил байкер.

– Они не просто лежали. Их еще и накачивали какой-то специальной дрянью, ускоряющей перерождение: на стенках ям остались маслянистые следы. А это уже даже не некромантия. Это хуже... – С этими словами князь ди Таэ вынул из кармана пакетик из вощенной бумаги и, надорвав край, высыпал себе в горсть немного светлого порошка. Подбросил в воздух. Порошок, повисев эфемерным облачком, растянулся в клин.

– Вы составите мне компанию? – невесело поинтересовался Эрик. – Понимаю, не в круиз по морю приглашаю, но хочу выяснить, откуда сюда попала эта пакость.

– Можно подумать, у нас есть выбор, – буркнула Радислава, передергивая плечами. – Мы с вами, князь...

Очень скоро путеводная взвесь вывела их за пределы кладбища. В нескольких метрах от живой изгороди, отделяющей погост от мира живых, возвышался обшарпанный сарай, где некогда стояли повозки с катафалками и хранился необходимый могильный инвентарь.

– Скобы на двери старые, а замок только что от масла не блестит, – заметил Виктор, оценивающе взвешивая его на ладони.

– Вот то-то и оно, – согласно хмыкнул целитель, проводя пальцем по толстой дужке и вынимая из скоб раскрывшийся замок. – Прошу...

Радислава, и так всю дорогу плетшаяся нога за ногу, вцепилась в байкера, пытаясь оттащить его подальше от ворот. Верхняя губа оборотнички непроизвольно вздернулась, и менестрель глухо заворчала.

– Здесь и так везде пахнет смертью, а оттуда ею просто разит! – прорычала она, даже не постаравшись вернуть тронутое изменением горло в изначальное состояние.

– А вот это уже интересно! – Зеленые глаза князя ди Таэ вспыхнули недюжинным интересом, и он осторожно потянул дверную створку на себя.

– Всегда считала, что сумасшествие заразно! – проворчала оборотничка. – А маги – основные его разносчики.

Эрик лишь одобрительно хмыкнул в ответ и протиснулся внутрь, жестом приглашая за собой:

– Не беспокойтесь, ибо, как правильно заметила госпожа Радислава, живых там нет.

Внутри сарай оказался невелик. Но обставлен был, что называется, простенько и со вкусом: несколько прозекторских столов, пара стоек для инструментов, колбы, пробирки, реторты, резервуары с какой-то дурно пахнущей жидкостью. А больше всего мага привлекли огромные стеклянные боксы, точнее, их содержимое.

– Она медленно плавает в формалине, несовершенство ее линий проявляется постепенно... – мелодично пробормотал князь себе под нос, рассматривая женское тело в боксе.

– Фу, дрянь какая! – Радислава скосилась на бокс и поспешно уткнулась Виктору в плечо.

– Я, конечно, не Рид, но у меня тоже есть предел восприятия, – выдавил изрядно побледневший оружейник.

А Эрик увлеченно продолжал разглядывать тела в боксах. Некоторые из них еще сохранили человеческий вид, а некоторые...

– Святые тормоза, что это за адский инкубатор? – хрипло спросил байкер.

– Похоже, все подопытные тела подготавливают здесь, а «дозревают» они уже в земле, – поморщился целитель, отводя кресло от боксов. – И, похоже, используют для этого тот же самый состав, который и на «Керепеши» перед пляской смерти, а...

– В стороны! – вдруг предупреждающе вскрикнула Радислава, подавая остальным пример.

Все трое бросились врассыпную, а между ними шлепнулось нечто смердящее, со светящимися в сумраке глазами.

– Ух ты! Сторожевой гуль! – удивленно воскликнул Эрик, спуская на тварь огненный сгусток.

Огонь стек по морде чудовища, почти не причинив вреда. Гуль ошалело замотал головой – огненные капли полетели в разные стороны. Несколько колб запылало.

– Радислава, помощи, нужен один удар! – крикнул маг, вновь швыряя в гуля огнем.

Тварь запылала, словно факел, и бестолково заметалась по помещению, круша и поджигая все вокруг. Один из резервуаров лопнул, и помещение наполнилось удушливым дымом. Оборотничка застыла столбом, не в силах пошевелиться, и с ужасом смотрела на расплзающееся пламя. Пылающий гуль рванулся к ней. Виктор, вовремя поняв, в чем дело, сгреб менестрельку в охапку и кинулся к магу.

– К черту гуля! Драпаем отсюда! – рявкнул он.

– ...! – выругался Эрик, швыряя в тварь очередную порцию огня, и раскрыл портал.

Телепорт хлопком сомкнулся за их спинами, выплюнув в каком-то пыльном, захлабленном помещении...

Князь ди Таэ заковыристо помянул гуля по матушке: при перемещении целителя вышвырнуло из кресла, и теперь он лежал на груди какого-то угловатого хлама. Где-то рядом возились Виктор и Радислава. Оборотничка истерически всхлипывала.

– Князь? – окликнул Эрика байкер. – Кресло я вижу, а вы где?

– Здесь! – буркнул маг, пытаясь перевернуться на живот. Наконец ему это удалось. – А, черт! Похоже, я чем-то распорол спину!

– Посветите, я гляну, что случилось с вашей спиной. – Виктор присел возле мага на корточки. Через секунду в воздухе завис световой пульсар.

– У меня для вас две новости, господин колдун, – вздохнул байкер. – Паршивая и паршивей не бывает. С какой прикажете начинать?

– Без разницы.

– На вашей лопатке глубокая рана, почти до кости, надо зашивать.

– Это паршивей не бывает? – скривился маг.

– Нет, это паршивая. А паршивей не бывает состоит в том, что зашивать вас, похоже, придется мне. В антисанитарных условиях... э-э-э... Кстати, где мы находимся?

– В подвале особняка ди Таэ, – иронично хмыкнул Эрик. – Поэтому просто помогите мне встать и напомните потом, чтобы я завел домового. Может, хоть тогда отсюда исчезнет этот хлам!

Костлявый силуэт железной мадам Эйфель причудливо выделялся на фоне сумеречного неба Парижа. Отцы города, поразмыслив некоторое время, здраво решили, что раз уж сие творение уважаемого архитектора, несмотря на катаклизмы, до сих пор не рухнуло, значит, простоят еще лет двести. А так как оно малость проржавело, то посредством ремонта башню вновь подправят, откроют для посетителей и вернут городу еще один источник дохода.

Поэтому сейчас у опор стояли сварочные аппараты, кислородные баллоны, бочки с маслом для гидравлики – все это на днях предстояло поднимать наверх, дабы начать столь желанные восстановительные работы.

Рид неспешно прошелся между опорами башни. Проверил, легко ли выходит из ножен катана, и вступил на обсаженную кустами рододендрона аллею...

– Предпочел замарать ноги? – саркастически донеслось сверху. – Впрочем, ничего другого я от Крайэна и не ожидал.

Рид поднял голову. Кирриэль, распахнув крылья, небрежно балансировал на одной из балок.

– Нет, решил побереечь крылья, – огрызнулся священник, легко взмывая в воздух и оказываясь напротив Мираэна.

Кирриэль ударил первым, но Рид ловко скользнул в сторону, уходя от выпада. Затем противники обменялись еще несколькими ударами, перепархивая с уровня на уровень. Рид нагнулся вперед, будто потеряв равновесие, и толкнул противника крылом в грудь. От неожиданности тот отшатнулся и кувырком полетел с перил. С горем пополам превратив падение в неуклюжий пируэт, глава Мираэнов завис неподалеку, ругаясь сквозь зубы. Рид спикировал к нему. Удар, еще удар... Кирриэль рванулся вверх, стремясь уйти от бешеного натиска капитана Священной стражи. Секунда, и вот уже Риду пришлось выписывать мертвые петли, уходя от атаки. И снова вверх... Архонты сплелись в шипящий клубок. Ниакрис сцепился гардой с цубой катаны.

А потом поединщики вдруг камнем рухнули вниз. В последний момент Риду удалось вырваться из захвата, оттолкнув от себя Кирриэля и с оттяжкой полоснув того по груди. Глава Мираэнов на секунду потерял ориентацию и спиной влетел в груды кислородных баллонов. Клинок ниакриса вспорол один из них, и тот со скоростью реактивной ракеты врезался в бочку с маслом... Гулко бухнуло, и правая опора башни утонула в огне. Творение Эйфеля содрогнулось. Взрывной волной Рида швырнуло на спину и протащило по земле...

Бабах! Еще один баллон столкнулся с бочками. Раздался глухой скрежет. Башня вздрогнула, накренилась и начала медленно заваливаться на аллею. Землю тряхнуло, и едва поднявшегося архонта вновь сбilo с ног. Рид, пошатываясь, поднялся, утирая идущую носом кровь. Отрешенно провел рукой по груди, ощупывая изодранную рубашку, – оказывается, Кирриэль задел его, и не раз. Рубашка успела изрядно пропитаться кровью из порезов.

Аллея озарялась сполохами огня. Башня, похожая на скелет диковинного существа, лежала на земле, страдальчески задрав покореженные опоры. Первыми до архонта добежали Лисса и Жози. Андрогин мгновенно накинута на священника с упреками.

– Ты варвар! – вывел архонта из столбняка пронзительный голосок Жози. – Ради того, чтобы наступать по котелку этому выскочке, сгубил символ романтики!

– Никогда не понимал, что такого романтического люди находят в груди металлолома, – озадаченно пробормотал священник, наблюдая, как их обступают архонты обоих кланов.

– Лорд Риддаэль, – Рид так и не смог определить, представитель которой из семей к нему обратился, – условия договора соблюдены. Хотите что-то добавить?

– Идите к черту, – устало отмахнулся архонт и побрел прочь, поддерживаемый с двух сторон Жози и Лиссой...

Княжна Высокого дома Анна ди Таэ нервно мерila шагами кабинет госпожи кардинала, сжимая в руке только что вскрытый свиток. Сургучная печать с выдавленным гербом дома ди Амбер все еще болталась на веревочке. Сидящая в кресле Злата слегка обескураженно следила за обычно спокойной, уравновешенной магичкой, не терявшей самообладания перед лицом куда большей опасности, чем странное письмо.

– Это предложение мира, – соизволила наконец-то пояснить ситуацию Анна хриплым от волнения голосом. – Ди Амберы предлагают дому ди Таэ мировую. – Княжна обессиленно упала в другое кресло.

– А разве подобное предложение адресуется не главе дома? – с легким оттенком недовольства осведомилась госпожа Пшертневская.

– Оно и было ему адресовано, – криво усмехнулась Анна. – Но, как говорится, любопытство кошку сгубило. Впрочем, послания от ди Амберов касаются всего нашего дома.

– Ну и что в этом свитке такого страшного? По-моему, предложению мира нужно радоваться.

– Да, только если это предложение не от герцога ди Амбер. На, прочти! – Княжна фактически швырнула свиток на стол. – Обхохочешься от радости!

Злата углубилась в изучение злосчастного письма. Тонкие темные брови сошлись к переносице. Госпожа кардинал озадаченно потерла лоб.

– Герцог ди Амбер просит у Эрика твоей руки? – недоверчиво переспросила она. – Но разве среди магических родов практикуется традиция договорных браков?

– Практикуется, особенно если это поможет сохранить дом или какие-то уникальные способности. В частности, мир между враждующими домами довольно часто заключался посредством брака... лет триста назад, – саркастически ответила Анна. – А когда в таком браке между партнерами возникала связь, это считалось большой удачей. Если нет, то после рождения ребенка женщина спокойно могла идти на все четыре стороны и устраивать свою личную жизнь как ей заблагорассудится.

– Но ты же прекрасно знаешь, что Эрик никогда на подобное не согласится! – воскликнула Злата.

– Если от этого будет зависеть твоя жизнь и жизнь ваших возможных наследников, то еще как согласится. – Голос княжны был спокоен. – Правда, со всеми возможными и невозможными оговорками, чтобы максимально обезопасить меня. Но, боюсь, здесь у нас безвыходное положение... После того как Эрик даст согласие на брак, я вряд ли перенесу даже первый год совместной жизни с ди Амбером. А обвинить брата в моей смерти герцог как-нибудь да сумеет и объявит ди Таэ войну на уничтожение. – Анна задумчиво постукивала пальцами по столешнице. – А если Эрик откажет ди Амберу, то начнется открытое противостояние домов. Результат ты себе представляешь?

– Стоп-стоп-стоп, – перебила ее госпожа кардинал. – А как же Хьюго? Он твой избранник, связь между вами полноценна и...

– И что? – Анна устало провела ладонью по лицу. – Вот если бы мы были помолвлены, тогда можно попробовать вывернуться, а так... – Девушка махнула рукой. – Правда, это бы ничего не изменило... Заявить, что я обручена с последним магом из дома-изгоя, – означает подписать всем нам смертный приговор. Но если бы Хьюго только решился просить моей руки, если бы решился... хотя бы на день раньше прихода этого проклятого письма! – Чародейка отвернулась в сторону, чтобы Злата не смогла разглядеть ее лицо.

– Успокойся. – Госпожа Пшертневская уже принялась анализировать ситуацию. – Сколько у нас времени на раздумья?

– Месяц. – Анне наконец-то удалось взять себя в руки.

– Да за такое время можно мировой заговор разработать и в исполнение привести, не то что обвести вокруг пальца этого женишка! – хмыкнула госпожа кардинал, снимая трубку с запищавшего телефона. – Да? Да, это кардинал Пшертневская. Где, когда? Нет-нет, мы постараемся все уладить...

– Что? – одними губами спросила чародейка, глядя на перекосившееся лицо Златы.

– Башня, – хмуро откликнулась та, кладя трубку на рычаг.

– Какая башня?

– Эйфелева! – Пшертневская изо всех сил старалась сдержаться, но губы все равно расплзались в улыбке, а через секунду она уже откровенно хохотала, утирая слезившиеся глаза. – Они уронили Эйфелеву башню! О господи! Неуклюжий священник, худосочный андрогин и хрупкая девушка завалили эту железную дуру! – давась смехом, пояснила она. – Представляешь?

Анна вдруг поднялась и, резко распахнув дверь, выглянула в приемную. Дверь, ведущая в коридор, едва успела закрыться.

– Хм... – растерянно пробормотала магичка.

– Ты что? – встрепелась Пшертневская.

– Похоже, нас подслушивали, – озадаченно произнесла княжна. – Жаль, я не Радислава, на расстоянии не чую.

– Надеюсь, это были не подчиненные брата Юлиана. – Злата откинула со лба прядь волос. – А то с ними итак проблем хватает.

– Я бы надеялась на противоположное, – вздохнула чародейка, вспоминая об уникальной способности Хьюго постоянно оказываться не в то время и не в том месте...

Глава 2

Хьюго де Крайто торопливо бежал по коридору, удаляясь от злополучной двери... Да, он намеревался зайти к госпоже кардиналу, разыскивая Анну, но теперь это намерение уже не имело никакого значения. Мир вокруг него рушился вновь, и виновником этому стал он сам. Его нерешительность, его страх все испортить и сделать что-то не так вновь привели к тому, что жизнь Анны оказалась в опасности. Но, может, еще есть шанс все исправить? Или... «Заявить, что я обручена с последним магом из дома-изгоя, означает подписать всем нам смертный приговор...» – вспомнилась ему случайно подслушанная фраза. Получается, теперь ему придется отказаться от своей любви, от своего счастья, доставшегося так дорого?! Нет, никогда! Хьюго в ярости сжал кулаки.

«Никогда не выбирай из двух зол, – де Крайто на секунду показалось, будто он слышит голос княжны, – всегда есть третий выход». Мысли роились, жгли изнутри, принимая странную форму стиха-молитвы:

Храни огонь своей любви,
Не дай потухнуть в дни ненастья,
Клянись не словом, на крови,
И вслух открыто объяви:
«Я не предаю мгновенья счастья!»

Пусть года, как снег, кружат
И наши кудри присыпают,
Нас беды не подсторожат,
Невозмутимость ровных дат
На дух безумств не променяют.

Но если вдруг случится так,
Что мы с тобою разлучимся,
То обещай: ни лжи, ни вранья,
Ни риска враз попасть впросак
В разлуке мы не убоимся.

Коль слух домчится: «Разлюбил!» —
Не допускай сомненья в душу,
Ведь Бога я о нас просил,
Одной тобой дышал и жил,
Отринув небо, море, сушу.

А если весть дойдет: «Погиб!» —
Ты не впадай в тоску-кручину,

Легко судьбы спрямить изгиб
И заглушить предсмертный хрип,
Но нелегко убить мужчину.

Пока любовь во мне жива,
Живу и я назло препонам,
Любовь всегда во всем права —
Не мстит за дерзкие слова,
Не склонна к лести и к поклонам.

Храни огонь своей любви,
Но не лелей зазря гордыню,
Любовь впустую не хвали
И пуще жизни береги,
Как величайшую святыню...

От неожиданности он запнулся и налетел на монаха-иезуита, несшего небольшой коробок. Пробормотав невнятные извинения, тот двинулся дальше, а Хьюго раздраженно уставился на темное маслянистое пятно, расплзающееся по рубашке... Отчего-то юноше враз стало плохо. Воздух с трудом проталкивался в легкие. Перед глазами поплыло. Как там говорил князь? Аллергия на магию?.. Де Крайто непослушными пальцами принялся стаскивать с себя рубашку.

«Кажется, успел», — подумал он, отшвыривая от себя испорченную одежду и сползая по стене на пол...

— ...Анна, согните-ка ему руку, — будто сквозь вату, долетело до Хьюго.

Де Крайто с трудом разлепил глаза. Он лежал на диване в приемной кардинала Пшертневской, голова покоилась на коленях Анны ди Таэ. Профессор деловито наполнял шприц из ампулы. На столе лежал использованный автоинъектор с пустым баллончиком, а точнее, уже без адреналина.

— Что случилось? — сипло пробормотал Хьюго. Дышать было уже не так трудно.

— Анафилактический шок, — откликнулся Профессор, вкалывая во вторую руку де Крайто наполненный шприц.

Хьюго поморщился.

— А вот на что именно, это нам еще предстоит выяснить. — В приемную вышла Злата Пшертневская. — Думаю, пятна на вашей рубашке нам в этом помогут. К тому же Эрик рассказал мне, как они с Радиславой и Виктором нашли на кладбище один интересный состав... Надо бы сравнить.

Нежданные визиты необычных личностей всегда заставляют нас задуматься. Святой отец рассеянно поправил уползшие на кончик носа очки, разглядывая сидящую в кресле Кьяру. Архонтесса выглядела усталой, но уже успела сменить одежду, смыть пыль и обработать ссадины, полученные в сражении с Мираэном.

— Мхм, — невнятно кашлянул Рид. — И чем же такой ничтожный изгой, как я, заслужил визит достойной legi дома Крайэн? — Нотки озадаченности в голосе священника перемешались с грустной иронией. — Вроде бы победителей не судят...

Кьяра пристально смотрела на него. В усталых, окруженных сеточкой морщинок глазах Рида уже ничего не осталось от недавнего пронзительного взгляда того крылатого лорда, который вышел на смертельный поединок. Вышел ради чести и жизни своей семьи! Нет, ныне она видела лишь добродушные, чуть рассеянные человеческие глаза, с оттенком удивления взиравшие на посетительницу. На секунду Кьяре показалось, будто она зря к нему пришла...

— Семья Крайэн безмерно благодарна за то, что ты встал на нашу защиту, —

дрогнувшим от признательности голосом произнесла она, нервно переплетя пальцы.

– Всего лишь искупление вины, – спокойно откликнулся Рид, стараясь не показывать волнения.

– Далларэль возглавлял наш клан более полутора лет... – Архонтесса лихорадочно перебирала тонкими пальцами по подлокотнику. – А несколько дней назад, когда он погиб... В общем, вчера ночью состоялся совет клана... Мы... мы просим тебя возглавить дом, – выдохнула Къяра.

– Э? – От неожиданности Рид едва успел подхватить слетевшие очки. – А ты не находишь, что это... э-э... несколько нелогично? Сначала попытаться убить меня, после обвинить в предательстве, а теперь предложить возглавить клан? Мне это не нужно, Къяра. Я мастер знаний и никогда не стремился к власти. Поэтому извини, спасибо, но нет.

– Да, я понимаю, в тебе нет стремления к власти, но ты лучший, Рид! Неужели ты не хочешь вернуться в семью?

– Когда-то хотел. – Архонт отвернулся к окну. – А сейчас... У нас разные дороги.

– Ты снова выбираешь людей! – с оттенком осуждения ахнула женщина.

– А вы? Вы ведь тоже помогали жителям Парижа, – с упреком вздохнул Рид.

– Это было на руку семье! – Къяра сорвалась на крик.

– Мне мой выбор тоже на руку. – В голосе архонта зазвенела сталь.

Понимая, что разговор окончен, архонтесса поднялась и неспешно прошла к двери.

– В этот раз ты стал изгоем добровольно, – с горечью констатировала она.

– Я давно им стал. – Плечи священника поникли. – Позволишь вопрос напоследок? Кириэль искал карту, а вы ведь наверняка знаете, где она находится сейчас...

Глаза Къяры сверкнули неприкрытой яростью, но Рид продолжил, не дав ей сказать:

– Къяра, учти, Карту великих сражений разыскивает не только дом Мираэн, есть и другие охотники. Одну часть они уже нашли, до двух им не дотянуться, но это не значит, что они не попытаются. Где вы спрятали части карты?

Архонтесса затравленно взглянула на священника, в ее глазах страх переплелся с желанием избавиться от многолетнего груза.

– Карта не должна вновь появиться в мире! – вскрикнула женщина. – Она погубила нас и способна натворить много зла, попав в недостойные руки!

– Тайники нужно сменить, ибо за картой идет охота... Обещаю, ее пребывание останется в секрете, но мне нужно знать, где вы спрятали ее. – Рид умоляюще смотрел на Къяру.

– Ладно, – тяжело вздохнула она. – Но предупреждаю, не жди от меня многого, ведь каждый из нас знал только о той части, которую прятал сам, и лишь Далларэль знал обо всех. – Архонтесса подхватила валявшийся на кровати блокнот и черкнула карандашом несколько слов. А затем отдала записку Риду и вышла прочь, чуть не столкнувшись в дверях с Лиссой и Жози.

Рид глядел то на дверь, то на своих друзей, не зная, что сказать. Мысли сумбурно крутились в голове.

– Я же говорил! – довольно провозгласил андрогин. – Теперь ты должна мне десять су! – Его тонкий палец требовательно уперся Лиссе в грудь.

– Рид, вы не одолжите мне десять су? У меня нет мелочи, чтобы отдать этому вымогателю. – Лисса дернула священника за рукав.

– Что? Какие десять су? Что здесь вообще происходит? – тщетно пытался разобраться в ситуации достойный святой отец.

– Мы поспорили, – спокойно пояснила девушка, – на десять монет. Жози говорил, вы откажетесь от предложения Къяры, а я думала, что согласитесь. И вот теперь я должна этому хитрюге десять су...

Тут Рид не выдержал и расхохотался. Честное слово, он ожидал от этих двоих чего угодно, но все равно сильно недооценивал их оптимизм и ребячество!

– Ладно, спасибо, повеселили! – Священник утер слезящиеся глаза. – Собирайтесь, ведь

нам еще предстоит улаживать все возникшие проблемы с местными властями, а поезд отходит в два пополудни.

Рид машинально взглянул на переданный Къярой блокнот. На странице затейливой вязью архэ переплетались две строчки: «Будапешт, дом с горгульями». Архонт озабоченно кашлянул, и неугомонные очки тут же устремились к кончику носа. Интересно, и сколько же в Будапеште наберется домов с горгульями?

Госпожа Ингерда ди Эроен неспешно шла по ночным улицам Вены, наслаждаясь чистым осенним воздухом. Тонкие шпильки звонко постукивали по камням. Конечно, по выходу из театра можно было запросто нанять экипаж, но досточтимая госпожа демонолог предпочла прогуляться, наслаждаясь покоем и тишиной ночных улиц. Ее совершенно не пугали возможные встречи с личностями криминального толка, она и сама кому угодно неприятности организует. Ди Эроен мечтательно прикрыла глаза.

Кстати, о неприятностях... Ингерда прокручивала в голове недавний разговор с мужем. Похоже, доблестный специальный отдел, по мнению демолога столь некстати восстановленный патриархом, снова сунул нос в какие-то темные делишки, на сей раз ордена иезуитов. От вежливо предложенной помощи Вилдар Криэ бурно отказался, потребовав с Ингерды клятвенное обещание, что она ни под каким видом не станет ввязываться в работу отдела. Госпожа ди Эроен лишь пожала плечами – не надо так не надо, и вообще, она уже присмотрела неплохой особнячок на Территории древних... И как только любимый супруг все-таки выйдет в отставку, они наконец-то заживут нормальной жизнью, оставив за бортом всех демонов, иезуитов и инквизиторов. Правда, на данное заявление Вилдар лишь хмыкнул нечто невнятное, что госпожа демонолог все же решила расценивать скорее как положительный, нежели отрицательный ответ. А пока супруг во благо добра и справедливости расследовал иезуитские хитросплетения, госпожа демонолог решила в кои-то веки посвятить вечер себе любимой, оставив сынишку на попечение старой троллихи-экономки. Ведь ей действительно чрезвычайно редко выпадают мгновения блаженного ничегонеделанья, а с проблемами мужа она непременно разберется, но не сейчас, а чуть позже. В конце концов, только женщины умеют сиять, как звезды, расцветать, как розы, и при этом пахать, как лошади. В общем, одна ловкость рук и никакого мошенничества.

Часы на ратуше гулко пробили три пополудни. Мелодично напевая вполголоса и размахивая бисерной сумочкой, Ингерда бойко шла по мостовой, направляясь домой.

Внезапно яркое сияние, полыхнувшее из мостовой, едва не сбило женщину с ног. Госпожа ди Эроен взвизгнула, отшатнулась и, ломая шпильки, чуть не сверзилась на камни, будучи вовремя подхвачена чьей-то могучей рукой...

– Осторожней, о грациозная! – знакомо прошелестело над ухом. – Вы, люди, такие хрупкие...

– Тэраз? – Ингерда недоуменно взмахнула ресницами, узнав своего подручного демона, и едва удержалась от сочного комментария в его адрес. – Что ты здесь делаешь? Я тебя не призывала... – сердито закончила госпожа демонолог. От хорошего настроения не осталось и следа.

– Сам пришел! – довольно осклабился необычный кавалер. – Предупредить, предостеречь.

– О чем? – еще больше изумилась женщина. – О том, что Вилдар задержится в Будапеште дольше обещанного?

– И об этом тоже, о грациозная, – согласно улыбнулся Тэраз, отдавая должное ее чувству юмора. – Но еще о живых, о мертвых и о том, что первые делают со вторыми... Мой дом взбаламучен из-за ваших выходок. Еще немного, и все выплеснется через край...

– Только этого не хватало! – раздраженно вскрикнула госпожа ди Эроен, понимая, что в подобных вопросах Тэраз никогда не ошибается. – Значит, нужно сообщить правительству, поднимать регулярную армию, точить колья и объявлять священную войну!.. – с патетическим сарказмом закончила она.

Демон скептически фыркнул.

– Ну почему как пакостить – так все вместе, а как пинки раздавать – так я? – возмутилась демонолог, напрочь забывая свои недавние выводы, касающиеся выдающихся женских способностей. – Один в поле не воин! Мне такие подвиги не под силу!

– Да? – наигранно удивился Тэраз, прекрасно знающий, что при желании и определенном вдохновении его обожаемая «грациозная» может и пекло заморозить, а чертей заставить дружным хором исполнять «Аве Мария».

– Намекаешь, что сына я родила, дом уже есть, завтра лопату куплю, дерево посажу – и все, я мужик?! – почти обиделась Ингерда. – А еще от подвигов портится маникюр и секутся волосы!

– Идем! – Прервав возмущенные излияния, Тэраз схватил женщину за руку и поволок за собой. – Это нужно видеть!

Полыхнуло окно раскрытого портала, госпожу ди Эроен ощутимо подбросило и обдало жаром энергетического всплеска, а затем она обнаружила, что стоит на расстилающейся над городом террасе, а прямо перед ней влажно поблескивают умытые ночным дождем черепичные крыши. Этот приятный оранжевый цвет старомодного кровельного покрытия ни с чем не спутаешь.

«Прага!» – поняла ди Эроен.

В быстром темпе они пересекли несколько скудно освещенных улиц и очутились на главной Староместской площади, украшенной помпезной чумной колонной – мрачно возвышающейся в самом ее центре. Почерневший от старости обелиск, возведенный в незапамятные времена и символизирующий избавление от пандемии бубонной чумы, на рубеже тринадцатого-четырнадцатого веков выкосившей половину населения Европы, угрюмо вздымался над землей. Венчала его статуя Богоматери, окруженная фигурами сподвижников, среди коих Ингерда сразу узнала святых Роха, Варвару и Себастьяна. Госпожа ди Эроен приблизилась к старинному постаменту и с удивлением обнаружила признаки недавней реставрации, явственно просматривающиеся на его поверхности. Серебристая аура чумного столба светила не совсем затянувшимися дырами. Демонолог приложила ладонь к одной из них и тут же отдернула пальцы, гадливо поморщившись.

– Ее недавно вскрывали, – уверенно констатировала Ингерда. – Но это не причина, а следствие. Кто-то неудачно побаловался с загробным миром. Сила, заложенная в колонну для защиты жителей от всяческих дурных хворей и напастей, прекрасно справилась с этой задачей, но при выбросе повредила памятник... Интересно, а местная церковь знает, что за некробардак творится у них под носом?

Поводив еще руками над постаментом, чародейка прикусила губу: среди прочих энергетических потоков пробивался некий едва заметный магический след. Очень древний след. Такой оставляют после себя старинные артефакты. Любопытство возобладало над осторожностью, и ди Эроен рискнула копнуть поглубже... Тонкую руку будто магнитом втянуло в черное пятно на ауре колонны... За свою смелость женщина тут же оказалась вознаграждена жутким приступом головной боли, ибо сочетание столь несочетаемых сил выглядело настолько противоестественным, настолько опасным, что она едва сдержала вопль ужаса. Чародейка ощутила, что в мир пришло нечто великое, ужасное и могущественное, способное не только облагодетельствовать людей, но и причинить огромное зло. А потому, какие бы злоумышленники ни повредили эту колонну и что бы они ни забрали оттуда, их нужно срочно остановить!

Наместник ордена иезуитов в Нейтральной зоне его благочестие брат Юлиан хмуро изучал содержимое помятой коробки с документами, которые он за несколько месяцев с момента переезда еще не удосужился пересмотреть. Сию халатность надлежало немедленно исправить, ибо часть документации непосредственно касалась событий последних дней. Это были полные отчеты о пражском эксперименте, увы, потерпевшем крах (чертова чумная колонна с ее магической защитой!), но отдавшем в руки ордена часть Карты великих

сражений. Брат Юлиан еще раз внимательно пересмотрел вынутую папку – в кипе бумаг не хватало одного листа. И все бы ничего, но по закону подлого бутерброда, стремящегося упасть маслом вниз, не хватало именно той страницы, где подробнее описывались выброс энергии из чумной колонны и соответственно последовавшая гибель экспериментальных особей. Хорошо если утерянная страница обнаружится где-нибудь в другой папке, уложенная туда кем-то из нерадивых братьев... Но если нет? А вдруг она исчезла уже здесь, в соборе Святого Матиаша? И тогда вероятность, что засекреченный документ угодил в руки спецотдела, достаточно велика...

«Не превращайся в параноика, брат! – мысленно одернул себя Юлиан, перекатывая между пальцами четки. – Если бы он угодил к Пшертневской, они бы уже подняли на уши весь синод и ты бы сейчас наслаждался совсем другими апартаментами. Дай бог, чтобы просто отдаленным монастырем инквизиции, а не пыточным подвалом церковного трибунала...»

Бесспорно, случаются в году такие неприятные дни, когда единственно возможным желанием остается потребность забиться в самый дальний угол, уткнуться в книжку и не являть себя миру по меньшей мере сутки. Для ее светлости княжны Анны ди Таэ одним из таких дней всегда становилось тридцать первое октября – канун Самайна. Именно в этот день потоки магических эманаций и сонмы сущностей, присутствующие в реальном мире, готовились уйти на покой до весны, а у княжны начинала нестерпимо болеть голова. Колдовали в этот день с оглядкой и осторожностью, что, однако, не помешало чародейке устроить своему ученику очередное практическое занятие...

Хьюго встряхнул руками, спуская вдоль земли искрящиеся нити энергии. Анна, ругаясь, развернула блокирующую пелену, спеша остановить пошедшее вразнос заклятие. Не успела – и на идеально подстриженном газоне образовалась глубокая кривая борозда, завершившаяся широкой воронкой на клумбе с хризантемами.

– Хьюго, да сконцентрируйся ты наконец! – раздраженно воскликнула княжна, понимая, что если так и дальше пойдет, то вскоре прекрасный сад при особняке ди Таэ канет в Лету, а на его месте останутся лишь воронки и обгоревшие деревья. И если обычно де Крайто худо-бедно себя контролировал, то сегодня день явно не задался с самого утра, грозя перерасти в столь же бестолковый вечер. Кстати, осознание сего прискорбного факта ничуть не способствовало улучшению и без того плохого самочувствия Анны...

Смущенный вполне справедливым внушением своей наставницы, горе-ученик честно попытался собраться и повторил заклинание. В этот раз княжна была наготове и блокировала вышедшую из-под контроля энергию почти сразу. Хьюго виновато опустил голову. Он честно пытался сконцентрироваться, но его мысли блуждали черт знает где, обретаясь очень далеко от тренировки в частности и от магии в целом. Кстати, он так и не узнал, что ответил князь Эрик на то злополучное письмо герцога ди Амбера и ответил ли вообще. А если бы не та судьбоносная случайность, де Крайто и вовсе не узнал бы о письме, ведь Анна так ему ничего и не сказала. Теперь он терзался извечным вопросом «что делать?». В настоящий момент ему на ум пришел единственный достойный ответ: «Нужно делать предложение руки и сердца». Однако решительность напрочь отказывала Хьюго, и он вновь погружался в душевные метания, направленные на поиск иных выходов. Какая уж тут концентрация?!

– О господи, да ты никак уснул?! – Княжна отрезвляюще пощелкала пальцами перед носом де Крайто. – Хьюго, что происходит? В последний месяц ты ходишь сам не свой, словно в воду опущенный, едва ли не шарахаешься от меня! Может, объяснишь наконец, что с тобой такое?

– Давай не сейчас, – вяло промямлил Хьюго, обескураженный активным напором чародейки. Он долго пытался вызвать ее на откровенный разговор, но все впустую. И вот теперь, когда Анна сама потребовала от него объяснений, вдруг смешался и постарался увильнуть. – Может, завтра на свежую голову...

Лицо чародейки передернулось от ярости. Перед ней вновь возник прежний де

Крайто – закомплексованный и зажатый. Стоило его припереть к стенке, он начинал мямлить и нести всякую раздражающую чушь.

– Нет уж, изволь объясниться сейчас! – Княжна демонстративно уперла руки в бока. – Давай выкладывай начистоту!

– Начистоту?! – Хьюго болезненно дернулся. – Зачем? Ты ведь предпочитаешь молчать!

– Что?! – возмущенно взвилась Анна, но ее несносный оппонент уже исчез в тускло полыхнувшем окне телепорта.

Княжна озадаченно потрясла головой и моргнула, избавляясь от радужных кругов перед глазами.

– Обидно, зато убедительно. Так и запишем – телепортацию мы освоили в полной мере... – пробормотала она, глядя на то место, где секунду назад стоял Хьюго, и все более утверждаясь в мысли, что в день прихода злополучного письма под дверями Златинового кабинета оказался именно де Крайто...

Радислава сидела на незаправленной кровати, подогнув под себя правую ногу, и перебирала струны, подбирая мелодию. Новая песня получалась немного грустной и весьма неоднозначной, совсем как нынешнее положение самой оборотнички:

Осень крылья расправляет,
Рассыпает самоцветы,
Паутина – как вопросы,
Листья – словно бы ответы.

Под ногой пожухли травы,
Росы блещут жемчугами,
Даже если мы неправы,
Что же завтра будет с нами?

Мы дорог не выбирали,
В пустоту шагая смело,
Это осень-мастерица
Перепутать все сумела...

Бум...

Красивый мелодичный перебор смешался в звенящую какофонию. Оборотничка раздраженно выдохнула сквозь неплотно стиснутые зубы и попробовала повторить прерванный проигрыш.

Бум...

Радислава вновь сбилась, отложила квиддеру и поднялась с кровати...

Виктор развернулся от верстака, на котором выправлял какую-то мелкую детальку от автомобильного карбюратора. Он частенько оставался работать в этой же комнатухе, когда Радислава принималась колдовать над квиддерой, подбирая новую мелодию. Оборотничка поначалу пыталась выдворить его вон, но потом привыкла и махнула рукой.

Бум...

– Человек! – взбешенно прорычала менестрелька, подкрадываясь к байкеру со спины. – Если я еще раз сойбюсь на этом же месте, то порву на клочки и тебя тоже... а не только того идиота, который последний час тяжело вздыхает под лестницей, а теперь еще и бьется об нее лбом!

– Я сейчас этим идиотом сам постучу о лестницу, – многообещающе проворчал Виктор, откладывая работу и направляясь к двери. Методичное глухое бумканье по дереву его тоже не вдохновляло...

Байкер вышел наружу и свесился через перила. Внизу, привалившись к стене у опорного столба, стоял Хьюго де Крайто. И колотил по толстому деревянному брусу не лбом, а всего лишь кулаком, из которого сейчас, морщась, выдергивал занозы.

– Ты еще головой постучи, – с проникновенной хрипотцой предложил Виктор. – Может, если лестницей приложит, что-то умное изобретешь, как Ньютон.

– Ньютону повезло, – буркнул Хьюго, хмуро глядя на байкера, – он любил не женщину, а физику! И, заметь, взаимно.

– Что, Анна мозги вскипятила? – иронично заломил бровь оружейник, спрыгивая через перила на землю.

В ответ де Крайто так на него взглянул, что Виктор понял: не только вскипятила, но и всыпала туда ложку красного перца, а после хорошенько взболтала. Ну как тут не пожалеть несчастного влюбленного?..

Хьюго уж было развернулся, чтобы уйти, но вместо этого вновь от души треснул кулаком по опоре. Сверху посыпалась труха, и парню пришлось поспешно ретироваться из-под лестницы. Виктор неодобрительно глядел на него, и поэтому де Крайто волей-неволей пришлось пуститься в пространные объяснения...

Выслушав путаные, маловразумительные речи, байкер хмуро поскреб небритый подбородок и тоскливо взглянул на Хьюго. Каким бы огромным ни оказалось искреннее желание послать заклятого коллегу куда подальше, оружейник сдержался: обычно надменный и самоуверенный де Крайто сейчас выглядел откровенно жалким.

– А ты с Эриком говорил? – сжалился над ним байкер.

Оценив испуганную гримасу, искажившую точеное лицо Хьюго, Виктор только покачал головой, в очередной раз поражаясь педагогической выдержке Профессора.

– А надо бы, – вынес он назидательный вердикт. – Поговорил бы с князем, взял бы Анну в оборот и не ныл бы под чужим гаражом.

Лицо де Крайто перекосилось еще больше и, окончательно растеряв остатки загара, приобрело цвет свежештукатуренной стены. Ярость, отчаяние, острое желание почесать кулаки о наглую небритую физиономию Виктора настолько явно отразились в угрожающе сузившихся глазах молодого мага, что байкер, криво усмехнувшись, ловко перехватил его за локоть и потащил в сторону церкви...

Глава 3

Хьюго шипел, дергался, цедил сквозь зубы какие-то ругательства, но вырваться из цепких пальцев оружейника так и не сумел. Виктор отпустил его, лишь когда они очутились в закутке, в последние месяцы служившем отделу медпунктом, а Эрику – рабочим местом. Затолкав парня внутрь, Виктор встал напротив двери, скрестив руки на груди и перекрыв де Крайто путь к отступлению. Князь, оторвавшись от своих записей, развернулся в сторону вновь прибывших и хмуро уставился на них исподлобья, словно вопрошая: «Что надо?»

Князь Высокого дома ди Таэ, так же как и его сестра, терпеть не мог канун Самайна: все валилось из рук, а организм охватывало паршивое лихорадочное состояние. В такие дни даже кофе, вместо того, чтобы бодрить, нагонял сон, а пиво валило с ног не хуже знаменитого тролльего горлодера. И вот, похоже, все окружающие князю на радость решили расстаться со здоровьем именно в этот день! В тот самый день, когда он вообще предпочел бы не вылезать из постели и в кои-то веки насладиться заботливой суетой других вокруг своей драгоценной персоны. Но о заботливой суете Эрику осталось только мечтать, ибо Реальность не преминула напомнить, что дама она суровая, на сей раз явив себя князю в виде парочки шальных коллег. Первый из них выглядел сердито-отчаянным, словно загнанный в угол пасюк; а второй – так, будто собирался сделать из князя соучастника в особо извращенном злодеянии. Впрочем, против извращенного соучастия Эрик ничего не имел, особенно в том случае, если объектом злодеяния выступит Хьюго де Крайто.

Посверлив сердитым взглядом сначала князя, а потом Виктора, Хьюго окончательно

убедился – деваться ему некуда.

– Князь, позвольте узнать, какой ответ вы дали герцогу ди Амберу? – поняв, что молчание как-то уж больно затянулось, выпалил де Крайто.

Светлые брови целителя недоуменно поползли вверх.

– Никакой, – пожал он плечами. – Я вообще не считаю, что должен отвечать на какие-то навешанные дурью писульки, именуйся их автор хоть трижды герцогом. Откуда вы, кстати, вообще узнали о полученном от ди Амбера письме? Насколько мне известно, Анна намеренно не стала посвящать вас в этот инцидент.

– Я... – Хьюго почувствовал, как его лицо наливается краской стыда, – случайно услышал... Анна и госпожа кардинал обсуждали письмо в день получения.

– Кто бы сомневался, – насмешливо фыркнул Эрик. – Ваше умение оказываться не в то время и не в том месте уже стало притчей во языцех. Анне вы, само собой, ничего не сказали, предпочтя терзаться происходящим в гордом одиночестве. Но в итоге не выдержали – и состоялся, как любит говорить Жози, бэль скандаль. Все правильно?

– Ну... э... почти. – Хьюго совсем скис. – Князь! – Де Крайто импульсивно подался вперед. – Эрик, что я могу сделать? Чем я могу помочь?! Я уже достаточно натворил глупостей, и если с Анной что-то случится, я себе этого не прощу...

– ...а покончите с собой через ритуальное хакакири, – мрачно пошутил князь ди Таэ. Казалось, все происходящее начинает его забавлять.

– Проси у князя руку его сестры, – давась смехом, громогласным хриплым шепотом «подсказал» стоявший сзади Виктор.

Хьюго пошел красными пятнами.

– Да нет, – Эриком вдруг овладело желание подурочиться, – одну руку – это слишком жестоко, тогда уж лучше обе... – Князь с удовольствием наблюдал, как глаза де Крайто лезут на лоб, а пятна смущенного румянца сменяются цельно-пунцовым окрасом. – Хотя нет, руки ей еще пригодятся, а то чем же она колдовать будет? – Целитель в деланой задумчивости нахмурил брови. – Знаете что, Хьюго, забирайте-ка ее всю, полным комплектом. И вам радость, и мне выгода – спихну наконец со своей шеи. Ну так как? По рукам? – Князь протянул де Крайто ладонь.

– А... мм... э... – Хьюго, подобно выброшенной на берег рыбе, то открывал, то закрывал рот, пытаясь понять, издеваются над ним или нет. – Я же вне закона... – с трудом выдавил он и вновь замолк, наткнувшись на взгляд Эрика.

Губы князя все еще кривились в насмешливой улыбке, но глаза обжигали ледяной серьезностью.

– Хьюго, мне все равно, в законе вы или вне его. Да вы вроде бы и не вор, а жених моей сестры. В декабре состоится очередной совет Высоких домов. – Маг откинулся на спинку кресла. – Дом ди Таэ с большой долей вероятности посетит его, и у меня хватит козырей в рукаве, чтобы восстановить дом де Крайто в исконных правах и припереть к стенке ди Амбера. А до декабря мы уж как-нибудь продержимся, правда? – Целитель улыбнулся и лукаво подмигнул впавшему в ступор юноше.

– Давай, парень, теперь твой ход! – Виктор подбадривающе хлопнул де Крайто по плечу. – Сделай княжне такое предложение, от которого она не сможет отказаться.

– Попробую, но, может, кто-нибудь из вас даст мне хоть парочку советов, как это делается? А, господа? – Хьюго уже немного пришел в себя, но голос его до сих пор звучал чуть растерянно.

– Советов? – Целитель с байкером обменялись хитрыми взглядами. – Конечно! Но только не здесь же... – Эрик предвкушающе почесал переносицу, ибо невнятное желание подурочиться сменилось куда более острой потребностью сделать милую гадость ближнему своему.

– Да, – в унисон поддержал его Виктор, подзуживаемый той же задумкой, – мало ли чьи лишние уши шляются под дверями. Если Анна узнает все заранее, то никакого сюрприза не получится.

– А обязательно должен присутствовать эффект сюрприза? – Хьюго копчиком почуял неладное, но отступать было некуда, ведь оружейник по-прежнему подпирает спиной дверь.

– А как же иначе! – Князь как-то чересчур довольно потер руки, предвкушая грядущую развлекуху, и двинул гравикресло вперед. – Женщины любят подарки и сюрпризы!

– Точно, святая правда! – Байкер открыл дверь и, подхватив невезучего женишка под локоть, выволок в коридор. Эрик тут же подцепил Хьюго под другой локоть. – Я тут знаю недалеко одно завлекательное местечко... Отсутствие лишних ушей, девочки, выпивка за счет заведения...

– Девочки или выпивка? – ехидно уточнил князь.

– Отсутствие ушей, – осклабился Виктор. – Для девочек сейчас слишком рано.

Де Крайто слабо трепыхнулся, пытаясь вырваться, но тщетно. Что ж, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Похоже, придется ему теперь отдуваться по полной программе...

Рид, выглянувший из кабинета на шум, в легком недоумении поправил уползшие на кончик носа очки и проводил странную тройцу взглядом. У архонта сложилось впечатление, что неугомонные коллеги задумали что-то неуставное, а Хьюго просто оказался не в то время и не в том месте. Впрочем, как обычно!

Негромко и не очень мелодично, и уж точно абсолютно не аристократично насвистывая себе под нос, ее светлость княжна Анна ди Таэ ритмично постукивала каблуками, приближаясь к святой святых – кабинету Златы Пшертневской. Свист, во-первых, помогал отвлечься от пульсирующей головной боли, а во-вторых – не думать о странной выходке Хьюго на тренировке. Приблизившись, Анна толкнула дверь плечом, даже не подумав вынуть руки из карманов брюк.

– Фьюи-ить... – ошеломленно присвистнула чародейка вместо приветствия, озадаченно наблюдая, как госпожа Пшертневская, по-плебейски опустившись на четвереньки, подметает пол ярко-алым подолом кардинальской формы. Вернее, пытается собрать разлетевшиеся по полу листки и упихать их обратно в расхлябанную картонную папку с растрепанными завязками. Именно последние, порвавшись в самый неподходящий момент, привели документацию в столь хаотичное состояние и заставили госпожу кардинала обратиться к тому разделу генетической памяти, в котором люди еще не были существами прямоходящими, а промышляли собирательством. Анна вздохнула, понимая, что ей тоже сейчас предстоит обратиться к тому же разделу, и опустила на колени рядом со Златой.

– О, Анна! Как же ты вовремя! – пропыхтела госпожа кардинал.

– Я бы предпочла опоздать, – фыркнула княжна, помогая ей собирать бумаги. – Что это такое? – Она подняла к свету желтоватый покоробившийся лист, испещренный кривоватыми буквами, местами расплывшимися от сырости.

– Досье, составленное влтавскими водяными, – туманно пояснила Злата.

– Кем-кем? – недоуменно уставилась на нее княжна ди Таэ.

– Коллективная жалоба, подкреплённая достоверными исследованиями и неопровержимыми доказательствами, – вздохнула госпожа Пшертневская, окончательно наплевав на приличия и усевшись на пятки. – Даже водяной из-под Карлова моста подписался, – склочная спесивая тварь! – а это что-нибудь да значит.

– Для меня это не значит ровным счетом ничего. – Княжна по-прежнему не понимала, из-за чего весь сыр-бор. – При чем здесь пражские водяные?

– Да они уже не в первый раз нам жалуются, дескать, церковники сливают во Влтаву какую-то дрянь! – раздраженно отмахнулась госпожа кардинал. – Писали сначала в пражское водное управление, после – в магистрат, но оттуда жалобу перенаправили в представительство святого синода. А те послали их в... болото, потребовав или предъявить доказательства, или же ответить за поклев.

– Всегда удивлялась склонности древних к бюрократии... – пробормотала Анна, понимая, что водяные не только собрали доказательства, но и постарались, чтобы в этот раз на их жалобы прореагировали оперативно и как положено.

– А кардинал Дэпле, расщедрившись напрячь свою прямую извилину, решил, что с этим делом не справится никто, кроме нас, – скривилась Пшертневская. – Но Профессор, как назло, именно сегодня внял требованиям университета и уехал на богословскую конференцию.

– А какое отношение... – неуверенно начала Анна.

– Так уехал-то он в Прагу! Утром! А документы пришли в полдень! – воскликнула Злата, в сердцах потрясая зажатými в руке бумагами.

Княжна тем временем снова нырнула под диван.

– Фтсь тше пр прху пчхи-и-и!!!

– Что? – не поняла госпожа кардинал, недоуменно глядя на распластавшуюся по полу Анну. Верхняя часть княжны находилась под диванчиком и бубнила. Нижняя же конвульсивно дергала ногами, обтянутыми узкими, щегольскими серыми брюками и обутыми в красивые сапожки.

Секунду спустя, давясь очередным чихом, девушка соизволила наконец явить себя миру полностью.

– Здесь тоже про Прагу, говорю! – Чародейка потрясала запыленным листом бумаги, фыркая, словно кошка. – На, сама удостоверься! – Она сунула свою находку начальнице.

– Сомневаюсь, что водяные знают латынь, – скептически произнесла Злата, рассмотрев бумагу. – Похоже, этот лист вообще не из досье.

– Хочешь сказать, это ты ведешь документацию на латыни? – удивленно заломила бровь Анна.

– Я – нет, но иезуиты ведут. Наверное, этот лист потерялся при переезде. – Госпожа кардинал сосредоточенно вчитывалась в документ, чуть шевеля губами, но вскоре отказалась от напрасных попыток нахрапом одолеть благородный язык. – Полный аблативус, как говаривал приснопамятный преподаватель латыни, силясь разобраться в моей контрольной работе. Каюсь, терпеть не могу латынь, никогда ее толком не знала, а сейчас еще и забыла, – удрученно покачала головой Злата, пытливо глядя на чародейку.

– Аналогично, – отмахнулась княжна. – Но Эрик знает. Да и Рид, я полагаю, тоже...

– Прекрасно, давай-ка их обоих сюда!

После нескольких безрезультатных попыток вызова Анна задумчиво уставилась на телефон: Эрик не отвечал, телепатически она тоже не смогла его дозваться... Но тут дверь в кабинет не совсем почтительно распахнулась, и на пороге возникла Радислава. Обратничка была мрачна, как на похоронах, и, судя по недобро сверкавшим глазам, очень хотела лично поучаствовать в процессе чьего-нибудь умерщвления, но не успела.

– Где этот несносный песий сын?! – не распыляясь на приветствия, хмуро поинтересовалась она.

«Похоже, предполагаемый покойник недавно сел в гробу, тяпнул стопку за собственный упокой и, поправив саван, ушел отмечать поминки, – машинально подумала Анна. – Наверняка Виктора сегодня ждет чудесный вечер...» Насколько она помнила, обратничка наделяла байкера разнообразными прозвищами, исключительно когда пребывала крепко не в духе.

Оценив направленные на нее вопросительные взгляды, Радислава соизволила объясниться:

– Час назад он вытащил из-под лестницы скулящего, словно потерявшийся щенок, мальчишку и поволок его к колдуну выяснять отношения. Твои отношения! – Тонкий палец менестрельки уткнулся Анне в грудь.

– Девочки, у меня прорезалось нехорошее предчувствие, – многозначительно протянула Анна.

– С чего бы это? – не поняла госпожа кардинал.

– Тебе напомнить, что обычно происходит, когда Эрик с Виктором начинают действовать в одной упряжке?

Злата отрицательно покачала головой, разом припомнив совместное раскуривание

конопли, Одессу, еще пару эпизодов помельче, и зябко передернула плечами...

Неожиданно в дверь деликатно постучали. Не дожидаясь «войдите!», в кабинет ввалился отец Рид. С размаху наткнувшись на три пары хищно вперившихся в него женских глаз, священник непроизвольно попятился, но сумел взять себя в руки и вновь переступил порог.

– Ну хоть вы на месте! – иронично хмыкнула госпожа Пшертневская.

– А где я еще, по-вашему, должен находиться? – с видом оскорбленной невинности возмутился архонт, не спеша уточняя, что вызов госпожи кардинала настиг его уже на пороге церкви.

– Не зна-аю, – с деланой задумчивостью протянула княжна. – Например, вы могли, подобно Виктору с Эриком, а то и вместе с ними, испариться в неизвестном направлении...

– Ах, вы об этом! – Рид рассеянно поскреб маковку. – Нет, полагаю, на сей раз наши достойные друзья посчитали, что я уже достаточно испорчен, и решили сбить с пути истинного юного де Крайто. Не заметил, чтобы Хьюго был от этого в восторге, по крайней мере мне так показалось. Но деваться ему, похоже, было некуда. Они ушли около часа назад... Куда – не знаю, – предвосхищая напрашивающийся вопрос, добавил архонт.

– Ладно, и на этом спасибо. – Похоже, Анна уже пришла к какому-то выводу. – Святой отец, вы тут пока займитесь с госпожой кардиналом латынью, а мы с Радиславой пойдем их... поищем. – И, не дожидаясь ответа, вытолкала оборотничку в коридор...

Заведение, столь любовно расписываемое Виктором «под хохлому», приютилось в каком-то глухом переулке. Скажи кому непосвященному, что это центр города, – ни за что не поверит! Но действительность распорядилась именно так. Впрочем, в то, что подобное заведение может располагаться почти под боком у церкви, тоже никто не верил. Однако же вот – существовало! И, судя по конвульсивно мигающей светодиодами вывеске, если не процветало, то уж точно не бедствовало. Называлось заведение весьма символично – «Вдали от жен».

Эрик с Виктором переглянулись и многозначительно хмыкнули. Вышибала, тоскливо подпиравший облезлый дверной косяк, нехотя от него отлепился и перегородил проход.

– Рановато развлекаться, – буркнул он.

– Мы по делу, – ухмыльнулся байкер. – Выпить.

Вышибала отодвинулся, позволяя посетителям пройти внутрь и объективно считая: по такому малозначительному делу, как выпить, эти трое могли бы прогуляться в какое-нибудь другое место. А теперь по их вине рабочий день раньше на два часа начался, хотя у хозяина сверхурочных не допросишься...

В зале царил интимный полумрак, а там, где свет все-таки достигал стен, проглядывала не то маскировочная, не то рыбацкая сеть, призванная скрывать отслоившуюся drankу. Засаленные, липкие от грязи и постоянно проливаемой клиентами выпивки, столы стояли полукругом возле подиума с шестом, сильно смахивавшим на водопроводную трубу, подобранную на ближайшей свалке, даже вентиль имелся. Возле шеста репетировала вечернее представление худая растрепанная девица, обряженная все в ту же маскировочную сетку. Лицо танцовщицы лучилось хроническим похмельем, а в такт музыке она попадала через два раза на третий. Похоже, ее саму изрядно мутило, и посему все корявые па и растяжки она проделывала единственно для того, чтобы дотягиваться до пивной бутылки, стоявшей на краю подиума. Две ее коллеги не осмелились рискнуть суставами и поправляли здоровье обычным образом, сидя под барной стойкой.

– Виктор, друг мой, вы этих имели в виду, когда говорили про девочек за счет заведения? – кривя губы в саркастической усмешке, осведомился Эрик, радуясь тому, что в отличие от коллег ему не придется садиться на местные стулья.

– Помилуйте, князь, я этих фей впервые вижу! Три года назад тут другие работали, – ухмыльнулся байкер.

Бармен меланхолично сливал в пузатую бутылку остатки вчерашней выпивки,

безбожно мешая дорогущее виски с каким-то пойлом, источавшим сногшибательные сивушные пары. Лениво взболтнув многокомпонентный коктейль, который посетители единодушно прозвали «Одноногим Джо», бармен глянул бутылку на просвет, остался доволен, бухнул ее обратно на стойку и лишь потом перевел взгляд на подошедшую к нему тройцу.

– Пиво светлое есть? – нависнув над стойкой, осведомился Виктор.

– А мне безалкогольного, – добавил Эрик, решив не искушать судьбу в канун Самайна.

– Могу предложить «Шопронский Крыс» темное, – безапелляционно заявил бармен, – другого нет.

– Крыс так крыс, хорошо хоть не козел, – кивнул Виктор. – А этому, – байкер цапнул Хьюго за рубашку и подтянул к стойке, – вон того. – Оружейник ткнул пальцем в бутылку с «Одноногим Джо». – Стакан до краев, для храбрости.

Де Крайто с нескрываемым отвращением уставился на разящий сивухой стакан. Чародей с оружейником, получив свое пиво, смотрели на Хьюго с видом ученых-вивисекторов, проводящих эксперимент века. Здравый смысл малодушно нашептывал юноше, что неплохо бы применить успешно освоенную телепортацию, но, проигнорировав ценный совет, де Крайто решительно взял стакан и, зажмурившись, разом влил в себя содержимое...

– Главное, чтобы там метилового спирта не было, – пробормотал Виктор, глядя, как перекашивается лицо Хьюго, а глаза норовят вылезти из орбит. – Говорят, от него слепнут.

– Да, этого Анна нам не простит, – согласно кивнул Эрик. – Эй, стой, нельзя! – Но перехватить едва пригубленный бокал с пивом не успел.

Стремясь избавиться от ощущения, будто он только что выпил стакан серной кислоты, Хьюго схватил стоявший рядом пивной бокал и сделал несколько больших глотков. Лишь после этого парень смог нормально вдохнуть и, тяжело дыша, оперся о стойку, силясь собрать в кучку разъезжающиеся глаза.

– Вот, молодец, хвалю. – Байкер опустил руку на плечо де Крайто. – Теперь и к Анне с предложением можно.

Хьюго честно пытался сконцентрировать разбежавшиеся мысли и овладеть непослушным языком, чтобы дать достойный ответ, но не преуспел в этом трудном занятии.

– Да, – согласился целитель, опасливо нюхая опустевший стакан, – если для храбрости было выпито это, то все остальное – просто милый пустячок...

Когда Анна с Радиславой приблизились к грязной обшарпанной двери под светодиодной вывеской, на город уже начинали опускаться ранние осенние сумерки.

– Там дерутся! – уверенно заявила оборотничка, хватая чародейку за рукав и оттаскивая от двери.

– Откуда ты зна...

Дверь резко распахнулась, оттуда ласточкой вылетел какой-то грязный субъект, источающий дивный аромат перегара, и стек по противоположной стене переулка на мостовую.

– Понятно, – констатировала Анна и вместе с менестрелькой отважно шагнула внутрь кабака.

В центре полутемного зала, сгрудившись на грязном пяточке подиума, Эрик и Виктор держали круговую оборону от полудюжины самого что ни на есть разбойного вида амбалов. Хьюго же, отчасти висевший на плече байкера, отчасти удерживаемый телекинетической петлей чародея, сосредоточился только на том, как бы ему устоять на ногах... Оружейник мельницей крутил перед собой выломанный из подиума шест, а целитель то и дело прикладывался к бутылке с «Одноногим Джо», при помощи огонька на пальцах изображая импровизированный огнемёт. Струя огня, методично срывавшаяся с его ладоней, худо-бедно сдерживала нападающих...

Княжна осуждающе покачала головой, оттеснила в сторону Радиславу, размяла пальцы

и резким движением стряхнула с них поток синих искорок. Дохнуло холодом, по залу, оставляя за собой инеистый след, прокатился колючий вихрь, заставив нападающих застыть в самых причудливых позах. Анна озадаченно воззрилась на свои пальцы, затем на созданные скульптуры – она-то всего лишь хотела парализовать здоровяков. Чертов Самайн!

От неожиданности Виктор едва не уронил тяжелый шест себе на ногу, а Эрик проглотил порцию «Одноногого Джо», заготовленную для очередного огненного плевка, и теперь судорожно глотал воздух обожженной гортанью. Телекинетическая петля, которой он удерживал де Крайто, ослабла, и юноша полностью повис на байкере, заставив его пошатнуться.

– Кто бы сомневался! – Анна размашисто прошествовала к подиуму и похлопала Хьюго по щекам. Но тот, закатив глаза, мешком висел на плече оружейника. – Что вы с ним сделали, изверги?

– В ходе научного эксперимента ни один же... хм, желторотый маг не пострадал! – хитро прищурившись, заявил Виктор.

– Ничего такого, что невозможно исправить, – чуть заплетающимся языком добавил князь. – Щаз портируемся домой, и я живо приведу его в порядок.

– Себя привести не забудь, – раздраженно рыкнула чародейка, накидывая на де Крайто еще один телекинетический захват и раскрывая портал. – Пошли.

Целитель поспешно сунул пузатую бутылку в руки Виктору и, пожав плечами, исчез в портале вслед за сестрой. Оружейник недоуменно взглянул на врученную тару, а затем на подругу, сверлящую его взглядом. Радислава яростно сжимала и разжимала кулаки. Виктор инстинктивно втянул голову в плечи, ожидая удара, но менестрелька развернулась на пятках и стремительно направилась прочь из кабака.

– Рада! Радислава! – Байкер рванулся вперед, спрыгивая с подиума, споткнулся о брошенный шест, чуть не упал, выбежал на улицу. – Рада! Подожди! Черт бы побрал этого де Крайто! Рада!

Ему удалось догнать оборотничку лишь у лестницы в комнату над гаражом. Радислава с деревянно-прямой спиной поднялась наверх.

– Рада... – Оружейник успел схватить ее за плечо.

– Я замерзла. – Она вывернулась из-под его руки и, переступив порог, закрыла за собой дверь.

– Рада! – Виктор дернул ручку двери – безрезультатно. Видно, оборотничка чем-то зафиксировала створку. – Пожалуйста, открой...

– А ты проветривайся! – глухо донеслось изнутри. – Разит, как от бочки с брагой!

Байкер еще несколько раз дернул дверь, даже, последовав дурному примеру Хьюго, треснулся об нее лбом, но все так же безуспешно. Поняв, что внутрь его пускать не собираются, оружейник со стоном выругался, душевно отхлебнул из отданной Эриком бутылки и в сердцах швырнул ее вниз. Стекло со звоном разлетелось о камни двора. Виктор спустился и, зло пиная подвернувшийся под берцы камень, побрел вниз по улице...

Рид, ссутулившись, сидел на диване и удрученно рассматривал разложенный перед ним шотландский костюм. Красно-зеленый килт, такой же плед, берет с помпоном, белая рубашка и гольфы с кисточками. При одном взгляде на это модельерское чудо архонтом овладевала беспросветная тоска, а о том, что ему придется сие надеть, он вообще старался не думать. Костюм вместе с приглашением на вечеринку в честь Дня Всех Святых два дня назад принесла Лисса. Отказать девушке архонт не мог, но втайне надеялся, что ему все же не придется превращаться в сурового шотландского горца. Лисса должна была зайти за ним с минуты на минуту, и Рид намеревался убедительно сослаться на нехватку времени для переодевания. К тому же он действительно попал домой позже, чем рассчитывал, помогая Злате с переводом. Так что, возможно, Лисса смилостивится и...

Размышления святого отца прервал требовательный звонок в дверь. Архонт, спотыкаясь, кинулся открывать, на ходу приглаживая растрепанные волосы. Но на пороге

вместо хрупкой девушки стоял небритый байкер, от которого явственно разило спиртным. На ногах сей визитер, однако, держался крепко, а его взгляд был относительно ясен, что, в общем-то, ничего не значило. Насколько Рид помнил, невосприимчивость Виктора к алкоголю граничила с чем-то поистине фантастическим. Не дожидаясь приглашения, оружейник нагло ввалился в прихожую и захлопнул за собой дверь.

– Меня выгнали, – хрипловато сообщил он. – Поэтому радуйся, я ночую у тебя, старик.

Архонт мысленно застонал. Несмотря на многолетнюю дружбу, сейчас благоухающий винными парами оружейник – последний человек, которого он хотел видеть. Друзья знают, когда не следует путаться под ногами. А лучшие друзья тем паче не припрутся к вам накануне романтического свидания и не потребуют немедля распить с ними бутылочку контрабандного саке. Вернее, мы ожидаем от лучших друзей именно такого понимания. Но на деле как раз этим вторые от первых и отличаются – полной беспардонностью. Рид с Виктором были лучшими друзьями, но архонт все-таки сделал вялую попытку перейти в первую категорию.

– А может, вы помиритесь и ты переночуешь дома? – неуверенно промямлил он. – Я... э-э... гостей жду.

– О, вот она черная неблагодарность! – театрально вскинув руку ко лбу, патетически возмутился Виктор. – Я столько лет у тебя безвозмездно плакательной жилеткой работал, а ты отказываешь мне в крове и сочувствии!.. Что за гости, кстати? – тут же абсолютно нормальным голосом поинтересовался он.

Ответить Рид не успел – в дверь снова позвонили. Байкер проворно обернулся и резко распахнул створку. На пороге, сжимая в руке помело, стояла Лисса, одетая в черную накидку и ведьмовскую остроконечную шляпу.

– Конфеты или жизнь! – звонко провозгласила она, взмахивая бархатными полами. Под накидкой обнаружились элегантное кожаное мини и чулки в красно-белую полоску. – Ой... – Девушка смущенно вернула плащ на место, с опозданием поняв, что дверь открыл не Рид. – Добрый вечер, господин Кипелов, а почему вы...

– Господин Кипелов уже уходит! – Архонт попытался вытолкать байкера за дверь.

– Эй, я не собираюсь ночевать под забором! – Виктор цеплялся за стену, пытаясь сдержать рвущийся наружу хохот.

– А что случилось? – любопытствовала архивариус.

– С Радиславой поссорился, – соизволил объяснить байкер. – И меня выставили за порог без права возвращения, по крайней мере на ближайшую ночь. А она сейчас небось сидит посреди комнаты, обняв подушку, и рыдает, проклиная жестокосердного меня и не желая принимать моих покаянных извинений.

– В одной старинной шотландской рукописи мне довелось прочесть, что если между влюбленными происходила серьезная размолвка, то юноше полагалось спеть так называемую песнь примирения, – задумчиво протянула Лисса, замечая, как вытягивается в недоумении лицо Рида, слушавшего эту ахинею. Девушка тут же показала взглядом: «Свою хваленую эрудицию тебе лучше оставить при себе. Конечно, если ты хочешь поскорее спровадить друга домой». – Указывалось, что средство это безотказное, а текст песни прилагался. Думаю, я смогу его вспомнить. Не на шотландском, конечно, а перевод...

– Как? – Брови Виктора рванулись вверх. – Петь? Мне? Нет... Увольте. Вот уж чего Господь не дал, так это голоса! А Рада – она же менестрель! У нее голос... слух... После моего вокала она меня точно пришибет. Нет!

– Вы хотите помириться? – с напором осведомилась Лисса. Виктор утвердительно кивнул. – Тогда придется петь. Другого способа нет.

Байкер обреченно вздохнул. Похоже, деваться некуда. Архивариус выудила откуда-то из складок накидки блокнот с карандашом и принялась писать текст.

– А поскольку традиция шотландская, то и выглядеть ты должен соответственно! – В голове архонта мгновенно оформилась идея, как избавиться от костюма. Знаменитая шкодливость Виктора, как выяснилось, оказалась заразна.

Будь байкер полностью трезв, он бы никогда не согласился на эту бредовую идею с пением и уж точно не позволил нарядить себя в килт и гольфы. Но тот роковой глоток из отданной Эриком бутылки все же сделал свое черное дело, затуманив мозг и частично отключив соображение...

И посему через пять минут по улице в сторону собора Святого Матиаша бодро двигался вполне узнаваемый до пояса, если не считать берета с помпоном, оружейник специального отдела Виктор Кипелов, затянутый в потрепанную косуху. А вот ниже пояса по улице шел очень даже шотландец в красно-зеленом килте и выглядывающих из-под берцев белых гольфах с кисточками. Кожаные штаны, которые байкер ни в какую не пожелал оставлять у Рида, болтались на плече. Прохладный ветер неприятно обдувал голые ноги. На ехидное замечание архонта, мол, килт положено носить без белья, байкер ответил, что шотландцев у него в роду никогда не водилось, а значит, мужская честь его семьи не пострадает. Впрочем, даже несмотря на оставленное белье, честь все равно мерзла, и поэтому расстояние до собора Виктор преодолел в два раза быстрее обычного...

Очутившись перед своей лестницей, он все-таки попробовал обойтись без пения.

– Рада! Радислава!.. Прости ме... Кхм... – Байкер запнулся. Уж как-то очень нетрезво звучал его голос.

Ответа на столь пламенный призыв, впрочем, не последовало, и оружейнику ничего не оставалось, кроме как подняться на площадку перед дверью и приняться за поиски отданного Лиссой текста.

Словно на беду, заветного листка нигде не нашлось. Байкер принялся лихорадочно вспоминать слова. Как же там было-то?.. Но вместо шотландской песни память подкидывала только воспоминания о том, что у менестрельки очень симпатичные ушки, особенно когда они, чуть тронутые изменением, вытягиваются на манер эльфийских. И тут нужные слова пришли как-то сами собой. Виктор смущенно откашлялся и хрипловато затянул:

Эй, детка, а есть ли влеченью предел?
Я увидел твои уши и в момент обалдел!
Ты так хороша, без каких-то прикрас,
Пленяет меня взгляд янтарных глаз,
Но лишь уши твои я хочу целовать сейчас,
О-о-о, хочу целовать сейчас...

Словно ивовый лист, они длинны и остры,
О, эти уши! В сердце моем разжигают костры,
И больнее стрелы они ранят меня
Своей красотой на закате безумного дня,
Да, на закате нетрезвого дня,
О-о-о, своей остротой они ранят меня....

Но солнце зашло, ты сбежала домой,
А острые уши стащили покой,
И я под дверями скулю, словно пес,
Ты сердце ушами пронзила насквозь,
И все ниже сердца пронзила насквозь,
О-о-о, я жить не хочу с тобой врозь...

Душа моя нынче что каменный груз,
И мне остается лишь спеть этот блюз,
О-о-о, спеть остроухий блюз...

Вдохновение, навеянное воспоминаниями об ушах, иссякло, песня закончилась. А

изменений не предвиделось никаких. Дверь по-прежнему оставалась закрыта. Байкер с минуту посверлил ее выжидательным взглядом, после чего тяжело вздохнул и опустился на доски, упершись в дверь спиной с явным намерением заночевать пусть и на пороге, зато родном. Тут створка резко распахнулась, и не ожидавший ничего подобного Виктор провалился спиной вовнутрь. Над ним, уперев руки в бока, стояла Радислава.

– Это было ужасно! – вынесла она свой вердикт. – Ты хрипел и фальшивил, как ржавый патефон! Эй, а где твоя волынка, Дункан Маклауд?! – Последнее оборотничка выдавила уже пополам с душившим ее смехом.

Байкер перевернулся на живот и на четвереньках поспешно забрался в комнату.

– Я прощен? – не меняя позы, жалобно спросил он.

– Нет, но если поклянешься больше не петь, я, возможно, передумаю. Да и жалко тебя, еще отморозишь себе что-нибудь ниже сердца в этой куцей юбчонке, а мне потом страдать от недостатка внимания, – усмехнулась Радислава. – «...Сердце ушами пронзила насквозь»... хм... а ничего так рифмочка...

Говорят, святость человека измеряется его верой. Чем искреннее он верует, тем сильнее испытания, выпадающие ему, тем больше божественная благодать, ниспосылаемая Господом как вознаграждение за веру и терпение. Его светлость кардинал Дэпле, несмотря на свой высокий церковный сан, никогда не считал себя истово верующим, предпочитая насылаемым испытаниям собственноручно сплетенные интриги, а гипотетической божественной благодати – куда более реальный комфорт и удовольствия. Впрочем, иногда Господь все же вспоминал своего нерадивого слугу и ниспосылал ему испытания, будто намекая: выдержишь – и будет тебе благодать... Тогда его светлость морщился, раскупоривал бутылку несусветно дорогого старого вина и погружался в мрачную меланхолию, предпочитая молитвам и покаянию философское выжидание.

Однако сейчас у его светлости не получалось отрешиться от свалившейся на него напасти, хоть ты убейся. А само испытание, явившееся в виде сухопарой остроносой дамы средних лет, в данный момент сидело в широком кожаном кресле напротив кардинала и требовало преодоления, причем наискорейшего. О дурном нраве госпожи хранительницы Лоренсии Скрипто по Дипломатическому корпусу ходили легенды. К тому же сегодня сия дама пребывала в обычном для себя состоянии хронического раздражения, что никак не умаляло ее паршивого характера, а посему достойный кардинал очень хотел не допустить обострения.

– Что за плебейскую дрянь вы пьете? – брезгливо поморщилась Лоренсия. – Да еще смеете предлагать даме! – С этими словами госпожа хранительница выплеснула рубиновое вино прямо на прекрасный персидский ковер.

Кардинала явственно передернуло. Мало того что это было лучшее вино из его запасов, так теперь еще и дорогой ковер безнадежно изгажен.

– Не кривитесь, Дэпле, – начиная раздражаться все больше, продолжила госпожа Скрипто. – Вы не в том положении, чтобы кривиться. Как вы вообще могли принять на службу этого уродца, зная, что он сбежал от нас!

– Но госпожа Пшертневская заверила меня...

– Мне плевать, в чем вас уверила эта девчонка! Либо выдайте андрогина мне, либо избавьтесь от него сами! Он предал хранителей и должен понести наказание. Этот маленький негодяй ускользнул от меня уже дважды: в Санкт-Петербурге, а после – в Париже. Причем не без помощи ваших людей, Дэпле!

Кардинал хмуро отхлебнул из бокала и потер пухлыми пальцами глубокую складку на переносице. При всей своей недалекости его светлость не мог не понимать, что выдачей андрогина дело не закончится. Склонная хранительница наверняка потребует выдать ей и тех, кто знатно покуролесил в петербургской библиотеке: Виктора и эту, как бишь ее, Радиславу. А это плохо, очень плохо, ибо Пшертневская за своих сотрудников глотку перегрызет. Да, госпожа кардинал пойдет на многое, чтобы спасти своих людей... Но с

другой стороны, это очень даже неплохой повод прекратить существование специального отдела раз и навсегда, хотя подобная авантюра вполне может стоить тепленького местечка и самому Дэпле. А досточтимый господин кардинал совсем не готов к таким жертвам. Удивительное дело, но когда мягкому креслу под упитанным кардинальским сидением начинала грозить опасность, вялые извилины в голове Дэпле начинали шевелиться с удивительной быстротой и живостью. Не прошло и минуты, как несколько новорожденных мыслей довольно скоро оформились в почти полноценную идею...

— Ладно, убедили, — с притворным сокрушением вздохнул Дэпле, понимая, что дальнейшее его молчание чревато обострением хронического раздражения госпожи Скрипто. — Вы получите своего андрогина. Я выманю вам его, от вас лишь потребуется оказаться в нужное время в нужном месте и не упустить добычу.

Госпожа Лоренсия рассерженно дернула уголком тонкогубого рта. Но Дэпле всем видом показывал, что это его последнее слово.

— Хорошо, — медленно произнесла хранительница. — Я согласна. Не забудьте только сообщить, что это за место и в какое такое время... Я вам все-таки не девочка на побегушках! — С этими словами госпожа Скрипто допила то, что недовыплеснулось из ее бокала, довольно хмыкнула, подхватила едва початую бутылку и скрылась в телепорте, даже не удосужившись встать с кресла. Она прекрасно разбиралась в хорошем вине и считала откровенным кощунством оставлять прекрасный напиток в руках такой паршивой овцы, как кардинал Дэпле.

Последний аж задохнулся от подобной наглости, но ничего не мог поделать. Изворотливому кардиналу оставалось лишь растягивать удовольствие, медленно смакуя последние два глотка, уцелевшие в его бокале...

А тем временем, даже не подозревая об уготованной ему участи, андрогин, весело подпрыгивая, направлялся в гости, сжимая под мышкой округлый сверток. Жози, в силу нахлынувшего романтического настроения пребывая в женской ипостаси, жмурилась от предвкушения и беззаботно напевала себе под нос какую-то песенку весьма фривольного содержания. Ее ничуть не смущало, что принимающая сторона и знать не знает о грядущем визите, а кроме того, наверняка уже спит. О нет, Жозефина решил сполна использовать эффект неожиданности, а посему без колебаний нажала эбонитовую кнопку массивного дверного звонка.

Отец Фарт полусидел-полулежал на кровати, погруженный в изучение истрепанного фолианта по экзорцистике. Книга была позаимствована из личной библиотеки Высокого дома ди Таэ. Обряды, описываемые там, значительно разнились с теми, которые уже знал Габриэль, но это отнюдь не умаляло интереса инквизитора. Вдруг разразившийся дребезжащими трелями дверной звонок нагло прервал увлеченного экзорцистикой святого отца.

— Кого еще там принесла нечистая сила? — ворчливо пробормотал он себе под нос, вздрагивая от резкого звука.

Звонок, однако, и не думал умолкать, и Габриэль впервые за вечер пожалел, что отослал приставленных к нему телохранителей прочь. Он медленно поднялся на ноги и, цепляясь за стену, спустился в холл. Несмотря на то что он довольно быстро поправлялся, чувствовал инквизитор себя еще не ахти как хорошо. Чертыхаясь сквозь зубы, Габриэль резко распахнул дверную створку...

— Та-дам! — весело раздалось с улицы, а из темноты на святого отца улыбчиво оскалилась огненной прорезью рта кошмарная тыквенная рожа. То есть это потом Фарт сообразил, что рожа тыквенная, а в первый момент ему отчетливо привиделось чудовище с горящими глазами и пылающей пастью.

— Правда, он похож на тебя, милый? Я так старалась! — донесся чуть жеманный женский голосок.

Из-за темноты казалось, будто он звучит из тыквы. Но тут овощ двинулся вперед, вслед

за ним в холл шагнула донельзя довольная своей выходкой Жози и торжественно вручила тыкву инквизитору.

Ошеломленно икнув, Габриэль пошатнулся, но, собрав волю в кулак, все-таки сумел выровняться. Слова никак не шли с языка, хотя их там было много, и все нецензурные. Даже невзирая на плохое освещение, он узнал девушку, столь удачно оказавшуюся на его пути после крушения кареты, и теперь ошалело переводил взгляд с нее на тыкву в своих руках и обратно.

– Что такое, лапусик, тебе не нравится? – В голосе Жозефины прозвучала обида.

– В-вы? – только и смог выдохнуть Фарт.

– Ну миль пардон, мон шер, я не скульптор, – блондинка надула губки, – но все равно рада тебя видеть, аморе мио! – Жози шагнула вперед с явным намерением поцеловать священника.

Но тот поспешно отгородился тыквой, и девушка уперлась грудью в оранжевый бок.

– Не знаю, зачем вам все это нужно, но прошу, немедленно покиньте мой дом! – наконец собравшись с мыслями, выдавил Габриэль, отчетливо понимая, что после таких резких слов наверняка уже никогда больше не увидит этого ангела.

– Фи, какой ты цивилизный! Девушка пришла справиться о твоём здоровье, а ты выставляешь ее в холодную промозглую ночь, не предложив ни крова, ни тепла, – огорченно вздохнула блондинка.

– Я не... Э! Что это все означает?! – Отец Фарт удивленно смотрел, как черты лица девушки смазываются и переплавляются, плечи становятся чуть шире, а грудь исчезает.

– Ну вот... – с досадой протянул Жози, окончательно утверждаясь в мужской ипостаси. – Все настроение испортил, противный!

– А... Э... – только и смог произнести Габриэль, даже не догадываясь, насколько забавно выглядел сейчас в глазах андрогина.

Жози хихикнул, вновь превращаясь в очаровательную блондинку, настроение стремительно ползло вверх.

– Кушай тыкву, милый, она полезная! – Девушка порывисто чмокнула вконец опупевшего инквизитора в щеку и, смеясь, сбежала по ступенькам вниз, растворившись в темноте, словно легендарный вампир в ночи.

Глава 4

Анна задумчиво рассматривала внутренность настенного шкафчика, не в силах определиться между четырьмя банками с разными сортами кофе. И как Профессор решает эту дилемму каждое утро? В конце концов, отчаявшись выбрать, княжна просто закрыла глаза, сделала полный оборот вокруг своей оси и выдернула банку наугад. Вчера вечером Самайн подкинул ей последнюю подлянку: телепорт, вместо того чтобы доставить двух сиятельных княжеских особ и одного почтенного лэрда в особняк ди Таэ, небрежно выплюнул всех троих посреди квартиры Вилдара Криэ, по счастью в данный момент отсутствующего. Эрик еще успел помочь сестре уложить на диван де Крайто и проклясть ненавистный Самайн, сделавший его столь восприимчивым к алкоголю, после чего отключился.

Теперь же княжна ди Таэ вместе с ее светлостью княгиней ди Таэ намеревались испить утреннего кофе, обсудить привалившее дело и дожидаться пробуждения своих половин.

Где-то в глубине души, очень глубоко, Эрик считал, что более странного пробуждения, чем случившееся после приснопамятного раскуривания конопли, когда он проснулся в одном кресле с госпожой Пшертневской, быть уже не может. Однако же проснуться на одном диване с Хьюго де Крайто!.. Ужас, катастрофа, нонсенс! Даже пусть они лежали валетом! Все равно это событие, по меркам князя, далеко выходило за грань добра и зла. Целитель с горем пополам сел, мысленно подзывая парящее неподалеку гравикресло. Голова ощущалась как шальная и чугунная, вдобавок чародея слегка подташнивало. Князь

неуклюже пролевитировал себя в кресло. На диване зашевелился и болезненно застонал Хьюго. Эрик положил ладонь ему на лоб, понимая, что особого толку от его целительских способностей сейчас не будет. Де Крайто открыл мутные глаза, силясь понять, где он находится и что с ним произошло.

– Очень плохо? – Ди Таэ поразился, насколько сел у него голос. – Лежите, не вставайте, сейчас принесу воды.

Кресло целителя, обычно элегантно скользящее, сейчас, неверно покачиваясь, поползло в коридор.

Хьюго, вопреки приказу мага, попробовал приподнять голову над подушкой, за что тут же поплатился жутким приступом головокружения и тошноты. Кое-как совладав с бунтующим нутром, парень безвольно вытянулся на диване – ожидать обещанную воду.

– Итак, что же вам удалось вчера выяснить? – спросила Анна, переливая кофе из турки в чашки.

– Может, стоило привести в чувство Эрика? – задумчиво проговорила госпожа Пшертневская. – А не ждать, пока его сиятельство соизволит продрать глаза самостоятельно? – Госпожа кардинал полагала, что они и так уже потеряли непозволительно много времени.

– Для таких случаев в моем арсенале имеется только одно заклятие – «светлое общеисцеляющее», – хмыкнула чародейка, – а в исполнении вашей покорной слуги это то еще извращение. Такого издевательства над целительством, равно как и над своей драгоценной особой, князь мне не простит.

– За кофе я прощу тебе все, – голосом умирающего грешника, которому предложили немедленное отпущение грехов и пропуск в рай, простонал князь, протискиваясь в кухню и тут же завладевая ближайшей чашкой.

– Эй, это мой кофе! – возмутилась Злата, швыряя в мужа влажным полотенцем, которым до этого княжна протираала чашки.

– Анна отдаст тебе свой, все равно она еще не клала сахар... О, полотенчик... мокрый... – Эрик со слабо скрываемым блаженством прижал прохладную ткань к виску. – Мм, а вы рассказывайте, рассказывайте, а то у меня ощущение, будто я что-то пропустил.

– Водяные, – деловито начала Злата. – Они жалуются, что церковники отравляют Влтаву. А в документе иезуитов, столь удачно оброненном в моем кабинете, засвидетельствован неудачный исход некоего эксперимента, приведшего к выбросу очищающей энергии из пражской чумной колонны. Дата эксперимента и последний зафиксированный водяными сброс в реку «едовате воды» подозрительно совпадают. Более того, после каждого такого сброса, по словам тех же водяных, начинали шалить утопленники, что вообще ни в какие ворота не лезет.

– Смахивает на историю с гулями... – вздохнул Эрик.

– Да, но это еще не все. – Пшертневская отхлебнула кофе. – В том же документе указано, что когда «доблестные братья ордена пытались ликвидировать последствия эксперимента», сиречь замести следы, в поврежденной части колонны был найден некий ларец. Далее документ закончился, и никакой информации ни о ларце, ни о его содержимом нам, увы, не досталось...

– Зато нам достались предположения, основанные на происшедших событиях. – Княжна сварила еще одну порцию кофе и теперь с наслаждением вкушала благородный напиток. – Похоже, в ларце хранился тот самый кусок Карты сражений, с которого все и началось.

– И вдобавок ко всему сегодня спозаранку мне позвонила многоуважаемая супруга нашего Профессора и заговорщицким шепотом попросила прислать к ней в Прагу кого-нибудь потолковей, недвусмысленно указав, кто именно «потолковей» ей нужен. И замечу, речь шла не о Вилдаре. Наоборот, узнав, что Профессор сейчас находится в Праге, госпожа ди Эроен как-то уж больно, э-э, насторожилась... Так что, Анна, бери с собой господина де Крайто и отправляйтесь в Прагу. Подключите там Профессора, разберетесь с водяными и

заодно узнаете, что нужно госпоже ди Эроен.

– Ох, – князь едва не уронил чашку с остатками кофе, – де Крайто! Я же обещал принести этому страдальцу воды!

Чародейка вздохнула, наполнила стакан и вышла из кухни...

Хьюго безвольно вытянулся на диване, способный лишь дышать да вяло шевелить пальцами. При попытке пошевелить чем-нибудь другим внутренности тут же начинали нервно ворочаться, а голова наливалась свинцом еще больше.

– Пожалуй, тебе нужен не стакан, а тазик, – поставила точный диагноз княжна, входя в комнату и разглядывая лицо де Крайто, переливавшееся всеми оттенками нежно-серого и светло-зеленого.

– Я и двух глотков сейчас не выпью, куда мне тазик, – простонал Хьюго, все же приподнявшись на локтях.

– Из тазика в твоем состоянии не пьют, дурень, – с насмешкой поправила Анна, присаживаясь на край дивана и помогая жертве черного юмора коллег напиться.

Внутренности, к удивлению Хьюго, повели себя вполне прилично, видно, княжна успела должным образом заговорить воду. Де Крайто отстранил стакан. Как там говорил Эрик? Должен присутствовать эффект сюрприза? Или это Виктор говорил? Впрочем, не важно, кажется сейчас самое время:

– Ты выйдешь за меня?

Княжна, не ожидавшая такого предложения в подобный момент, едва-едва успела превратить дурное уползание бровей на лоб в ироничное заламывание, а удивленное «чего-о?» в нейтральное «кхм». Ох, не так она это себе представляла, не так. В сем действе как минимум должен был присутствовать коленопреклоненный воздыхатель с обручальным перстнем, но никак не лежащий пластом похмельный субъект с упаковкой «Алкостопа» в руке.

– Кхм, – еще раз прочистила горло чародейка, – то есть ты, пребывая в нездравом уме и нетвердой памяти, предлагаешь мне водку и печень, тьфу... руку и сердце, я правильно поняла? – осторожно уточнила она.

– Э-э... да. – На синюшно-бледном лице Хьюго начал проступать привычный смущенный румянец, отчего парень стал напоминать дурно загримированного покойника перед выносом тела на церемонию прощания с усопшим.

Анна покачала головой, резким тычком опрокинула де Крайто на подушку и обрушила на него всю мощь «светлого общеисцеляющего»...

Минуту спустя, лежа возле дивана друг на друге, молодые люди могли только сдавленно стонать и ржать, как сумасшедшие, ибо на что-то иное у них уже не осталось сил. Волна щекотки, пронизавшая сначала исцеляемого, а после, откатом, саму исцеляющую, заставила обоих зайти в приступе истерического хохота.

– П-предложение... – все еще продолжая хихикать, напомнил Хьюго, – руки и печени, тьфу, сердца и водки...

– Принято, – выдавила Анна, пытаясь изгнать остатки смеха. – А теперь поднимайся, мы отправляемся в Прагу!

Старинные плотные карты глянцеито поблескивали, опускаясь на палисандровую столешницу. Порядок все время смешивался, необычные рисунки так и норовили переползти с одного плотного квадрата на другой. Досточтимый герцог Алоизиус ди Амбер раскладывал пасьянс судьбы. Пасьянс не складывался, герцог злился, карты то и дело норовили шлепнуться со стола на пол. Изображения на картонных квадратах отражали расположение сил всех Высоких домов и менялись в соответствии с ситуацией... Или это ситуация менялась в соответствии с раскладываемым пасьянсом? Господин Алоизиус никогда особо над этим не задумывался. Холеные упитанные пальцы, блеснув массивными перстнями, выдернули из колоды очередную карту. На глянцевой поверхности, словно живые, застыли двое мужчин: первый, в черном облачении, опирался на меч вороненой

стали; второй, в белых одеждах, держал в руках серебряную чашу. Тот, кто наносит раны, и тот, кто исцеляет. Боевая магия и целительство – Высокий дом ди Таэ. Мессир ди Амбер задумчиво повертел карту в руках. Все сроки, отведенные для ответа на его письмо, давно уже миновали. Очевидно, старший князь дома ди Таэ решил проигнорировать столь заманчивое предложение мира. Что ж, это его право... Карта опустилась на стол, а пухлая ладонь Алоизиуса уже тянулась за следующей.

Разглядев, что за карта легла внахлест с ди Таэ, его светлость герцог едва не поперхнулся вином. Рубиновая жидкость кровавыми брызгами испачкала рубашку. И дело вовсе не в том, что это изображение, выглядевшее многие годы серым и тусклым, вдруг ожило и налилось яркими красками... На карте рука об руку стояли статная босая женщина в зеленом платье, с венком из полевых цветов на голове, и насмешливо скалящийся скелет в черном истрепанном балахоне. Желтоватые плюсны мертвых пальцев сжимали отполированное древко косы. Мать-земля, дающая и возрождающая, и Смерть, в эту землю уводящая. Маги земли и вместе с тем одаренные некроманты, способные потягаться даже с мрачным кланом де Элле, – Высокий дом де Крайто! Те, кого не должно существовать в этом мире! Однако треклятая карта утверждала обратное.

Торопясь проверить внезапно осенившую его догадку, ди Амбер поспешно вытащил третью карту – так и есть, оковы! Выходит, отныне де Крайто и ди Таэ связаны крепчайшими, неразрывными узами. Да, герцог припоминал – тот недотепа, мальчишка-маг, сопровождавший княжну в качестве телохранителя!.. Все-таки это он! Герцог скривился, словно от зубной боли. Так и знал, нутром чуял – князь ди Таэ со своим отрядом обязательно выкинет какой-нибудь фокус! Именно поэтому герцог и связался с покойным Саградой, чтоб его черти взяли, хотя они его и так взяли. И теперь – здравствуйте-пожалуйста! Впрочем, тогда становится ясно, почему князь Эрик ничего не ответил: княжну и недобитка де Крайто связывают узы. Какие, и козе понятно! Ах какой козырь... Ди Амбер вдруг разом успокоился и удовлетворенно потер пухлые руки. Итак, ситуация сложилась крайне щекотливая: отказ главы одного дома главе другого Высокого дома по причине близких отношений возможной невесты с преступником, чья семья была приговорена к смерти из-за предательства... Прелестно! Прелестно, Смерть его забери! Чем не повод для дуэли? Герцог небрежно смел карты в колоду и поднялся. Он отправится в Будапешт немедленно. Нужно отдать приказ Даграю, пусть готовит «Черную зарю» к отлету...

Безумно лазурное небо расплескалось от горизонта до горизонта, обрамленное по краям позолотой еще не облетевших лесных крон. Прозрачный воздух с легким привкусом первых осенних заморозков бережно обнимал упругими крыльями остроносое, вытянутое тело сильфийской шхуны – летучего корабля, который стремительно рассекал небесный простор, все приближаясь к россыпи точеных шпилей и рыжих черепичных крыш. С такого расстояния город казался кукольным.

Ах, Прага, Прага, Золотой город, и сердце твое – Старое Место, пульсирующее жизнью по сосудам узких улочек, подобно паутине раскинувшихся вокруг. Княжна ди Таэ, кутаясь в любезно выделенный Эорлин-ши плед, задумчиво глядела на приближавшуюся россыпь аккуратных крыш. На душе было беспокойно. Предложение мира от ди Амбера висело над головой дамокловым мечом. Срок, отведенный для ответа, песком утек сквозь пальцы еще вчера. Время будто превратилось в арбалетный болт, готовый в любой момент сорваться с ложа и рвануться вперед, закручивая вокруг себя воздух событий и прошибая доспехи надежд и чаяний. Утренние события, что они – фарс? Насмешка? Правда?

– Что-то не так, *ma daeni*?

Княжна вздрогнула от прикосновения к своему плечу и инстинктивно вжалась спиной в грудь де Крайто. Правда... Все-таки правда... Напряженная отчужденность, разделявшая их в последние дни, исчезла так быстро, словно ее никогда и не существовало.

– Страх, – хрипловато отозвалась она, – что упаду и не встану, не выдержу, не смогу...

– В одиночку человек может все, – заметил де Крайто, – а когда у него есть надежная

поддержка, он совершает невозможное. – Тон Хьюго чем-то напомнил Анне манеру говорить Профессора, да и фраза скорее всего принадлежала ему, но все же... – Не бойся, я тебя держу.

– А толку, ты ведь тоже падаешь, – грустно усмехнулась она.

– Это такой маневр, чтобы после падения встряхнуть тебя за шиворот и быстренько поставить на ноги. – Хьюго нежно сжал плечи любимой, заставив ее улыбнуться.

«Эолова арфа» величаво опускалась на площадь Республики, швартуясь у деревянных сходней близ Пороховой башни. Госпожа ди Эроен приветственно вскинула руку, терпеливо ожидая, пока сильфийская шхуна окончательно закрепится на земле.

– А разве нас не Профессор встречает? – пробормотал Хьюго, с удивлением рассматривая госпожу Ингерду. Разительная перемена облика последней тоже изрядно его озадачила. В прошлый раз демонолог отдавала предпочтение элегантному, безумно дорогому платью, сегодня же выглядела как заправская наемница – в потертой кожаной куртке, черных джинсах и высоких сапогах. Тонкая рука в черной перчатке сжимала рукоять толедского меча. Волосы скручены в узел на затылке, на шее шелковый шарф синего цвета, наверняка стоящий больше, чем все ее облачение, ну разве что клинок еще дороже.

– Сомневаюсь, что Профессор вообще знал о нашем прилете, – откликнулась Анна, сходя с палубы и активируя телепатический блок.

– Ой, да не буду я вас читать, – задорно расхохоталась ди Эроен вместо приветствия. – И так вижу, что близитесь к закономерному финалу. Хьюго, мои поздравления. Всегда знала, что вы способный мальчик. А если немного нерешительный, так всего лишь из-за отсутствия опыта, но, как известно, это дело наживное. Идемте, устрою вам небольшую экскурсию. Боюсь, сами вы и четверти всех пражских прелестей не увидите!

– Вообще-то мы сюда работать приехали, – сварливо огрызнулась Анна, хоть и знала, что ироничная развязность госпожи Ингерды – всего лишь игра на публику. – У нас водяные на повестке дня, а все остальное – это так, заодно и при наличии свободного времени...

– Господи, да кто же в воскресенье работает?! – наигранно возмутилась демонолог. – Для начала прогуляетесь со мной до чумной колонны, а потом можете развлекаться как хотите. Хоть с водяными, хоть с големами, хоть с самим мятежным раввином!¹⁰

Не желая больше слушать никаких возражений, госпожа демонолог увлекла дипломатов за собой. Они едва успели подхватить свои рюкзаки, а *legi* ди Эроен, словно учуявшая след хорта, с небывалой прытью устремилась в глубь Старого Места. Хьюго и Анна последовали за ней, вертя головами и восхищенно ахая.

Прага поражала воображение и захватывала целиком. Целетная улица стрелой летела к Карлову мосту, а по дороге к Староместской площади пражская столица, словно торговец диковинами, выложила на выбор множество улочек, и на каждой было что посмотреть. Но стоило Хьюго чуть притормозить на Мелантриховой улице у дома с ренессансными дверями (надо же, сколько раз бывал в Праге и не видел!), как Ингерда сердито шикнула на него и, цапнув за локоть не только де Крайто, но и Анну, потащила их дальше.

Наконец, вылетев на площадь, госпожа демонолог заметно сбавила темп. Похоже, цель дурного забега по городу наперегонки с ветром благополучно достигнута: над площадью возвышался пражский чумной столп. Ди Эроен уставилась на Анну и де Крайто, словно ожидая от новых действующих лиц священного откровения. Княжна задумчиво рассматривала колонну, не спеша совершать каких-либо манипуляций. Хьюго же, нахмутив брови, вскинул руку в попытке считать энергетику черного пятна, столь несообразного на ауре памятника. За что тут же был вознагражден приступом тошноты и ломотой в висках.

– Любопытство кошку сгубило, – вздохнула княжна, поспешив поддержать юношу. – Хьюго, первое правило боевого мага?

¹⁰ По старинной пражской легенде, увлекшийся каббалистикой раввин создал себе в помощники голема.

– Не знаешь – не суйся, – шумно сглотнув, выдохнул он. – Похоже, у меня опять аллергия и этот, как его... профилактический шок...

– Анафилактический, – машинально поправила ди Эроен, рассматривая де Крайто с тем интересом, с которым некогда разглядывала труп в импровизированном морге специального отдела. – Что вы нам еще поведаете? Анна оказалась благоразумной девочкой, однако в данном случае благоразумие не информативно. – Развязность исчезла из голоса Ингерды, уступив место властным металлическим ноткам.

– Здесь пахнет смертью, – спустя минуту произнес юноша. – Я бы даже сказал – смердит. – Де Крайто передернуло. – Словно в морге побывал. Но что бы ни уничтожила колонна, оно не было мертво, хотя и живым я бы это не назвал. И запах... Меня до сих пор мутит.

– Как мутило после знакомства с братом Юлианом, – скорее для себя, чем для спутников, констатировала Анна, – и пролитой на рубашку дряни. А Эрик упоминал про некую жидкость, которой заливают тела... А-а-а, поняла – гули! – озаренно воскликнула она. – Колонна уничтожила гулей! Проклятье!

Похоже, отныне отношения отдела с орденом иезуитов выходили на совершенно иной уровень, нежели до этого момента. Если раньше у сотрудников Пшертневской имелись только догадки, то сейчас они упрочились неимоверно, скрепленные цепочкой неопровержимых фактов. Но, как назло, все ниточки свились в единый клубок: жалобы водяных и гули оказались звеньями одной цепи.

– Может, просветите меня, кому отдавили хвост на этот раз? – хмуро спросила госпожа ди Эроен, уловив отголосок эмоций княжны.

– Иезуитам, – мрачно откликнулась Анна. – Чертовы святоши создали зелье, каким-то образом превращающее мертвые тела в гулей. И беспардонно сливали во Влтаву отработанный состав. А потом они выпустили на улицы Праги выводок самопальной нежити, но не учли очищающую силу колонны, в результате чего часть артефакта древних угодила в их загребушие ручонки, что поставило под угрозу все мирные достижения последних лет!

– Та-ак, дело пахнет керосином, – понимающе протянула госпожа демонолог, когда все более-менее встало на места. – Похоже, ваше желание работать даже в воскресенье сильнее здравого смысла. Вы меня убедили, а посему идемте на Карлов мост. Водяные должны знать, откуда эту дрянь сливали в реку. Найдем источник – считайте, решим половину проблем. Вы ведь не только из-за водяных сюда прибыли? Я надеюсь, вы еще не сообщили о своем прилете профессору Криэ? Нет? Вот и славно! А то он нервничает, когда я работаю в его присутствии, – опекает, защищает, пугается под руками и мешает полноценно развлекаться, – иронично закончила госпожа ди Эроен, с хрустом разминая пальцы, сверкнувшие фиолетовыми искрами.

Однако сразу вернуться на Карлов мост им не удалось. Княжна, успевшая изрядно оттянуть себе плечи дорожной сумкой, здраво решила – хватит с нее на сегодня беготни с тяжестями, и в категоричной форме потребовала отнести вещи в гостиницу. На попытку ди Эроен иронично заметить, мол, большую часть похода по городу сумку Анны тащил де Крайто, девушка саркастически парировала, что от этого вес багажа не уменьшился. Видя, что между дамами назревает совершенно неуместная перепалка, Хьюго решил вмешаться:

– А разве нельзя просто телепортировать вещи в гостиницу? Кстати, где там остановился Профессор?

– В «Ольшанке» – откликнулась хмурая княжна ди Таэ.

– Вот и портируй туда сумки. Прикрепим записку, чтобы администратор передал их профессору Криэ.

– А ведь действительно, – усмехнулась Ингерда, – и волки сыты, и овцы целы. Голова у вас отлично работает, Хьюго.

– Жаль только, что периодически и невпопад, – тихонько пробормотала себе под нос Анна. Ей отчего-то становилось все тревожнее, и она рассчитывала увидеться с

Профессором до начала активных действий. Княжна была почти уверена, что, прочитав своей беспокойной супруге мораль о ее поведении, Криэ присоединится к ним и помощь его станет весьма нелишней. Но, как говорится, не судьба... Тяжело вздохнув, чародейка принялась за создание грузового телепорта.

Старинный Карлов мост, жемчужина Праги, казалось, жил своей отдельной жизнью, служа пристанищем местным безвестным художникам и мелким ремесленникам, чьи картины и украшения вполне могли соперничать с шедеврами признанных гениев кисти и ювелирных домов.

Холодное осеннее солнце роняло блики на отполированные множеством ног камни моста, оживляя серую кладку. Хьюго с неудовольствием отметил, как стремительно меняется настроение его милых спутниц. В то время как он стремился сосредоточиться на грядущих действиях, вспоминая все, чему его успела научить Анна, дабы должным образом среагировать при необходимости, дамы с каждым шагом все больше расслаблялись, задерживаясь то у стойки с чудесными офортами видов Праги, то у подставки с украшениями.

– Хьюго, посмотри, – княжна требовательно подергала юношу за рукав, – что за чудный пейзаж продает вон тот старик!

– Да-да, мило... – невнятно откликнулся де Крайто, даже не взглянув на картину. – Госпожа ди Эроен, вы говорили, у вас есть какой-то план?

– В данный момент я планирую купить вот эти бусы. – Ингерда вертела в руках прелестные неограниченные гранаты, прикрепленные к бисерной паутинке. – Они очаровательны...

– Как думаешь, – Анна снова дернула Хьюго за рукав, оттаскивая от Ингерды, – вон тот художник сможет предложить мне что-нибудь недорого и в масле?

– Банку сардин! – не на шутку рассердился юноша. – Дорогие мои дамы, по-моему, вы совершенно отвлеклись от цели нашего похода!

– Его здесь нет, – вдруг произнесла ди Эроен. Ее точеное лицо, только что выражавшее недюжинный интерес к бусам, стало мрачнее тучи. – Уверена, он опять подвизается в кабаке, паршивый утопец! – Демонолог решительным шагом устремилась на другую сторону моста к небольшой пивной, выстроенной неподалеку от набережной.

– О ком это она? – опешил де Крайто.

– О водяном из-под Карлова моста, – коротко пояснила Анна, нехотя отрываясь от созерцания картины «Прага под дождем». В отличие от Ингерды княжна действительно с удовольствием шла по импровизированному вернисажу.

– Ну и как прикажете искать здесь водяного? – озадаченно пробормотал Хьюго, рассматривая народ, заполнявший пивную возле Карлова моста. – Если он под личиной, то под очень качественной. Я ничего не ощущаю...

– Тазик, – многозначительно уточнила ди Эроен, воздев палец вверх.

– Он пьет из тазика? – не понял окончательно сбитый с толку де Крайто.

– Нет, держит в нем ноги, – пояснила Анна, деловито рассматривая горожан. – Водяные не могут долго находиться на суше, но любят посидеть за кружечкой «Старопрамена» не меньше человеческих жителей Праги. Вот и выкручиваются как умеют... Есть! Вон там, в углу!

Маги поспешно бросились в дальний угол пивной. Худой, носатый, бледнокожий субъект в черном рединготе попытался ретироваться, но запнулся о глубокий медный таз, в котором держал ноги, и растянулся на полу. Госпожа ди Эроен бесцеремонно цопнула его за шкирку и вздернула из-за стола.

– Произвол! – сдавленно взвизгнул водяной. Теперь даже Хьюго уловил запах речной тины, исходивший от него. – Я этого так не оставлю! Я подам ноту протеста! С вами будет разбираться специальный отдел!

– Подавай, – ухмыльнулась Ингерда. – Вот прямо сейчас и начни. Специальный

отдел, — она указала на дипломатов, — тебя с удовольствием выслушает. Знакомьтесь, уважаемые, Томаш Водзянек, водяной из-под Карлова моста. Ну, так как, выслушаете пана водяного?

— Да нас, собственно, за этим и прислали, — пожала плечами княжна. — Только давайте выйдем куда-нибудь, а то на нас уже оглядываются.

Лодка для передвижения по канализационным каналам рывками двигалась вдоль русла, время от времени содрогаясь от толчков по днищу. Слышно было, как ругается внизу водяной, тянувший лодку. Когда суденышко начинало раскачиваться совсем уж безобразно и оно черпало бортами черную маслянистую воду, Анна с Ингердой судорожно цеплялись то за Хьюго, то друг за друга и нервно стучали ногами и черпаком по днищу, приструнивая озлобленного водяного. Из верхних отводов на них пару раз обрушивались потоки помоев, но, к счастью, основная масса нечистот пролетала мимо.

— Эй-эй, барышни, осторожно! — сердито воскликнул де Крайто, когда чародейки едва не опрокинули его в воду. — Я вас предупреждал, что эта посудина рассчитана максимум на двоих!

— Предлагаешь выпрыгнуть и помочь водяному? — ехидно осведомилась Анна. — Не беспокойся, жабры я тебе, так и быть, отращу, милый.

— Успокойтесь, — хмуро одернула их госпожа ди Эроен, пытаясь оттереть заляпанный помоями бок куртки. — Акустика здесь хорошая, да и лишние уши найдутся... — Она уже давно не испытывала энтузиазма по поводу закрутившейся кутерьмы.

Хьюго пошарил фонарем по стенам, пытаясь сориентироваться.

— Похоже, сейчас мы где-то недалеко от Клементинума, — пробормотал он. — Впрочем, неудивительно...

— Ты так хорошо знаешь пражскую канализацию — интересно откуда? — Голос княжны источал сладкий сарказм, словно переполненные соты — мед.

— Несколько лет назад вместе с чистильщиками ловил здесь крысиного короля, — простодушно отозвался де Крайто.

Лодка еще раз конвульсивно дернулась и остановилась напротив бокового ответвления. Круглый лаз с характерными потеками на стене находился в полуметре над водой.

— Кажется, прибыли, — пробормотала ди Эроен, скептически изучая темную дыру, в которую им предстояло лезть. — Водзянек, это отсюда дрянь в реку лилась?

Под лодкой безмолвствовали.

— Сбежал, зараза! — гневно выругалась госпожа демонолог, в сердцах ударяя кулаком по ладони.

Впрочем, уговор-то ограничивался пунктом, что водяной покажет им место ядовитых сливов, поэтому роптать вроде не на что. Если только хозяин Карлова моста не завел их в какой-нибудь отстойник для нечистот в отместку за непочтительное поведение.

— Это здесь, — сдавленно прохрипел де Крайто, стараясь дышать как можно реже, — не сомневайтесь. Моя аллергия не ошибается, черт ее дерит!

Княжна спешно набросила на него заклятие-паутинку, блокирующее воздействие ядовитых испарений.

Маги зашевелились, намереваясь перебраться в лаз, и тут лодку тряхнуло. Утлая неустойчивая посудина накренилась, черпанула бортом воды и перевернулась. Трио доблестных чародеев с воплями и ругательствами вывалилось в канал.

— Ненавижу!.. — прорычала госпожа ди Эроен, выныривая. Она очень надеялась, что успела подпалить водяному хвост, то-то он по каналу удирал, волна как в шторм стояла.

— Склочная, спесивая тварь! — поддержала ее Анна, отплеываясь. — Затаился под лодкой!

Хьюго уцепился за край лаза, подтянулся и, очутившись внутри, вытащил своих разгневанных спутниц. Еще бы, не каждый день двух элегантных магичек окунают в помои. Страдальчески поморщившись, парень неуклюжим пассом организовал поток теплого

воздуха, высушивая насквозь промокших и ругающихся женщин. Подивившись такой предусмотрительности, а особенно компетентности своего подопечного, княжна поперхнулась очередным нелестным отзывом о водяном.

– О боги, теперь мы воняем! – раздраженно простонала ди Эроен, пытаясь развернуться в тесном лазе.

– Мы бы и так воняли, – криво усмехнулся де Крайто. – Впрочем, могу наколдовать лавандовую иллюзию.

– Не надо, – упреждающе взмахнула рукой Анна, делая себе заметку на будущее – узнать, когда парень успел освоить эти заклинания, – молю нас пока еще не побила! А если ты наколдуешь лаванду, я тебя сама побью! – Княжна ди Таэ прекрасно представляла, какое дивное амбре будет плыть по лазу, когда к миазмам канализации добавится сладкий запах лаванды.

Лаз оказался широк, но невысок, поэтому идти по нему, а временами и ползти, приходилось, согнувшись и враскорячку, стараясь не оскользнуться на мокром дне и не ухнуть носом в дурно пахнущую слизь. Спустя некоторое время к гнилостным помойным ароматам присоединился чуть заметный душок формалина. Воздух подземелья сделался откровенно удушливым, раздражая саднящее горло. Запах влажной почвы и старой каменной кладки все больше наполнился удушающими миазмами неисправных канализационных труб. Честно говоря, этого и следовало ожидать. Ведь последние десять минут путники и так уже брели по щиколотку черт знает в чем, стараясь не смотреть вниз. Как говорится, не наступайте в... ну сами понимаете, во что, – не будет вонять. Да, а если больше некуда наступать?

Внезапно до порядком притомившихся дипломатов донеслись слабые звуки музыки, приглушенные значительным расстоянием. Сложно на таком расстоянии различить, каким именно инструментом пользуется музыкант. Анна, напряженно прислушиваясь, колебалась между клавесином и фортепиано, а исполняемый опус почти не поддавался распознаванию, но все же...

– Глинка? – удивленно-вопросительно пробормотала княжна в спину ди Эроен.

– Глинка! – уверенно буркнула госпожа демонолог.

– Девушки, вы что, спятили? – возмутился предельно упревший и уставший де Крайто. – Да мы уже битый час по фекалиям идем. Какая, к дьяволу, глинка?!

Чародейки сдавленно захихикали, ненадолго отвлекшись от ароматных реалий канализации. Хьюго, не совсем понимая, чем вызван неуместный приступ веселья, пробубнил себе под нос что-то нелестное на этот счет, поскользнулся и чуть не распластался на дне лаза. Из темной дыры в потолке отчетливо несло печально знакомым ароматом, не спасало даже заклинание Анны.

– Кажется, это здесь, – хрипло выдохнул юноша. – Я уверен, лилось отсюда!

– А толку? Мы туда все равно не пролезем, – проворчала ди Эроен, которой сейчас больше всего на свете хотелось забраться в ванную и долго-долго отмыться. А после вылить на себя не меньше флакона какой-нибудь «Шанели № 5».

– Если верить Хьюго, то мы находимся под Клементинумом. Давайте пройдем еще немного, возможно, там будет выход в здание, – предложила Анна.

Рваные звуки не то клавесина, не то фортепиано стали громче, но доносились не из этой узкой дыры. Не успели они проползти и десяти метров, как наткнулись на достаточно широкий колодец, уходящий вверх. Из стены торчали проржавевшие склизкие скобы. Неопознанный инструмент звучал совершенно отчетливо. Сквозь круглую решетку вниз падали лучи приглушенного света. Секунду поколебавшись, де Крайто полез наверх. Выждав, пока он достаточно поднимется, Анна двинулась следом. Госпоже ди Эроен досталась сомнительная прелесть замыкающего. Осторожно поддев тяжелую решетку магическим ломиком, Хьюго, стараясь не шуметь, отодвинул ее в сторону и выбрался наружу, настороженно осматриваясь. Видимо, когда-то здесь размещалась прачечная, а сейчас ушлые иезуиты приспособили чаны и центрифуги стиральных машин под свои

нужды. Тусклое освещение не позволяло толком разглядеть их содержимое, но де Крайто решил, что это и к лучшему.

– Хьюго, – встревоженно окликнула Анна, – музыка закончилась...

– Мм? – Юноша недоуменно вскинул бровь. А он-то и не обратил внимания на внезапно установившуюся тишину.

Внезапно чьи-то вкрадчивые, но какие-то неровные шаги заставили дипломатов резко обернуться. У дальней стены действительно стоял клавесин, а музыкант неспешно направлялся к ним, подволакивая ногу. Кожи на его кистях почти не было – мышцы, перевитые сухожилиями, а местами и голые плюсны. Теперь становилось ясно, почему мелодия звучала столь рвано. Рубашка на груди подрагивала в такт пульсации открытого сердца. Левую половину лица обезображивала язва, разрушившая нижнее веко и кожу на скуле. Впрочем, Анне вполне хватило и того, что осталось. Перед ними стоял Эльдар Керн собственной полуразложившейся персоной. Да-да, тот якобы погибший в Петербурге маг...

К несчастью, княжна поняла это слишком поздно. Керн взмахнул руками, и комната потонула во вспышке мертвенно-синего света. Де Крайто еще услышал, как вскрикнула госпожа демонолог, так и не успевшая выбраться наверх, и инстинктивно отшвырнул княжну себе за спину. А дальше тьма навалилась на него, уподобившись закрывшейся плите склепа, отрезав сознание от мира...

Пристроившись у стрельчатого окна в южном коридоре собора Святого Матиаша, достойный князь Высокого дома Эрик ди Таэ играл в шахматы с не менее достойным наместником ордена иезуитов в Нейтральной зоне, его благодетельным братом Юлианом. Князь пребывал в здравом уме и твердой памяти, более того – в недюжинной заинтересованности развернувшейся партией. Хотя поначалу, услышав, как его окликают, Эрик немало подивился и предложению, и предлагающему.

– Извольте поинтересоваться, достойный, э-э-э...

– Брат Юлиан, – скромно поклонился иезуит.

– Ага, брат ты мне или не брат, рад ты мне или не рад... – бесцеремонно промурлыкал князь. – Уважаемый Каин, вы что, смазали фигуры ядом? Так ведь не по-братски это как-то! Право не стоило, существуют куда более действенные способы меня убить.

– Ну что вы, – притворно возмущился достойный профессор, – я же исключительно по-добрососедски... Библейские Авель и Каин здесь ни при чем. Представьте себе, я столько времени не имел возможности сыграть с достойным противником.

– Хорошо, – с ухмылкой согласился чародей, подлетая к подоконнику, на котором стояла доска. – Только, чур, не на раздевание!

Иезуит играл белыми, успев двинуть вперед точеную фигурку из слоновой кости. Целитель хмыкнул и ответил тем же, виртуозно пролевитировав черную пешку с одной клетки на другую. Щека брата Юлиана нервически дернулась. Эрик, продолжая мило улыбаться, ждал следующего хода.

– Князь, позвольте узнать, что связывает потомственного чародея и великого инквизитора?

– О, случайность, не более. – Эрик пролевитировал очередную фигурку. – А вас? Что вас связывает с господином Фартом?

– Тоже... случайность... – сквозь зубы процедил брат Юлиан, наблюдая, как ди Таэ изящной комбинацией стремится убрать его ферзя, и невольно вспоминая, как семь лет назад, пытаясь подвести под монастырь дотошного экзорциста, сам едва не угодил в застенки церковного трибунала и лишился всех своих разработок и материалов. – Однако я бы настоятельно советовал вам держаться от него подальше. Мои отношения с отцом Фартом – это немного не ваше дело...

– Конечно, – растягивая гласные, ответил целитель, – я обязательно внемлю вашим советам... когда-нибудь... возможно... А пока вам шах и мат, почтеннейший, – лучезарно улыбнулся Эрик, исчезая в окне телепорта.

Брат Юлиан лишь злобно скрежетнул зубами, хмуро рассматривая шахматную доску. Впрочем, он и не рассчитывал договориться по-хорошему. Он рассчитывал на шахматную партию в свою пользу, но и здесь князь ди Таэ не оставил ему никаких шансов...

Глава 5

А вы пробовали подсчитать, сколь часто мы задумываемся о превратностях судьбы, преподносящей нам неожиданности и сюрпризы? Точнее, это лишь нам, невеждам, кажется, что эти происшествия по сути своей неожиданны и весьма сюрпризны, причем по большей части – неприятно. Однако стоит присмотреться поближе, напрочь память – и вот уже все выглядит закономерно и логично. Вот она, причинно-следственная цепочка во всей своей звеньевой красе! Там забыли, тут пропустили, здесь лишнее лягнули – и нате вам, чего заслужили, получите – распишитесь! А вы говорите «сюрпризы»...

Глава инквизиции Нейтральной зоны, его благочестие отец Габриэль Фарт задумчиво переводил взгляд то на стопки скопившейся за время его болезни документации, то на изуродованную длинными багровыми рубцами руку. От последствий фатальной поездки он оправился не так давно, а швы на руке князь снял и вовсе два дня назад. К тому же после неудачного покушения (второго!) при нем в качестве телохранителей все время находились двое гвардейцев внутренней инквизиторской стражи.

Во второй раз после приснопамятного пробуждения в гробу он очнулся уже у себя дома. У входа в комнату, выдавая какие-то указания двум только что присланным телохранителям, стоял Вилдар Криэ. После всего случившегося Габриэль ожидал увидеть здесь кого угодно, вплоть до привидевшейся давеча ангелоподобной девы, но никак не профессора Криэ. Отпустив гвардейцев, тот развернулся в комнату и смерил очнувшегося Фарта укоризненным взглядом.

– Друг мой, возможно, я лишь повторю сказанное другими, – ворчливо произнес Криэ, – но не лезли бы вы куда не надо – целее были бы. Благородство – оно, конечно, штука хорошая, но до добра не доводит.

– Вас это, насколько мне известно, никогда не останавливало, – хрипловато откликнулся Фарт, приподнимаясь на локтях.

– За что бит бывал неоднократно, – усмехнулся Профессор. – Но тут уж горбатого могила исправит...

Сейчас же, в свете размышлений об этом разговоре, досточтимому отцу Фарту вспомнился совсем другой диалог, семилетней давности, начавшийся, как ни странно, с той же самой фразы, произнесенной Криэ. Только ситуация в тот раз приключилась несколько иная. Господин Фарт, тогда еще преподаватель экзорцистики на духовном факультете Венского университета, начал оказывать знаки внимания мастеру-демологу Ингерде ди Эроен. Обета безбрачия Габриэль не давал, и посему никаких особых препон к подбиванию клиньев к очаровательной госпоже не видел. А уж наличие у той маленького сына и настоятельные рекомендации коллег держаться от ди Эроен подальше и вовсе за препоны не считал. Не остановился он и тогда, когда сию рекомендацию деликатно повторил ему профессор теологии Вилдар Криэ, считавшийся «другом семьи» и негласным щитом ди Эроен в университете. Сама же Ингерда относилась к новоявленному воздыхателю исключительно с дружелюбной вежливостью, пока тот не стал слишком настойчив.

Наблюдая все усиливавшуюся активность экзорциста, профессор Криэ повторил свою рекомендацию, правда, уже не так деликатно, завершив оную приглашением на беседу тет-а-тет в Венском лесу на закате. Габриэль Фарт, к тому времени уже всю расследовавший участившиеся случаи одержимости в городе, безоговорочно согласился, имея в Венском лесу дела и помимо разговора с Криэ. И начался этот судьбоносный разговор с той самой фразы, кою Профессор повторил семь лет спустя:

– Не лезли бы вы куда не надо, друг мой, целее будете.

Правда, семь лет назад эта фраза имела под собой несколько иную почву, и в ответ

Фарт прореагировал довольно невежливой тирадой. Когда Профессору надоело выслушивать бурный эмоциональный пассаж, он попросту отвесил зарвавшемуся коллеге резкую оплеуху. Исключительно для приведения в чувство. Экзорцист не замедлил ответить тем же. Завязалась драка, точнее, Вилдар довольно быстро прижал противника к земле и отвесил еще несколько отрезвляющих пощечин, уже более чувствительных, нежели первая. При этом он настоятельно попросил Габриэля оставить госпожу ди Эроен в покое и переключить свое внимание на кого-нибудь другого, благо дам вокруг хватает. Отец Фарт уже вознамерился огрызнуться, но тут началось форменное светопреставление...

Неизвестных могил под кустиками за все годы существования Венского леса скопилось довольно много, и неупокоенных душ там обитало предостаточно. Большинство из них спали, а бодрствующим не было до людей никакого дела, но сейчас все они будто взбесились, или, точнее, их взбесили. Вокруг сцепившихся мужчин мгновенно закружился воющий и визжащий призрачный хоровод, норовящий прикончить чужаков на своей территории. Профессиональные навыки Фарта мгновенно дали о себе знать, заглушив ощущение обиды. Да и Криз, как выяснилось, оказался не лыком шит. Спустя пару минут им удалось частично разогнать или частично успокоить взбесившихся духов. Габриэль сразу же кинулся туда, где, по его мнению, прятался незадачливый виновник происшедшего. Догнать он никого не догнал, зато выяснил две немаловажные вещи. Первое: ниточки расследования точно ведут к ордену иезуитов, о чем свидетельствовало потерянное беглецом распятие с оттиском «Общество Иисуса». И второе: за неизвестным иезуитом тянулся весьма специфический ментальный душок, такой обычно оставляют после себя те, кто довольно часто работает с мертвыми. Теперь Фарт уже не сомневался, что рано или поздно сможет вычислить прыткого беглеца...

А через два дня ему среди ночи нанесли визит профессор Криз и госпожа ди Эроен. Своего спутника, высокого пожилого мужчину, они представили как Якоба фон Кройца, главу инквизиции в Германии, и в двух словах обрисовали Фарту, в какие неприятности экзорцист угодил: иезуиты донесли на Габриэля в церковный трибунал. А господину фон Кройцу как раз срочно требовался старший дознаватель. О том, что в трибунал на него мог донести и Криз, у экзорциста не возникло даже мысли – по университету во всех мыслимых и немыслимых вариантах уже много лет гуляла история, как господин Вилдар в молодости угодил в подвалы трибунала. Какова в этих историях доля правды, неизвестно, но то, что Криз прятал под широкими кожаными браслетами следы от «кандалов правды», применяемых в трибунале, – факт непреложный.

Немного поразмыслив, достойный отец Фарт довольно быстро пришел к выводу, что должность старшего дознавателя все же предпочтительней застенков трибунала, и утром спешно отбыл с господином фон Кройцем в Айзенах. Таким образом, его расследование прекратилось на долгих семь лет... Уже намного позже, наводя справки и сопоставляя происшествия в Вене и землях близ замка Вартбург, Фарт узнал, что после событий в Венском лесу и спешного отъезда самого экзорциста под подозрение церковного трибунала попал представитель ордена иезуитов брат Юлиан Мориц. Впрочем, паршивец еще легко отделался – его всего лишь отстранили от проекта, над которым он работал.

И только сейчас, много лет спустя, инквизитора вдруг осенила гениальная догадка: тот иезуит-беглец и нынешний наместник ордена в Нейтральной зоне – одно и то же лицо, брат Юлиан Мориц. Теперь Фарту становилось понятно многое: и столь неожиданное назначение его великим инквизитором, и въезд ордена в бывшую штаб-квартиру спецотдела. А еще – подоплека неумного желания иезуитов сравнить между собой нового великого инквизитора и господ дипломатов. Вне сомнения, причина у всех этих событий одна: брат Юлиан помнил, кому он обязан своим унижением, и очень хотел отомстить!

Жози отодвинула в сторону коробку с документами и устало вздохнула. Недавняя работа в библиотеке хранителей ныне казалась ей сущим развлечением, естественно, по сравнению с теми бумажными рудниками, на которые ее загнала госпожа Пшертневская. Да

и сама новая начальница немногим отличалась от Лоренсии Скрипто, во всяком случае почти не уступала ей по части садистских замашек и рабовладельческих наклонностей. Ибо додуматься до того, чтобы заставить Жози разгребать идиотские отчеты, за несколько лет скопившиеся в архиве спецотдела, могла только очень жестокая личность!

Андрогин потер слезящиеся от пыли глаза, уныло провел ладонью по залоснившимся волосам и подтянул бретельку бюстгальтера, давно утратившего первозданную свежесть. Последние несколько дней Жози пребывал в романтическом настроении и поэтому предпочел оставаться в женской ипостаси, располагающей к легкой рассеянности и мечтательности. А как всем известно, лучшие друзья девушек – отнюдь не бриллианты, но мыло, шампунь и зубной порошок. Блондинка категорично задвинула в угол шестую с утра коробку с отчетами дипломатов, требующую сортировки, и сдернула со стула красную кожаную куртку. Возможно, госпожа Пшертневская и не одобрит самовольно укороченного рабочего дня, но на сегодня с Жози хватит. Баста! Остаток дня она проведет наедине с горячей водой, ароматной пеной, массажной щеткой и чашечкой кофе. И пусть весь мир, вернее, архив спецотдела, подождет!

Жози запирала на замок двери архива, когда робкое похлопывание по плечу заставило ее отвлечься от столь важного занятия. Блондинка нервно обернулась, ожидая увидеть начальницу, поймавшую ее на месте преступления, но натолкнулась взглядом на невзрачного человечка неопределенного возраста, облаченного в форменную рясу сотрудника синодальной канцелярии.

– Что вам, любезнейший? – не очень-то вежливо спросила библиотекарь, успокаивая бешено колотящееся от испуга сердце.

Монах поклонился и вручил Жози письмо, запечатанное расплывшейся сургучной печатью.

– Дождь! – коротко пояснил он, указывая на свое насквозь промокшее одеяние.

Блондинка сочувственно кивнула и вскрыла раскисший конверт. Внутри она нашла короткую записку, подписанную жутко смазанными, совершенно нечитабельными инициалами. К удивлению Жози, сам текст письма выглядел вполне сносно и предписывал ей немедленно отправиться в небольшой книжный магазинчик, расположенный в паре кварталов от церкви Святого Матиаша, дабы забрать канцтовары, предназначенные для госпожи Пшертневской.

– А в другой день никак? – жалобно проскулила Жози, не желая расставаться с мечтой о вождельном отдыхе.

– Никак! – ультимативно качнул головой монах. – Впрочем, я могу отнести письмо госпоже кардиналу, и она сама...

– Нет! – панически вздрогнула архивариус, от подобной перспективы аж покрываясь холодным потом. – Не вздумайте, я сама все получу и доставлю сюда в лучшем виде!

Монах снова поклонился и чинно удалился восвояси, посчитав свои обязанности исполненными. Жози издала еще один душераздирающий стон и вышла на улицу. Зонт остался где-то в архиве, похороненный под коробками с бумагами, а потому девушка моментально промокла, ссутилась и обреченно побрела вдоль домов, мысленно проклиная свою жестокую судьбу...

Если кто-то скажет вам, что быть магом легко и приятно, плюньте в его бесстыжие глаза, ибо перед вами находится либо исходящий завистью невежда, либо рекрутер магического учебного заведения. Быть магом – это не только спать на чистых простынях, прогуливаться по улице с гордо поднятой головой, наливать себе кофе щелчком пальцев и левитировать утреннюю газету с журнального столика. Быть магом – это в основном и чаще всего: бегать по кладбищам, ползать по канализациям и воро... пардон – левитировать печатную продукцию из чужих ящиков, потому как на покупку собственной нет ни времени, ни денег. А кофе чаще всего приходится наливать не себе в чашку, а противнику за шиворот, да такой, чтобы аж кипел. Да еще, например, приходить в себя в совершенно неподобающих

честному магу, а пуще того – магичке, условиях...

Ингерда ди Эроен, верх стиля и элегантности, пришла в себя лежа, что называется, «мордой в луже». Подобных казусов с достойной госпожой демонологом не происходило даже в те редкие моменты, когда ей случалось перебраться на какой-нибудь вечеринке. Она просто успевала уверенной змеобразной походкой добраться до надежного мужского плеча господина Криэ.

– Эхх-кх... о-ох... – прокашляла-простонала госпожа ди Эроен, подергивая легкой рябью грязную воду, уже начавшую по краям братья ледком.

Ингерда тщетно пыталась проморгаться, перед глазами до сих пор шли синие вспышки. Оглушенная и ослепленная заклятием Эльдара Керна, она сорвалась со скоб и наверняка бы расшиблась о дно хода-колодца, если бы не амулет, подаренный ей в свое время демоном Тэразом как раз для таких ситуаций. Демон заточил в кусочек дымчатого кварца частицу себя, и созданный таким образом амулет всегда уводил свою хозяйку из-под удара. С телепортацией этот способ не имел ничего общего, будучи более быстрым и стабильным, но с ма-ахоньким побочным эффектом: объект перемещался темными тропами потусторонья и по выходе обморок и ломота во всем теле были обеспечены. Впрочем, Ингерда находила это вполне приемлемой платой за спасенную жизнь.

С трудом подтянув под себя затекшие конечности, госпожа ди Эроен, кряхтя, поднялась на четвереньки и скосила глаза вниз. Черт с ней, с курткой, демон со штанами, а вот платок, платок из настоящего китайского шелка, оказался безнадежно изгажен! Ингерда раздраженно зарычала и тут же задавила kloкочущее ворчание в горле. Человеческая глотка такие звуки издавать не может – это демонолог знала точно. Рычание, однако, продолжилось, и тут до женщины дошло, что эти звуки производит отнюдь не она. Ди Эроен медленно подняла голову. Хотя Прагу уже окутала ранняя осенняя ночь, демонолог вполне смогла рассмотреть угловатую фигуру с фосфоресцирующими глазами метрах в пяти от себя. Ингерда, как была на четвереньках, машинально попятилась, понимая, что ни пять метров, ни пятьдесят ее от гуля не спасут. Вот пятьсот – еще может быть... А в том, что перед ней гуль, то ли случайно уцелевший, то ли выпущенный уже после эксперимента, она не сомневалась.

Чудовище издало еще один утробный рык и прыгнуло... Ингерда обреченно зажмурилась... Но внезапно нечто непонятное схватило пятящуюся магичку за шиворот и резко рвануло назад, выдернув из темного переулка на широкую, освещенную фонарями улицу. Ди Эроен, кувыркнувшись через голову, пролетела по брусчатке и с плеском уселась в очередную лужу под фонарем. Темная фигура кинулась наперерез гулю, тускло сверкнуло лезвие на замахе, и голова монстра покатила по мостовой. Обезглавленное тело медленно завалилось спиной назад, конвульсивно дергая конечностями и забрызгивая камни темной кровью. А Ингерда сидела в луже и глупо тарасилась то на издыхающего гуля, то на своего спасителя – человека в черном рединготе и высоких сапогах... Тот уже успел сунуть клинок в ножны, тем самым превращая шпагу в черную трость с медным набалдашником. Что-то в этой фигуре было знакомое, можно даже сказать, родное...

– Стар я уже для таких фокусов, – потирая растянутое запястье, пробормотал мужчина, шагая в круг света и нависая над госпожой демонологом, словно неумолимый рок.

– Э... привет, Дар, – приветственно помахала она ему рукой, состроив невинные глаза и не стремясь покидать лужу.

Но профессор Вилдар Криэ лишь укоризненно покачал головой и молча вздернул обожаемую супругу на ноги...

Его благочестие наместник ордена иезуитов в Нейтральной зоне брат Юлиан задумчиво взидал на несколько темных флаконов, уютно расположившихся на подставке рядом с раскрытой записной книжкой, и предавался воспоминаниям. Воспоминания были довольно болезненные, бередящие его непомерное самолюбие, и охватывали весьма продолжительный период жизни длиной в семь лет. Именно семь лет назад из-за досадной

стычки с Габриэлем Фартом брат Юлиан угодил в довольно щекотливую ситуацию, подпав под надзор церковного трибунала. Орден иезуитов таких ошибок не прощает даже своим лучшим братьям. Чего стоит одна история с ликантропосом, когда после разыгравшейся эпидемии Волчьего мора генерал ордена безоговорочно выдал трибуналу всех создателей состава, а документы, хоть и неохотно, передал на хранение Высокому дому Скрипто, как того потребовали древние. Ликантропос-то создавался не для баловства, а как оружие против нелюдей.

Незавидная доля ожидала бы и Юлиана, да только трибунал не нашел достаточно доказательств и выдвинутое против него обвинение развалилось за отсутствием улик. Но пока суд да дело, проект амбициозного иезуита, на дух не переносившего всех без исключения древних, успели отдать другому – по мнению Юлиана, дураку и полной бездарности, который не придумал ничего лучше, как засветиться перед инквизицией. В отличие от судий трибунала излишне амбициозный мэтр Саграда, тогда еще старший магистр, оказался не столь принципиален. Уж больно господина Христобаля заинтересовал резеректум – состав для восстановления мертвой плоти. Инквизитор предложил невезучему продолжателю брата Юлиана равноценный обмен: жизнь на материалы проекта.

Узнав о последующей утрате документов, брат Юлиан рвал и метал. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло...

Событие, произошедшее чуть меньше двух лет назад в церкви Святой Екатерины – вотчине иезуитов в Санкт-Петербурге, всколыхнуло весь орден. На церковном кладбище появился очень странный оживший мертвец. В изодранной одежде, со специфическими повреждениями кожных покровов, он выбрался из безымянной могилы, устроенной за счет города. При этом несчастный разговаривал, пусть и не всегда внятно, и казался вполне разумным существом, что для оживших покойников немного не характерно. Примчавшись в спешном порядке в Петербург, брат Юлиан довольно быстро понял, что перед ним живой, пусть и несколько потрепанный, человек. Кстати, сильно смахивающий на Франкенштейна. Звали экс-мертвеца Эльдар Керн. При жизни – вольный боевой маг и алхимик. В ходе дотошной беседы выяснилось, что он работал на достойного мэтра Саграду и погиб в результате досадного несчастного случая. Погиб, а потом ожил! Как ожил? А вот тут и началось самое интересное...

Оказывается, великий инквизитор был не чужд идее вечной жизни, а иезуитские материалы, некогда полученные от брата Юлиана, натолкнули его на мысль о том, как заставить организм самообновляться. Ведь Саграда хоть и являлся посвященным некромантом, но самовозрождаться, увы, не мог. К несчастью, знаний Саграды не хватало на дальнейшую разработку теории, но вот тут-то и пригодилось давнее знакомство с Керном. Маг взялся претворить разработку в жизнь. Кое-что подправив и изменив, Керн получил весьма занятный состав, похожий на изначальный вариант резеректума, но чуть другой. Однако чтобы в нужный момент запустились процессы регенерации, зелье требовалось принимать довольно длительное время, а после – иногда повторять курс для поддержания эффекта. Вот он и принимал, проводя эксперимент на себе. Знал ли об этом ныне покойный мэтр Саграда? Нет, не знал. А результат? Результат перед вами. Правда, он не успел до гибели в достаточном количестве принять зелье, поэтому тело немного, гм, не в идеальном состоянии, но жить можно.

У брата Юлиана сразу возник закономерный вопрос: сможет ли господин Керн по памяти восстановить состав? Да, но зачем же по памяти? В Цюрихе хранятся копии документов. А не хочет ли господин Керн сменить нанимателя? Хочет, ибо господину Керну некуда деваться, сейчас он наймется хоть в пекло грешников варить. По мнению брата Юлиана, именно в пекле Эльдару Керну было самое место, но иезуит мудро промолчал и они ударили по рукам. Хотя достойного професса до сих пор передергивало при воспоминании о прикосновении тех лишенных кожи пальцев к своим...

Закипела работа. Первичная разработка Керна, помеченная его благочестием – «для личного пользования», тихонько улеглась в тайный ящик и в ордене более не всплывала.

Правда, Керну удалось выторговать разрешение на приготовление небольшого количества зелья для восстановления собственного организма. Ну очень небольшого, ровно такого, чтобы кожа кусками не отваливалась. Зато им удалось восстановить и усовершенствовать изначальную задумку Юлиана. Так обрел свою вторую жизнь резектум – воскреситель: зелье, превращающее мертвецов в гулей...

И без того проливной дождь все усиливался, превратившись в сплошную водяную стену. Жози уныло брела по улице, засунув кулаки в карманы курточки и хлюпая размокшими ботинками. Внезапно, случайно подняв взгляд, девушка различила худошавую женскую фигуру, закутанную в непромокаемый плащ и идущую к ней навстречу. Блондинка недоуменно прищурилась, а в следующий миг со всех ног помчалась вниз по переулку, ибо в приближающейся даме она безошибочно опознала своего злейшего врага...

Госпожа хранительница Лоренсия Скрипто с трудом сдерживала закипающий в душе гнев, сосредоточившись на процессе левитирования, позволяющем плыть в воздухе, держась в полуметре над мостовой. Мокрые волосы пришлось заплести в косу, так ей не идущую, а теперь еще не хватало угробить новые, шелковые, дорожные эльфийские туфли... Хотя они и так уже безвозвратно испорчены. Досточтимая дама злобно скрежетала зубами, мысленно на все лады костеря и треклятую Нейтральную зону с ее поганой погодой, и собственную неосмотрительность, и коварного кардинала Дэпле, который пообещал выманить сбежавшего андрогина из его укрытия. Пообещал, но так ничего и не сделал! Неожиданно госпожа Скрипто заметила насквозь мокрую девчонку, одетую в вульгарную красную куртку. Девица стремглав неслась сквозь дождь. Занятая своими размышлениями, хранительница только недоуменно пожала плечами, презирая человеческую суетливость...

К непогоде у Габриэля Фарта нестерпимо разболелась едва зажившая рука. Покинув собственный кабинет и кивком головы остановив готовых отправиться за ним охранников, великий инквизитор медленно пошел к дому Эрика ди Таэ, решив попросить того провести какое-нибудь дополнительное лечение. Невзирая на недоверие к целителю, отец Фарт сильно восхищался его лекарским талантом, а кроме того, никак не мог побороть невольную симпатию, медленно разгорающуюся в сердце. Да, господин маг стоял по другую сторону баррикады, но при этом не только являлся спасителем Габриэля, но и производил впечатление исключительно порядочной личности. Впрочем, их принципиальное противостояние даже забавляло Фарта, заставляя вспомнить избитую старинную истину: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты сам».

Инквизитор поскользнулся в луже и чуть не упал, как вдруг из стены дождя на него выпрыгнула худошавая фигурка с прилизанными волосами, облаченная в красную курточку и узкие брючки-дудочки. Выпрыгнула и чуть не сбила с ног и так неуверенно балансирующего на мокрой мостовой Фарта. Габриэль невольно ухватился за руку своего обидчика, взглянул повнимательнее...

– Как, это вы? – потрясенно вскричал отец Фарт, узнав в насквозь промокшей незнакомке своего ангела-спасителя, девушку с белокурыми волосами и разноцветными глазами. – А я... – Договорить он не успел, потому что властительница его грез крепче сжала пальцы инквизитора и расплылась в восторженной улыбке.

– Няшечка, это же ты! – радостно заверещала она. – Знаешь, я начинаю снова верить в свою судьбу, а то сегодняшний день начался так... – Девушка многозначительно махнула рукой, не в силах описать переполняющие ее чувства, повернулась на каблуках и... Испуганно замерла, уставившись в переулок... А потом резко схватила Фарта за уши, притянула к себе и впилась в его губы страстным поцелуем!

Лоренсия Скрипто не отводила взгляда от своих туфель, вот-вот готовившихся «отбыть на тот свет». Драгоценный шелк не выдержал ливневого напора и расползся, словно бумага, превратившись в жалкие лохмотья, на коих каким-то чудом еще держались подошвы.

Понятное дело, хранительница уже совершенно не смотрела по сторонам, в уме подсчитывая нанесенный ей урон и готовясь предъявить кардиналу Дэпле трехзначный счет – за физический и моральный ущерб, так сказать. Поэтому она почти не обратила внимания на страстно целующуюся парочку, лишь позлорадствовала, что девчонке в безвкусной куртке достался не менее невзрачный кавалер – худой, такой же мокрый, облаченный в прилипшую к ногам сутану. А затем госпожа Скрипто плюнула на сбежавшего андрогина, пообещав себе заняться им позже, и, распахнув окно портала, экстренно телепортировалась домой. Сушиться и оплакивать зря загубленные туфли.

– Йо-о-огурт без даты! – шокированно выругался Габриэль Фарт, после того как блондинка отпустила его чуть не оторванные уши и отлипла от распухших губ. – Что же вы наделали!

– Ты меня спас! – ликующе объявила блондинка, оглядываясь по сторонам. – Она ушла!

– Кто? – ошалело захлопал ресницами отец Фарт. – Здесь же никого нет.

– Тощая, в черном плаще, женщина с косой... – вдохновенно описывала насильница.

– Смерть? – не поверил Фарт. – И из-за нее ты загубила мою душу?

– Тебе не понравилось? – изумилась Жози. – Нет, – она элегично закатила глаза, – ты должен признать, что наш первый поцелуй стал самым романтичным, самым трепетным, самым...

– Мокрым! – сердито подсказал верховный инквизитор и быстро пошел прочь, путаясь в заплетающихся ногах и в собственных не менее запутанных мыслях.

А ничего не понимающая Жози долго смотрела ему вслед, ощущая себя странно счастливой. Вопреки усталости, нудному дождю и вообще всем бедам на свете!

Всякий человек, который волей судьбы на некоторое время оказывался в роли слепого, а после вновь начинал видеть, больше всего боится однажды открыть глаза и опять увидеть вместо ярких красок темноту.

Хьюго вскинулся, будто от невидимого толчка, и открыл глаза. Вокруг было темно хоть глаз выколи. По спине юноши немедленно потек холодный липкий пот. Неужели ситуация, случившаяся в замке ди Амбер, повторилась и он снова ослеп? И теперь лишь один бог знает, как надолго... Попытка ощупать лицо с треском провалилась – руки оказались туго скручены за спиной и, кажется, еще к чему-то привязаны. Де Крайто тщетно пытался подавить разрастающуюся в душе панику.

Где-то сбоку раздались звуки шагов, скрипнула открываемая дверь, щелкнул выключатель и вспыхнул тусклый свет. Однако и его оказалось достаточно, чтобы больно резануть по глазам.

– ...!!! – коротко, емко и с некоей долей облегчения охарактеризовал ситуацию Хьюго. По крайней мере, он не ослеп.

Юноша обвел взглядом комнату, а точнее, аудиторию, уставленную старинными партами. К одной из них его и прикрутили, а чуть поодаль к такой же привязали княжну. Бледная до синевы чародейка до сих пор не пришла в сознание, и это де Крайто совершенно не понравилось. Однако здешняя аскетичная обстановка ничуть не удивила молодого мага. Насколько он помнил, еще задолго до войны Двух Миров в здании Клементинума располагался иезуитский колледж, после превращенный в светскую библиотеку. А несколько лет назад ордену со скандалом удалось вернуть себе здание и вновь устроить в нем колледж. И, судя по всему, не только колледж...

Вскинув голову, Хьюго исподлобья рассматривал двоих вошедших. При взгляде на обезображенное лицо Керна его передернуло. Второй – невысокий человечек в серой сутане, с бритой тонзурой на макушке и рассеянными глазами фанатичного ученого – обвел аудиторию взглядом.

– Брат Эльдар, право, за что вы так обошлись с бедной девушкой? – пискляво поинтересовался он, указывая куда-то вверх.

Хьюго невольно поднял глаза и увидел над Анной какой-то мерцающий узор.

«Эта дрянь выкачивает из нее силы...» – интуитивно догадался он, чувствуя, как внутри закипает ярость. Юноша резко дернулся, пытаясь освободиться, но веревки лишь сильнее впились в тело.

– Вот и ее друг этого не одобряет, – продолжил иезуит. – Брат Эльдар, уберите сие бесовское непотребство, во имя Господа. Ваша личная неприязнь – еще не повод лишать меня собеседников. Брат Эльдар! – с нажимом прикрикнул на него монах.

– Я... ва... не бра... – глотая окончания, недовольно буркнул Керн, но заклинание над княжной деактивировал.

Анна со стоном дернулась, не спеша приходить в себя, но синюшная бледность постепенно начала сходиться с ее лица.

– Ах, дорогая моя госпожа, вам нужно бережнее относиться к своему драгоценному здоровью! – трагически простонал иезуит, подходя к княжне ди Таэ и подсовывая ей под нос какой-то флакон, источающий резкий бодрящий запах. – Такой красивой девушке не следует увлекаться различными сомнительными авантюрами...

Хьюго снова подался вперед, сиюсь освободиться. Еще неизвестно, что за гадость этот червяк подсовывает Анне.

– А вам, молодой человек, следует быть спокойнее, – наставительно прокомментировал иезуит. – Кстати, меня зовут брат Марис. Я всего лишь оказываю вашей подруге необходимую помощь.

– Боюсь, как бы после вашей помощи она...

– ...не начала летать на метле и пить кровь? – Брат Марис оказался не лишен чувства юмора.

– Да нет, тут вы опоздали, это у нее врожденное, – притворно вздохнул де Крайто, довольно глядя на вытянувшееся лицо монаха.

– Ведьма?! – От неожиданности иезуит подпрыгнул и выронил флакон. Тот со звоном разбился об пол, рассыпая осколки и ароматическую соль.

– Только не говорите, что меня надо немедленно сжечь на костре, – поморщилась Анна, приходя в себя. – Это уже не оригинально.

– А что, пытались? – Орденец оказался не чужд любопытства.

– Да, и причем о-го-го какие ведьмоборцы, не вам чета. – Княжна дернулась, натягивая веревки.

Хьюго, наблюдая за происходящим, чуть успокоился.

– Я уверен, Господь не оставил без награды их попытку спасти вашу душу, – патетично пискнул иезуит.

– О да... все они сейчас имеют честь общаться с Господом... – Княжна выдержала паузу. – Лично! – мстительно закончила она, криво улыбувшись. – И спрашивается, какого черта вы напали на сотрудников Дипломатического корпуса при исполнении?! Развяжите нас немедленно!

Монах отступил на шаг и кинулся к кафедре, на которой лежали отобранные у пленников вещи, в частности жетоны Дипломатического корпуса. Секунду он таращился на серебряные кругляши с именами, что-то бормоча себе под нос, а затем устоял на застывшем столбом Эльдара Керна. Тот лишь кивнул, буркнув себе под нос что-то неразборчивое.

– И что же вы исполняли, любезнейшие? – ядовито-приторным голосом поинтересовался брат Марис.

– Арию дипломатов из оперы «Кто гадит в реку?», акапелла, – с невинным видом ехидно произнес Хьюго.

Княжна сдавленно хрюкнула, пытаясь подавить смешок. Все-таки врожденное ехидство, свойственное исключительно магам, никакое монастырское воспитание не скроет.

Иезуита передернуло. Отбросив жетоны обратно на стол, он схватил Эльдара Керна за ворот и прошипел в изуродованное лицо:

– Керн, идиот вы эдакий, зачем вы набросились на них? Они всего-то расследовали жалобу водяных! Что теперь прикажете нам делать?! – Брат Марис очень старался шипеть так, чтобы пленники его не услышали, но акустика в старинном здании была хорошая и все его усилия пропали втуне.

– Убейте, – спокойно и чуть невнятно откликнулся маг, пожав плечами.

– А давайте вы отдадите нам ларец из чумной колонны, и взамен мы не станем распространяться о сегодняшнем недоразумении, – внесла свое предложение Анна ди Таэ.

– Не получится, – машинально ответил монах, – его здесь нет... Чего?! – До него вдруг дошло, что пленникам вообще-то знать о ларце не полагается.

– Ну вот, теперь нас точно убьют... – проворчал Хьюго себе под нос, высвобождая одну руку из ослабевшей веревочной петли. Пока княжна торговалась с иезуитом, у де Крайто возникла оригинальная идея, и он принялся немедленно претворять ее в жизнь.

Первое, чему учат магов, – это чувствовать свою стихию, черпать из нее силы и призывать, когда потребуется. А еще неопытных стихийных магов обучают контролировать потоки энергий, ведь для призыва и управления порой требовалась филигранная точность. Возьмешь чуть меньше, и ничего не выйдет, чуть больше – и сила обратится против тебя самого. Хьюго обычно перебарщивал. Последний такой опыт закончился неглубокой, но весьма широкой воронкой на месте клумбы, волной отменного чернозема, накрывшей незадачливого мага, и кустом бордовых хризантем, приземлившимся точнехонько на голову Анне. На что княжна заметила, дескать, она, конечно, любит когда ей дарят цветы, но предпочитает не такой авангардный метод дарения. Впрочем, сейчас молодой маг земли старался не думать о возможных прискорбных последствиях, он просто звал...

И вот от его пальцев к полу потянулись тонкие, мерцающие зеленую нити. Плиты чуть вздрогнули – камень откликнулся на зов. Еще немного, и пол аудитории заходил ходуном, плотно уложенные плиты пошли волнами. Где-то в глубине здания раздались треск, грохот и чей-то рев.

– Хьюго, прекрати! – сквозь нарастающий шум в ушах долетел до него испуганный голос чародейки.

Эльдар Керн оказался менее демократичен и попросту швырнул в парня сгустком огня. Де Крайто успел превратить заклинание зова в импровизированный щит. Ближайшую парту разнесло в щепки, юношу оглушило и протащило по полу.

– Мразь! – С пронзительным воплем княжна ди Таэ ушла в боевую трансформацию. Удерживающие ее путы лопнули, словно гнилые кружева.

– Даепі, нет! – Хьюго, шатаясь, кинулся к ней. Лицо заливала кровь из рассеченной брови. Его окрика и окровавленного лица вполне хватило, чтобы княжну вышвырнуло обратно из облика.

– Никогда... больше... так... не делай... – глотая воздух, слабым голосом потребовала она, обвисая у него на руках.

Гул и грохот в коридоре нарастали. На секунду все застыли прислушиваясь.

– Интересно, что я сделал не так в этот раз... – разочарованно пробормотал де Крайто, стараясь не выпускать из поля зрения Керна, поигрывавшего еще одним огненным шаром.

Неожиданно раздался глухой рев, и часть стены вместе с дверным проемом рухнула в аудиторию. Над головами просвистели куски старинной кирпичной кладки. Брат Марис стал белее мела, но глаза его восторженно сверкали.

– Вы разбудили голема! – вскрикнул он. – Теперь молитесь, грешники!

Княжна слишком хорошо знала такой взгляд и тон. Именно так выглядел Эрик, когда ему удавалось благополучно завершить какую-то научно-магическую авантюру.

– Мы несколько десятков лет бились над этой задачей! А вы справились за минуту! – хихикал монах.

Вот только радости по этому поводу, кроме Мариса, похоже, никто не испытывал. Маги прекрасно понимали, чем чревата стычка с разъяренным неуправляемым големом. А он уже почти вломился в аудиторию, круша парты. Здоровенная ожившая статуя, жаждущая

уничтожать и ломать. И не важно, доски или человеческие тела.

– Не вздумай использовать магию! – Анна повисла на руке Хьюго, уже готового запустить в голема «таран». – Ты – земля, ты только его усилишь!

– А ты?!

– Без толку! Другая магия его не берет. Нужно стереть слово у него на лбу!

Пронзительный вопль мигом свернул все рассуждения про оборону. Голем добрался до радостно тарашившегося на него иезуита и мощным ударом швырнул того о стену. Керн спустил заготовленный огненный шар и кинулся к пролому, намереваясь сбежать. Аудитория потонула во вспышке синего света. Раздался еще чей-то вскрик. Возня, ругательства... Сквозь витавшую в воздухе известковую пыль мелькнула сияющая звезда Давида, изукрашенная светящейся кабалистикой. Звезда-печать рухнула голему на спину и впиталась, оставляя на глине черные следы. Голем покачнулся и вывалился в окно с треском и звоном, ломая рамы и круша стекло.

– Ну вот, а ты говорила, магия не действует, – с легкой укоризной попенял девушке де Крайто.

– Анна, Хьюго! – Из клубов пыли возникли Профессор и госпожа ди Эроен.

Последняя зажимала левое плечо. Из-под тонких пальцев струилась кровь. Криз поддерживал ее за талию.

– Мы здесь! – откликнулась княжна. – Что случилось?

– Это я у вас должен спрашивать! – раздраженно фыркнул Профессор.

– Я не об этом, – Анна обвела рукой помещение, – я про нее. – Девушка указала на бледную и шатающуюся госпожу ди Эроен.

– Этот урод выскочил на нас и ударил Инку ножом, – прорычал Вилдар, с ненавистью глядя на дверной пролом, где несколько минут назад скрылся Керн.

Хриплый стон заставил княжну отвлечься от Профессора и обернуться. У стены сломанной куклой лежал брат Марис. С первого взгляда на раненого стало ясно, что следующие несколько минут он не переживет. Чародейка присела возле него на корточки.

– Вы странная ведьма, – пробормотал иезуит, хрипло булькнув горлом, – я вам скажу, все скажу... Только наместнику не сообщайте про это недоразумение с вами, а то меня накажут...

Анна удивленно заломила брови. Да он никак бредит! Ему жить осталась минута с четвертью, а он наказания боится!..

– Брат Марис...

– Львов! Ларец из чумной колонны находится во Львове, в самом сердце костела... – Иезуит замолчал и сполз по стене на пол.

Княжна проверила пульс и со вздохом опустила погибшему веки.

– Убираемся отсюда, – резко приказала она, раскрывая окно телепорта...

Глава 6

За стеклами высокого стрельчатого окна шелестел тихий осенний дождь. Судя по тяжелой серой пелене, низко висевшей над городом, это мероприятие грозило затянуться надолго. Госпожа кардинал Злата Пшертневская невесело взглянула в окно, а после перевела взгляд на собравшихся в кабинете коллег, не менее сонных и унылых, чем она сама. В голове мелькнула мысль, что надо сказать нечто бодрящее, иначе общее собрание грозит перетечь в тихий час. Пшертневская задумчиво потерла лоб, собираясь с мыслями.

– Итак, господа дипломаты, – торжественно обратилась она к сонным коллегам, – у нас проблемы!

– Да ну, неужели? – саркастически осведомился князь, тщетно пытаясь вырваться из липких тенет сонливости. – А разве до сего дня у нас их не было?

– Кто бы сомнева-а-лся-а... – даваясь зевком, буркнула Радислава. Она уже почти задремала, свернувшись в клубочек на коленях байкера.

– Проблемы? – Жози, пребывавшая в своей женской ипостаси, совсем по-детски потеряла ладошкой глаза и надула губки. – Фи, как цивилично...

– Проблемы – это наше естественное состояние, Злата... – рассеянно заметил Рид, вяло поправляя скособочившиеся очки.

– Хоть бы чего новенького сказали... – проворчал Виктор. – Глядишь, и спать бы расхотелось...

– Полагаете, я перед вами стриптиз должна станцевать, чтобы вы в работу включились?! – вознегодовала госпожа кардинал.

– Стриптиз мы уже видели, – с вялой ехидцей заметил Эрик. – А вот если бы ты торжественно объявила, что у нас нет никаких проблем, вокруг тишь, гладь, божья благодать и что на ближайший месяц нам объявлен выходной, тогда...

– А почему на месяц? – с наивным любопытством осведомилась Жози.

– Потому что больше месяца благодать обычно не длится, – хмуро заметил Виктор. – Наступают критические дни.

– Я вижу, вы уже достаточно взбодрились, чтобы объективно воспринимать ситуацию! – поспешила вклиниться Злата, пока все вновь не впали в летаргию. – Давайте же займемся делом!

– Мы и так им занимаемся, – подавился зевком байкер.

– Это, каким же, извольте узнать? – саркастически осведомилась Злата.

– Мы спим.

– В таком случае я предлагаю всем сменить вид деятельности и проснуться. Есть новости из Праги. Как сами понимаете, не слишком утешительные. Только не нужно спрашивать о количестве трупов и о том, цел ли город! – предупредительно вскинула руку Пшертневская.

Не зная Эрик о том, что у Златы наблюдается полное отсутствие магических способностей, решил бы, что у нее прорезался провидческий дар. Оценив удивленную физиономию супруга, госпожа кардинал иронично хмыкнула.

– Как любит говорить госпожа ди Эроен, ты слишком громко думаешь, милый. – Она оборотисто улыбнулась.

– Так что же все-таки случилось? – озабоченно спросил Рид, поправляя очки.

– Дело о жалобе водяных приняло неожиданный оборот. Представители ордена иезуитов проявили агрессию против сотрудников отдела, даже не соизволив поинтересоваться, зачем те пришли!

– Это официальная версия? – не поверил Эрик. Он слишком хорошо знал свою сестру и ее напарника.

– Почти, – чуть смутилась Злата, недвусмысленно обведя взглядом кабинет.

Князь не замедлил укрыть комнату пологом неслышимости.

– Они вместе с ди Эроен нашли место, откуда осуществлялся слив отравы в реку, поднялись по колодцу вверх и оказались в Клементинуме, где на них и напали... напал... – Пшертневская сверилась с записями, – некто Эльдар Керн, то ли один из братьев, то ли наемник, работающий на орден.

– Наших бьют! – возмутился Виктор.

– Извините, но, очевидно, в эти сведения закралась какая-то ошибка, ибо Эльдар Керн мертв! – недоверчиво воскликнул Рид. – Уже почти два года как! Я сам видел, как он рухнул на арматуру с высоты четвертого этажа! – Архонт не стал уточнять, что отчасти сам этому поспособствовал. Имелась у святого отца одна способность, о которой он предпочитал не распространяться: ему достаточно было сосредоточить свой взгляд на ком-то, и он мог на пару секунд перехватить контроль над чужим телом. В случае с Керном этого хватило, чтобы пособник Саграды сорвался...

– Почем купила, по том и продала, уж не обессудьте, – отмахнулась Злата. – Вот придет Анна, узнаете от нее все подробности. А я сейчас не об этом. Инцидент с орденом налицо, однако тут удача на нашей стороне. Дэпле и его благочестие брат Юлиан плюются

ядом, но сделать ничего не могут. Факт нападения на сотрудников корпуса очевиден, свалить вину на нас не получится. В результате некомпетентных действий их сотрудников погиб один из братьев, пострадала часть здания. Но все это – следствие козней ордена против наших коллег.

– Так в чем же тогда подвох? – не поняла встрепёнувшаяся Радислава.

– Анна и Хьюго нашли еще часть карты, точнее, узнали, где та находится. Это именно ее добыли иезуиты, повредив чумной столп...

– Только вот возникает вопрос, а стоит ли нам ее забирать? – задумчиво протянул Эрик, что-то прикидывая про себя.

– Ты о чем? – оторопело хлопнула ресницами Пшертневская.

– А вы не обратили внимания, что иезуиты уж как-то больно нейтрально относятся к нашим выходкам? – вопросом на вопрос ответил князь. – Они не прореагировали на нас ни разу: ни когда Рид отправился в Париж, ни когда Радислава перебила гулей, ни когда мы пробрались в их кладбищенскую лабораторию и учинили там разгром. Ой, извиняюсь, единственное противостояние у нас случилось только в Петербурге, когда мы впервые столкнулись с картой. Не наводит ли вас это на определенные мысли, господа?

– То есть, князь, ты хочешь сказать, что мы им зачем-то нужны? И пока это запланированное событие не случится, мы для них священные, неприкосновенные коровы? Так, что ли? – с долей иронии осведомился Виктор.

– Правильно мыслите, друг мой, – усмехнулся князь ди Таэ. – А они не дураки. Сами не подставляются, загребают жар нашими руками, то есть ждут, пока мы соберем недостающие части карты. Я никогда не поверю, что иезуиты, признанные мастера тайнописи, не смогли бы расшифровать тот занятный стих. Но куда проще дожидаться, пока мы со своим неумным рвением найдем остальное, чем бегать самим и соревноваться с нами, тем более что за исход стычек никто не поручится. А когда мы найдем необходимое, они, сделав изящный финт ушами, возьмут все и сразу. Вместе с нашими жизнями, естественно!

– Ну вот это черта с два! – возмущенно воскликнул байкер. – Руки у них коротки!

– Вы так уверены, Виктор? – Эрик протестующе покачал головой. – Вряд ли вы смогли бы отказать брату Юлиану, если бы на кону стояла жизнь вашей подруги.

Тут оружейник нервно напрягся, непроизвольно сжав кулаки.

– То же самое можно сказать и обо мне, – продолжил князь. – Я бы никогда не подверг опасности жизнь Златы и Анны. Но сейчас речь идет не об этом. Думаю, не стоит посягать на ту часть карты, которая принадлежит иезуитам, и тем самым лишать нас временного иммунитета. То бишь – временной неприкосновенности. Пусть они сами нам ее привезут... – Маг хитро ухмыльнулся. – В данной ситуации все зависит от нас!

– Это с какой же радости они сподобятся нам что-то привезти? Не томите, Эрик, вы ведь наверняка что-то придумали! – Отец Рид заинтересованно подался вперед.

– Ну, лично нам они точно ничего не привезут, разве что склянку яда, – хмыкнул князь ди Таэ. – Но после некоторых наших действий, я уверен, они немедленно переправят свиток в Будапешт, ближе к телу, так сказать. Именно поэтому я предлагаю организовать не похищение, а лишь его видимость, инсценировав выгодные для нас события. Сделаем вид, будто мы очень хотели завладеть свитком, но, увы, не преуспели в этом трудном деле. Думаю, после нашей маленькой демонстрации брат Юлиан решит не рисковать и прикажет переправить карту сюда.

– А вдруг он не поведется на провокацию? А если твои расчеты не оправдаются?

– Скажу Анне, пусть во время «похищения» прицепит на свиток маячок, тогда мы точно будем знать, куда решат перевезти карту. А мы тем временем должны очень тихо и оперативно организовать поиски оставшегося куска. Тем более что он точно припрятан где-то у нас под носом.

– Выражаясь точнее, четвертый кусок сокровища определенно находится где-то в Пеште, – вздохнул Рид. – «И частью целого играя, ты третий обретишь расклад», – по памяти процитировал он. – Къяра говорила о нашем городе, а учитывая заковыку с буквой «пэ»,

можно не сомневаться – речь идет именно о Пеште. И где-то там есть (а может, уже и нету) дом с горгульями. А возможно, и не один. Выявить нужный нам дом – это то же самое, что искать иголку в стоге сена.

– Вы у нас в этом спец, так вот и займитесь! Все время что-то теряете и ищете, вам не привыкать, – пресекала начинающееся нытье Злата. – Рекомендую подключить госпожу Дончек. Вам все равно придется поднимать старинные планы застройки Пешта. А пока у нас есть «временный иммунитет», нужно успеть накопать как можно больше про гулей и это адское зелье. Эрик, поговори с отцом Фартом. К тому же, пока это дело не закончится, мы единственная его защита от длинных лап ордена...

– А мне что делать? – пискнула Жози, не желая оставаться в стороне.

– Сидеть и не высовываться! – категорично рявкнула Злата, уже наслышанная про ее поцелуйную эпопею. – Если не хотите, чтобы Лоренсия Скрипто до вас добралась!

Пока госпожа кардинал занималась раздачей слонов, Эрик дернул байкера за рукав, привлекая внимание.

– Виктор, я не шутил, когда говорил, что вы с Радиславой – наше самое уязвимое место...

– Я знаю, князь, – тихо откликнулся оружейник.

– И вам, и ей лучше на время уехать из города. Я договорюсь со Скрипто, они вас примут, иезуиты туда не дотянутся...

Виктор и Радислава отрицательно покачали головой.

– Эрик, моя помощь наверняка понадобится здесь, а одну я ее не отпущу. – Байкер покровительственно обнял девушку за плечи. – Спасибо за предложение, но поймите меня и извините.

– В таком случае лучше вам покинуть свой уютный гараж и перебраться в особняк ди Таэ, – понимающе кивнул князь. – Дом все равно полупустой, свободных комнат достаточно.

– В дом к магу?! – возмущенно зашипела оборотница.

– Он прав, мышка. – Виктор примиряюще провел рукой по ее волосам. – Здесь мы как на ладони. Мы и так уже достаточно вводили святых братьев во искушение. – Он грустно улыбнулся. – Думаю, стоит принять предложение князя. Тем более что это всего лишь на время.

Радислава тяжело вздохнула. Оборотень в родовом гнезде чародеев! И куда только катится этот мир?

Профессор теологии Вилдар Криэ раздраженно расхаживал по скромному номеру пражского отеля «Ольшанка», сжимая в руке так и не раскуренную трубку. Княжна еще никогда не видела Криэ настолько рассерженным. Впрочем, им-то с Хьюго что? Они выполняли задание отдела, а причина раздражения Профессора сейчас полусидела-полулежала на гостиничной кровати. Пугая окружающих синяками под глазами, бледным от потери крови лицом и нездорово полыхающими щеками. Вчерашние приключения закончились для госпожи ди Эроен не только распоротым плечом, но и, похоже, воспалением легких. Криэ остановился и наконец-то раскурил зажатую в руке трубку, глубоко затянулся и выпустил несколько дымных колец в приоткрытую форточку.

– Выпороть бы вас всех ремнем хорошенько, да боюсь, сдачи дадите, – проворчал Профессор, еще раз окидывая взглядом всю троицу. – Ведете себя как дети малые! Если бы не подсказка Анны, где вас искать, я бы до сих пор гадал, откуда мне на голову свалился чужой багаж, и вас бы тем временем размолотил голем, а ее, – он ткнул пальцем в супругу, – сожрал бы гуль! Да-да, Инка, сожрал бы! – непрерываемым тоном продолжил Криэ, пресекая попытку жены возразить. – Тебе просто несказанно повезло, что я оказался у того переулочка в нужный момент. Шел искать хозяина Карлова моста, чтобы узнать, куда он вас завел, а наткнулся на тебя!

– Да ладно тебе, кх-х-кхы-ы, – прокашляла в ответ ди Эроен, все еще не теряя надежды оставить за собой последнее слово, – все хорошо, что хорошо кончается, кхе-э-кхе-э-эх-х...

– Ну, если ты считаешь ножевое ранение и воспаление легких благоприятным исходом, то не смею перечить! – язвительно огрызнулся Профессор и демонстративно отвернулся от Ингерды к Анне и Хьюго. – Теперь возьмемся за вас, голубки... – Криэ тяжело вздохнул, рассматривая молодых людей. – Задачу, озвученную князем, уяснили?

Дипломаты слаженно кивнули.

– Тогда брысь из города немедленно! Дело с водяными я сам улажу, вы и так накуролесили здесь по самое не могу. Заодно и за этой... воительницей, – недовольный взгляд в сторону госпожи ди Эроен, – присмотрю.

– Это и есть Будапешт? – заливая сарказмом все окружающее пространство, зло осведомился его светлость Алоизиус ди Амбер, стоя на мостике и оглядывая раскинувшийся внизу город.

– Нет, герцог, – спокойно откликнулся стоящий у штурвала мужчина, – это Прага.

– Тогда какого черта мы заходим на посадку, господин Даграй?! – Полное холеное лицо мессира ди Амбера постепенно наливалось краской ярости.

– Такого, что нам нужно сменить паруса и часть такелажа, герцог, – все так же спокойно пояснил Айтер Даграй, ныне капитан «Черной зари» на службе у его светлости герцога ди Амбера. – И сменить их нужно, смею заметить, по вашей милости. Это ведь вы, несясь, словно на пожар, приказали вести корабль сквозь ледяной шторм. В результате мы отклонились от курса и нуждаемся в ремонте, а это в очередной раз доказывает, что спешка полезна только при ловле блох...

– Даграй, вы заговариваетесь... – прошипел ди Амбер. – Вам напомнить, из какой сточной канавы я вас вытащил и почему вы теперь работаете на меня, а не кормите собой чугайстеров¹¹ в дремучих карпатских лесах?!

– Я помню, герцог, поэтому еще одно слово под руку – и я отправлю вас дрейфовать в Будапешт самостоятельно, прямо через фальшборт капитанского мостика. Айтер Даграй привык делать работу качественно. Или вы хотите, чтобы у нас при полном ветре сорвало паруса и поломало мачты? Тогда единственным местом, куда мы попадем, окажется Люциферова задница.

Мессир ди Амбер раздраженно засопел. Нет, крушения он не боялся – телепортационных амулетов у него имелось в достатке. Но корабль – это детище, в которое он вгрозил прорву денег и времени, терять не хотелось, поэтому пришлось смириться.

– Добро, сажайте «Зарю» в Праге, – нехотя буркнул он, – но чтобы к полудню все починили!

Небо над Прагой затягивалось тонкой прозрачно-серой пеленой, глядя на которую, еще было трудно понять, разразится ли она мелкой противной моросью или же рассеется, обнажив истинно осеннюю небесную синь. Анна склонялась к последнему, ибо налетавший резкими порывами ветер нет-нет да и проделывал дыру в пасмурной пелене, показывая кусочек яркой лазури. Команда «Эоловой арфы» деловито сновала по кораблю, готовя шхуну к отлету. Обычно приветливый и подчеркнуто вежливый Эорлин-ши сегодня держался чуть обособленно. Он выглядел хмурым и мрачным.

– Что вас тревожит, капитан? – не выдержала его угрюмого молчания княжна, считая, что о неприятностях стоит знать заранее.

– Корабль, прекрасная госпожа. Меня тревожит мой корабль, – недовольно откликнулся зеленоволосый капитан. – После грозы мы так полностью и не починили «Арфу». У нас до сих пор всего лишь одно маневровое крыло. Сгоревшее обещали восстановить на верфи в Бескидах, но я смутно представляю, что они там смогут воссоздать без чертежей «Арфы». А чертежи, к несчастью, пропали, – процедил сквозь зубы сильф.

¹¹ **Чугайстер** – в украинской мифологии лесовик, лесной человек, родственник домового.

Энергетическое зеленое марево в форме крыльев у него за спиной пошло рябью, повторяя человеческий жест передергивания плечами.

– Хм-м... – Княжна ди Таэ озадаченно потерла подбородок, наблюдая, как медленно опускается на причальную площадь какой-то незнакомый большой черный корабль. Хищные обводы узкого остроносого корпуса наводили на мысль о нехилой скорости, а характерные люки вдоль борта – о недюжинной боевой мощи. Хотя Анна так и не пришла к выводу, какое же именно оружие используют на воздушных парусниках, зато внезапно ее осенило...

– Эорлин-ши, почтеннейший, подскажите, ничего не напоминает вам сей шедевр сильфийских верфей? – спросила чародейка, поглощенная созерцанием черного парусника.

– Напоминает, – проворчал сильф, махнув рукой, чтобы отдавали швартовы. Шхуна медленно и грациозно покидала пражский причал. – Мою «Арфу»! И к сильфийским верфям это чудовище не имеет никакого отношения! – возмущенно воскликнул капитан и тут разглядел человека за штурвалом черного корабля. – Айтер Даграй! Ну кто бы сомневался?! Грязный ублюдок, недостойный бороздить воздух!

– Что здесь происходит, *ma daeni*? – Хьюго приблизился к Анне, привлеченный эмоциональной вспышкой обычно спокойного капитана «Эоловой арфы».

Княжна, продолжавшая рассматривать палубу садящегося парусника, резко побледнела и инстинктивно вцепилась в руку де Крайто. На капитанском мостике, рядом с тем, кого Эорлин-ши назвал Айтером Даграем, стоял герцог Алоизиус ди Амбер собственной персоной. И он тоже заметил княжну ди Таэ, отчаянно цеплявшуюся за своего спутника, то есть Хьюго де Крайто. Холеное лицо мессира ди Амбера перекосилось от ярости. Корабли медленно расходились: «Эолова арфа» все быстрее устремлялась в небо, а «Черная заря» уже готовилась накинуть канат на швартовочный столб. Время словно сжалось в тугую невидимую пружину...

– Полрумба к востоку. Полный ход! – резко приказал Эорлин-ши, разглядев побледневшие лица своих пассажиров. Сильф не первый год ходил под парусами и интуитивно чувствовал, когда нужно в темпе уносить ноги.

Время-пружина вздрогнуло и распрямилось. «Арфа» круто завалилась на правый борт, хлопнули и натянулись многочисленные паруса. Шхуна набирала скорость. А внизу металась по палубе команда «Черной зари», понукаемая разъяренным герцогом ди Амбером.

– Догнать их, атаковать! – раненым воплем ревел не на шутку разъяренный герцог.

Капитан Даграй нехотя приказал отдать только что закрепленные швартовы, потирая багровую полосу на шее, оставшуюся после магической удавки. Господину герцогу не терпится на небеса? Да кто Айтер Даграй такой, чтобы мешать сему желанию?! «Черная заря» неспешно оторвалась от причала и взмыла в воздух, взяв курс на удаляющуюся сильфийскую шхуну...

«Эолова арфа», распустив все паруса, стремительно удалялась от Праги. Энергетическое поле, окружавшее капитанский мостик, гудело от напряжения. Сильфийский парусник шел на всей возможной для него скорости, но Анне казалось, будто они плывут в тягучем вязком киселе, почти не двигаясь с места. Княжна до побелевших пальцев вцепилась в перила капитанского мостика, напряженно вглядываясь в даль. Черная точка, минуту назад возникшая у них за кормой, не исчезала и постепенно росла, грозя с минуты на минуту обрести очертания корабля. О том, что будет, если их все же догонят, Анна старалась не думать. Конкретно потому, что понимала – герцог ди Амбер на этом паруснике не просто прогуляться вылетел... Хотя столкнулись они, вполне возможно, не по замыслу подлого мессира, а по какой-то фатальной случайности.

– Они нас догоняют, – абсолютно равнодушно констатировал Эорлин-ши.

Княжна, настороженная тоном сильфа, заглянула тому в глаза. Черные зрачки закрыли почти всю радужку.

«Воздушный транс», – догадалась чародейка. Уникальная способность, позволявшая сильфам быть лучшими воздушными капитанами двух миров. В это время они в прямом

смысле слова становились сердцем и разумом корабля. Способность, позволявшая творить чудеса пилотажа и несущая недюжинную опасность: повреждения корабля грозили смертью пилоту.

– Капитан, не нужно. – Анна тронула его за плечо.

– Госпожа, – княжна сразу заметила, каких огромных усилий стоит сильфу удерживать свое сознание на грани транса, – когда будем идти над Львовом, готовьтесь покинуть корабль. Я поведу «Арфу» на верфь в Бескидах. Там ни кораблю, ни команде ничто не грозит, а вы к тому времени уже будете далеко.

– Хорошо, Эорлин-ши, – склонила голову княжна. – И берегите себя.

Капитан коротко кивнул, тонкие пальцы сжались на ручках штурвала.

– Маневровую команду на палубу! – резко разнеслось над кораблем, и «Эолова арфа» вздрогнула.

Анне на секунду показалось, что по отполированным перилам фальшборта пробежала волна зеленоватых искорок. Теперь корабль и капитан стали единым целым.

Его светлость герцог ди Амбер в ярости метался по капитанскому мостику, глядя, как расстояние между ними и беглецами медленно сокращается.

– Прикажите добавить парусов! – прикрикнул он на Даграя.

– Мачты не выдержат, герцог, – спокойно откликнулся тот. – Мы и так их вскоре догоним, ни к чему рисковать кораблем.

– Добавьте парусов, Даграй! Мы должны захватить их прежде, чем они подготовятся к атаке!

– Захватить? – Глаза Айтера Даграя полезли на лоб. – Герцог, вы бредите! Сбить – еще возможно, но захватить... Взять «Эолову арфу» на abordаж равносильно самоубийству! Они положат половину наших людей, прежде чем мы успеем закрепиться на их палубе!

– Добавьте парусов и прикажите abordажникам готовиться к бою! – безапелляционно потребовал ди Амбер. – Вы ведь считаетесь лучшим воздушным капитаном после этого треклятого сильфа. – Голос герцога начал источать ядовитую сладость.

– Вот именно, что после... – проворчал себе под нос Даграй.

Хьюго, прищурившись, яростно следил за тем, как черный корабль, похожий на хищную птицу, стремительно настигает маленькую верткую «Арфу». Исход возможного столкновения был ясен и так – живых на палубе сильфийской шхуны не останется. Их сомнут, раздавят массой и количеством. Де Крайто непроизвольно сжал рукоять меча. Он будет драться до последнего, но Анну это чудовище, герцог ди Амбер, не получит! Сейчас молодой маг мечтал о малом: если дойдет до abordажного боя, пусть Господь сведет его нос к носу с ди Амбером, и тогда еще посмотрим, кто кого... Хьюго не мог не понимать, что бой окажется слишком неравным, но один шанс из тысячи остается всегда, даже если ты уже мертв. Княжна, деловито распихивавшая по карманам амулеты, протянула де Крайто какой-то бронзовый кулон:

– Будь готов, мы телепортируемся, как только окажемся над Львовом.

Хьюго оторвал взгляд от настигавшего их судна и посмотрел в глаза чародейке. Колебаний там не обнаружилось – только умело спрятанный за решимостью страх. Она пойдет до конца, как в Мадриде, как в Мальборге, как в замке ди Амбер...

– Мы не успеем, – покачал головой де Крайто, кладя руку ей на плечо.

Княжна вздрогнула. Да, она знала – не успеют. Их догонят раньше, чем «Эолова арфа» достигнет окраин города, а ди Амбер, бесспорно, почует чужой телепорт... Но Хьюго... Анна не хотела, чтобы он догадывался об этом, потому как столкновение означало бой, а она не хотела его потерять.

– Не бойся, *ma daeni*... – Он хотел сказать что-то еще, но тут «Арфу» накрыло радужной вспышкой и корабль едва не улегся на бок.

Невероятным усилием Эорлин-ши с помощью маневровой команды выровнял судно.

– Зеркала к бою! – приказал он. Обычно приятный красивый голос сильфа сейчас звучал как-то чуждо и глухо.

Защелкали раскрывающиеся в бортах люки, выпуская наружу странные конструкции из линз и зеркал.

– В позицию защиты, готовсь!

Зеркала и линзы завертелись, направляемые невидимыми... кем? Канонирами? Зеркальщиками? Анна не знала, как следует называть службу этих странных конструкций. Как не знала до сего момента, какое именно оружие используют сильфы на своих кораблях. В том, что с судна ди Амбера их атаковали именно при помощи таких штук, она не сомневалась. Следующая радужная вспышка распалась мириадами искр, отраженная и рассеянная зеркалами «Арфы». Корабль чуть трянуло отдачей.

– Зеркала к бою! – Стекла завертелись, выстраиваясь под необходимым углом, последовали короткие вспышки перенаправляемых лучей. – Залп!

Два радужных луча устремились в сторону «Черной зари», чтобы расплескаться о бушприт, не причинив противнику заметного вреда.

– Зеркала в защиту! Паруса по левому борту! Держать! – Эорлин-ши резко крутанул штурвал, заваливая корабль на бок и выполняя головокружительный вираж.

Залп противника скользнул по борту «Эоловой арфы», корабль отбросило по воздуху в сторону, и капитану едва удалось удержать штурвал.

– Зеркала к бою! По мачтам противника – залп!

В этот раз лучи прошли значительно выше фальшборта и... никакого результата – расплескались искрами в метре от ближайшей цели.

– Капитан, не тратьте время на ответные выстрелы! – крикнула Анна, не особо рассчитывая, что сильф ее услышит. – На них магический щит! Нам его не пробить!

Эорлин-ши чуть заметно кивнул. Значит, услышал, несмотря на транс.

– Зеркала в защиту! Не атаковать!

– А нас ты прикрыть щитом не можешь? – встревоженно спросил де Крайто.

– Нет. – Княжна с сожалением покачала головой. – Даже наших с тобой объединенных сил не хватит, чтобы прикрыть шхуну. А у тех, на черном корабле, похоже, имеется нечто особенное, на структурном уровне, встроенное в корпус.

«Эолову арфу» вновь ощутимо трянуло.

– Зеркала в защиту! – надрывая голос, крикнул Эорлин-ши. – Маневровая команда, не спать! Раскрыть крылья!

Корабль вздрогнул, по правому борту раскрылось маневровое крыло, а по левому, полыхнув зеленью, выстроился его энергетический двойник, созданный сильфом взамен так и не восстановленной плоскости. По виску капитана заструился пот. Под носом пролегли две алые дорожки.

Шхуна петляла в воздухе, словно заяц по кочкам, стремясь уже не оторваться, а просто увернуться от летящих в нее зарядов. «Черная заря» шла на расстоянии нескольких ярдов.

– Нужно как-то повредить их зеркала, иначе рано или поздно они нас достанут! – воскликнула Анна.

– Как? Заклинанием до них наверняка не дотянуться! – перебивая свист ветра, отозвался Хьюго.

Неожиданно, заметив нечто странное, княжна кинулась к борту. Де Крайто едва успел ее перехватить, уберегая от падения с корабля.

– Песок! – Глаза чародейки сияли азартом. – Вон там, в западном направлении, расположен песчаный карьер или что-то вроде того! Подними его! А я направлю песок на их зеркала. Ну же, давай!

Хьюго слегка растерялся, но взял себя в руки. Линии силы отозвались на удивление быстро. Туча рыжего крупнозернистого песка взметнулась в воздух, грозя поглотить «Арфу», но Анна была наготове и, перехватив управление, импульсом толкнула песчаную тучу на врага...

Повинуясь чужой воле, песок с силой обрушился на «Черную зарю», царапая линзы, зеркала, выводя из строя механизмы наведения и засыпая людям глаза. Возникшая на палубе противника неразбериха позволила «Эоловой арфе» увеличить пространственный разрыв между кораблями. Впереди замаячили первые крыши Львова и шпили его многочисленных костелов. Но, увы, на «Черной заре» проморгались быстрее, чем рассчитывала чародейка, и вражеский корабль мгновенно отвоевал ту пару ярдов, которую выиграла «Эолова арфа». И даже более того – он начал стремительно сокращать разрыв.

– Да чтоб ты сдох! – от души пожелала чародейка герцогу ди Амберу.

Оба корабля уже летели над городом.

– Всем держаться! – неожиданно приказал Эорлин-ши. – Маневровая команда, убрать лишние паруса! Идем на снижение!

Впереди замаячила знаменитая площадь Рынок. Здесь, как и на Замковой горе, частенько швартовались воздушные суда, но сегодня площадь пустовала. «Эолова арфа» на сумасшедшей скорости под углом шла вниз. Противник не замедлил повторить маневр Эорлин-ши.

– Что вы делаете?! – вскрикнула Анна, чуть не сверзившись на палубу. Хьюго вовремя успел ее перехватить и теперь держал, вцепившись свободной рукой в перила. – Мы же разобьемся!

А между тем «Арфа» стремительно неслась вниз. Немногочисленные горожане, прогуливавшиеся по площади, с воплями разбежались в стороны.

– Боковые паруса!

Хлопнули два дополнительных полотнища, маневровые повисли на канатах, удерживая натяжение. Шхуна плавно выравнилась и, не снижая скорости, пошла параллельно площади всего в каких-то двадцати дюймах над брусчаткой. Дома, окружавшие площадь, надвигались, словно неумолимый рок... И тут вдруг случилось непредвиденное.

– Взлет! – сорванным голосом гаркнул Эорлин-ши.

«Арфа» под углом рванула вверх, повторяя финт, спасший капитана и дипломатов в Петербурге. Дома пронеслись под ними... Внезапно за спинами отважных воздухоплателей раздался грохот и послышался треск ломаемого дерева. Это «Черная зоря» честно попыталась повторить маневр Эорлин-ши, да только там не учли одного – сильфийская шхуна была значительно меньше, легче и мобильнее. Поврежденные паруса и мачты не выдержали усиленного заклинанием ветра и хрупнули, словно спички. Носовая часть от удара о брусчатку с треском разлетелась в щепки. И теперь на месте гордого корабля громоздилась куча черных обломков, оплетенных разорванным такелажем и обрывками парусов. К разбившимся со всех сторон спешили люди.

Эорлин-ши приказал убрать паруса. «Эолова арфа» опускалась на посадочную площадку на Замковой горе. Стоило якорям коснуться земли, а швартовам – обвить столбы, как сильф рухнул без сознания.

Его светлость мессир Алоизиус ди Амбер стоял на краю площади Рынок и сердито отряхивал рукава камзола из дорогого фиолетового бархата. Лицо герцога кривилось от едва сдерживаемой ярости, подстегиваемой еще не совсем отпустившим разум страхом. Он успел телепортироваться с корабля в последний момент, когда киль «Черной зари» уже плющился о камни мостовой, но все-таки успел. И теперь со смешанным чувством облегчения и негодования взирал на груды обломков, в которые превратился его корабль. Сбежавшиеся отовсюду люди еще пытались отыскать среди обломков уцелевших, но пока вытаскивали лишь мертвые, жутко изломанные тела. Вот несколько мужчин извлекли кого-то из-под того, что еще несколько минут назад являлось капитанским мостиком. Даграй это или нет, ди Амбер присматриваться не стал. Если капитан «Черной зари» и выжил (в чем герцог сильно сомневался), значит, ему повезло, а если его никто не опознает, то повезет вдвойне. Насколько ди Амбер помнил, из списка «их разыскивает полиция» Айтера Даграя никто не убирал.

Но сейчас достойного герцога заботило совсем не это. Похоже, княжна ди Таэ

стремилась во Львов неспроста, а значит, непременно задержится в городе на несколько дней. Тем более что капитану «Эоловой арфы» понадобится время прийти в себя после воздушного транса. Следовательно, герцогу представится удобная возможность покончить с этим хлопотным делом раз и навсегда, без лишних свидетелей. А после этого он все-таки нанесет визит вежливости в Будапешт, дабы выразить князю ди Таэ соболезнования, так сказать...

Армянская улица тонкой ниткой убегала вбок от Театральной. Узкая, мощенная черным булыжником, она казалась еще более тесной и загроможденной из-за нависающей над ней желтой колокольни армянской церкви. А приземистые дополнительные строения кучно окружали центральную башню, словно диковинные грибы-дождевики. Напротив церкви возвышалось старинное трехэтажное здание, некогда бывшее жилым домом, но уже много лет как превращенное в одну из самых необычных кофейен Львова. Отдавая дань давно умершему аптекарю, кофейня гордо именовалась «Гасовой лампой»¹² и в убранстве отдавала предпочтение керосиновым лампам самого разного вида. К тому же внутри самой кофейни отчетливо пахло керосином.

Анна с Хьюго расположились на террасе третьего этажа, заняв столик с видом на Армянскую улицу. Ведя неторопливый разговор, они время от времени задумчиво тыкали вилками в «картоплю на пательне», как цветисто именовалось в меню сие аппетитное блюдо. Громадная чугунная закопченная сковорода, установленная в центре столика, опустела уже наполовину, и княжна со товарищи продолжали тыкать в нее вилками скорее для стимуляции мыслительного процесса, нежели с целью насытиться.

– М-да, дело пахнет керосином, – угрюмо пошутила Анна, хмуро рассматривая наколотый на вилку золотистый кружочек. – Нам придется быстро уносить отсюда ноги, а Эорлин-ши лежит пластом...

– Сам чувствую. – Хьюго иронично шмыгнул носом. – Хотя дон Салазар утверждает, что на его памяти случалось и хуже, – попробовал успокоить чародейку де Крайто. – У нас еще есть время. Пока мы будем развлекать иезуитов, надо надеяться, капитан придет в себя. К тому же ди Амбер мертв...

– Ой ли?.. – скривила губы в хмурой усмешке княжна. – Что-то я сомневаюсь. Эта тварь живуча, словно змея. Мы его труп не видели, поэтому не стоит недооценивать разносторонние способности мессира Алоизиуса. Не думаю, чтобы он оставался на корабле в момент крушения. А значит, нам следует опасаться еще и его... Но хватит! Время утекает, придется поспешить. Необходимо покинуть Львов до темноты. Ты готов к походу в гости к нашим иезуитским друзьям?

– Да, мой генерал! – бодро отрапортовал Хьюго, шутливо взъерошив Анне волосы.

Но княжна лишь осуждающе покачала головой. Она понимала, что любимый всего лишь пытался ее поддержать, но смех смехом, а как бы потом плакать не пришлось...

Глава 7

Костел Святых Петра и Павла подпирал облака, черно-серой грязной громадой нависая над Театральной улицей. Статуи из черного камня, гнездившиеся в нишах центрального нефа и призванные демонстрировать благие деяния ордена иезуитов, лишь добавляли зданию уныния. Каменный медальон с божьим агнцем на самом верху, должный украшать костел, отчего-то смотрелся особенно тоскливо. Пока влюбленные сидели в «Гасовой лампе», погода успела испортиться, небо затянули низкие свинцовые тучи, зарядил противный осенний дождь. Спрятавшись в подворотне, княжна ди Таэ и де Крайто неодобрительно разглядывали

¹² Речь идет о львовском аптекаре Игнаци Лукасевиче (1822–1882), который изобрел керосиновую лампу. «Гасова лампа» – оригинальное название кофейни, на русский переводится как «Керосиновая лампа».

громоздкое здание, принадлежность которого к церкви выдавал только возвышавшийся на крыше крест.

– Вот неряхи, даже собственную обитель не могут в порядке держать, – иронически фыркнул Хьюго, указав на грязно-серые стены.

– Это не они, это время, – отмахнулась Анна, по-прежнему не разделявшая его шутливого настроения. – Костел достаточно древний, чтобы пыль намертво въелась в стены. А теперь здесь находится архив ордена в Нейтральной зоне и нечто вроде хранилища артефактов, попавших к ним в руки. Идем... Да не туда! – Чародейка едва успела перехватить Хьюго за рукав. – Вниз по улице, до угла, там аптека.

– Что-то не так? – мгновенно забеспокоился де Крайто. – Черт, так и думал – тебя, наверное, задело во время этих воздушных гонок!..

– Да нет, со мной все нормально, – чуть смутилась княжна. – Зато в подвале аптеки «Под черным орлом» есть выход в городские подземелья, как раз в то ответвление, которое связывает основную сеть катакомб с иезуитским костелом. Мне уже приходилось общаться с владельцем аптеки, надеюсь, он меня не забыл. Правда, поблизости имеется еще один аналогичный ход – на проспекте Свободы. Он ближе, но в отличие от аптечного подвала бдительно охраняется орденом. Поэтому не вижу никакого смысла туда соваться.

Хьюго чуть изменился в лице. Ему отнюдь не улыбалось снова лезть под землю.

– Ну же, что такое? Земля – твоя стихия...

– Вот именно! – проворчал де Крайто. – Я маг земли, а не подземелий! С меня вполне хватило Праги, так и до клаустрофобии недалеко...

– Ладно, я вполне могу прогуляться туда сама, подождешь меня здесь, подстрахуешь, – предложила Анна.

– Ну уж нет! – Хьюго решительно загородил ей проход. – Я уже однажды тебя подстраховал... Чем это кончилось, напомнить?! И вообще, пора тебе избавляться от привычки лезть во все самой. Вот поженимся, и...

– И что? Запрешь меня в подвале, а ключ выбросишь в Дунай? – насмешливо предположила своенравная невеста.

– Идея неплоха, но лучше запрись в подвале вместе с тобой, чтобы кое-кому всякие дурные мысли в голову не лезли!

– Господи, вот мы и до ревности дожили! – Княжна притворно закатила глаза. – А ведь был такой милый застенчивый мальчик, в обморок при виде голы женщины падал... Это Эрик на тебя так дурно влияет?

– Я не падал в обморок! – праведно возмутился Хьюго.

– Это легко исправить! – Княжна молниеносно щелкнула пальцами перед лицом де Крайто.

Мириады белых искорок отразились в расширившихся зрачках парня, дымкой истаяв в сыром воздухе. Анна едва успела подхватить валяющееся на нее тело и зафиксировать телекинетическим захватом. Чародейка на секунду прикусила губу от навалившейся тяжести. Решение вырубить Хьюго пришло спонтанно, но откуда-то она знала – так правильно. Ох и разозлится же он на нее, когда очнется.

Подпирая плечом бесчувственное тело любимого мужчины, Анна с горем пополам дотасила его до входа в аптеку «Под черным орлом». Кожаные подошвы сапог немилосердно скользили по мокрой брусчатке. Пожилой сухонький аптекарь озадаченно воззрился на посетителей из-под круглых очков в толстой роговой оправе. Княжну он узнал сразу, даже с учетом глубоко надвинутого на лоб капюшона куртки. Ее светлости доводилось бывать во Львове раньше, равно как и пользоваться услугами этой специфической аптеки, в частности, и не совсем законными.

Княжна сгрузила Хьюго на кушетку, поставленную специально для обморочных дам, и обернулась к аптекарю:

– Моему другу нехорошо. Позвольте, он полежит тут у вас, пока не очнется. – Княжна кинула на прилавок несколько золотых.

– Як накаже пани магиня... – подобострастно склонился он.

– Пан аптекарь, я вернусь где-то через час, а пока отправьте посыльного на Замковую гору. Парусник «Эолова арфа». Пусть пришлют кого-нибудь сюда... – Анна ди Таэ наспех черкнула несколько строчек и передала записку аптекарю.

– То як пани магиня забажає.

– Вы еще не замуровали ваш подвал?

Аптекарь отрицательно качнул головой. Чародейка тряхнула волосами и целеустремленно направилась во внутренний зал аптеки. Пересекши внутренний двор, она уверенно толкнула толстую дубовую дверь, изукрашенную кованым железным узором, а затем спустилась вниз по широким каменным ступеням... Грубые неоштукатуренные стены подвала, побеленные известкой, местами покрылись мхом и потемнели. Плиты пола влажно поблескивали, где-то в глубине коридора гулко капало. Пахло сырой известью и мокрой землей. Некоторые плиты за долгие годы подмыло, и теперь под ними хлюпало, обдавая сапоги затхлой водой, стоило лишь неосторожно наступить. Анна щелкнула пальцами, призывая огонек. Миновав длинный подвальный коридор, княжна свернула в узкий тупиковый коридорчик и уперлась у осклизлую кованую решетку. С левой стороны между прутьями и стеной обнаружился зазор, аккуратно художавому человеку протиснуться. Дальше уходил темный коридор городских катакомб, долженствующий вывести на нижние ярусы иезуитского костела. Ход не слишком петлял под землей – видно, шел или параллельно улице, или прямо под площадью. Полчаса спустя чародейка уперлась в окованную проржавевшим железом дверь: здесь начиналось подземелье иезуитов.

Княжна всем телом навалилась на тяжелую дверь, но та не поддавалась. Ощупав створку, Анна наткнулась на замочную скважину и тут же приложила руку к замку. Из-под пальцев запульсировало красноватое свечение, и несколько секунд спустя на месте хитрого запорного механизма зияла прожженная дыра. Девушка снова навалилась на дверь. Разбухшая створка поддавалась плохо, но Анна оказалась упорнее и вскоре проскользнула на ту сторону, но тут же резко отпрянула назад – в глубокой нише справа от двери кто-то сидел...

Несколько секунд понадобилось чародейке, чтобы сообразить, что это мертвец. Вспыхнувший страх от того, что ее заметят, потихоньку уходил, уступив место совершенно неуместному любопытству. Подозвав огонек, княжна приблизилась к нише. Иссохшее тело в черной рясе, сгорбившись, сидело в жестком деревянном кресле за грубо сколоченным столом, уставленным различными склянками, колбами и ступками. На краю стола стояли маленькие лекарские весы. В глубине ниши, теряясь во мраке, поблескивали в свете магического огонька керамические и стеклянные банки, а также другие посудины, предназначенные для хранения алхимических ингредиентов. А прямо перед мертвецом лежала раскрытая толстая тетрадь и валялись писчие принадлежности. Было ясно, что монах мертв уже много веков и давно усох до мумии. Пустив огонек чуть вперед, чародейке удалось осветить то, что некогда звалось его лицом, – из тени капюшона на Анну глянул обтянутый пергаментной кожей череп с плотно сомкнутыми веками.

«Это же надо! И ведь сохранился в такой сырости!..» – машинально подумала княжна ди Таэ, шагая к нише с целью рассмотреть старинную тетрадь. И вдруг ее будто током прошило, остановив на самом пороге.

«А раз сохранился, значит, что-то тут нечисто! В такой сырости трупы долго не хранятся, – враз одернула себя девушка. – Не лезь-ка ты туда, Аннуся, целее будешь!..» – И княжна поспешно отступила в тень коридора, подальше от соблазна. Тут же мимо нее, фосфоресцируя в темноте, проплыла темная фигура в монашеской рясе.

– Договор... договор... – шелестел призрак. – Куда он пропал, тот негодник! Я хочу расторгнуть сделку, я пересмотрел договор... он мне не нравится...

Тень всплыла в нишу и пропала, а княжна, стараясь не топтать, как можно быстрее ретировалась дальше по коридору и лишь тогда перевела дух. Вот тебе и подтверждение того, что в каждой шутке есть лишь доля шутки, а у каждой легенды имеется реальная

основа! Похоже, ей только что довелось столкнуться с Черным Монахом, в том числе и во плоти. Если, конечно, можно считать плотью иссохший труп. А впрочем, наверное, можно, ведь одна из львовских легенд гласит: несколько сот лет назад служил в местной общине иезуитов некий монах, искусный составитель лекарств и зелий. Он настолько любил свое дело, что не хотел отрываться от него ни ночью, ни во время молитв. И чтобы вечно заниматься любимым делом, монах заключил договор с Сатаной. Но, как водится, договор с нечистой силой ни к чему хорошему не привел. Монаха с той поры больше не видели. Зато через пару десятилетий в подземельях близ костела стал появляться его призрак, тщетно разыскивающий того, с кем договаривался. Поговаривали, дескать, монах хотел расторгнуть сделку, ибо внимательно перечитал договор и его кое-что не устроило. Однако хороша ложка к обеду... Кстати, Анне доводилось слышать не только эту версию легенды, но все рассказчики сходились в одном – заговаривать с Черным Монахом ни в коем случае нельзя, ибо в таком случае он обретет спасение, а несчастный займет его место на адской сковородке. Посему княжне оставалось лишь облегченно вздохнуть да утирать холодный пот со лба.

Поднявшись по широкой каменной лестнице, чародейка очутилась на верхнем ярусе подземелья. Здесь оказалось значительно суше, да и вид был более обжитой. Анна мгновенно подобралась и насторожилась. Теперь действовать нужно быстро. Устроить как можно больше шума и дыма и немедленно ретироваться с максимальным эффектом. А начнет она с... Княжна прикрыла глаза и сосредоточилась на ощущениях, вспоминая, какие эманации излучали два куска Карты сражений, хранящиеся в отделе. Да, начнет она, пожалуй, с самого сердца костела – с крипты!

Добраться до зала с саркофагом архиепископа Выжицкого оказалось несложно: ни охранных систем, ни монахов. Княжна хмурилась и недоумевала – что-то здесь не так! Она застыла над каменным саркофагом с так и не выбитой датой смерти. Боковая стенка оказалась выдавлена. Анна задумчиво рассматривала дыру, явно проделанную изнутри саркофага. Где-то там внутри находится ларец из пражской чумной колонны, а охраны по-прежнему никакой... Чародейка присела на корточки и, подозревая огонек, осторожно заглянула в пролом...

Но стоило ей коснуться рукой саркофага, как страшный удар отбросил ее к стене. Мгновенно сгенерированный защитный купол отчасти спас ее от удара о стену и дал несколько секунд форы, позволяя осознать, что случилось. Теперь она поняла, почему не видела охраны на подступах к саркофагу. Охрана была внутри. Ларец сжимало в руках существо... Как еще назвать это по-другому, чародейка не знала, и сейчас оно выбиралось из саркофага. Не дожидаясь, пока эта гора мускулов, шипов и когтей полностью выкарабкается из своего логова, чародейка метнулась к выходу из крипты. Но существо оказалось весьма проворно, и следующий удар настиг Анну по касательной, заставив ее кубарем прокатиться по полу. Несколько метров княжна преодолела, как была, на четвереньках, это ее и спасло. На лестнице ей наконец удалось подняться с колен, и она со всех ног кинулась вверх. Похоже, шуму действительно будет много, когда эта уродина появится в соборе...

Стоило княжне ди Таэ оказаться в боковой галерее собора, как на нее вылетели несколько привлеченных шумом иезуитов. Вспышка, грохот – монахов разметало в стороны, откатом досталось и топтавшей позади твари, чей рев заставил стены содрогнуться. Посыпалась штукатурка. Свернув, Анна оказалась в центральном нефе. Слетев по ступенькам, выскочила на узенькую площадку для праздничных проповедей и, перемахнув через невысокие перила, прыгнула на мостовую... Чтобы тут же быть сбитой с ног и столкнуться нос к носу с де Крайто. Вид Хьюго был ужасен: изодранная одежда, окровавленное лицо, полубезумные глаза, полные ярости и боли. Его магический щит едва держался.

– Господи боже мой!.. – потрясенно вскрикнула княжна ди Таэ, когда они едва не грохнулись на брусчатку. – Что с тобой?

Оставляя Хьюго в аптеке, княжна предполагала: он очнется не раньше чем через час,

когда истечет действие заклятия. Но, видно, он справился с чарами быстрее и теперь...

– Ди Амбер! – хрипло прорычал де Крайто, и на его сбитых изодранных пальцах затанцевали зеленые энергетические сполохи.

Княжна крепче перехватила парня за пояс, одновременно набрасывая на них защитный купол. И вовремя...

По улице пронеслась волна морозного воздуха, превращая потоки дождя в острые ледяные стрелы. Ледышки со звоном застучали по защите. У поворота на Друкарскую улицу в ореоле фиолетового сияния стоял его светлость герцог Алоизиус ди Амбер собственной внушительной персоной. Его дорогой камзол был местами порван и грязен, обычно идеально зачесанные волосы растрепались. Герцог пребывал в ярости: отыскав де Крайто, он не ожидал нарваться на сопротивление. Ну скажите, что может мальчишка-недоучка, пусть и с огромным потенциалом, против главы одного из сильнейших Высоких домов?! Но Хьюго защищался на удивление успешно, а единственная удавшаяся молодому магу контратака заставила ди Амбера искупаться в луже, крепко приложив его упитанное сиятельство о брусчатку. И это окончательно привело господина герцога в бешенство – больше он осечек не допускал, беспощадно терзая защиту де Крайто. И если бы не Анна, этот ледяной удар стал бы для Хьюго последним...

Еще один страшный удар обрушился на защитный купол княжны ди Таэ. Защита выдержала, но отголосок заклятия швырнул молодых людей на землю. Хьюго вскочил на ноги и рванулся вперед, но княжна повисла на нем, удерживая разъяренного мага под защитой купола.

– Пусти меня, я прикончу эту тварь!

– С ума сошел?! У тебя резерв уже в минус пошел! Он размажет тебя по камням! Да и меня заодно! Надо бежать! – Анна дернула Хьюго к воротам костела.

Мессир ди Амбер, поняв, что от него хотят улизнуть, ударил молнией в брусчатку, почти под ноги беглецам. Осколки камней и земля взорвались фонтаном, образовав глубокую воронку.

– Похоже, он против твоей идеи, – нехорошо усмехнулся Хьюго.

– Плевать я на него хотела! Мы обязаны прорваться! – Княжна мгновенно оказалась у Хьюго за спиной и положила руки ему на плечи.

Де Крайто вздрогнул, почувствовав, как в него хлынула чужая энергия. Защитный купол разлетелся клочьями. Ди Амбер взмахнул рукой, высвобождая «ледяную плоть». Хьюго, скорее машинально, чем осознанно, вскинул руки в защитном жесте. Высвобожденная энергия хлынула из ладоней, закручивая воздух в спирали, срывая брусчатку, подоконники, цветочные горшки и штукатурку с домов, и ураганным потоком рванула вперед, навстречу «ледяной плети» ди Амбера. Столкновение было ужасным. Стекла в домах со звоном лопнули и смертельным дождем посыпались на улицу. Несколько статуй центрального нефа иезуитского костела с грохотом обрушились. Не тратя времени на выяснение, что там случилось с ди Амбером, Анна, схватив за руку оглушенного учиненным разгромом Хьюго, повлекла его в костел. Впрочем, насчет герцога княжна особо не обольщалась. Вряд ли они сумели сильно ему повредить.

А внутри костела тоже царил переполох. Монахи пытались изловить стража ларца, но теперь, испуганные грохотом на улице, лишь бестолково носились по костелу. А тварь, ошалевшая от отголосков магии, не желала успокаиваться, мечась, как укушенная.

– Быстрее-быстрее! На боковую галерею! – крикнула чародейка.

Над их головами просвистел и расплескался о передние скамейки огромный огненный шар. Похоже, мессир ди Амбер, несмотря на изрядную потрепанность, сдаваться не собирался. Выбравшись на галерею, дипломаты чуть не столкнулись со стражем ларца и поспешно скатились вниз по лестнице. Рев, вспышка, пронзительный взвизг, затем площадная ругань оповестили о том, что его сиятельство ди Амбер имел честь познакомиться с тварью довольно близко. Знакомство завершилось плачевно, но, судя по всему, для монстра. На лестнице слышались шаги...

Скатившись в подземелье, Анна потащила Хьюго на нижние ярусы. А герцог ди Амбер и не думал отступать. Оказавшись напротив ниши с мертвым монахом, княжна вдруг приняла неожиданное решение и смело шагнула в густой мрак.

– Там кто-то есть! – хрипло выдохнул Хьюго.

– Черный Монах, – скупое пояснила княжна, предусмотрительно заталкивая спутника в самый темный угол и гася магический огонек. – Только тсс...

Парень порывался спросить что-то еще, но Анна красноречиво прикрыла ему рот ладонью.

Минуту спустя в коридоре мелькнул отсвет магического огонька ди Амбера... Несмотря на свою внушительную комплекцию, двигался герцог почти бесшумно. Притормозив на мгновение, он уверенно шагнул в нишу. И застыл как вкопанный, заметив согбенный труп в кресле. Чтобы понять, что перед ним мертвец, герцогу понадобилось не более доли секунды, а призрака в черной рясе, заступившего дорогу и бормочущего нечто невразумительное о договоре, он распознал и того быстрее.

– Пошел прочь, мразь, – рыкнул мессир, отмахиваясь от полубезумного духа, когда тот попытался бесплотными руками дернуть его за камзол. Да так и застыл на месте, не в силах двинуться. Герцог понимал, что с ним что-то происходит, но ничего поделать не мог...

Прошло еще несколько секунд, и на полу, скорчившись, застыло лишь иссохшее тело герцога в изодранном бархатном камзоле, ставшем ему непомерно большим. Монах в кресле беспокойно шевельнулся... Из полуистлевших рукавов рясы вынырнули вполне живые человеческие руки. Клобук упал на плечи.

– Я жив! – слабо пискнул недавний мертвец, ощупывая свое лицо, – Я жив! Я свободен! Аха-ха! – Он подхватился на еще слабые ноги и как мог быстро поковылял прочь.

– Ч-что это было? – только и смог выдать де Крайто, когда они выкарабкались из подземелья костела в городские катакомбы.

– Старая городская легенда, оказавшаяся правдой, – устало откликнулась Анна. – Как-нибудь расскажу. Только давай выберемся на свет божий... и вымоемся, и отдохнем... и уберемся отсюда, к чертовой матери! А потом можешь расспрашивать меня, ругать, сажать под замок – все, что вздумается. К тому же эту часть Карты великих сражений мы так и не добыли...

В ответ Хьюго обнял ее, уткнувшись губами в грязные спутанные волосы княжны. Сейчас он тоже больше всего на свете хотел оказаться на поверхности. А еще лучше – на борту «Эоловой арфы», подальше от Львова.

За окном пролетал редкий снежок... Это ложились на землю остатки вчерашнего густого снегопада, заволокшего Будапешт мягкой белой пеленой, укутавшего улицы и дома пушистым снежным покровом. Зима вступила в свои права на удивление властно, с первых дней декабря сковав ледком лужи и подморозив раскисшую осеннюю грязь. А к Рождеству вообще, кажется, намеревалась засыпать город снегом по крыши.

Злата задумчиво глядела на снежинки, медленно пролетающие мимо окна ее кабинета. В последние несколько минут на заднем дворе слышались какая-то возня и веселые вопли. Встать и посмотреть, что же там происходит, госпоже кардиналу мешало только одно – недавно вскрытый конверт с инструкциями по новому делу. Честно говоря, это дело совершенно не в компетенции отдела, но Дэпле отчего-то решил иначе. Однако стоило госпоже Пшертневской сосредоточиться на содержании письма, как нечто непонятное вдруг промелькнуло за окном и с глухим стуком впечаталось в стекло...

Злата вскочила и немедленно обернулась к окну. На нижнем стеклянном квадрате красноречиво прилип запущенный кем-то снежок. Хотя почему «кем-то»? Два кандидата в виновники как дети скакали по заднему двору, закидывая друг друга снежными шариками, а третий, пользуясь своим летательным преимуществом, обстреливал их обоих с флангов. В окно тюкнул еще один снежок. Стекло жалобно задребезжало. Злата поняла, что если сей же миг не прекратит это безобразие, то окно вскоре останется без стекла. К тому же она все

равно намеревалась собрать всех в кабинете, но сейчас пара кандидатов для задания определилась сама собой.

Открывать окно и выстуживать кабинет госпоже кардиналу не хотелось, а посему, набросив пальто на плечи, она поспешила на задний двор, пока эти участники снежно-боевых действий действительно что-нибудь не расколотили. Но стоило Злате выйти на крыльцо, как она тут же попала под перекрестный обстрел с трех сторон.

– Ай! – несолидно взвизгнула глава спецотдела, машинально закрываясь руками, оступилась и эффектно сверзилась в наметенный под ступеньками сугроб, а снег с козырька мягкой лавиной осыпался ей на голову.

– Ой... – виновато донеслось до нее с трех сторон.

– Тьфу-у... кхе... – Пшертневская отплевывалась и отфыркивалась от снега, словно сердитая кошка. – Виктор, что за бардак вы здесь устроили?! Кхе-е!

– А чего сразу Виктор?! – возмутился байкер, не решаясь приблизиться к сидящей в сугробе начальнице. Радислава с боязливым интересом выглядывала из-за его спины. – Я что, рыжий?

– Прости, та даєні, но в этот раз ты ошиблась, – усмехнулся Эрик, помогая Злате выбраться из сугроба. – Снежки – это моя идея.

– Хорошо, – раздраженно дернула рукавом женщина, тщетно пытаясь отряхнуть снег с подола. – Эрик, что за бардак вы с Виктором здесь развели?! Такой вопрос вас больше устроит?!

– Ну-ну, даєні, не обижайся. В следующий раз мы обязательно позовем тебя поучаствовать в наших извращенных развлечениях.

Пшертневская немедленно смирila всех троих самым грозным из своей коллекции начальственных взглядов.

– Поднимайтесь ко мне, живо! Сейчас я кое-кого обеспечу и развлечениями, и извращениями, и еще чем-нибудь на выбор! – С этими словами госпожа кардинал скрылась в соборе.

– Похоже, мы ее разозлили, – тяжело вздохнула Радислава, подталкивая Виктора к двери.

К тому времени как провинившаяся троица поднялась наверх, Злата уже избавилась от пальто и теперь ерзала в кресле, пытаясь устроиться поудобней. Снег, налипший на ткань, успел подтаять, и юбка местами сильно намокла. Эрик, заметив, как она вертится в кресле, неодобрительно качнул головой и щелкнул пальцами. Над госпожой кардиналом взметнулось облачко пара. Помахав перед лицом руками, дабы разогнать пар, госпожа кардинал хмуро воззрилась на своих сотрудников. Снег, налипший на обувь, таял достаточно быстро, и под ногами Виктора и Радиславы успело натечь по изрядной луже.

– Дэпле подкинул нам очередную задачку. – Злата наглядно продемонстрировала всем пачку инструкций.

Эрик довольно бесцеремонно пролевитировал бумаги себе.

– Трансильвания? – Брови мага полезли на лоб. – А Дэпле как-то не волнует, что это не в нашей компетенции? Насколько мне известно, вампиров никогда не причисляли к иным. Ни до войны Двух Миров, ни после. Ибо они сосуществуют бок о бок с людьми уже множество веков и напрямую связаны с человеческой расой. А обычные обитатели Трансильвании так и вовсе их за чужаков не считают, уважая и почитая как часть своей национальной культуры. Это их вотчина, ведь вампиры бессменно правят Трансильванией уже несколько столетий. Неофициально, конечно, но все же...

– Более того, если ты не заметил, на сей раз шумиху подняли именно люди, а не вампиры, – добавила госпожа кардинал. – А мы – не полиция нравов, жалобы горожан не расследуем.

– Тогда тем более этим делом должен заниматься официальный корпус, а еще лучше – служба безопасности или следственные органы, но не мы!

– Может быть, кто-нибудь все-таки объяснит нам, в чем заключается дело? – не выдержала Радислава.

– Даниэль Черный пропал. Он носит титул наследного князя вампиров и является неофициальным правителем Трансильвании, если кто не знает, – четко ответила Злата. – В Бухаресте забили тревогу, когда князь не явился на второе подряд заседание правящего совета. Все важные дела разрешает именно он, без него совет не может ничего менять, а там должны были приниматься какие-то очень важные и нужные решения. Гонцы, отправленные в Тырговиште в первый раз, утверждали, будто князь отправился в Бухарест, а те, которые поехали туда повторно, несли какую-то откровенную чушь. К тому же у Даниэля в Бухаресте есть доверенные люди, а они докладывают, что от князя уже несколько месяцев ни слуху ни духу. Местные хранители порядка пытались выяснить подробности, но тщетно. И поэтому человеческие власти Трансильвании находятся в состоянии, близком к панике. В столице уверены, что среди правящей верхушки вампиров творится нечто неладное... И боятся, как бы это неладное не ударило по людям. Даниэль правит вампирами более двухсот лет, он мудр и опытен, а с его исчезновением над государством начали собираться тучи. И лишь бог знает, чем эти тучи прольются. В общем, так... – Пшертневская задумчиво сцепила пальцы перед лицом. – Виктор, Радислава, вам предстоит отправиться в Тырговиште. Выясните, что именно там происходит, но сами ни в какие аферы не ввязывайтесь. И вот еще одно указание: во дворец правителя придете по отдельности, дабы не вызывать подозрений. Радислава – менестрель, ей вообще не придется ничего разыгрывать. Виктор, вы поедете как контролер инквизиции. Есть у них такая должностная обязанность – раз в год наведываться к вампирам для каких-то там проверок, еще со смутных времен сохранилась. Я договорюсь с отцом Фартом, он выправит вам необходимые бумаги. Отправляйтесь завтра утром.

– Э?! А как же Рождество?! – дружным дуэтом огорчились посланцы.

– А что может случиться с Рождеством?! До него вообще еще несколько дней. Я уверена, что расследовать там нечего и вы управитесь за пару суток.

– Нам бы вашу уверенность, – проворчала себе под нос оборотничка. О дворе князя Даниэля она знала не понаслышке. Довелось побывать когда-то. Сначала вместе с наставником, после – одной. Впрочем, что ей переживать? Она-то менестрель и, следовательно, неприкосновенна.

Господин наместник ордена иезуитов в Нейтральной зоне достойный брат Юлиан стоял у окна и следил за медленно опускающимися на землю снежинками. Белые ухоженные пальцы професса собственнически поглаживали крышку ларца, доставленного из Львова по его приказу. После всего, что произошло в костеле Святых Петра и Павла, достойный профессор уже не считал его таким надежным убежищем, как ему казалось еще два месяца назад, когда его благодать приказал отвезти туда пражскую находку. Конечно, можно было сразу переправить эту часть артефакта в Рим, в главную штаб-квартиру ордена. Но его благодать хотел заполучить артефакт полностью, чтобы прибыть туда триумфатором. Ибо обретение орденом такой реликвии, как Карта великих сражений, давало Юлиану возможность стать преемником нынешнего генерала ордена...

Оторвавшись от построения триумфаторских планов, достойный наместник ордена в Нейтральной зоне перевел взгляд на ларец. Он точно знал, что люди кардинала Пшертневской уже нашли две части карты, и вряд ли они остановятся после неудачи во Львове. Впрочем, сейчас им должно стать не до карты... Насколько Юлиан знал, кардинал Дэпле, не без участия достойного професса конечно же, давеча подкинул им ту еще задачку. Однако это не означало, что нужно перестать наблюдать за спецотделом. Не все же они отправятся в Трансильванию. Наверняка кто-то останется здесь и продолжит поиски карты, а князь ди Таэ вместе с этим проклятым андрогином и инквизитором не преминут сунуть свои длинные носы еще глубже, докапываясь до происхождения гулей и резектума. Выпустить, что ли, Керна порезвиться?... Говорят, у него зуб на Эрика ди Таэ... Но, прикинув эту мысль и так и эдак, господин наместник решил отложить ее исполнение до лучших времен. После

пражских событий брат Юлиан забрал воскресшего мага в Будапешт. Какое бы отвращение ни вызывал у него Керн, достойный профессор не собирался убивать курицу, несущую золотые яйца. Пока не собирался. Сейчас он выжидал, замерев, подобно кобре, чтобы в подходящий момент броситься на ничего не подозревающую жертву и проглотить ее целиком... Ведь когда-нибудь последняя часть карты все-таки будет найдена... Вот тогда-то он и разберется со всеми врагами сразу!

Тырговиште, живописный городок, некогда носивший титул официальной столицы Румынии, раскинулся на правом берегу реки Яломицы всего-то в каком-то часе езды от Бухареста. Своего высокого статуса сей городок однако не утратил и поныне, все так же оставаясь основной резиденцией правящего рода Дракулиште, о чем свидетельствовал прибитый над городскими воротами дубовый щит с изображенным на нем драконом – гербом династии. И пускай живьем драконов в этих краях не видели никогда, но щит как повесили, так он висел себе и висел. Как говорится: кому – красивая сказка, кому – приманка для туристов, а кому – и суровая реальность. А что конкретно, разбирайся сам.

Виктор заинтересованно разглядывал занесенные снегом улочки. Город готовился к Рождеству. Жители украшали разноцветными гирляндами заборы, деревья и дома.

«Разве вампиры справляют Рождество?.. – удивленно подумал байкер. – А впрочем, здесь же не только вампиры живут...»

Сегодня случился выходной день, отчего народу на улицах было изрядно – и клыкастого, и обычного. Все куда-то спешили, и Виктору приходилось время от времени работать локтями, чтобы не потеряться в этом людском потоке. А еще – не отстать от провожатого, который вел новоявленного инквизитора к дворцу Мирчи Старого, где и теперь жили потомки славного вампирьего рода, одного из которых им с Радиславой предстояло отыскать, ну или хотя бы выяснить, что с ним приключилось.

Даниэль Черный Дракула... Виктор снова и снова прокручивал в голове все, что ему удалось узнать об этой личности. Черный правил вампирами и Трансильванией где-то около двух веков, и по вампирским меркам был довольно молод, всего-то триста тридцати двух годков от роду. То есть в пересчете на человеческий век являлся примерно ровесником самого байкера. Не женат, наследников – ни законных, ни бастардов, пока не имеет. Нравом крут, как, впрочем, и все в их знаменитой семейке, но народ его любит, хотя за двести лет правления всякое случалось – и доброе, и дурное. Человеческое движение Сопротивления, борющееся за освобождение от вампирьего ига (да-да, имелось в Трансильвании и такое), Даниэль особо не притеснял. Так, сдерживал в рамках приличия. Да и Сопротивление было какое-то вялое, скорее просто дань многовековой традиции. Некий вариант оппозиции правящей власти. Местное развлечение, так сказать, типа итальянских карнавалов. А вот за серьезную попытку замутить какую-нибудь бучу Сопротивлению накомылили бы не только вампиры, но и свои же – люди. Никто не хотел возвращения смутных времен.

«Но с представителями этого... гм... Сопротивления поговорить все же нужно, – сделал себе заметку на будущее Виктор, – мало ли кому там что в голову стрельнуло...» Из сопровождающего его чиновника байкеру пока не удалось вытянуть ни о князе, ни о ситуации во дворце в целом. Оставалось надеяться, что Радиславе повезло больше. Как и было оговорено, во дворец они добивались порознь...

Радислава сидела на приземистом пустом бочонке и блаженно прихлебывала душистый травяной взвар из широкой деревянной чашки. Квиддера, осторожно прислоненная к рассохшимся бочковым доскам, стояла подле ног. Мимо оборотнички то и дело проплывала дородная кухарка. Да-да, именно проплывала! Назвать движения исключительно толстой вампириши как-то иначе у менестрельки просто не повернулся бы язык. Хозяйка дворцовых котлов, очагов и кастрюль, несмотря на свою внушительную комплекцию, не шаркала, не переваливалась, а именно плыла, подобно раскормленному до неприличия лебедю.

Попасть во дворец оказалось проще простого, причем через кухню. Подобный способ

проникновения в богатые дома еще ни разу не отказывал менестрельке, не подвел он ее и на сей раз. Для этого было достаточно просто завести разговор с кухаркой, будто невзначай столкнувшись с ней на улице. Госпожа Таша сразу же узнала симпатичную оборотничку, несмотря на то что с последней их встречи минуло больше десяти лет. Но много ли значат для вампиров какие-то несчастные десять лет, тем более для таких старых, как Таша. Кухарка и внешне уже выглядела дамой под шестьдесят, а сколько лет ей стукнуло на самом деле, Радиславе оставалось только догадываться. Нет, вампиры, вопреки распространенному мнению, не бессмертны, но семь-восемь сотен лет вполне способны прожить.

Поупиравшись немного для приличия, Радислава все же приняла предложение кухарки зайти «погреться и побалакать, а то и спеть для старухи». Пока оборотничка грела озябшие пальцы о горячую чашку с напитком, ее заметили еще несколько слуг. Теперь находчивая Радислава точно знала: меньше чем через полчаса большая часть дворца будет осведомлена о присутствии менестреля в этих стенах. И наверняка кто-то из верхушки выкажет желание послушать песни за ужином... Радислава усмехнулась своим мыслям и наконец-то прислушалась к болтовне госпожи Таши, которая в компании трех кухарят как раз принималась этот самый ужин готовить, ибо, как говорится, не кровью единой живы вампиры – кушать хочется всем.

Старший князь Высокого дома Эрик ди Таэ задумчиво рассматривал какой-то пожелтевший архитектурный план. Князь столь усердно тер подбородок, будто намеревался отполировать его до блеска или размять и вылепить новую форму. В ходе глобальных раздумий целителя посетила мысль об отращивании бороды, которую можно будет пощипывать в моменты задумчивости и тем самым перестать измываться над подбородком.

– Как думаешь, мне пойдет борода? – не оборачиваясь, спросил он у только что вошедшей Анны.

Княжна, давно привыкшая к тому, что брат вместо приветствия может выдать какую-нибудь странную сентенцию, просто пожала плечами.

– Отращивай, посмотрим, – усмехнулась она.

– Ну вот, как всегда, – притворно обиделся Эрик. – Нет чтобы сказать: «Да, милый брат, тебе, несомненно, пойдет борода, отрасти ее до пояса и носи в ней серебряный колокольчик!»

– Серебряный колокольчик – это пошло, будешь похож на гнома-извращенца, – насмешливо фыркнула Анна. – А по поводу бороды – это тебе у Златы надо спрашивать. Ей же с тобой целоваться, не мне.

Князь тяжело вздохнул и покачал головой, вспоминая, насколько неодобрительно госпожа кардинал относится к вечной небритости Виктора. А если еще и родной муж решит обзавестись дополнительной растительностью на лице... Последствия подобного «подвига» целитель даже не брался предсказывать.

– Что это здесь у тебя? – Княжна нахально уселась на широкий подлокотник гравикресла, разглядывая развернутый на столе ватман.

– План дома, – уклончиво ответил Эрик. – Рид принес.

– Это один из тех трех, которые они обнаружили вместе с Лиссой?

– Да, мы решили их поделить по-братски: два им, один мне. Думаю, так получится быстрее... – как-то неуверенно промямлил маг.

– Эри-ик... – Анна угрожающе подергала его за волосы. – Колись, что ты задумал! Ни за какие коврижки не поверю, будто ты отобрал этот план у Рида без заднего умысла, чисто из альтруистских соображений помощи ближнему...

Князь поерзал в кресле, еще раз потер подбородок, но, видя, что сестра по-прежнему изучает его пытливым взглядом, понял – ему не отвертеться.

– Это бывшая резиденция ордена, – сознался он наконец.

– Какого ордена? – недоуменно уставилась на него княжна.

– А какого бы тебе хотелось? – ехидно осведомился целитель. – Иезуитов, естественно!

Дом по-прежнему принадлежит им. Несмотря на то что они оттяпали себе собор Святого Матиаша, иезуиты не спешат выпускать из своих загребущих ручонок старое пристанище. И меня очень интересует – почему?!

– Собираешься наведаться туда и узнать? – сообразила Анна.

– Собираюсь, – не стал отрицать Эрик. – Подозреваю, что-то с этим домом неладно. Иезуиты занимают его довольно давно и были вполне довольны зданием. А затем вдруг три года назад начали активно подыскивать себе новую резиденцию. Как думаешь почему?

– В старой злыдни¹³ завелись, – насмешливо хмыкнула чародейка.

– В таком случае это должны быть очень хищные злыдни, – в тон ей откликнулся князь ди Таэ. – И вот еще какой факт не дает мне покоя: четыре года назад наместником ордена в Нейтральной зоне стал не кто иной, как наш знакомец брат Юлиан, а после года его главенства иезуиты начинают подыскивать себе новое здание. Это наводит на некие мысли...

– Гули?

– Очень может статься. Наверняка какие-то эксперименты в том здании проводились. Да и сейчас оно не заброшено. Иезуиты устроили там что-то вроде хранилища. Думается мне, там и некоторые лаборатории еще функционируют.

– Намереваешься все выяснить?

– Да. Время не ждет, а нам во что бы то ни стало нужно добыть доказательства их противозаконной деятельности, пока иезуиты не добыли нас.

– Не скажу, что это хорошая идея, – покачала головой Анна.

– Профессор то же самое сказал, – отмахнулся Эрик. – Но, поняв, что я не намерен отступать, просил передавать привет своему «линкольну». Он предполагает, что после того, как они с Виктором его отремонтировали и вручили иезуитам, машину перегнали туда.

– Отлично, значит, будет на чем унести ноги, – хмыкнула чародейка.

– Шутки шутками, хотя примерно это же я ему и ответил. – Маг чуть накренил кресло, вынуждая Анну прыгнуть на пол. – Но Вилдар настоятельно просил не приближаться к машине. Нутром чую, что-то они там с Виктором накрутили эксклюзивного, в качестве подарка от фирмы.

– Отлично, когда мы идем?

– Ты, верно, хотела спросить, когда я иду?

– Нет, – княжна встала напротив брата, упершись ладонями в подлокотники его кресла, – когда мы идем?

– А вот это уже совсем дурная идея, – нахмурился Эрик.

– Не хуже твоей. – Княжна упрямо глядела на него, не собираясь отступать. – Так когда?

– Сегодня ночью, – вздохнул князь, понимая, что спорить бесполезно. – Мы идем туда сегодня ночью...

Глава 8

Путаясь в подоле сутаны, Рид кубарем скатился по лестнице, прикрывая собой Лиссу. Едва не снеся с петель разошедшиеся створки некогда витражной входной двери, они растянулись на крыльце и поспешно откатились за ближайший сугроб. И вовремя, ибо секунду спустя в облезлые дверные доски с грохотом врезались два арбалетных болта, пробив их насквозь.

– ...и шоб духу вашего тут не было! – летел им вслед визгливый старушечий голос. – Ишшут они тут! Расследуют! Знаю я, шо они расследуют! Сокровишш дармовых

¹³ **Злыдни** – маленькие, заморенные существа. Очень быстро обживают в доме, когда там нет домового. Забирают у хозяев здоровье, достаток, удачу.

захотелось! А вот фигу вам!

– Госпожа Маритта, – отец Рид с горем пополам выбрался из сугроба, – мы же просто хотели по...

Лисса резко дернула его за ногу, и архонт рухнул обратно в снег. Еще пара арбалетных болтов ударила в землю, высекая искры из промерзших камней.

– ...поговорить хотели, – пробубнил Рид, уткнувшись носом в снег.

– Я думаю, это бесполезно, идемте отсюда. – Архивариус успокаивающе погладила архонта по плечу.

Под прикрытием снежной кучи они осторожно отползли за угол и лишь тогда рискнули подняться. А вслед им еще долго летел старушечий визгливый голос, поносивший незваных визитеров на чем свет стоит.

– Ну что ж, – удрученно вздохнул святой отец, отряхиваясь от налипшего снега и разыскивая по карманам запасные очки, – первый блин комом, и я потерял свои очки в том сугробе... – Архонт наконец-то нашел футляр и с достоинством водрузил на нос запасную пару. – А ведь нам даже не дали осмотреть дом... И что за сокровища? Изъеденные молью пронафталиненные шубы в рассохшемся шифоньере? – пробормотал он, вспоминая, что старуха, и так не слишком охотно пустившая их, окончательно взбеленилась именно после того, когда он сунул нос в шифоньер.

– Да нет, – откликнулась Лисса. – Одна из старинных городских баек гласит, что кто-то из предыдущих владельцев спрятал в доме клад, чуть ли не золотой запас Османской империи... Но, думаю, это не более чем досужие выдумки. И либо клад уже давно нашли и потратили, не афишируя, либо его и не было никогда. Идемте, может, успеем осмотреть второй дом до темноты. Он всего в паре кварталов отсюда.

Второй дом встретил их кривым забором из гнутой жести, темными провалами выбитых окон и полуразбитыми статуями горгулий на балконе верхнего этажа. Судя по своему состоянию, дом был давно заброшен. И единственные его обитатели вроде крыс, летучих мышей и тараканов вряд ли смогут помешать осмотру. А опасность нарваться на бродяг или нищих Рид решил пока не рассматривать.

Отогнув кусок жести, архонт и девушка пролезли во двор. Судя по девственно чистому снегу, они стали первыми, кто за последние дни решил наведаться сюда. Обойдя дом вокруг, архонт застонал: парадные двери, черный ход, а также все окна первого этажа оказались предусмотрительно заложены кирпичом.

– Рид, идите сюда! – окликнула его Лисса, приминая ногами снег и сухой бурьян у восточной стены. – Здесь можно попасть внутрь.

Архонт приблизился и присел на корточки у довольно широкого подвального окна. Наверное, когда-то оно выполняло роль углеприемника в кочегарке. Священник подобрал подол и, кряхтя, спрыгнул вниз, затем помог спуститься девушке. Лисса пошарила по карманам и вытащила связку ключей с брелоком-фонариком. Не бог весть что, но хоть какой-то свет. Стоило ей щелкнуть кнопкой, как луч фонаря тут же отразился от двух мерцающих точек в углу.

– О господи, на все твоя воля!.. Это еще что там?! – вскрикнул от неожиданности Рид.

– Мяфшш!!! – раздраженно донеслось из угла.

– Это кошка, Рид, – рассмеялась Лисса. – Всего лишь кошка и... – Девушка подошла поближе. – И двое котят.

– Ф-фу... – с облегчением выдохнул архонт, растерянно улыбаясь.

– Эй, уважаемые, что вы там делаете? – донесся от окна грубоватый голос, и подвал осветило лучом мощного фонаря.

Возле углеприемника на корточках сидел полицейский, сапоги его напарника топтались чуть поодаль.

– Ах, господин полицейский, – зашебетала архивариус, выступая вперед и нацепляя на лицо глупую улыбку, – святой отец помогал мне искать мою кошку! – С этими словами она чувствительно пнула Рида, чтобы тот перестал недоуменно хлопать глазами и наконец

закрыл рот.

– А... э... да! – спохватился тот. – Ни одна тварь божья не должна быть обижена, особенно под Рождество...

– И как, нашли? – саркастически осведомился полицейский.

– Да, господин полицейский, ах, это такое счастье! – Лисса метнулась к горе тряпья под стеной, подхватывая одной рукой кошку, а другой – едва прозревших котят, которых тут же сунула в руки архонту. – Матильда, радость моя, ну зачем ты сбежала от мамочки?! Я ведь была совсем не против твоих котят!

– Поздравляю. А теперь убирайтесь оттуда, – буркнул страж порядка. – Запрещено по заброшенным зданиям лазить!

Священник и его спутница истово закивали головами и, сунув кошек в руки полицейским, поспешно выбрались из кочегарки, а затем под строгим надзором были препровождены обратно на улицу.

– Да, и с вас штраф, – злорадно сказал страж порядка, которому свежепоименованная Матильда успела расцарапать руки и щеку.

– Пришлите квитанцию на адрес – собор Святого Матиаша, резиденция Общества Иисуса, главная канцелярия, – в тон ему откликнулся Рид, забирая котят из рук второго патрульного.

Стражи порядка проводили их до конца квартала, дабы увериться, что они снова не полезут в заброшенный дом.

– Н-да, ну и походик, – пробормотал архонт, забирая у Лиссы вырывающуюся кошку и сажая ее за пазуху к надсадно орущим котяткам. – Столько времени убили, а в результате – лишь арбалетные болты, штраф да кошачий выводок! Будем надеяться, что Эрику повезет больше. Но если нет, придется посетить эти дома снова... Господи, а я такие надежды возлагал на последние развалины! Ведь там когда-то располагался городской архив, а лучшего места для тайника и не придумаешь...

– Я ума не приложу, что теперь с этими котами делать... – Судьба зверей тревожила архивариуса куда больше неудавшегося поиска. – Но не бросать же их посреди зимы на улице!

– Давайте-ка занесем животных в архив, – предложил Рид. – Полагаю, там всегда найдется кому за ними присмотреть. Да и мышей приструнить не помешает, а то в последнее время я все чаще замечаю некую погрызенность на документах...

Его благочестие отец Габриэль Фарт сидел в помещении малого архива специального отдела и, пользуясь допуском, милостиво выданным ему Эриком ди Таэ, по диагонали просматривал отчеты сотрудников спецотдела, все более мрачней. Некоторые данные, обнаруженные в этих бумагах, изрядно насторожили верховного инквизитора, а сопоставив их с пометками в своей записной книжке, он отбросил небольшие сомнения, еще остававшиеся в его душе. Бесспорно, орден иезуитов погряз в грехах, крамоле и запрещенной магии. А в богопротивных опытах с ожившими мертвецами оказались замешаны его самые видные деятели – как бывший глава инквизиции мэтр Саграда, так и его лицемерие брат Юлиан Мориц. Поэтому Фарту следует...

Но додумать Габриэль не успел, потому как дверь архива внезапно распахнулась и на пороге возникли Рид с Лиссой, мокрые, исцарапанные и усталые.

– Добро пожаловать. Судя по вашему виду, вы побывали в когтях самого дьявола! – шутливо поприветствовал вновь прибывших отец Фарт, справившись с удивлением.

– Почти! – сухо буркнул архонт, извлекая из-за пазухи тощую полосатую кошку и подавая ее Габриэлю. – Брат мой, не желаете ли принять участие в ее дальнейшей судьбе?

– С удовольствием! – улыбнулся Габриэль, ласково поглаживая доверчиво прижавшуюся к нему животинку. – Всегда любил кошек... Нет, ну не до такой же степени! – вскричал он, видя, как отец Рид вынимает из-за пазухи еще и двух котят.

Лисса озорно расхохоталась, наблюдая за священниками, неуклюже нянчащимися с

котятками. Сценка действительно получилась еще та!

– По какому поводу веселье? – Дверь распахнулась повторно, и в архив вступила Жози, облаченная в кокетливую белую шубку. Волосы девушки свободно рассыпались по плечам, придавая ей невинно-ангельский вид, щеки окрасил нежный румянец...

– Вы? – ахнул отец Фарт, роняя кошек на пол. – Опять вы!

– Не опять, а снова! – наставительно поправила Жози, склоняясь к животным. – Няшечки мои, лампампусечки, вы не ушиблись? Красавчик, – она игриво подмигнула Габриэлю, – это твои кошки?

– Мои? – Отец Фарт даже застонал от бессилия перед бременем, неожиданно свалившимся к нему на плечи. – Брат мой... – Он обернулся, намереваясь отдать животных обратно, но в архиве, кроме него, Жози и кошек, не было никого. Отца Рида и Лиссы уже и след простыл. – Мои! Хм, кажется, уже точно мои...

– Какой же ты добрый, благодетель наш! – Блондинка порывисто бросилась на шею великого инквизитора. – Спаситель! Милостивец...

– Ик! – непроизвольно вырвалось у отца Фарта. Он попытался отстранить красавицу от себя, но руки предательски дрожали, а девичьи губы были близко, так близко. Габриэль отрешенно зажмурился, уже готовый к поцелую...

– Что здесь происходит? – Дверь архива с грохотом растворилась.

На пороге стояла хранительница Лоренсия Скрипто, разъяренная и взлохмаченная, словно древняя богиня мщения...

Виктор, прислонившись к стене, ожидал, когда его соизволят уж если не представить кому-то из хозяев дворца, то хотя бы проводить в отведенную комнату. Информации по-прежнему набиралось катастрофически мало, а попытка разговорить кого-либо из виденных здесь слуг ни к чему не привела. Более того, он начинал тревожиться за Радиславу. Она бы уже должна добраться до дворца. Они ведь договаривались «будто невзначай столкнуться в холле». В последнее время с оборотничкой вообще творилось что-то непонятное, пусть она и старалась это тщательно скрывать. Но выглядеть прежней получалось у нее далеко не всегда. При малейших попытках Виктора устроить ей допрос с пристрастием менестрелька мигом переводила разговор на другую тему или же просто замолкала...

Байкер устало потер глаза.

– Говорят, вы искали меня, – неожиданно раздалось сбоку.

Виктор резко обернулся и столкнулся с круглолицым коренастым мужчиной. Ясные голубые глаза, встопорщенные, коротко стриженные русые волосы, простое добродушное лицо. Так вполне бы мог выглядеть средней руки мещанин – булочник или преуспевающий трактирщик.

– Чегой-то не припомню такого. – Оружейник настороженно прищурился, пристально рассматривая незнакомца.

– Ну как же? Это ведь вы заходили сегодня в ратушу и спрашивали, на какой адрес зарегистрирована штаб-квартира Соппротивления засилью кровососов.

Байкер рассеянно кивнул. Да, он действительно заходил в ратушу. Поскольку Соппротивление в Трансильвании являлось официальным, признанным властями, то и зарегистрировано оно было как вполне официальная общественная организация.

– В таком случае Миклош Йонеску, глава Соппротивления, к вашим услугам! – лучезарно улыбнулся собеседник, открыто демонстрируя длинные вампирьи клыки.

Виктор недоуменно потряс головой, пытаясь собраться с мыслями. Глава Соппротивления против вампиров... вампир?

– Ну, как говорится, у каждого свои недостатки, – смущенно усмехнулся Миклош. – К тому же мы ведь не террористы какие, а так, обычная оппозиция. Считайте – классическая палка в колесе любой власти. Но я так понимаю, вы здесь из-за Даниэля? Признаюсь, было бы неплохо узнать о нем что-нибудь новенькое, пусть даже из уст, хм, инквизитора...

– Да нечего узнавать, – проворчал Виктор. – Вообще-то я надеялся что-нибудь

услышать от вас.

Лицо Миклоша помрачнело. Он как-то сразу осунулся, ссутулился.

– Плохо, очень плохо... – пробормотал Йонеску. – Я не смогу вам ничем помочь. После исчезновения Даниэля мне вход во дворец заказан. Даже для того чтобы встретиться с вами, пришлось разыграть нешуточное представление. Одно я вам могу сказать точно – здесь замешан Матьяш Корвин. У Даниэля нет наследников, а Корвин ближайший претендент на престол и очень не хочет, чтобы появились более, э-э, чистокровные соперники. Шила в мешке не утаишь, слухи просачиваются из дворца в город...

На лице байкера застыл немой вопрос. Точнее, вопросов накопилось много, но Виктор так и не смог определиться, какой задать первым, и посему сейчас являл собой большой вопросительный знак в чистом виде. Миклош настороженно огляделся, затем посмотрел на часы и помрачнел еще больше.

– Поговорите с Адой, – понизив голос, сбивчиво и быстро заговорил он. – Она – невеста Даниэля, на рождественском балу он должен был официально назвать дату свадьбы. Я уверен, она выяснила, что произошло на самом деле. Умная, смелая девочка... Я несколько раз предлагал ей бежать из дворца, но она отказалась, а потом стало поздно: Корвин что-то учуял и не спускает с нее глаз. К тому же Ада не доверяет мне... И правильно делает, – добавил Миклош, – я бы на ее месте тоже никому не доверял, но только не в этом случае. Я слишком многим обязан князю Даниэлю, чтобы рискнуть причинить вред кому-то из его близких. Я уверен, Ада знает, что случилось с ним, и не теряет надежды помочь ему, только боюсь, как бы это не закончилось плачевно для всех. Матьяш Корвин – тот еще мерзавец, молоденькой человеческой девушке с ним не тягаться. Будь она вампиршей, я бы еще накинул пару шансов, а так... Никакой ум не заменит векового опыта, а Корвин начал плести интриги, едва выполз из пеленок... – Йонеску еще раз взглянул на часы. – Все, мое время вышло, дольше здесь оставаться опасно. Прощайте, надеюсь, что помог и вам все удастся... И еще. У вас слишком добрые глаза, любой мало-мальски наблюдательный вампир мигом поймет – вы такой же инквизитор, как я балерина. Советую придумать маскировку получше. – С этими словами вампир исчез так же незаметно, как и появился.

Тут же из бокового коридора в холл вышла Радислава в сопровождении дворецкого. Дворецкий приблизился к байкеру и аккуратно склонил голову в точно выверенном поклоне, вежливом, но не более того.

– Прошу прощения, что заставил ждать, – глуховато извинился он. – Идемте, я провожу вас в обеденный зал.

Поднимаясь по лестнице, Виктор почувствовал, как оборотничка коснулась его руки. В ладонь скользнул маленький клочок бумаги. Осторожно расправив записку, байкер скосил глаза вниз. Там значилось всего несколько слов.

«Матьяш Корвин. Дело дрянь», – разобрал он и с тихим вздохом сунул записку за манжету рубашки. Радует, тьфу, вернее, печалит уже хотя бы это: в чем-то их сведения совпадают... Осталось только решить, что делать дальше.

Но до комнаты Виктору добраться не дали. У входа в обеденный зал уже дежурил посланец:

– Господин инквизитор!

Байкер на секунду замешкался, не сразу сообразив, что обращаются к нему.

– Господин инквизитор, господин Корвин желает обсудить все детали вашего визита и просил препроводить вас в библиотеку.

– А при чем здесь какой-то господин Корвин? – изобразил раздраженное недоумение Виктор. – Детали своего визита я уполномочен обсуждать исключительно с князем. И, насколько мне помнится, родовое имя его – Дракула, а не Корвин.

– Господин князь сейчас в отъезде, и на время его отсутствия все обязанности его светлости исполняет господин Матьяш Корвин, – спокойно, будто капризному ребенку, объяснил посланец.

– Ладно, – недовольно буркнул липовый инквизитор, досадуя, что не успел

переговорить с менестрелькой, – Радислава уже успела скрыться в зале. – Идем обсуждать с Корвином.

Несколько минут спустя байкер вошел в просторную дворцовую библиотеку. Сопровождающий попросил дождаться господина Корвина и откланялся. Виктор с интересом рассматривал помещение, в котором оказался. Библиотека, конечно, уступала вотчине хранителей в Санкт-Петербурге, но тоже оказалась немаленькой. Именно поэтому оружейник не сразу заметил притаившуюся между шкапами женщину. А та, видно, достаточно рассмотрев его, все же решилась выбраться из укрытия.

– Хвала Господу, вы человек, священник... – со вздохом облегчения произнесла она, выходя на открытое место.

– Почему? – не понял Виктор, озадаченно разглядывая высокую пепельноволосую девушку в строгом черном платье. – Вы тоже не химера, и что с того?

– Помогите мне, прошу вас! Корвин держит князя в темнице, а завтра убьет его... – Продолжить она не успела, ибо дверь отворилась и в библиотеку вошел щеголеватого вида субъект, с неприятными полупрозрачными серыми глазами. Видимо, тот самый Матьяш Корвин, о котором Виктор уже столько слышал сегодня.

Девушка резко побледнела и постаралась незаметно проскользнуть мимо него в коридор, но не тут-то было. Вампир легко перехватил ее за локоть. Байкер непроизвольно скрипнул зубами, заметив, как у его недавней собеседницы дрогнули губы. Несмотря на кажущуюся непринужденность жеста, пальцы Корвина наверняка причиняли ей достаточно сильную боль.

– Прошу прощения, что заставил вас ждать. Меня зовут Матьяш... Вернее, советник Матьяш Корвин. Я замещаю князя, пока он в отъезде, – сообщил вампир, холодно улыбаясь. – А это Ада, моя невеста. – Он как-то особенно выделил слово «моя», еще сильнее стиснув локоть девушки.

Из глаз несчастной брызнули слезы.

– Отпусти ее, – глухо прорычал байкер, понимая, что этот мерзавец нарочно издевается над девушкой. Его здравый смысл надрывался благим матом, предупреждая о неправильности всего происходящего, но врожденное благоразумие, помноженное на ощущение нарастающей опасности, приказало ему заткнуться и не мешать.

– А то что? Забрызгаете меня святой водой? – насмешливо процедил в ответ вампир. – Это не ваше дело, святой отец. Да и святой ли?..

Виктор почти неуловимым движением скользнул вперед. Драться с вампиром было сущим безумием, но один удар у него точно есть... Костистый кулак байкера смачно впечатался в челюсть вампира, заставив того выпустить руку Ады и полностью переключиться на оружейника. Сначала Виктор еще пытался защищаться, а после сознание проснулось лишь на минуту, когда кровавую пелену разорвал голос девушки:

– О господи, ты же убьешь его! Неужели тебе мало крови на руках, Матьяш Корвин?! – Она повисла на локте вампира, но тот стряхнул ее, словно надоедливую мошку, однако пинать окровавленного байкера все же прекратил.

– Ладно, пусть еще поживет сегодня, а завтра вместе подохнут...

Заметив металлический блеск в разорванном вороте рубашки псевдоинквизитора, Корвин склонился над оружейником и вытащил наружу медальон, сделанный Эриком ди Таэ. Глаза мерзавца потрясенно расширились. Магия крови, не будь он вампир! И где-то у этой безделушки должен иметься близнец, где-то не очень далеко... Ах, кстати, помнится, за сегодняшний день во дворец проникли всего два чужака: этот священник и женщина-менестрель. А значит... Матьяш резким движением сорвал цепочку... Байкер в бессильной ярости попытался перехватить его руку, но тут же получил еще один удар в лицо. Голова мотнулась, словно у тряпичной куклы, весьма чувствительно приложившись об пол. Виктор смутно услышал, как открылись двери и в библиотеку вошел кто-то еще.

– Уберите отсюда эту падаль, закройте в подвал, – приказал Корвин. – А ты – пошла вон! Умойся, приведи себя в порядок и не смей появляться в обеденном зале как мокрая

курица!

– Ты! – Лоренсия Скрипто вытянула указательный палец, обличающим жестом указывая на андрогина. – Наконец-то я тебя нашла, теперь не уйдешь!..

– Она! – затравленно пискнула Жози. – Это она! Мамочки, спасите! – Блондинка не хуже Капусты юркнула за огромную кучу бумаг и затаилась там, словно мышка.

– Прятаться бесполезно! – торжествующе хохотнула хранительница. – Вылезай по хорошему! Сдавайся добровольно, и тогда, обещаю, я ограничусь быстрым умерщвлением. А иначе медленно сотру в порошок и...

– Извините! – резко прервал ее отец Фарт, возмущенно наблюдающий за разыгрывающейся перед ним трагедией. – Но эта девушка находится под моей защитой, и я не позволю вам причинить ей вред!

– Да кто ты такой? – искренне изумилась госпожа Скрипто, переводя взгляд на священника. – Как смеешь мне мешать?

– Отец Габриэль Фарт, великий инквизитор Нейтральной зоны! – с достоинством представился Габриэль.

– Да хоть сам Папа Римский! – язвительно усмехнулась хранительница. – Отойди, не мешай!

Однако Габриэль решительно заступил дорогу разъяренной дамочке, стараясь не допустить ее к андрогину. Лоренсия раздраженно взмахнула костлявой рукой, отодвигая несговорчивого священника с дороги и одновременно сковывая его магическими путами.

– Что?! – возмутился отец Фарт. – Как вы смеете... – Он попытался пошевелиться, но тщетно. Лишь неимоверное усилие помогло ему сделать небольшой шаг в сторону хранительницы. – В сих святых стенах со мной мощь Господня. Прочь, иначе обрушится на вас гнев пресветлых духов, внявших моему зову! – Выдав сию героическую тираду, инквизитор и сам подивился тому, какую ахинею он несет.

– Кого? – Госпожа Лоренсия язвительно хихикнула. – Ты угрожаешь мне магией или я ослышалась?

– Не угрожаю, а предупреждаю! – вошел в роль отец Фарт. – Силой, данной мне Господом, да придет светлый дух в защиту мою... – начал он формулу призыва. Правда, призвать данным образом можно было разве что защиту от сглаза, но госпожа Скрипто этого не знала.

– Ну хватит! – недовольно выкрикнула она, чувствуя, как вокруг экзорциста начинает разливаться неизвестная ей сила.

С тонких пальцев хранительницы сорвалось несколько искр, и Габриэля отшвырнуло в сторону, крепко приложив спиной о стеллаж. Лоренсия шагнула вперед с явным намерением наконец прикончить несчастного андрогина, как вдруг...

– ...да отвратит он зло от лукавого и повергнет его в прах, – задыхаясь, прохрипел Фарт.

А вот это уже совершенно не имело никакого отношения к экзорцистике и вообще было полной галиматьей, однако же действие возымело, причем такое, какого не ждали ни Лоренсия, ни сам инквизитор. Волчья шкура, лежавшая на полу, вздулась пузырем чуть ли не под ногами хранительницы и невнятно зашевелилась...

– Ой! – тоненько, совсем по-девчоночьи взвизгнула госпожа хранительница, отпрыгивая в сторону. – Что это?..

Из-под старой, побитой молью волчьей шкуры, разложенной на полу, неожиданно высунулось несколько крохотных, когтистых лапок... Шкура издала пронзительное шипение и шустро поползла к Лоренсии Скрипто, застывшей посреди архива...

– Мамочка! – пронзительно заорала госпожа хранительница, отпрыгивая как ошпаренная. – Мамочка, спасите меня! – Она невольно повторила недавнюю мольбу андрогина. Несколько искр сорвались с ее пальцев и прожгли шкуру в двух местах, но неведомую силу это не остановило.

– Шшшмрп! – угрожающе ответила шкура, вздыбливаясь над полом и подпрыгивая. Из покрывающих ее дыр засветились красные уголья... – Мряф!

Последний вопль чудовища поверг хранительницу в ужас. Понимая, что закрыться от неведомой твари не получится, госпожа Лоренсия нервно щелкнула пальцами и спиной вперед провалилась телепорт, бесславно покинув поле боя... Шкура, развернувшись, уверенно направилась к только что поднявшемуся инквизитору.

– Ой! – Отец Фарт шагнул назад, споткнулся о стопку книг, выстроенную прямо на полу, и неловко приземлился на пятую точку. Его нога случайно заехала по злополучной шкуре, смахивая ее в сторону и открывая... Матильду с котятками, напуганную не меньше его! Видимо, спасаясь от излишнего внимания, робкие кошки забились под первое попавшееся укрытие, в коем благополучно и запутались... К тому же, вопреки распространенному мнению, кошки не любят магию. А уж когда госпожа Скрипто неуклюже атаковала шкуру, тут терпению Матильды и вовсе пришел конец.

– Спасена, спасена! – кричала Жози, прыгая вокруг распростертого на полу Фарта и тиская смущенных кошек. – Спасена тобой, красавчик, и этими обаяшками! Теперь моя врагиня уже не вернется! А все благодаря тебе... – Она нагнулась к отцу Фарту, схватила его за уши, и Габриэль обреченно зажмурился, отдаваясь грядущему поцелую. Кажется, он уже и не думал сопротивляться...

Кап, кап... Капли воды стекали по каменной стене каземата и размеренно падали на пол. Утверждают, будто некогда капанье воды превратили в изоощренную пытку, от которой люди сходили с ума в течение суток. Но байкер понимал: ему это не грозит, его убьют намного раньше. Он пребывал в относительном сознании все время, пока его тащили в подвал и заковывали в цепи, потом ненадолго отключился, а когда очнулся, понял – дело дрянь. Влажные камни холодили голую спину. Руки, за цепь подвешенные на крюк над головой, начали затекать. Сидеть было неуютно, но, слава богу и кожаным штанам, хоть не мокро. Холодные капли приятно капали на разбитое опухшее лицо. Помятые, а может и сломанные, ребра ныли. А где-то там наверху Радислава осталась одна, без помощи и поддержки, один на один с этим ублюдком Корвином. Ну если эта сволочь ее хоть пальцем тронет... Виктор с силой дернул цепь, потом еще и еще, силясь сломать или хотя бы разогнуть крюк.

– И не пытайся, – хрипло донеслось с соседних нар. То, что байкер считал всего лишь горой рванья, зашевелилось, приподнявшись на локтях и явив миру бледное исхудалое лицо в обрамлении свалевшихся в сосульки длинных темных волос. – Эти крюки не для людей сделаны...

– Да? – Виктор еще раз с силой дернул цепь, и крюк вылетел из стены, больно саданув его по макушке. – ...! Оно и видно, ...! Было бы для людей, фиг бы я его оттудова выдрал! – Избавившись от крюка, он принялся рассматривать кандалы. – Н-да, а вот здесь без инструмента не обойтись...

– Подожди... – прошелестел бледный субъект, воздвигаясь над нарами. – Я попробую...

Мужчина, пошатываясь, пересек камеру и присел возле байкера. Пока он шел, Виктор вполне успел его рассмотреть: в изодранной, когда-то окровавленной, а теперь просто покрытой бурыми пятнами одежде. На животе и груди видны жуткие свежие рубцы едва затянувшихся ран, страшно худой, синюшно-бледный... Короче, классический вампир, коим незнакомец, собственно, и являлся. Взяв в руки цепь, он с натугой со второй попытки разогнул центральное звено. Цепь со звоном распалась на две части. Вампир, тяжело дыша, привалился к стене.

– И то хлеб... – пробормотал Виктор. Железные браслеты по-прежнему висели на запястьях, но благодаря разорванной цепи руки обрели полную свободу действий. – Виктор, – представился байкер, протягивая вампиру длань.

– Данко, – просипел тот, вяло пожимая протянутую ладонь. – Просто Данко. Что,

Корвину на хвост наступил?

– А ты?

– И я, – согласился вампир. – Выбраться бы отсюда, я бы эту сволочь голыми руками...
Ведь не ждал от него удара в спину, не ждал...

– Так за чем остановка?

– Сил нет. – Данко облизнул спекшиеся губы. – Все на раны потратил, что осталось – на твою цепь. На дверь все равно бы не хватило...

– Но ты же вампир!

– И что? – криво усмехнулся тот. – Я уже полтора месяца без крови голодаю, еще неделя – и заживо разлагаться начну... Нам хотя бы раз в месяц свежую кровь пить нужно, иначе все... начинается что-то вроде вашего лейкоза. – Вампир уже не сидел, а почти лежал под стеной.

– Э нет, приятель, так дело не пойдет! – Виктор подхватил его под мышки и усадил более-менее ровно. – У меня девушка там наверху осталась, пропадет одна, надо выбираться! – Байкер откинул волосы с шеи и склонился к вампиру. – Давай кусай, мне для благого дела не жалко!

Одно о вампирах Виктор знал точно: вампиризм – не бешенство, при укусах не передается.

– Ты очумел, да? – Данко оттолкнул байкера от себя. – Я тебе что, извращенец какой-то?!

– Дают – бери, бьют – беги, – философски изрек Виктор. – И не кочевряжься, когда добровольно предлагают. Или вам надо, чтобы обязательно непорочная девица в ночной сорочке, с визгом и расцарапыванием рожи?

– Э... почти, – смутился вампир. – Только можно и не непорочную, да и расцарапывание рожи не обязательно. Как бы тебе объяснить... Укус – это процесс весьма интимный, проявление наивысшего доверия к партнеру, пик наслаждения, экстаз... – Он блаженно прикрыл глаза. – И происходит это, ну, как бы это сказать...

– В постели, что ли? – недоверчиво хмыкнул байкер. – Тьфу, а еще говорил – не извращенец! Ладно, убедил, нацелу тебе крови. – Виктор расстегнул пряжку на поясе и заточенным штырьком вспорол себе запястье. – Пей давай, это тебе не кусать. Живо! Рассусоливает он тут, стеснительный, понимаешь, нашелся!

Командный тон подействовал – Данко мигом растерял стеснительность и приложился к кровоточащему запястью. Виктор было подумал, что придется оттащить изголодавшегося вампира за волосы, но тот и сам остановился, сделав несколько глотков. Впрочем, этого оказалось достаточно, чтобы запавшие щеки чуть порозовели да и сам вампир начал потихоньку оживать. Пока байкер перетягивал рану оторванной от кармана подкладкой, Данко прошелся по камере, словно привыкая к своему телу, а затем приблизился к толстой двери.

– Поможешь? – обернулся он к Виктору. – Я сейчас один не справлюсь.

– Не проблема...

Минуту спустя дверь с грохотом вывалилась в коридор...

Глава 9

Обеденный зал дворца Мирчи Старого тонул в теплом свете множества восковых свечей. Вампиры принципиально не признавали электрических лампочек, считая, что их свет слишком уж похож на солнечный. И хотя в зале собралось немало гостей, ужин еще не начался. Все терпеливо ожидали прибытия теперешнего хозяина дворца. Кто-то, воспользовавшись заминкой, предложил госпоже менестрелю продемонстрировать свое искусство, дабы приглашенным не пришлось скучать, а возможно, чтобы заглушить бурчание голодных желудков. Радислава, снисходительно пожав плечами, расчехлила инструмент и, сдвинув приборы, уселась прямо на стол. Тонкие пальцы пробежались по

струнам, проверяя строй. Честно говоря, сейчас оборотничке было не до песен, а потому дорогого стоило унять небывалую дрожь в руках. Ей очень не понравилось, когда Виктор ушел вслед за странным посланцем, ибо она нутром чуяла грядущую опасность, но ничего сделать не могла. Радиславе оставалось только войти в зал и играть.

Я не умею на заказ
Лепить бездушно в рифму строчки,
И даже если дан приказ,
Навряд ли сдвинусь дальше точки.
Я не осмелюсь без любви
Сыграть припев неблагозвучно,
Меня за деньги не зови,
Ведь алчной стать ужасно скучно.
Я не желаю просто так
Бездумно тратить дни и годы,
Судьбы мечтаю видеть знак,
Меня ведущей сквозь невзгоды.
Я не хочу без слов кричать,
Стучаться в чье-то сердце злое,
Пушай проклятия печать
Путь преградит мне к аналою.
Я не пытаюсь смелой быть —
Куда уж мне в герои, право,
Но я хочу тебя любить,
Сиять брильянтом без оправы...

Дверь приоткрылась, и в зал проскользнула девушка в простом черном платье. Радислава кожей почувствовала: что-то здесь не так. Это неправильное, поддельное, буквально рвалось наружу из вновь прибывшей — сквозило в ее движениях, читалось в ее глазах. Испуганный отчаянный взгляд девушки натолкнулся на Радиславу и уже не отрывался, словно приклеившись к менестрельке. От остальных исходило лишь легкое недоумение, а от девушки в черном — уже даже не страх, но дикий, животный ужас... Внезапно чувствительный нюх Радиславы уловил острый запах крови. Оборотничка осторожно перевела взгляд с аудитории на свою рубашку. Грубоватый железный медальон, сделанный Эриком ди Таэ, выскользнул из выреза и лежал поверх ткани, а под ним растекалось кровавое пятно, вызывающе алевшее на светлой рубашке. Радиславу обдало волной холода, внутри нее все заледенело. Виктор... Рука на секунду застыла над струнами. Но никто не обратил внимания на краткую паузу, сочтя ее частью номера.

И менестрель продолжила петь, ведь она знала — сейчас нельзя останавливаться. Позже, когда песня закончится, ей нужно постараться незаметно исчезнуть отсюда, если еще не будет поздно, если ее сердце не остановится вместе с его сердцем и вместе с тем, которое еще не родилось... Но голос оборотнички звучал все так же ровно, музыка лилась из-под пальцев. Думая лишь о том, как бы не сорваться и не сфальшивить, Радислава не заметила, как в зале появился еще один человек, а точнее, вампир. Выступив вперед, он застыл, скрестив руки на груди и пристально разглядывая не столько певицу, сколько тускло поблескивавший медальон в кровавом пятне. Он был почти уверен, что его брат-близнец сейчас лежит у него в кармане.

Я не решусь тебе сказать,
Что без любви мне мир не в радость,
Себя мне проще наказать,
Отвергнув губ желанных сладость.

Я обещаю, за грехи
Приму разлуку, словно схиму,
Пусть ангелы ко мне глухи,
Я божье слово не отрину.
Я буйны кудри состригу,
Сменю шелка на власяницу,
Я от любви своей бегу,
В строку души вложив частицу.
Я знаю точно, за любовь
До смерти мне бродить по свету,
Даря другим стихи и кровь,
Как предназначено поэту...

Последние звуки песни растворились под сводами зала, но зарождающуюся волну аплодисментов прервал властный взмах руки выступившего вперед вампира. Вместо оваций раздались лишь его одинокие, довольно издевательские хлопки.

– Браво, госпожа моя, браво! – Холодный, полный глумливой насмешки голос Матьяша Корвина неприятно резанул ухо. – Сколько эмоций, сколько драматизма, а какая выдержка, браво! Ведь очень сложно петь, когда знаешь, что беда случилась с владельцем вот этого! – Вампир резко вытащил из кармана отобранный у Виктора медальон.

Оборотничка машинально сжала пальцы на своей цепочке. Осторожно, будто стеклянную, отложила квиддеру и прыгнула со стола. Вампиры инстинктивно расступились, образуя круг. Уруми с металлическим шелестом выскользнул из поясных петель...

Тут дверь с грохотом распахнулась, едва не слетев с петель, и в зал, расталкивая вампиров, ввалились двое оборванцев, один из которых больше походил на умертвие, а во втором, к величайшему своему облегчению, Радислава опознала Виктора. Несмотря на перенесенные побои, держался байкер довольно бодро, сжимая в руках нечто ржавое, отдаленно похожее на алебарду. По толпе прокатился удивленно-ошеломленный ропот. Оборотничка почувствовала, как занервничал Корвин. Проследив за мечущимся взглядом узурпатора, оборотничка догадалась – с первым оборванцем что-то было не так...

– Даниэль! – Девушка в черном платье, так пристально разглядывавшая оборотничку во время выступления, кинулась к нему.

– Стой, дура! – вскрикнула Радислава, понимая – от Корвина девушке не увернуться.

Вампир молниеносно перехватил ее поперек талии и притянул к себе. В руке его блеснул клинок. Даниэль, рванувшийся вперед, застыл как вкопанный...

– Не думаю, что тебе стоит торопиться, – прошипел Матьяш Корвин. – Пока ты до нее добежишь, она захлебнется собственной кровью. Ада – милая девочка, но увы, она человек. А ведь людей так просто убить... А этот... – он злобно покосился на Виктора, – твой пособник тоже пусть не рыпается, иначе пострадает уже другая девочка – его менестрелька. Нож я всегда успею метнуть. Даже оборотню в скорости со мной не тягаться... – Предатель повернулся так, чтобы иметь возможность достать и оборотничку.

Виктор выругался сквозь зубы и усилием воли принудил себя остаться на месте. Даниэль осторожно шагнул вбок, заставив Корвина еще чуть повернуться. Радислава неотрывно следила за худым оборванным вампиром. Она вдруг отчетливо осознала, что тот смотрит не столько на Аду, сколько на нее, и в случае чего прикрывать станет именно ее. Нерожденная жизнь для вампиров свята, и не важно, кто ее носит в себе. Даниэль, как и все в этом зале, за исключением людей, прекрасно почувствовал ее состояние.

– Отпусти Аду, Корвин, – хрипло потребовал правитель Трансильвании. – Ты уже достаточно бед натворил...

Виктор осторожно двинулся в сторону оборотнички...

«Что он творит?..» – с ужасом подумала Радислава.

Ситуация потихоньку становилась неконтролируемой. Нужно срочно что-то делать... Корвин на взводе, и эта несчастная девчонка может погибнуть ни за понюшку табаку. Ей просто никто не успеет помочь. Менестрелька покрепче сжала рукоять уруми и резко стеганула гибким клинком по воздуху. Корвин, почувствовав движение, метнул клинок, а Даниэль молнией кинулся к Радиславе... Аде удалось вырваться из ослабевшей хватки вампира и рвануться к Даниэлю. Виктор, мгновенно сориентировавшись, перехватил девушку на полпути и отшвырнул ее к себе за спину, не давая надеть глупостей.

– Все в порядке? – хрипло спросил Даниэль, все еще удерживая оборотничку за плечи.

Та судорожно кивнула, понимая, что если стилет не долетел до нее – значит, застрял в спине вампира. Нет, не в спине, а в плече, точно напротив ее сердца. Радислава нервно сглотнула. Даниэль медленно поднялся, продолжая закрывать собой менестрельку. Оборотничка так и не нашла в себе силы встать и продолжала сидеть на полу.

Корвин, увидев, как все его замыслы пошли прахом, с ревом кинулся на Даниэля. Все последующее произошло настолько быстро, что даже вампиры вряд ли успели рассмотреть подробности. Князь вампиров выдернул нож из плеча и, сцепившись с Корвином, полетел на пол. Радислава едва успела шарахнуться в сторону. Вампиры рухнули на пол, перекатились друг через друга... а затем Даниэль натужно выдохнул и спихнул противника с себя. В груди Матяша Корвина торчал его же нож.

– Серебряный... – хрипло выдохнул князь. – Полагаю, он уже не встанет, но для верности... – Он забрал у Виктора алебарду. Резкий взмах, и голова поверженного узурпатора отделилась от тела.

Байкер, ни на кого не обращая внимания, упал на колени возле оборотнички, сгреб ее в охапку и прижал к себе: с ней все порядке, а для него это главное.

Миновало несколько суматошных часов, и вот уже настал миг отдыха, когда страсти немного улеглись, раны были обработаны, а успокоительное – выпито. Все четверо сидели в покоях вампирьего князя. Несмотря на усталость и ранения, господарь Трансильвании уже успел раздать самые срочные распоряжения. Только что его кабинет покинул гонец, со срочным донесением отправившийся в Бухарест. Ада сидела возле него, несмело касаясь раненной руки и еще не совсем веря, что все закончилось. Несмотря на исключительную способность к регенерации, раны, нанесенные серебряным оружием, вполне уравнивали вампиров с людьми, ибо заживали долго и болезненно.

Виктор с Радиславой устроились в широком кожаном кресле. Оружейник баюкал оборотничку на руках, словно ребенка, время от времени пристально поглядывая на вампира.

– Так, значит, просто Данко, да? – чуть недовольно спросил он. – А сразу сказать не мог, кто ты такой?! Обязательно врать надо?

– А если бы я еще в каземате Даниэлем Черным Дракулой назвался, ты бы что-то сделал по-другому? – заинтересованно вскинулся вампир.

– Ну... – замялся байкер, – я бы не называл тебя извращенцем... наверное... и не склонял бы к принудительному распитию крови посредством развратного облизывания тобою моего запястья.

Радислава тихонько затряслась от смеха: Виктор уже успел поведать ей историю своего интимного знакомства с Даниэлем.

– Вот! И не видать бы мне тогда живой кровушки как своих ушей! Помер бы в нищете и холоде! – весело рассмеялся вампирьей князь. – Да и не врал я. Друзья и близкие действительно зовут меня Данко. И вообще, спасибо тебе...

– Это тебе спасибо. – Виктор покрепче прижал менестрельку к себе. – За нее спасибо...

Даниэль чуть смутился. Похоже, человек пока не догадывается, в каком интересном положении находится его подруга... Тогда не стоит испытывать судьбу, пусть Виктор еще немного побудет в неведении. Но судьба судьбой, а согласно древней традиции поступок князя и состояние спасенной оборотнички требовали от него исполнения некоторых обязательств. Он должен попросить...

– Виктор, так уж получилось, что я спас жизнь Радиславе, – начал он, – и это накладывает на меня определенные обязательства. Когда у вас появится ребенок, то если это будет мальчик, назовите его Даниэлем, если девочка – Данкой.

– Я об этом пока и думать не смею, – откровенно сконфузился Виктор. – Мы даже не женаты еще... – Впрочем, зная свободолобивую, взрывную натуру оборотнички, делать ей предложение он опасался, и не сказать, чтобы совсем уж безосновательно.

– И все же я настаиваю. Если мое условие будет выполнено, я автоматически становлюсь крестным и смогу гарантировать ребенку свое покровительство, а это немало, поверь мне.

Радислава настороженно затихла на коленях у байкера. Она знала про этот обычай: если вампир волею случая спасал нерожденную жизнь, то по высшему промыслу он становился крестным младенца, просил принять его имя и защищал на протяжении всей жизни так же самоотверженно, как защищал бы родного.

– Хорошо, обещаем, – улыбнулся байкер.

– Вот и прекрасно. А сейчас идите отдыхать. Завтра утром вас отвезут в Бухарест, а оттуда вы сможете рапортовать своему начальству, что задание выполнено.

– Куда это ты собрался, любезный? – насмешливо раздалось у Эрика за спиной, и тщательно скрываемый магический огонек полыхнул в полную силу, заставив мага зажмуриться.

– Тьфу, Анна, нельзя же так пугать, – проворчал князь, потирая глаза. – Я думал, Злата проснулась.

– Ага! Значит, твоя дражайшая половина ничего не знает об этом самоуправстве! То-то я думаю, с чего это от вашей спальни сонными чарами несет...

– Ну, крепкий сон до рассвета еще никому не мешал, – философски заметил целитель. – Жаль только, ты никак не хочешь этого понять.

– У меня иммунитет к твоим сонным чарам. Ты так часто пользовался ими, когда я была маленькой, что теперь они попросту на меня не действуют, – самоуверенно усмехнулась княжна.

Эрик тяжело вздохнул, всем своим видом показывая, что, несмотря на возраст, проблем от младшей сестры меньше не стало, и продолжил крепить на ногу какую-то странную конструкцию, являвшую единое целое с тяжелым армейским ботинком.

– Это что еще за аппарат Елизарова? – озадаченно вскинула брови Анна, наблюдая, как брат закрепляет на голени нечто громоздкое, вроде фиксатора для сложных переломов.

– Да так, придумал на досуге, вот и хочу теперь в полевых условиях испытать, – невнятно откликнулся князь, принимаясь за вторую ногу.

Эта конструкция начиналась, надо полагать, где-то внутри ботинка, а заканчивалась чуть выше колена. Целитель убрал подставку и, осторожно опустив ноги на пол, поднялся с кресла, упершись руками в подлокотники. Постоял пару секунд, привыкая к новому положению, а затем сделал несколько неуверенных пробных шагов.

– Ого... – Анна заворожено следила за ним. – Эрик, я говорила тебе, что ты...

– ...непризнанный технический гений? Я знаю, – самодовольно откликнулся князь, уже довольно раскованно прохаживаясь по гостиной.

– Нет, ты абсолютный лентяй! Неужели нельзя было додуматься до таких штук раньше?!

– Анна, – с легким сожалением прервал ее брат, – я знаю, о чем ты думаешь. Но, увы, чудесного исцеления не состоится. Я могу ходить в них не больше трех-четырех часов, и чем реже, тем лучше, иначе у меня просто отнимутся ноги, на сей раз уже полностью.

Тут Анна заметила, что от верхней части амортизаторов отходят тонкие спицы, исчезающие под тканью плотных черных штанов.

– Да, – кивнул Эрик, – эти спицы проходят сквозь мышцы бедра и создают иллюзию полной чувствительности всей ноги. Протезы действуют весьма болезненно, истощая мою

плоть и нервы. Когда мы вернемся, я снова сяду в кресло, а эти штуки отправятся на полку до следующих непредвиденных обстоятельств.

– Эрик, – лицо княжны стало серьезным, – когда мы вернемся, ты разломаешь эти штуки при мне и выбросишь на помойку! Ты мне это обещаешь?

Целитель молча кивнул и направился к двери, намекая, что время не ждет...

Несмотря на поздний час, улицы Будапешта были окутаны отнюдь не тьмой, а легким серебристым полумраком. Таким, который можно увидеть лишь под Рождество. Снег, щедро отсыпанный госпожой Зимой, приглушенно искрился в свете луны и фонарей. Княжна с удовольствием вдыхала морозный воздух, Эрик зябко ежился.

– Холодно, – недовольно констатировал он.

– Да ладно привередничать, это тебе с непривычки кажется, – отмахнулась Анна, осторожно выглядывая из переулка. Дом, в который они намеревались проникнуть, находился аккурат напротив основного представительства Дипломатического корпуса при Единой всеблагой матери-церкви. Поэтому, если вдруг что-то пойдет не так, иезуитам даже жаловаться не придется – Дэпле сам все узнает.

– Парадный или черный? – тихонько осведомилась чародейка, стаскивая подбитые мехом варежки и разминая пальцы.

– Без разницы, – усмехнулся Эрик. – Официально в этом доме уже несколько месяцев нет ни единой живой души. А неживым, если они там имеются, уж точно все равно, с какой стороны мы войдем.

– Хорошо, тогда вон там... – Анна указала на невзрачную дверь, спрятанную под пожарной лестницей. – Насколько я помню план, от этой дверцы до перехода, ведущего на второй этаж, не больше пяти метров...

Эльдар Керн, вольный боевой маг и алхимик, понял, что попался. Он понял это еще год назад, когда угодил в Общество Иисуса. И угораздило же петербургские власти похоронить его именно на кладбище ордена! Да, сначала горькую пилюлю иезуитской неволи подслащивал доступ к алхимическим лабораториям, но Керн не мог не понимать, что рано или поздно он станет изрядной помехой для своего покровителя, брата Юлиана, и тот возжелает от него избавиться. Единственное, что столько времени удерживало его от наглого побега, – резеректум. Нет, не та гнилая дрянь, которая порождала гулей, а его резеректум – зелье, спасшее ему жизнь и продолжающее ее поддерживать. Дабы перестать регулярно принимать эликсир, требовалось полностью восстановиться и после лишь изредка повторять курс. Но того жалкого мизера, что позволил ему создавать Юлиан, хватало только на поддержание уже достигнутого уровня, не говоря о том, чтобы продолжить восстановление.

За количеством производимого зелья постоянно следили. Хотя немного позже, попав из Петербурга в Прагу, Керну все же удалось сделать себе запас на два месяца – этого вполне должно хватить для полного восстановления. Он уже намеревался дожидаться подходящего момента и по-тихому исчезнуть из Клементинума, но тут произошла досадная стычка с дипломатами. Оживший голем, разнося все вокруг, уничтожил и керновский тайник с зельем. Маг находился на грани отчаяния. Однако брат Юлиан, сам того не ведая, оказал Керну громадную услугу: после разрушений в Клементинуме он забрал его в Будапешт, поближе к себе, и поселил в старинном особняке, не так давно являвшемся резиденцией ордена. Днем за ним следили те, кто работал в нескольких оставшихся лабораториях, а вот ночью... Ночью Керн оказался предоставлен сам себе, с одним большим «но» – ночью в особняке царили душеблуды. Паршивые, злобные твари, появившиеся в доме из-за нечистоплотных иезуитских экспериментов. На комнатушке мага стояли сильнейшие охранные знаки, но Керну требовались ингредиенты, приборы... Впрочем, эту проблему он тоже решил, угробив пару суток на создание личной защиты, позволявшей беспрепятственно ходить по дому ночью. На восстановление запасов резеректума здесь у него ушло значительно меньше времени, чем в Праге, и сегодня Эльдар Керн намеревался покинуть

Будапешт. Цюрих – не единственное место, где у достойного мага лежали средства на черный день. Он уйдет к древним, и никакие иезуиты его не достанут.

Керн осторожно притворил дверь в комнату и проскользнул на галерею. Внизу, в громадном центральном холле, тускло поблескивал в мертвенном свете ночных ламп серебристый «линкольн». Нет, до сего дня досточтимый мастер Керн никогда не сидел за рулем авто, зато он внимательно наблюдал, как обучали этому нескольких иезуитов...

Брат и сестра ди Таэ неподвижно застыли, втиснувшись в шершавую кирпичную кладку, всего в каких-то четырех шагах от лестницы, ведущей из подвала в центральный холл бывшего особняка иезуитов. При этом они в два голоса поспешно бормотали формулу, отвращающую неупокоенных духов. Мимо них неспешно, будто сгусток черной ртути, проплыла человекообразная тень, поблескивая серебристыми глазами без зрачков.

– Кажется, я знаю, почему иезуиты поспешили убраться отсюда, – облегченно выдохнул Эрик, когда тень исчезла в глубинах подвала.

– Н-да, – пробормотала Анна. – Главное, докапываясь до истины, помнить о том, что можешь и не выбраться из ямы. Это ж надо развести такую гадость прямо в собственной резиденции! Эрик, душеблуды – это не шутки, давай смотаемся отсюда, пока не поздно.

– Где твой дух авантюризма, сестренка? – подначил князь.

– Я его изгнала, – буркнула чародейка. – Хочешь, из тебя тоже изгоню? Ты успокоишься, и мы пойдем домой.

– Я лучше отца Фарта попрошу, – хмыкнул Эрик. – Люблю, знаешь ли, чтобы работу делали профессионалы... Поэтому идем наверх, поищем этот чертов свиток.

Они осторожно выбрались из приютившего их закутка и зашагали по узкой лестнице, ведущей наверх. В огромном, во всю ширину здания, холле царил полумрак. Широкие лестницы уводили на просторные галереи, в три яруса опоясывавшие стены. Над ними нависала широкая металлическая платформа, поднятая на цепях на уровень последней галереи, а внизу, посреди холла, тускло поблескивая, стоял серебристый «линкольн». Заметив какую-то неясную возню у машины, Анна с Эриком притаились в тени стены, пристально вглядываясь в полумрак холла.

– Да это же Керн! – едва не задохнулась княжна, рассмотрев наконец, кто возится у дверцы авто.

– Красавчик, однако, – брезгливо поморщился целитель. – Похоже, он собирается сбежать... – С этими словами князь ди Таэ открыто шагнул вперед и скомандовал: – Отойди от машины!

Керн вздрогнул от неожиданности и со злостью швырнул в князя сгустком огня. Никто не помешает ему убраться из города! Тем более этот калека ди Таэ!

Эрик охнул, едва увернувшись от огненного шара, и не замедлил ответить.

– Отойди от машины, тварь! – рявкнул целитель, запустив в Керна комком неоформленной силы.

Противнику повезло куда меньше, чем князю, и его отшвырнуло к стене. Привлеченные криками и вспышками магии, из стен вынырнули несколько ртутно-черных теней.

– Эрик, берегись! – вскрикнула Анна, увидев, как один из душеблудов устремился к целителю.

Князь с треском что-то разломил в руках, и перед ним щитом вспыхнула охранный печать. Душеблуд с силой врезался в нее, впечатав защиту в грудь мага, но прорваться не смог и с воем взмыл вверх. Князь со стоном рухнул на пол, по его лицу разлилась мертвенная бледность. Защитная печать тусклыми искрами рассыпалась в воздухе, оставив на куртке черный обуглившийся след.

– Эрик! – Кинувшись к брату, княжна быстро вспорола на нем куртку и начавший пропитываться кровью свитер. Грудь и живот мага покрывали очень глубокие порезы, точно повторявшие защитную печать.

– Ох как же больно... – простонал целитель, с трудом разлепив глаза.

Раздавшийся скрежет каких-то механизмов заставил князя наплевать на боль и сесть...

Керн, поняв, что так просто ему до машины не добраться, метнулся на нижнюю галерею и резко отжал железный рычаг... Плиты, покрывавшие пол в холле, раздвинулись в нескольких местах, выпуская вверх клетки, в которых беспокойно металась около полутора десятков гулей. Еще один рычаг – и прутья опустились, выпуская нежить на волю.

– В машину, быстрее! – Первой очнулась от столбняка княжна и, поддерживая брата, рванулась к «линкольну».

Секунда, и они оказались в салоне. Благо Керн так и бросил двери машины открытыми. Резко захлопнув их, Анна деловито вскрыла щиток и выдрала наружу провода. Миг – и мотор взревел.

– И где ты только этому научилась? – удивленно простонал Эрик.

– Виктор когда-то показал, – откликнулась Анна, резко давя на газ и сдвывая назад.

Машину непредвиденно крутануло и занесло. Что-то увесисто стукнуло по багажнику и крыше. «Линкольн» прошелся юзом, и кинувшихся на него гулей разметало в стороны.

– Что за ...?! – взвывала княжна, тщетно пытаясь совладать с управлением.

– Похоже, это Виктор с Профессором начудили, – прохрипел князь, цепляясь руками то за сиденье, то за ремень безопасности.

Проклиная всех на свете, Анна резко вывернула руль, и машина птицей взмыла по широкой лестнице на первый ярус галереи. По крыше вновь увесисто стукнуло, а после перед лобовым стеклом мелькнули кривые лапы гуля и перекошенное лицо Керна, вместе с тварью полетевшего через перила вниз. «Линкольн» вилял и норовил слететь обратно в холл. Княжна после неоднократно удивлялась, как ей вообще удалось заехать на верхний ярус галереи. Автомобиль снова дернуло, кинуло вбок, деревянные перила с треском сломались. Серебристый «линкольн» вылетел на висящую в воздухе платформу, пронесся по ней и угодил прямоком в огромный витраж над дверями. Платформа, не выдержав такого издевательства, оборвалась с креплений и рухнула вниз, погребая под собой все, что было в холле.

Машина, разбив витраж, стрелой вылетела на улицу и с грохотом влетела в широкое окно резиденции Дипломатического корпуса Единой всеблагодати матери-церкви, стоявшей напротив. Мотор обиженно рывкнул и заглох. Анна опасливо приоткрыла один глаз и с усилием разжала вцепившиеся в руль пальцы. Эрик осторожно отвел руки от лица и недоверчиво ощупал себя – нет, похоже, кроме уже полученных, повреждений не добавилось. Очутившись наполовину внутри, наполовину снаружи, «линкольн» намертво застрял в оконном проеме. Задние колеса еще продолжали крутиться по инерции. Двери поддались, но с трудом, и чародеи, пошатываясь, выбрались наружу. Эрик тяжело привалился к дымящемуся капоту, держась рукой за грудь. Анна озадаченно разглядывала комнату. Довольно дорогая обстановка изрядно пострадала после тарана автомобилем. Да что там – в помещении царила полная разруха... Запоздало взвывала сигнализация.

– Где мы? – спросила княжна, отступая к брату и нацеливая телепортационный амулет.

– Похоже... это кабинет кардинала Дэпле, – прохрипел князь.

– Ну хоть какая-то польза будет от этого уродца, – пробормотала Анна, ковыляя к валяющемуся на полу телефонному аппарату. За то, что тот работал даже после падения, следовало возблагодарить слабость Дэпле к мягким персидским коврам.

– Что ты делаешь? – задохнулся от накатившей боли Эрик.

– Вызываю команду чистильщиков, – откликнулась княжна. – Нельзя, чтобы те твари расплозились по городу! Эхм... – На другом конце сняли трубку. – Здесь творится какой-то ужас! – плаксиво запричитала чародейка в микрофон. – Пешт, улица Вергани-тер, пятьдесят. Скорее! О боже, они его съели, съели!.. – Напоследок экзальтированно взвизгнув, Анна бросила трубку и шарахнула по телефону молнией, превращая в кучку оплавленного пластика. – Вот так!

– Ко... кого они съели? – давясь смехом, простонал Эрик. – О господи, как же больно... – Целитель вцепился пальцами в куртку на груди.

Княжна обхватила брата за талию и поспешно активировала телепорт.

Глава 10

Будапешт окутывал волшебный рождественский вечер. Атмосфера праздника чувствовалась во всем. На улицах зажигались фонари, народ собирался в веселые компании, громогласно и фальшиво распевая рождественские песни. Сейчас они замерзнут и разбредутся по теплым домам, а чуть позже, ближе к полуночи, вновь заполонят улицы и продолжат встречать Рождество уже там, раскупая глинтвейн, сладости и запуская в ночное небо шутихи. Празднование продолжится до утра...

Досточтимый великий инквизитор Нейтральной зоны его святость отец Габриэль Фарт сейчас как нельзя точнее воплощал образ грозного, мрачного и всем недовольного гонителя ереси, хмуро глядя сквозь окно на веселящихся людей. Так и хотелось ему высунуться на улицу да желчно рывкнуть: «Что скачете, дуралеи, ведь положение хуже некуда!» Вчера ночью Эрик ди Таэ вместе с сестрой забрался в бывшую резиденцию иезуитов и едва не погиб, нарвавшись на стаю гулей и еще какой-то нежити. На ликвидацию очага богопротивной активности был направлен отряд чистильщиков. Собственно, именно так Фарт и узнал, в какую неприятную историю вляпались двое сотрудников специального отдела. Слава богу, старший ди Таэ не так уж серьезно ранен, болезненно – да, но не более того.

Прибыв на осмотр вышеупомянутого особняка, Габриэль мысленно возликовал: доказательств для ареста брата Юлиана (и не только его) там оказалось полно. Но ордер, все решающий ордер на арест птицы такого полета, как достойный профессор ордена иезуитов, требовалось подтвердить печатью и благословением патриарха. А получить оные представлялось возможным лишь после Рождества. Достойный инквизитор сначала впал в греховную ярость, а после – в не менее греховное уныние. Фарту и так стало ясно: после Рождества он уже никого не сможет арестовать по той простой причине, что арестовывать будет некого. Габриэль не питал иллюзий, понимая – после всего того, что выплыло, брат Юлиан недолго останется в Будапеште. Проклятому иезуиту надо бежать как можно скорее, а лучше всего это сделать в ночь на Рождество, когда все веселятся и никому нет дела до какого-то иезуита.

– Проклятие! – Фарт в отчаянии сжал кулаки.

Нужно срочно что-то предпринять! Иначе он упустит Юлиана уже во второй раз. Придя к такому решению, отец Габриэль Фарт поднялся и быстро вышел на улицу, устремившись в направлении собора Святого Матиаша...

Наместник ордена иезуитов в Нейтральной зоне его благочинность брат Юлиан нервничал. И даже волшебство Сочельника не могло унять его беспокойства. Все братья, обретавшиеся при соборе, уже давно отправились в жилую обитель и наверняка сейчас вкушали освященную пищу и восхваляли рождение Христа. Однако Юлиан намеренно дожидался, пока вечерняя служба закончится и собор опустеет. Вскоре он остался один.

«Надо бежать!..» – подстреленной птицей трепыхалась у него в голове единственная мысль. Иначе после Рождества дотошный инквизитор в мгновение ока выбьет ордер на арест, и очищающий костер достойному профессу обеспечен. Юлиан нервно прошелся по кабинету. Идею отправиться в Рим он сразу отменил как самую неудачную. Вряд ли верхушка ордена простит ему некоторое самоуправство... и душеблудов... и утаивание артефакта... Особенно утаивание артефакта! Части величайшего сокровища двух миров! Иезуит разочарованно скрежетнул зубами: у него по-прежнему имелась в наличии только одна часть пергамента. У сотрудников Пшертневской – две, но где они их держат, иезуит выяснить не успел, да и ни к чему оно ему было. Он-то намеревался пойти ва-банк и одним махом

получить остальные куски... А так – у него один, у них пара и еще один где-то спрятан. Остается два варианта: или найти этот кусок самому, или дожидаться, пока его все-таки обнаружат дипломаты, и все же пойти ва-банк. Но сначала нужно убраться куда-нибудь в безопасное место, залечь на дно. Проблема с Эльдаром Керном оказалась решена сама собой, когда при стычке с братом и сестрой ди Таэ (будь они прокляты!) его сожрали гули. По крайней мере, брат Юлиан очень надеялся именно на такой исход. Ведь вряд ли опальному магу удалось выжить в той свалке...

Достойный професс открыл сейф, без всякого пиетета выгреб на пол хранимые там кипы бумаг и дисков и, нажав внутри на едва приметный выступ, залез в тайник. В руках иезуита очутились потерянная кожаная папка и небольшой ларец. Миг – и медная труба с пергаментом-артефактом переключалась из шкапулки за пазуху брата Юлиана. Затем иезуит выгреб из тайника несколько темных флаконов и аккуратно распределил их по внутренним карманам сутаны. А потом професс стремительно вышел из кабинета, даже не подумав прибраться. Если что, оставленный им бардак спишут на ограбление, ибо обвинить всегда найдется кого – весь спецотдел под боком.

Церковный зал эхом повторил его торопливые шаги, но эхо внезапно заглохло вместе с достойным профессором, утихнув где-то под сводчатым потолком. Выход из собора преграждал Габриэль Фарт...

– Брат Юлиан Мориц, – инквизитор, чеканя поступь, уверенно пошел ему навстречу, – вы обвиняетесь в преступлениях против церкви и подлежите немедленному аресту. Сдавайтесь добровольно, и тогда обещаю – святая инквизиция учтет ваше смирение при вынесении приговора!

Иезуит злобно ощерился, и когда Фарт был в метре от него, плеснул в инквизитора содержимое одного из флаконов. Габриэль инстинктивно вскинул руку, закрывая лицо. Омерзительно воняющая жидкость мгновенно пропитала рукав и растеклась по предплечью. Кожу обдало невероятным жаром, но Фарт, не обращая внимания на боль, рванулся вперед и сцепился с иезуитом...

Веселье на площади перед собором Святого Матиаша било ключом. Далеко не все горожане встречали праздник дома, в тепле и уюте. Нашлись и такие, кто предпочел морозную ночь и шепотную компанию. Первая звезда уже давно засветилась на небосклоне, а значит, можно веселиться на полную катушку.

На площади, идеально вписываясь во всеобщий разброд и шатание, разыгрывал рождественскую мистерию бродячий театр. Радислава притормозила и уверенно потянула Виктора в сторону лицедеев. Пели там неплохо, и оборотничка не смогла устоять перед искушением посмотреть, что же устроили ее коллеги по уличному ремеслу. Им удалось добраться в Будапешт только к вечеру, но менестрель все же была несказанно рада и этому, ведь Рождество они встретят дома.

– Эй, привет! – раздался из толпы знакомый пронзительный голосок. Секунду спустя к ним всклокоченной мышью вылетел Жози. Не узнать этот лихо заломленный набок цилиндра, бриджи и полосатые гольфы просто не представлялось возможным. – Привет! – Андрогин на ходу одергивал полы коротенькой, явно женской дубленки.

Вообще в последнее время библиотекарь все чаще оставался в ипостаси эффектной блондинки, томно вздыхая и покрываясь смущенным румянцем, стоило на горизонте показаться отцу Фарту. Который при этом, кстати, краснел и тушевался ничуть не меньше Жозефины.

– О, вот и наше маленькое стихийное бедствие, – иронично проворчал Виктор. – И не холодно тебе, девица? – Байкер указал на бриджи.

– Что ты, кися моя! – шутливо всплеснул руками андрогин. – Меня греет любовь.

– Любовь греет, когда ею занимаешься, – фыркнула в воротник Радислава.

– И вообще, так хорошо, что я вас встретил! – Жози пропустил реплику оборотнички мимо ушей. – Так не хотелось встречать Рождество в одиночестве. Ах, праздники,

праздники, сладкое ничегонеделание! Идемте же смотреть представление! Жизнь коротка, искусство вечно! Идемте!..

Виктор только хмыкнул.

– Ладно, дамы, вы смотрите эту драмедию, а я пока заброшу домой наши вещи, – произнес он. – А потом всем скопом завалимся к ди Таэ. Нарушим их маленький семейный междусобойчик, и пусть только попробуют возмутиться, сами ж приглашали, – шутливо добавил он, направляясь к задней калитке, ведущей во двор собора...

Зрелище двоих сцепившихся между собой священников впечатлило бы любого, послужив основой для аллегорической картины «Борьба за веру». Но, увы, иных зрителей, кроме статуй да ликов на витражах, здесь не наблюдалось. Некому было запечатлеть на холсте или в мраморе двоих святых отцов, катающихся по полу, словно пара дерущихся котов. Несмотря на обуявшую его ярость, Фарт постепенно сдавал позиции. Облитая каким-то бесовским зельем рука уже почти не слушалась, на каждое движение реагируя вспышкой горячей боли. Рукав висел лохмотьями, да и не только рукав... Из последних сил Габриэль рванул противника за ворот здоровой рукой. Пальцы сомкнулись на чем-то продолговатом металлическом, и в ладони инквизитора вместе с обрывком сутаны иезуита оказалась зажата небольшая медная труба. Юлиан попытался выхватить ее у Фарта, но тут вдруг зал потонул в ослепительной вспышке мертвенно-синего света. Их с силой отшвырнуло друг от друга. Габриэля протащило по полу почти до самого коридора, ведущего на задний двор. Иезуита припечатало к подножию распятия...

На секунду Фарту показалось, что в их драку вмешался один из всадников Апокалипсиса, настолько ужасно выглядел приближавшийся к иезуиту человек. Но, судя по тому, как побелел брат Юлиан, это было далеко не так. Професс, цепляясь разбитыми в кровь пальцами за подножие распятия и оскальзываясь на плитах, пытался встать. На него порождением ада надвигался обезображенный Эльдар Керн. Да, ему удалось выбраться из кишачего гулями и душеблудами холла за секунду до того, как оборвалась болтавшаяся под потолком железная платформа. И сейчас он жаждал только одного – поквитаться с иезуитом за все. Брат Юлиан, не дожидаясь, пока Керн воспользуется магией еще раз, с ревом кинулся на него. Фарт еще успел рассмотреть, как эти двое сплелись в смертельный клубок, и его накрыла темнота беспомощности...

Огненный сгусток, созданный Керном, вместо того чтобы припечатать иезуита к стене, вдребезги разнес чаши со святой водой, и та мгновенно залила пол. Плотная нитка, соединявшая четки брата Юлиана, лопнула, и смертоносные шарики разлетелись по каменному полу... по залитому водой каменному полу. Но в тот миг никто из дерущихся не обратил на это внимания, как и на то, что между раскатившимися элементами четок начали проскакивать синие энергетические разряды...

– Что за чертовщина тут происходит?.. – недоуменно пробормотал Виктор, спускаясь по скрипучей лестнице вниз на улицу.

Из собора доносились какие-то неясные звуки, более всего напоминающие грохот роняемой мебели. Тут грохотнуло особенно сильно, и байкер окончательно уверился в том, что внутри собора что-то не так. Поудобнее перехватив нож, Виктор проскользнул в коридор первого этажа и пошел на звук.

– А твою ж через колено!.. – выругался он, разглядев лежащего на входе в церковный зал человека в форме инквизиции.

Впрочем, именно это тело, распростертое поперек прохода, удержало байкера от эффектного появления в зале и глупого: «А че здесь творится?!» Он узнал отца Фарта. Разбираться, кто с кем схлестнулся в церковном зале, у него не было ни времени, ни желания. Вцепившись в инквизиторскую сутану, Виктор рывком втащил Габриэля в коридор. На правую руку святого отца было страшно смотреть – от кисти до локтя она превратилась в почти голую, почерневшую кость.

– Фарт, да очнитесь же, тудить вас растудить! – Байкер грубовато встряхнул инквизитора. Отвешивать отрезвляющие пощечины он не решился, ибо породистая физиономия Габриэля и так больше напоминала сплошной кровоточащий синяк. – Че-орт!.. – Бросив случайный взгляд на зал, Виктор заметил пробегающие по полу энергетические разряды, что с каждой секундой становились все чаще и ярче. Почему-то вдруг вспомнилась любимая фраза приятеля-алхимика из далекой юности: «Щаз как рванет!»

Матерясь сквозь зубы, байкер подхватил обморочного инквизитора под мышки и потащил к выходу на задний двор. Где-то на полдороге Фарт зашевелился, немного придя в себя. Виктор вылетел во двор, стремясь оказаться подальше от собора. И тут ГРОХНУЛО! Оружейника и инквизитора швырнуло плашмя на землю и еще пару метров протащило по снегу. Спину опалило горячей волной, а центральная часть собора разверзлась огненным цветком метров на двадцать в высоту. Раскаленными, пылающими обломками завалило калитку, ведущую на улицу. Виктор встал на четвереньки, ословело тряся головой, и ощущая – уши заложило, но кровь из них вроде не течет. Если и контузило, то фиг поймешь... Фарт лежал на спине, глотая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, в уцелевшей руке по-прежнему сжимая отобранную у Юлиана медную тубу. Глядя в его абсолютно невменяемые, дико вытаращенные глаза, байкер не нашел ничего лучше, как встряхнуть Габриэля и макнуть лицом в подтаявший сугроб. Инквизитор застонал, но его взгляд стал более осмысленным. Оставив Фарта сидеть в снегу, Виктор кинулся к гаражу. Через калитку все равно выбраться не удастся, а на месте некогда монолитной стены зиял пышущий жаром и огнем пролом. Но пешком, да еще и с раненым на плече, соваться в этот проход – сущее самоубийство.

– Ну выручай, старик, – хрипло выдохнул байкер, выкатывая мотоцикл в заваленный горящими обломками двор...

Радислава вместе с Жози и прочими любителями уличного лицедейства смотрели разыгрываемое бродячими актерами представление. Жози что-то восторженно щебетал, все время дергая менестрельку за рукав и беспардонно тыкая пальцем то в одного, то в другого актера. А на Радиславу вдруг накатило чувство тревоги... Обратничка резко обернулась в сторону собора, и тут раздался взрыв! Центральная часть собора взлетела на воздух. Горячая волна и летящие обломки накрыли площадь. Кого-то швырнуло на землю и протащило по утопанному снегу, кому-то удалось остаться на ногах. Народ кинулся врассыпную.

– Виктор! – вскрикнула менестрелька, вопреки всем здравым смыслам кидаясь в сторону пылающего здания.

– Стой, дура! – Андрогин, находящийся сейчас в своей мужской ипостаси, крепко перехватил ее поперек груди, не давая вырваться.

Этот грубый выкрик настолько не вязался с обычным милым щебетанием Жози, что Радислава на секунду опешила, но тут же истерично дернулась вновь, пытаясь освободиться из захвата. Однако юноша держал крепко. Вот этого обратничка уж точно не ожидала – оказывается, в тщедушном хрупком теле архивариуса крылась недюжинная сила, позволявшая андрогину почти без усилий сдерживать бьющегося в истерике оборотня.

Тут к реву огня, крикам и визгу перепуганной толпы добавился еще один звук. Менестрелька дернулась и затихла, жадно вслушиваясь в окруживший хаос. Такой дрянной, раздражающий звук мог издавать только один известный ей агрегат – тяжелое черное двухколесное чудовище, стоявшее в гараже Виктора. Радиславе показалось, что она даже слышит, как крошится под колесами камень. Тут из пышущего огнем и дымом пролома, будто подтверждая, что он действительно двухколесное чудовище, рыча мотором, вылетел мотоцикл. Его юзом занесло на растаявшем снегу, и Виктору чудом удалось уберечься от падения. Сзади к нему мешком привалился отец Фарт. Разглядев их, Радислава как-то сразу обмякла и прекратила вырываться из рук андрогина. По лицу менестрельки покатались слезы облегчения.

– Веселого вам Рождества! – сорванным голосом возвестил Виктор, подъезжая к ним.

Радислава со всхлипом повисла у него на шее, едва не опрокинув вместе с мотоциклом.

– Фарт! Кисонька моя! – пронзительно разлетелось над площадью, и мотоцикл едва не опрокинули снова, когда мгновенно перевоплотившаяся Жози с перепуганным визгом кинулась к отцу Фарту.

– Ну теперь семейство ди Таэ точно не посмеет возмутиться нашим визитом, – пробормотал байкер, глядя оборотничку по растрепавшимся волосам...

Будапешт окутывала хрупкая тишина раннего морозного зимнего утра. Слишком бурное Рождество, озаглавленное ни много ни мало самым эпохальным фейерверком за всю историю города, прошло, а Новый год еще не настал. Жители потихоньку оправлялись от испуга и начинали готовиться к грядущему празднику. Рабочие разбирали завалы на месте собора Святого Матиаша, очищали усеянную обломками площадь и близлежащие улицы, меняли стекла в домах.

А в главном городском архиве сегодня было на удивление многолюдно. Весь специальный отдел Дипломатического корпуса при Единой всеблагодатной матери-церкви шумно собрался в кабинете директора достойного заведения, притащив дополнительные стулья и кресла. Рид украдкой тяжело вздыхал, подозревая, что отныне в его кабинете всегда будет полно народу, ну или пока власти не выделят отделу новое помещение. Архонт сильно сомневался, что им вернут собор Святого Матиаша после восстановления. Если оставшиеся после взрыва развалины вообще соберутся восстанавливать. Лисса ждала, пока закончит булькать закипающий чайник. Батарея самых разнокалиберных кружек стояла тут же в ожидании своего часа.

Отец Фарт, все еще бледный и слабый, по праву наиболее пострадавшего сидел в кресле Рида. Жози, пристроившись рядом на широком подлокотнике, с обожанием глядела на инквизитора, не обращая внимания на плотно перевязанную культю, которая осталась от правой руки Габриэля. Эрику, увы, даже невзирая на все лекарское искусство, так и не удалось спасти пострадавшую руку инквизитора, уж больно действенным оказалось иезуитское зелье, сжегшее не только плоть, но и кости. Фарту оставалось только возблагодарить Бога за то, что разрушение не пошло выше локтя и он не лишился руки полностью. А так... Как сказал старший князь ди Таэ: «До свадьбы заживет! Обратитесь к цвергам, они поставят вам шунты, сделают протез и забудете, что что-то теряли». Хотя, честно говоря, мысль об упомянутой магом свадьбе смущала отца Габриэля намного больше, чем свежеприобретенная физическая ущербность. Уж слишком часто и нежно поглядывал инквизитор на некую ангелоподобную деву, занявшую подлокотник его кресла...

Дверь без стука открылась, и на пороге кабинета возникли Злата Пшертневская и Профессор. Все немедленно повернули голову в их сторону и жадно воззрились на вошедших.

– Что? – не поняла госпожа кардинал. – Не смотрите на меня так кровожадно, мне страшно. Вилдар, вы понимаете, чего ждут от нас эти вредители, по недоразумению являющиеся нашими коллегами?

– И несколько мы не вредители, – наигранно возмутился Эрик. – Ну, подумаешь, собор взорвали... так это вообще не мы, это Юлиан, будь он трижды неладен.

– Да-а? А особняк на Вертани-тер кто расколотил? А в кабинет его тучной светлости кардинала Дэпле кто вломился? Посредством тарана «линкольном» через окно...

– Это была необходимая самооборона, – горделиво замахал руками князь, понимая, что под мнимым недовольством жены скрывается искреннее восхищение его подвигами. – Грязные происки иезуитов вынудили нас... э-э... защищаться и бежать! Кстати, о Дэпле! – Он многозначительно воззрился на супругу.

– Он написал прошение об отставке, – ухмыльнулся Профессор, довольный сложившимся раскладом.

– Точнее, его очень настоятельно попросили это сделать, пока его темными делишками не заинтересовался церковный трибунал, – исчерпывающе добавила Злата. – Превышение

полномочий, намеренное разжигание вражды между людьми и древними расами, откровенная подстава ценных сотрудников, почти попытка убийства, дача взяток и хищение документов... И это еще не весь список его выдающихся достижений.

– Опаньки, ну наконец-то эту сволочь приперли к стенке, – обрадованно хохотнул Виктор.

Радислава сердито завозилась у него на коленях... Она оказалась, пожалуй, единственной, кто еще не оправился от последствий взрыва в соборе. Сидела вялая, болезненно кривясь на каждый громкий звук и все глубже погружаясь в какие-то свои мысли.

– Все это, конечно, хорошо, – задумчиво протянул отец Рид, поправляя съехавшие на кончик носа очки, – но кто же теперь возглавит корпус? А главное, кхм, что нам принесет смена руководства? Как бы чего плохого не вышло, почтеннейшие коллеги. Возможно, Дэпле окажется еще не худшим из зол. Кстати, а что по этому поводу говорят в синоде? Вас же наверняка вызывали на заседание именно по этому вопросу... – Архонт пылливо уставился на Злату.

– Ну... – Пшертневская чуть растерянно огляделась и, не найдя свободного стула, уселась на колени к мужу. – Возглавить корпус предлагали Профессору.

– Вот уж чего не хватало! – возмущенно отмахнулся Криз. – Слава богу, мое прошение об отставке уже подписано, и я собираюсь этот Новый год встречать в Вене.

– А после того, – невозмутимо продолжила госпожа кардинал, – оное предложение было переадресовано мне, но я решила, что вас семерых мне вполне хватает, чтобы добавлять себе еще головной боли.

– Правильно говоришь, правильно... – промурлыкал Эрик, одобрительно поглаживая ее по спине. – Нужно думать о семье...

– В общем, – Злата окинула комнату хитрым взглядом, – после наших отказов синод оказался в довольно затруднительном положении. Посему мы с Вилдаром решили помочь им с решением этой дилеммы и...

– ...порекомендовали кандидатуру нашего досточтимого отца-инквизитора! – закончил за нее Профессор.

Все взгляды тотчас обратились в сторону Габриэля Фарта.

– Ме... меня? – Бледные щеки инквизитора вспыхнули.

– А что такое? – иронично вздернул брови Криз. – Насколько мне известно, ваше ранение не позволяет вам оставаться на посту великого инквизитора. «Лишь здоровый телом и духом может пребывать в лавах Псов Господних» – эдикт, принятый на восьмом Всецерковном соборе в Антверпене, – пояснил он. – А вы очень хорошо зарекомендовали себя во время совместной работы с отделом, и к тому же вы экзорцист...

– Патриарх сказал, что он обдумает вашу кандидатуру, – решила немного успокоить опешившего Фарта Пшертневская.

– Но, по-моему, он уже все решил. – Вилдар с довольным видом на корню пресек эту попытку ободрения. – Да и чего вам кочевряжиться, Габриэль? Работа – не бей лежачего. И будет кому нас прикрыть в случае чего...

В ответ отец Фарт лишь вымученно улыбнулся.

Лисса тем временем разлила кипяток по чашкам, и на несколько минут обсуждение новостей прервалось на выяснение того, где чья кружка, поскольку часть собравшихся пила чай, а часть – кофе. Причем эти вторые делились на тех, кто пил кофе с сахаром, и на тех, которые предпочитали натуральную пикантную горечь. Но наконец-то все разобрали напитки и расселись по местам, а Рид благоговейно выложил на стол три одинаковые медные тубы, восемь дюймов длиной каждая. Князь ди Таэ деловито вскрыл сначала одну, извлекая содержимое... А спустя минуту на столе, будто мозаика, сложились все три куса пергамента. Но, к сожалению, в собранном полотне не хватало одного угла...

– Да, а последнюю часть мы так и не нашли, – тяжело вздохнул отец Рид, ловя неугомонные очки почти над столом.

– Можно попробовать еще раз осмотреть те дома, – пожала плечами Анна.

– Ах, – архонт обреченно отмахнулся, – не думаю, что там действительно что-то есть... Последняя часть недоступна, утеряна... Но, может, это и к лучшему...

– Сомневаюсь, – саркастически хмыкнул Эрик, – что к лучшему...

– Подождите-ка! – Лисса, до этого момента чинно сидевшая в сторонке, не вмешиваясь в обсуждение, подошла к столу. – Эти медные штуки... А ведь я уже где-то видела точно такую! Дайте подумать... Точно! Рид, в том ящике, помните? Ну который мы с вами уронили в коридоре!

– Э... – Архонт залился краской, вспомнив ящик с пикантными журнальчиками. – Кажется, да... э... помню...

Лисса выскочила из кабинета и через минуту вернулась, таща перед собой объемистую коробку.

– Вот! – Она плюхнула ее на стол. – Это хранилось здесь. Думаю, оно и сейчас там лежит... – Девушка сняла крышку и опрокинула коробку набок...

На столешницу, тускло поблескивая затертым гляncем, вывалились журналы, а следом за ними выкатился и медный футляр для свитка. По кабинету прокатился многозначительный смехок.

– Да-а, – протянул Эрик, беря тубу и вытаскивая недостающий кусок. – Мы рисковали жизнями среди гулей, душеблудов и свихнувшихся старух, спасали кошек... – «Спасенная» Матильда, пригревшаяся на коленях отца Фарта, гнусаво мяукнула в подтверждение. – А последний кусок лежал себе спокойно в коробке среди порножурналов... – Маг аккуратно приложил найденный пергамент к остальным.

Составленное полотно вспыхнуло синим по стыкам и слилось воедино.

– А главное, когда-то оно скорее всего действительно попало в дом с горгульями, – усмехнулась Лисса, – тот самый, где мы нашли Матильду с котятками. Ведь раньше городской архив находился именно там, а сюда, в это здание, переехал лет десять назад, когда тот дом пришел в аварийное состояние.

– Смотрите-смотрите! – Анна хищно подалась вперед. – Там что-то появляется.

– Эй, да это же мы! – воскликнул Хьюго. – Запечатленные на Карте великих сражений! Да, точно, вот Рид очки ловит, Анна нависла над столом, госпожа кардинал...

Все сгрудились над столом, тыкая пальцами в пергамент, воочию наблюдая принцип работы Карты великих сражений. И только Радиславе все происходящее было, что называется, до лампочки. Виктор обеспокоенно заглянул ей в лицо. Оборотничка в последние несколько дней и так чувствовала себя не в своей тарелке, а сейчас сидела какая-то совсем кислая.

– Мышка, что-то ты бледно выглядишь. Может, тебе лучше отлежаться пару деньков в тишине и покое?

– Мне станет лучше, если ты на мне женишься, – вдруг невнятно буркнула Радислава, уткнувшись головой в грудь байкера.

Виктор ошарашенно воззрился на менестрельку. Раньше она таких матримониальных поползновений не предпринимала, на все его намеки ошестиниваясь не хуже дикобраза.

– И вообще, – продолжила она, – крестный-вампир – это, конечно, хорошо, но отец-человек для ребенка все же будет лучше... – Голос оборотнички совсем скатился на шепот.

– Э... – Пару секунд байкер переваривал информацию. – То есть ты... э...

Оборотничка кивнула, очень радуясь, что упавшие на лицо волосы скрывают ее пылающие щеки.

– А я, значит, кхм?..

Снова утвердительный кивок.

– Ты скоро станешь папой, и отнюдь не в Ватикане! – с оттенком прежнего остроумия выдала Радислава.

Кабинет Рида вздрогнул от радостно-восторженного вопля. С энтузиазмом рассматривавшие карту дипломаты резко обернулись в сторону источника звука... Виктор

наконец прекратил радостно тискать менестрельку и снизошел до объяснения.

– Поздравьте будущих родителей! – озорно улыбнулся байкер.

Радислава смущенно жалась к нему, стараясь, чтобы никто не увидел ее пунцового лица.

На секунду в комнате повисла тишина.

– Но это же так прекрасно! – нарушила неловкое молчание госпожа кардинал. – Приятно осознавать, Виктор, что вы способны на что-то полезное. Радислава, поздравляю!

– Надеюсь, не я один, – не остался в долгу байкер, одарив многозначительным взглядом Злату и Эрика ди Таэ.

– Виктор! – вспыхнула госпожа кардинал.

– Ну... – князь собственнически обнял жену за талию, – мы над этим работаем.

Злата попыталась отвесить ему подзатыльник, но не преуспела.

– А теперь давайте все-таки вернемся к нашим баранам, – мгновенно взяла серьезный тон Пшертневская, показывая, что веселье окончено. – Что нам делать с полностью собранной картой?! Рид, это ведь реликвия твоей семьи, тебе и решать, как с ней поступить.

– Значит, опять все упирается в нас? А-а-а, да что там решать! – Архонт нервно взмахнул рукой, очки едва не слетели на пол. – Профессор, ваши спички, позвольте...

Криэ кинул ему коробку. Секунда – и пергамент вспыхнул, съеживаясь в ярко-оранжевом пламени, а на столе осталось лишь обугленное пятно.

– Вот и все решение, – пожал плечами архонт.

Анна потрясенно ахнула.

– Ты уничтожил величайшее сокровище двух миров! – с легким упреком констатировал Хьюго.

– И, пожалуй, это правильно, – философски откликнулся Эрик. – Ибо кто знает, в чьи руки она могла попасть впоследствии и каких дел натворить. Риду пришлось выбирать между сохранностью сокровища и будущим всего мира. Получалось, куда ни кинь – везде клин. А ведь меньшего зла не бывает... Поэтому лучше избавиться от такого спорного сокровища...

– Ты неправ! – вдруг тихонько перебила мага Жози. – Ведь сокровище не погибло!

Несколько пар глаз изумленно уставились на андрогина.

– Дорогая, карта только что сгорела... – осторожно начал Фарт.

– Да я не о карте говорю! – весело махнула рукой блондинка. – Я говорю о настоящем сокровище двух миров! Обо всех вас, – она обвела многозначительным взглядом собравшихся в комнате дипломатов, – готовых ценой своей жизни оберегать любовь, добро и справедливость. Бороться за благополучие и светлое будущее всех людей и представителей иных рас. Поэтому вы и есть величайшее сокровище двух миров!

Дипломаты польщенно заулыбались, мысленно соглашаясь с доводами прозорливой Жози. Наконец-то их работу оценили по справедливости!

– А ведь Жози права! – заявил Эрик. – Мы сами выбрали свой путь. По-моему, стоять на страже двух миров – вполне достойное занятие, интересное – так уж точно. Исход любого дела всегда зависит только от нас самих, а если знать, чем все закончится, то жить и бороться станет просто неинтересно...

– Получается, мы полностью выполнили поставленную перед нами задачу и теперь в нашей жизни уже не будет ничего интересного? – печально спросила Злата.

– Отчего же? – возмутился Виктор. – Нужно отпраздновать нашу с Радиславой свадьбу!

– И нашу тоже! – громко добавил Хьюго, многозначительно косясь на Анну.

– И нашу! – Рид нежно прижал к себе скромно улыбающуюся Лиссу.

А отец Фарт лишь вопросительно взглянул на Жозефину, прочитал в ее глазах утвердительный ответ и счастливо вздохнул...

Эпилог

Рабочие, выделенные городом для разбора обломков на месте взрыва, сгубившего собор Святого Матиаша, натужно отвалили кусок закопченного перекрытия... Обломки помельче гравием ссыпались в открывшуюся дыру. Внизу промелькнуло какое-то движение, а в следующий момент раздался хриплый кашель.

– О, мой бог! – вскрикнул кто-то из рабочих. – Кажись, там живой! Эй, медиков сюда!

Несколько минут спустя наверх подняли измазанного в саже и копоти человека. Одежда зияла прорехами. Уродливой розой цвела на лице не то рана, не то язва, поглотившая нижнее веко и скулу. Говорил спасенный невнятно и с явным трудом. А еще полчаса спустя он куда-то делся, и никто так толком и не смог понять куда. Медики лишь разводили руками, рабочие чесали в затылке...

...Эльдар Керн с блаженством привалился к холодной стене склепа в глубине кладбища «Керепеши». Здесь лежали его вещи, которые он успел вынести из особняка иезуитов, а главное – хранился обтянутый кожей и обитый изнутри мягкой тканью сундучок. Керн вынул темный флакон и сделал глоток. О да, он будет жить... Завернувшись в длинный дорожный плащ и спрятав лицо в тени капюшона, маг подхватил сундучок и медленно двинулся прочь с кладбища. Имеющихся у него денег как раз хватит на билет до Цюриха. Главное, он жив! А о том, что делать дальше, можно подумать потом, в комфортабельном номере гостиницы, после ванны и хорошего ужина...

В книге использованы стихи авторов.